

Александр Берзан

КУНАШИР

*Дневник
научного сотрудника заповедника*

Лесной следователь

Москва 2022

Кунашир. Дневник научного сотрудника заповедника

Александр Берзан

**Кунашир. Дневник научного
сотрудника заповедника.
Лесной следователь**

«Издательство «Перо»

2022

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Берзан А. П.

Кунашир. Дневник научного сотрудника заповедника. Лесной следователь / А. П. Берзан — «Издательство «Перо», 2022 — (Кунашир. Дневник научного сотрудника заповедника)

ISBN 978-5-00204-443-6

Кунашир... Четвёртому году работы и жизни научного сотрудника природного заповедника в экзотических лесах Кунашира посвящена вторая книга автора «Лесной следователь». Ведь, лесная жизнь – это бесконечная цепочка событий и происшествий. Как заправский следователь, автор старается разбираться в их причинах. Своей документальной точностью, книга будет интересна для изучающих природу сотрудников заповедников и научных институтов. Для «цивилизованного» населения, она приоткрывает дверь в лесную жизнь сотрудников природных заповедников и национальных парков. Лесная страница жизни этих людей до сих пор остаётся мало известной для большинства людей. Любителей природы книга не оставит равнодушными множеством встреч с лесными обитателями, ежедневно сопровождающих шагающего по кунаширскому лесу сотрудника заповедника. Любителей путешествий и приключений книга удовлетворит подробнейшим знакомством с удивительным и грандиозным вулканом Тятя. Я очень благодарен Алексею Капустьяну. Без него, этой книги не было бы.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-00204-443-6

© Берзан А. П., 2022

© «Издательство «Перо», 2022

Содержание

Введение	7
Лесной следователь	8

Александр Берзан
КУНАШИР. Дневник научного сотрудника
заповедника. Лесной следователь

© Берзан А.П., 2022

Введение

«Лесной следователь» – это вторая книга серии. Первая книга повествует о трёх годах жизни научного сотрудника заповедника в лесах Кунашира. Первые три полевых сезона. Этот полевой сезон – четвёртый. До предела насыщенный событиями, походами по вулканам, встречами с медведями...

Кунашир... Самый южный из крупных Курильских островов. Природа Кунашира удивительна и неповторима! В сравнении даже с расположенным чуть севернее, соседним островом Итуруп. Южная часть острова – это «пёстрая смесь юга», страна магнолий и бамбуковых дубняков. Более обширная, северная часть Кунашира – это страна хвойных лесов из ели и пихты. В большей части, с подлеском из курильского бамбука...

К слову сказать, хвойных, елово-пихтовых лесов, на других Курильских островах – нет.

Пространства рельефа выше шестьсот пятидесяти метров над уровнем моря заняты покровом кедрового стланика.

Кунашир имеет протяжённость всего сто двадцать километров. Но этого с избытком хватает для бездонности мира его дикого леса! В который каждый раз ныряешь... как в океан. И не факт – что вынырнешь.

Эта книга – очередной год лесной жизни научного сотрудника заповедника в северной части острова. Мой кумир Г. А. Федосеев писал об экспедициях геодезистов в условиях суровой природы Дальнего Востока нашей страны, о тяжёлой и рискованной полевой жизни этих людей. Я же постарался простым языком рассказать о лесной жизни научного сотрудника заповедника. В принципе – это полевой дневник. Здесь нет ни слова выдумки.

Каждая встреча и событие – строго документальны. Как и имена и фамилии всех действующих лиц.

Природных заповедников, в России – больше сотни, примерно столько же природных парков. И в каждом из них живут и выполняют свои обязанности люди. Это необычные люди. Каждый день они решают проблемы выживания в условиях дикой природы. Для них – это обычная проза жизни, ежедневная рутина. Трудный и рискованный образ жизни этих людей остаётся малоизвестным для нашего общества до сих пор. Что ими движет? Как и чем они живут? Как они относятся к природе, которую вызвались охранять и изучать. Автор этой книги приоткрывает особенности работы и жизни этого заповедного люда.

Книга – это настоящий калейдоскоп удивительных историй из жизни дикой природы Кунашира. Этим, книга будет интересна любителям приключений.

А своей документальностью – книга будет интересна краеведам, туристам, натуралистам, лесникам, и самим сотрудникам заповедников и национальных парков...

Лесной следователь

Весна! Наш полевой сезон начался! Шестого апреля, мы заезжаем, на тяжёлом вездеходе геологов, в лес. В этом году, нас трое – я, Сергей Казанцев и Андрей Анисимов. Наш заезд, в этом году – ещё более впечатляющий: доски, тяжёлые рулоны рубероида, ящик с гвоздями, ножовка, топоры, молотки, пару мешков цемента...

Три часа хода – и моим глазам вновь открывается милая моему сердцу, речка Тятина!

– Рррууух! Рррууух! – тяжело покачиваясь на валунах речного берега, зеленая громадина вездехода медленно заходит в широкий речной перекат.

Тятина, как всегда, полноводна – гусеницы ГТТ скрываются под водой...

Через пяток минут после речки, натужно ревя, вездеход выбирается на верхнюю морскую террасу и мы видим приземистый дом, что в одиночестве стоит на плато бывшего посёлка Тятино. Куда ни глянь – белое безмолвие, зимний пейзаж! Кругом лежит глубокий снег. На синем, совершенно безоблачном небе, ослепительно сияет солнце. Весь покрытый черным рубероидом, дом резко выделяется на снежной белизне обширного пустыря.

– РРРУУУХ! РРРУУУХ!

Выворачивая своими траками целые пласты тяжёлого, весеннего снега, вездеход в несколько приёмов разворачивается и осторожно сдаёт задом к фасадной стене дома.

Мы спрыгиваем на землю и бросаемся отвязывать верёвки креплений. Андрей Анисимов карабкается на железную крышу вездехода и одну за другой, принимается сбрасывать прямо на снег новенькие доски. Штук пятьдесят! Какое богатство! Рядом с досками растёт горка, таких же жёлтых, пахнущих смолой, длинных реек. И всё это – помимо наших рюкзаков, картонных коробок с продуктами, скатанных в рулоны ватных матрацев, «солдатских» одеял и даже, пуховых подушек...

Вездеход, без промедления, уходит.

– Дааа...

– Ага...

Мы осматриваемся, прицениваясь к окружающей обстановке, откапываем наполовину занесённую снегом дверь тамбура и открываем входную дверь в дом.

Первый шаг, первый взгляд:

Перегораживающую прошлой весной обширное пространство дома напололам, брезентовую стену – мы сняли с Дыханом ещё прошлым летом. Широченное помещение дома настыло, за зиму. И сейчас, стены этой «казармы» холодно посверкивают льдистой щёткой инея. Небольшая топка, стоящей ровно посередине дома печки, снова развалилась!

– Опять по кирпичам! – тонким голосом, злится Казанцев.

– Ну! – зло киваю я, – Без цемента делали, чтож ты хочешь?.. Хорошо, что хоть, кирпичная труба стоит!

– А наши нары, под потолком – сохранились! – уже радуется Казанцев.

– Ну! – киваю я, – Хоть это, строить не надо!

– Надо! – возражает Андрей, – На нарах – только три места! Давайте, ещё ярус сделаем?

Под первым!

– Точно! Прямо под ним! – прикидываем мы, – Пробросим пару поперечин, из брусков – и досками застелем!

Хоть и из кирпича, но печка в Тятинском доме – походная. Обычного печного стояка, с колодцами дымохода, здесь – просто, нет. Кирпичная топка сразу переходит в узкую, кирпичную, вертикальную трубу, уходящую в потолок...

Перед тем, как заняться реанимацией дома, мы кое-как растапливаем печку и ставим чайник воды, на чай...

Наконец-то, чай готов! Мы все пристраиваемся к столу...

С Саратовского кордона, к нам в вездеход, подсел лесник Сергей Олевохин. Меня, в первую очередь, интересуют лесные новости. И я использую время перекура: «Серёга, медведи уже поднялись? Ты, может, след где видел?».

– Хм! Саня! – как всегда, добродушно усмехается Олевохин, отхлёбывая из белого фаянсового бокала чай, – Конечно, поднялись! Дай вспомнить, какого числа это было...

Я молчу и жду...

– Но, то был первый след, я потом число вспомню, – вскоре отбрасывает Сергей, эту мысль, – А, вон! Вчера! Один – прямо через устье Саратовки пропёрся! Такую кучу навалил!

– Да, ты что?! – загораюсь я, – Вот бы – глянуть! Я, этот след, найду? Если, завтра пойду?

– Хм! – улыбается Олевохин, – Нет ничего проще! Шагай по дороге, от устья Саратовки на кордон. Метров через сто – этот след медведя дорогу пересекает. Там и его кучу увидишь!

– Да?

– Хм! Саня, мимо не пройдёшь!

Я, ведь, в этом году хочу проследить питание бурого медведя! И медвежий помёт – это, как раз то, что мне нужно исследовать. Анализ помётов даст мне возможность установить рацион наших медведей. Помёты – это конкретные цифры по питанию! В зимнюю командировку я специально консультировался у Геннадия Воронова на Сахалине и у Виктора Юдина во Владивостоке по методике обработки помётов медведей...

Ладно, Саратовская будет завтра. А, сегодня и сейчас – мы бросаемся в ремонт дома. До темноты, лично мне – нужно переложить топку печки. Мы, с Казанцевым, берём цинковое ведро, штыковую лопату и шагаем от дома по снежному вездеходному следу обратно, на гребень высокой морской террасы – там уже вытаял из снега борт дороги. По прошлому году мы знаем, что здесь имеются целые залежи хорошей, желтой глины.

Я закатываю рукава и принимаюсь месить раствор в продолговатом, цинковом тазу... Талая вода из лужи – такая студёная! Пальцы сводит напрочь! Но выбирать не приходится...

Тем временем, Анисимов с Казанцевым перегораживают напололам помещение нашего дома. На этот раз они возводят стену из новеньких досок.

– Жжик-жжик! Жжик-жжик! – не отрываясь от своих кирпичей, слышу я, как за моей спиной Анисимов пилит доску за доской.

Под завершение дня, мы, уже все вместе, сооружаем из досок второй ярус нар...

– Хорошо! – улыбается Казанцев, – Когда рабочих рук – целых три пары!

– Да! – охотно соглашаюсь я, – Особенно, когда все они – умелье!

Тятино. Утро. Седьмое апреля. Мы с Казанцевым – полевая пара. Мы собираемся на Саратовскую...

На улице стоит серый туман. Кругом сыро и прохладно. Чтобы не месить снег по круговой дороге, мы направляемся по пустырю от нашего дома, напрямую к океану. Сваливаемся вниз по крутому склону высокой морской террасы. И, уже по столу низкой морской террасы, коротко пробиваемся по глубокому снегу на песчаный пляж океанского берега.

Вот и ровный, твёрдый морской песочек, под сапогами!

– Ци-ци-ци! Ци-ци-ци! – по песку перед нами разбегаются, звонко перекликаются камчатские трясогузки.

– Серёж. Смотри! – радуюсь я, – Трясогузки!

– Естественно! – не понимает моих восторгов, Казанцев, – Весна на дворе...

Пятьсот метров – и перед нами устье Тятиной! Нам нужно переходить речку. Чтобы выбраться на перекат, мы сворачиваем с отлива моря вправо и опять вылезаем на метровый стол низкой морской террасы...

Здесь – кругом лежит снег!..

На небольшой бурой проталине, у подножия высокой морской террасы, ярко-жёлтыми звёздочками горят адонисы!

– Серёж! Смотри! Адонисы цветут!

– Один, два, три... – чуть отстав от ушедшего вперед Казанцева, я насчитываю более десяти одиночных цветков.

По методике фенологических наблюдений – если находишь больше десяти цветков, то можешь смело регистрировать фазу начала цветения. Я открываю свой полевой дневничок и решительно пишу: «Адонис амурский – начало цветения».

Как шли – мы с ходу переходим речку. А что? Наши болотники были раскатаны ещё у входной двери Тятинского дома! Выйдя из воды на противоположном берегу речки, мы шагаем дальше, по колеям старой дороги...

На плоском бакланьем камне, что стоит в первой волне, под первым мысом за Тятиной, сидит всего один баклан.

– Смотри! – я протягиваю Казанцеву бинокль, – Японский баклан! Он – большой и серый.

– Хм! Ясно дело! – хмыкает в ответ ершистый Казанцев, рассматривая в бинокль птицу, – Краснолицые бакланы – они чёрные и изящные!

Наш путь лежит дальше на запад, по низкой морской террасе, вдоль побережья...

То и дело, мы пересекаем одиночные медвежьи следы. Все они, ведут со стороны темнеющих справа, за взгорками высокой морской террасы хвойных массивов, по снежной целине, напрямиком на приливно-отливную полосу океана.

Вот, наконец, впереди уже видны бамбуковые просторы устья Саратовской! Это значит, что мы преодолели пять километров побережья. От устья речки мы круто сворачиваем вправо, по едва выделяющемуся на снежной целине бамбуковой пустоши, старому следу вездехода, уходящему в сторону тёмных хвойников, к Саратовскому кордону.

– Вон, след! – я издали вижу чей-то след, пересекающий снежные вездеходные колеи.

– Ага, точно! – кивает Казанцев.

Мы подходим ближе. Это – действительно, след медведя. Стараясь поменьше проваливаться в снег, медведь шел как крокодил, широко расставляя лапы. И всё-равно, он проваливался по брюхо! Я прослеживаю глазами след – зверь ушёл с заснеженных просторов побережья, в ещё более снежную пойму речки.

– Так! – прикидываю я, прицениваясь к следу, – По словам Олевохина, он прошёл три дня назад... А, вон и помёт!

Это – метрах в тридцати от колеи. Проваливаясь несравненно глубже медведя, я трудно пробиваюсь по снегу к помёту...

Всё! Добрался. Я стою и тяжело дышу, заодно осматриваюсь... По ходу движения, медведь выкопал в снегу широкую яму, около метра в поперечнике. Вся поверхность этой ямы, да и снег вокруг, равномерно покрыты сантиметровым слоем сухого помёта. Сломленной рядом веточкой, я начинаю ковырять помёт: «Та-ааак, что мы имеем?». Через несколько минут, я, в недоумении, распрямляюсь над ямой: «Какие-то древесные опилки!».

– Что ты, там, шепчешь? – кричит мне Казанцев.

Я бросаю короткий взгляд в сторону напарника – он так и стоит на вездеходном следе. По такому снегу, тащиться следом за мной – его не очень-то заставишь.

– Да... Опилки, говорю! – кричу я ему, – Или солома! И... вот! Два зерна пшеницы! Целые!

– Пшеницы?! – озадачивается с дороги Сергей, – Ты же – с Сахалина! Ты, откуда пшеницу знаешь?

– Мы, в институте учили! – кричу я, в ответ, – На семинарах по сельскому хозяйству!

– Да? Ладно! – отзывается Казанцев и озадачивается, уже по другому поводу, – А, пшеницу он, откуда взял?! Кунашир! У нас – пшеничных полей нет!

Я, ещё раз, внимательно осматриваюсь вокруг... Я смотрю на зёрнышки: «Пшеница... овес... лошадиная фамилия...». И тут, меня осеняет догадка: «Лошади! На этих бамбуковых пустошах, всю зиму, лошади паслись!».

– А, почему все решили, что он – медвежий?! – ставлю я вопрос, радикально, – Хм! Скорее – это лошадиный навоз! А, не медвежий...

– Лошадиный навоз! – кричу я Казанцеву, окончательно определившись с выводом, – Вот, что это! Медведь – он просто, выкопал из-под снега, навоз лошади!

Я разворачиваюсь от снежной ямы и делаю шаг, обратно. И проваливаюсь в снег почти по пояс!

– Блин! Да, чтоб всё сдохло! – грубо матерясь и психуя, через пять минут боя с метровым снегом, я трудно выбираюсь на вездеходный след, к Казанцеву.

Всё, дело сделано. Мы шагаем по побережью обратно, на Тятино...

Уже подтаявший снег, совершенно не держит вес человека! И мы, как две лошади, «бьём целину». Я, как коренной жеребец – первым. Казанцев крадётся по моим следам. Он легче меня на добрый десяток килограммов, он проваливается не так глубоко и не так часто...

– Да-ааа! Мои надежды, по медвежьему помёту, не оправдались! – тяжело дыша, думаю я, о своём, – Ну и чёрт с ним!.. Зато, какая загадка! Было очень интересно её разгадать!

И я ощущаю себя следователем. Как, там говорят? «Проанализировав информацию на месте происшествия, приходим к выводу, что...». Только, я – не ловлю преступников. Я расследую лесные происшествия. Я – лесной следователь. Думаете, здесь всё просто?! Ну, нет! Лесная жизнь полна таких первоклассных загадок, что далеко не каждый человек способен их разгадать...

Десятое апреля. Тятинский дом. Утро. На улице начинается чудесный весенний день! Своей парой с Казанцевым, мы решаем пройти по смотровой тропе, над Тятиной. Недалеко. Сейчас, по снегу, далеко не уйдёшь. Посмотрим на речную долину с высоты птичьего полета, проверим следы, проталины. В общем, посмотрим, чем лес живёт, понюхаем...

Всё! Тесак, в ножнах – на поясе, секция патронташа на восемь патронов – на поясе, ручка и дневничок – в кармане. Ружьё в руку, бинокль на шею. Я собран и готов. Мы выходим из дома.

– Кийяяя! – со стороны вулкана доносятся взвизгивания канюка.

– Кийяяя!

– Конюки! – я поднимаю к глазам бинокль.

Над тёмным морем хвойников у подножий вулкана Тятя, кругами ходят два сокола.

– Пара! – я смотрю в бинокль...

Один канюк плавно идёт вниз, на посадку...

– Хм! – хмыкаю я, – Не на вершину ёлки сел, а в середину кроны!

И тут же пожимаю плечом: «Оно и понятно. Канюк – лесная птица. Они – гнёзда строят не на вершинах деревьев, типа скопы, а именно в середине кроны хвойного дерева. В пихте или ёлке».

Сначала, нам нужно пройти до устья Тятиной. И мы сваливаем по нашей тропке с плато Тятинского дома к морю, на низкую морскую террасу...

Перед нами, знакомым ныряющим полётом, проносятся несколько ярко-зелёных птичек, в полёте мельтешащих жёлтым.

– Зи-ли-линь! Зи-ли-линь! Зи-ли-линь! – слышится такой знакомый, густой перезвон колокольчиков.

– О! Китайские зеленушки! – радуюсь я.

– Ага! – улыбается Казанцев, – Первая встреча в этом году! Пойдёт в Летопись природы!

Я делаю запись в своём полевом дневничке...

По водной глади Тятинской бухточки моря разбросаны чёрные точки уток.

– Сиинииии, Сиинииии, – над морем несётся их заунывный посвист.

Я подношу к глазам бинокль.

– Каменушки, турпаны, американская синьга... А, вот – огоголи! У них большие, белые щёчки...

– Синьгу я слышу, – соглашается Сергей, – Её свист нам известен...

Вот, мы выбираемся на смотровую тропу. Это гребень речной долины. Слева, под нами простирается абсолютно голый, ещё покрытый метровым снегом, ивняк обширной поймы Тятиной. Сейчас, он так хорошо просматривается!

Нам даже удаётся немного протропить след медведя! Это молодой зверь трёх лет, «величиной с человека», как я говорю. Шаг за шагом, шаг за шагом...

Мы вываливаемся на уже освободившийся от снега склон высокого борта речной долины. Здесь, на проталине, я приседаю и беру в руки комок переплетённых мышкой соломинок и мягких травинок.

– Смотри! Медведь раскопал мышинное гнездо!

В двух шагах далее по склону лежит разбитый медведем трухлявый, берёзовый ствол, а ещё в двух шагах дальше – второй, такой же.

– Хм! – хмыкаю я, – Смотри, как интересно сгнивает берёза! Древесина ствола сгнивает, а береста коры – нет. Так и лежит на земле труба из бересты! Как-то раньше, я никогда, этого не замечал.

– Ну! – соглашается со мной Казанцев, – Как ракета. Действительно, труба!

Я озадаченно трогаю носком болотника берестяной цилиндр перепревшей берёзы: «Зачем он разбил эту гнилую валёжину? Может, насекомых, каких искал?».

– Ну, какие сейчас, насекомые? – отзывается Казанцев, – Ещё, только самые первые проталины!

– И то – правда! – киваю я, рыская глазами вокруг берестяного цилиндра, в поисках жучков-мушек, – Нет ничего...

Вскоре, мы тормозимся на тропе, под раскидистыми кронами толстых пихт, на самом краю крутого склона речной долины. Прямо под нами, у подножия склона, я вижу медвежий след! Не трогаясь с места, я вынимаю из футляра бинокль и рассматриваю медвежьи следы «вооружённым» глазом...

– Средний медведь, – бурчу я, в бинокль, – Входной след.

– В смысле, сошёл вниз, в пойму? – уточняет Казанцев.

– Ну! – киваю я.

На чистом, белом снегу очень контрастно выделяется чёрная клякса.

– О! Помёт! – радуюсь я, в бинокль, – Это отлично!

Тут – биноклем уже не обойтись. Нужно спускаться вниз. Осторожно ступая, чтобы не ухнуть вдоль склона – в снег по шею, я крадусь по крутому, снежному склону, вниз. По пути, я отламываю от кустика гортензии, две палочки...

Вот и помёт...

Этот помёт – очень необычен! Он состоит из зелёных плетей водорослей, кусочков алых панцирей камчатских крабов и прочих продуктов морского берега.

– Ну и ну! – думаю я, – Этот медведь бродил по отливу... Здесь, до моря – больше двух километров!.. Так! Давность помёта – около суток. Значит, медведь бродил по отливу прошлым вечером.

– Ну? Что там? – подаёт с тропы, голос нетерпеливый Казанцев.

– Водоросли! – я задираю лицо почти вертикально, в небо, – Иди посмотри! Разве, не интересно?

– Интересно! – отзывается тот, – Не интересно обратно подниматься!

– Вот, ты какой! – не по-настоящему, возмущаюсь я.

Я спокоен. С Казанцевым – так было и так будет, всегда...

Я снова склоняюсь над медвежьим помётом. Насколько я понимаю, морские водоросли – медвежий желудок совсем не переваривает...

Наконец, Сергей, не выдержав безделья, спускается ко мне.

– Ну? – подходит он ко мне, по снегу, – Что?

– Морская капуста! Он её – даже, не жевал! Посмотри!

– я подцепляю своей палкой-копалкой увесистую ленту бурой водоросли, – Вот, этот кусок – сантиметров семьдесят, будет! Как он его, целиком, заглотил?! Не представляю, даже!.. А, вот тот – лишь немного короче.

– Ну! Не жевал! Вот, дела! – соглашается напарник и тут же выгибает передо мной, своё тощее пузо, – Только, нужно говорить не «морская капуста», а «ламинария»!

– Ох, ох, ох! Какие мы, грамотные! – паясничаю я, в ответ, – Может, я так специально говорю? Чтобы тебе понятно было!

– Ха! Мне?! – Сергей фыркает, – Да, я – дипломированный фармацевт!

– Знаю! – широко улыбаюсь я, в ответ.

– А, это что? – Казанцев уже тычет пальцем в сторону помёта, – Панцири! Так, он крабов жрал?! Вот же, гад!

– Вряд ли! – успокаиваю я его, – Он – пустые панцири жрал. Помнишь, сколько кусков их, сейчас, на берегу валяется? Сразу за устьем Тятинки... Только, зачем они ему?! Пустые...

– Может, кальция не хватает? После зимы...

– Не очень-то похоже, – недоумённо, пожимаю я плечами, – Он, ведь – не олень. Это – те, питаюсь одной травой, испытывают нехватку минеральных солей. А, медведь – тварь всеядная. Он жрёт всё, что угодно! Да, к тому же, он всю осень – на рыбе жил! Какая нехватка минеральных солей?!

– Точно, – соглашается напарник, – Тогда, может, с голодухи?

– Да, не сказать, чтоб с голоду, – снова пожимаю я плечами, – Ты скажи мне – за все вёсны, сколько мы, медведей видели?

– Много!

– Вот! – поднимаю я вверх палец, – И все они – жирные и гладкие! Я не помню ни одного болезненно худого... Может, нажрался потому, что панцири запах имеют?

– В смысле, пахнут вкусно? – уточняет Казанцев.

– Ну! – киваю я.

– Нет там, никакого запаха! – возражает Сергей, – Морская вода всё давно вымыла!

– Ну, тогда, не знаю! – я развожу руками.

В десяти метрах ниже нас, метровая толща снега обрывается обширной полыньёй. Это – исток маленького ручейка. Здесь, у подножия борта речной долины, выклиниваются грунтовые воды. Полынья пестрит ядовитой зеленью листьев калужницы. По самой кромке берега бледно зеленеют всходы белокопытника, стоит короткая щётка молоденьких ростков вейника.

След медведя тянется по снегу, напрямик к полынье. Следом за зверем, я спрыгиваю с метрового борта снега. Прямо в воду! Мне это безразлично – мы ведь, всегда в болотниках. Воды – сантиметров двадцать... По следу медведя, то там, то тут, видны куски побегов белокопытника. Я начинаю их считать...

Пройдя, с работой, весь периметр полыньи, я выбираюсь обратно, на снег. Подхожу к Сергею: «Шестнадцать ростков белокопытника съел! Интересно, что рыхлую листовую пластинку – он не трогает! Только твёрдую, мясистую часть ростка ест – листовой черешок... А, больше – ничего другого! Ни калужницу, ни вейник! Не тронул, даже».

Глянув через меня на склон, тот застывает: «Медведь!». Я стремительно оборачиваюсь – шагах в тридцати, молодой медведь вышел на нас из-за поворота склона! Он стоит на крутом,

травяном косогоре, с превышением метров на пять и спокойно рассматривает нас. Казанцев одним движением сбрасывает свой рюкзачок и присев, начинает торопливо расстёгивать его карман.

Медведь – светло-бурый. Из рта животного, справа, торчит пучок только что сорванной им травы. Несколько раз деловито жеванув челюстями, медведь с видимым усилием проглатывает его...

Чтобы хоть немного продлить нашу встречу, я стою, замерев. У Сергея что-то не получается с фотоаппаратом. Я коротко оглядываюсь на него: «Ну, что?!».

– Да, как всегда! – злится тот, – Когда надо – не вытацишь!

Через несколько долгих минут, медведь, наконец решает, что мы ему достаточно попозирировали. Отвернувшись от нас, он, шаг за шагом, начинает спокойно подниматься по травяному склону вверх, над нами. Поднявшись с десятков шагов, зверь останавливается и положив морду на своё правое плечо, снова внимательно рассматривает нас...

– Щёлк!

Сергей, наконец, щёлкает своим фотоаппаратом! Это, медведю категорически не нравится. Уже не оглядываясь на нас, он спокойно лезет вверх по крутому склону. В его облике угадывается оскорблённость. Мы не шевелимся, ждём, пока медведь скроется за гребнем...

Теперь, можно действовать и нам! Мы шагаем к месту на склоне, где изначально стоял медведь. Вот! Чёткий отпечаток его передней лапы, на мягкой, весенней почве. Я приседаю на корточки и замеряю ширину отпечатка, рулеткой.

– Десять сантиметров!

– Молодой.

– Ну... Но, уже толстенький! Не голенастый, как велосипед, подросток! Ему три года.

– А, ты заметил? Пока он стоял к нам передом – то был соломенным, грязно-белым, а когда развернулся – то задняя половина туловища, у него – почти чёрная!

– Ну! Конечно, заметил!

В азарте, перебивая друг друга, мы делимся впечатлениями...

Обратно выбираться на смотровую тропу, круто вверх – нам не хочется. Ни от кого не таясь, мы шагаем по проталинам дальше – поперёк поймы, в сторону речки...

Со звенящего водными струями переката Тягиной, свечками, в небо взрываются криквы! Я не успеваю даже вскинуть бинокль к глазам!

– Кряя! Кряя! – в панике, голосит утка.

– Криквы! – запоздало выдыхаю я.

– Пять штук! – опережает меня Казанцев.

– Казанцев! Откуда...

– Записывай! – перебивает тот меня, принимая величественную позу.

– Да, ладно! – отмахиваюсь я, доставая свой дневничок.

Мы проходим ещё немного по снежной равнине поймы вверх по речке и снова выбираемся наверх, на гребень высокого борта речной долины. Отсюда, со смотровой тропы, открывается отличный обзор! Особенно – с площадки над высоченным, почти отвесным обрывом. Здесь мы всегда немного задерживаемся, чтобы посидеть и посмотреть на природу, с высоты этой осыпи. Если что, здесь катиться вниз, до речки – метров двести...

– Карр!.. Карр!

Где-то далеко внизу, в пойме, чуть выше нашего обрыва по речке, лениво каркает ворона. Я медленно веду, на этот звук, круглое поле своего бинокля...

Но вижу лишь серость и сырость ранней весны. Речная пойма... Сейчас – это белые поляны снега с одиночными пауками мощных ив... Вот она, чёрная, извилистая лента речки! С метровыми надувами снега по берегам...

– Карр!.. Карр!

Движение чуть справа привлекает моё внимание! Я навожу бинокль: это орлан-белохвост! В несколько взмахов своих огромных крыльев, он взлетает со снежного надува речного берега, в крону стоящей рядом мощной ивы.

– О! Вижу орлана! – я прикиваю к биноклю, – Сейчас посмотрим...

Рядом с ивовым баобабом, на который взгромоздился орлан, я отыскиваю ещё двух орланов! Эти – тоже белохвосты. Здесь, в трёх километрах от побережья, проталин нет. Зима. Весна, сюда, ещё не добралась... Обе птицы стоят на метровом, снежном надуве речного берега. Рядом с одним из орланов, на снегу чернеет крупная рыбина.

– Карр!.. Карр! – редко и инфантильно, вскрикивают вороны.

– Ого! Какая! – удивляюсь я, передавая бинокль Сергею, – Смотри! Как кетина!

– Ага! – соглашается тот, наведя бинокль, – А, вот и вороны! Две штуки... Теперь понятно, почему они орут.

– Кеты у нас, весной, не бывает, – прикидываю я, – Значит, это – кунджа.

– Ну! – соглашается со мной напарник и удивляется тоже, – Ничего себе, кунджина!

Перескакивая в переплетении веток огромной ивовой кроны рядом с орланом, вороны не питают особых иллюзий насчёт скорой кормёжки.

– Карр!

Лениво каркая, вороны приготовились к долгому ожиданию.

– Эх! На месте бы всё осмотреть! – вздыхаю я, – Пальчиками потрогать!

Сергей, в ответ, скептически хмыкает: «Хм! А, потом – останется только обратно, сюда вот, выползти... Делов-то!».

– Ну, уж, нет! – категорически отрезаю я, глядя с огромного обрыва вниз, себе под ноги, – Я, здесь, погибать не собираюсь!

Так и оставшись незамеченными для птиц, мы удаляемся обратно, в сторону нашего дома...

Тятинский дом. Одиннадцатое апреля. Солнечное, чудесное утро. День обещает быть просто шикарным. Перейдя вброд Тятину по перекату выше устья, мы разворачиваемся вверх по речке и шагаем по краю надпойменной террасы. Этот, западный борт речной долины – совсем не высок...

Метров через семьсот, мы выходим к закоулку, заполненному тёмным языком пихтарника. Здесь, узким языком, речная долина глубоко выдаётся на запад, в междуречье.

– О! – восклицает Сергей, – Смотри, какой запупок!

– Чего?! – морщусь я, нос, – Что, ещё, за слово такое, ты нашёл?! В русском языке!

– За-пу-пок! – смакую я, на слух, слово по слогам, – Ну, Казанцев! Ты, как выкинешь чего! Хоть стой, хоть падай!

– А, чего? – стоит на своём, ершистый Казанцев, – Запупок – он и есть, запупок!

– Ха-ха-ха! – смеюсь я, шагая по кромке террасы, – Запупок! Ха-ха-ха!

– Ладно, ржать! – останавливает меня напарник, – Вон! След медведя!

Метров через пятнадцать, мы подходим к медвежьему следу, на белом снегу.

– Молодой! – прикидывает Казанцев.

– Ага, – соглашаюсь я, – С человека. Лапка маленькая.

Здесь, вчера, медведь вышел в пойму, кормиться. Мы тоже разворачиваемся в пойму, по когтистому, снежному следу. Шаг за шагом...

У подножия склона речной терраски бьют роднички. Здесь уже открылись маленькие проталины. Едва ступив на землю, медведь начинает делать поковки. Я вытаскиваю свой полевой дневничок и начинаю подсчёт...

С лужи маленькой болотинки, при нашем приближении, срывается серая птица, величиной с голубя.

– О! Горный дупель! – вскидываюсь я.

– Я подумал – вальдшнеп! – отзывается Казанцев.

– Нет! Горный дупель! – отрицательно качаю я, головой, – Дыхан, прошлой весной, так сказал. Хотя я, сколько не пытаюсь понять разницу между вальдшнепом и горным дупелем – так и не нахожу! Дыхан, на это, сказал, что разница у них – чисто экологическая: вальдшнеп улетает на зимовку на юг, а горный дупель всю зиму ютится по таким вот, незамерзающим болотинкам.

– Дыхан – орнитолог, – соглашается Сергей, – Ему виднее...

Мы шагаем по снежному медвежьему следу, через закоулок...

Скоро выходим на обширную поляну, среди языка пихтарника. По насту, мы шагаем уверенно и твёрдо, как по асфальту.

– Взик! Взик!

– Взик! Взик!

За сегодняшнюю ночь подморозило, и крепкий, льдистый наст лишь звонко хрустит под резиновыми каблуками наших болотных сапог...

Впереди, на снегу, чернеет кучка!

– О! Помёт! – ещё издали, радостно горланю я.

Для меня, это – научный материал.

– Сейчас! Поковыряю его палочками...

Но... жидкий помёт, за ночь, застыл на поверхности наста тонким, чёрным блином. Попробуй – поковыряй! Камень! Но, для меня, эта проблема – уже пройденный этап. Я спокойно вытаскиваю из своего рюкзака пачку новеньких полиэтиленовых пакетиков и загружаю в один из них выломанный палочкой из наста, блин помёта. Засовываю пакетик себе в рюкзак. Скоро пригреет солнце и пока мы, к вечеру, приползём домой – этот помёт будет в самом, что ни на есть «рабочем состоянии»...

Я стою и созерцаю красоту. С веток деревца, перед моим лицом, свисают жёлтые серёжки! Это – цветёт ольха волосистая. Та, что на Кунашире образует сырые ольховники, по которым мы, так упорно, день за днём, шляемся с напарником...

Я круто сворачиваю в пойму – теперь, нам нужно пересечь речную долину и уйти под вулкан, в сторону Ночки...

Уже близко речка Тятина. Впереди, свечами вверх, ивняк пробивает пара крякв!

– Кря! Кря! Кря! Кря! – надрывно орёт утка.

– О! – вздрагиваю я, от неожиданности, – Кряквы!

– Конечно, кряквы. Как их, спутаешь?! – скептически отзывается Казанцев, – Орут, как недорезанные!

Мы стоим и провожаем глазами улетающих уток...

– Может, там – ещё что осталось? – спрашиваю я и предлагаю, – Давай, потише?

– Давай, – соглашается Казанцев, – Может и осталось.

Мы осторожно подкрадываемся к речке. Выше нас, взору открывается широкая и длинная яма! Вплотную к воде, по обоим берегам речки, стоят высокие стены молодого ивняка. С самого начала ямы, как бабочки, мельтеша белыми зеркальцами на крыльях, вниз по речке, нам навстречу стартует целая ватага крохалей! Как торпедоносцы, красиво и сильно, эти крупные утки взлетают по ивовому тоннелю речки, мимо нас. Торопливо, тройками, я считаю их: «Три, шесть, девять, двенадцать, пятнадцать...».

– Восемнадцать штук! – оборачивается ко мне Сергей.

Я не шевелюсь – мимо моего лица, как на параде, в бешеном напряжении проходит птичья эскадрилья...

– Восемнадцать... – наконец, я запоздало киваю головой, продолжая заворожённо смотреть вслед чёрно-белому мельтешению.

– Красиво как! Сила и мощь...

Моя рука, сама, тянет из кармана полевой дневничок. Большой крохаль – как гусь, это самая крупная утка на Кунашире...

– Ке-ке-ке-ке!

Уже перейдя речку по перекату, далеко позади, мы слышим короткие, пронзительные и такие неприятные для человеческого слуха, скрипучие крики большого пегого зимородка. Я злорадно усмехаюсь в бородку: «Зимородок!.. Хм! Проснулся... Визжи, теперь, хоть тресни! Мы уже уходим с речки!».

Скоро, мы выходим к ольховнику Банного ручья. Это – совсем рядом с нашим домом. Можно сказать – наши задворки...

На снегу, между обширными проталинами, мы, ещё издали, замечаем след медведя. Подойдя, останавливаемся над ним. Я достаю рулетку и приседаю...

– Передняя лапка – четырнадцать сантиметров. Средний, взрослый медведь.

– Ага! – соглашается Казанцев, – Уже не трёхлетка, но и не матёрый.

Этот медведь сильно накрутил, кормясь по проталинам, под ольховником.

– Кормился, – киваю я на покопки.

– Вот же, какой! Не боится! – в свою очередь, кивает на наш дом Казанцев, – Здесь – метров сорок!

– Ну... – прикидываю я и оправдываюсь, – Он ходил вчера вечером, по темноте. Поэтому и не боялся.

Присматриваясь к медвежьим следам, мы шагаем по ольховнику. Чёрная грязь сочно чавкает под нашими сапогами...

– Тридцать восемь покопок лизихитона! – радуюсь я своей арифметике, – Он поел вполне прилично!

– Всё! Конец кормёжке, – через минуту, оглядываюсь я вокруг, – Ладно, пошли дальше, к Ночке...

По голым сейчас, от лопухов, просторам повсюду из земли торчат вечнозелёные, грубо-ребристые листья. По своей фактуре, они напоминают жёсткие листья бамбука, но только, эти – тёмно-зелёные.

– О! Кремастра!.. Серёж! Смотри! – подзываю я напарника, – Кремастра изменчивая! Из орхидных. В июле цвести будет. Кистями крупных, тёмно-красных колокольцев!

– Значит, орхидея? – улыбается Казанцев, – Сколько её! Она, здесь, повсюду растёт!

– Ага! – я наклоняюсь и трогаю пальцами ребристый, грубый лист кремастры, – Старая знакомая...

Мы подходим к тёмной, сплошной стене хвойника. Здесь идёт медвежья тропа, к Ночке.

По медвежьей тропе, мы шагаем через обширный массив хвойника...

Напрямую перевалив через распадок Ночки, мы выходим в точно такой же, как на нашем Банном ручье, сырой ольховник. Здесь повсюду темнеют проталины, блестят на слепящем глаза, ярком солнце, лужи талой воды. Но, большая часть здешнего ольховника – пока, скрыта под снегом...

Вот, впереди, сквозь переплетение веток ольховника, серебрится розлив подпруженного ниже снежной плотинной, ручья. Мы – не выбираем. Мы бредём, в своих болотных сапогах, напрямую...

Передо мной, в воде, у снежного заберега, покачивается студень лягушачьей икры. По колено в холодной, талой воде, я наклоняюсь и удивлённо разглядываю кладку лягушки.

– Серёж! Иди, посмотри! – окликаю я, вильнувшего чуть в сторону, напарника, – лягушачья икра! Ещё заморозки будут, да и метель может сорваться! Снег ещё, кругом лежит! А, лягушка – уже отметала!

– Тут – она сама лежит! – отзывается тот, – Дохлая!

Я бросаю разглядывать кладку и бреду, по затопленному ольховнику, к Сергею... На снегу, разбросав в стороны все четыре лапки, без движения, лежит дальневосточная лягушка. Казанцев трогает её веточкой: «Что, это, она? Дуба врезала...». В ответ, я недоумённожимаю плечами: «Не знаю!». Мы шагаем дальше...

По густому, хоть и голому сейчас, ольховнику, сразу за прудиком, наследил медведь.

– А, медведь – хорроший! – уважительно киваю я на следы от когтистых лап, на снегу.

– Ага! – соглашается Казанцев, – Не мелочь пузатая.

Глубокие отпечатки медвежьих лап и там и тут, красуются на мокром, весеннем снегу. След очень свежий, просто горячий! Стараясь не шуметь, мы осторожно шагаем по следу...

Я не забываю считать покопки.

– Этот медведь кормится только лизихитоном! – приглушённо говорю я, – Вот! Эта покопка – уже шестидесятая!

– Вот, это, да! – озадачивается Сергей, – Сколько же, ему, надо?

– Не знаю, – признаюсь я, всматриваясь в заснеженный ольховник впереди нас, в надежде увидеть среди частокола тонких стволиков тёмную фигуру медведя, – Мы ещё только собираем информацию. Ещё работать и работать, прежде чем будем знать.

Мы шагаем по медвежьему следу, среди ольховника, дальше...

Но, вскоре, останавливаемся – по следам на снегу я вижу, что спокойно идущий медведь, сорвался в галоп и большими прыжками ушёл от нас вперёд, по широкой дуге подворачивая вправо, к чёрной стене пихтарника.

– Вот и всё! – констатирую я, очевидное, – Нас подхватил, собака! Дальше – нет смысла тропить. Ни покопок, теперь, не будет, ни-че-го... Ну, ладно. Спасибо и на этом.

– Что дальше? – глянув на свои часы, интересуется Казанцев, – Сейчас – уже пятнадцать минут пятого! Вываливаем на побережье, да домой?

Я согласно киваю головой. От завтрака, прошло уже столько времени! Да и по лесу наматились – дай бог, как. Скорее бы до дома дойти, поесть бы, да посидеть немного...

Тятинский дом. Сергей топит печку – варит нам, чай и кашу. А у меня, пока ещё не вечер – есть работа. Меня ждут собранные утром, два медвежьих помёта. Я надеваю тонкие, резиновые перчатки. Белый пластиковый поддон, ведро воды из ближайшей лужи, палка, пинцет в руки – вот и всё, что мне нужно...

– Саня! Сейчас, уже всё сварится! – через полчаса выходит из дома Сергей, – Как, у тебя?

– Девяносто девять процентов помёта – это кусочки лизихитона, – объясняю я результаты своей экспертизы, – Остальное составляют мелкие примеси, в виде случайных хвоинок, щепочек, прошлогодних травинок...

– А, вот это – особенно интересно! – я гордо показываю Казанцеву мышиный хвостик, подняв его пинцетом с поддона.

– Так, всё-таки, он ест мышей! – смотрит Сергей на хвостик.

– Хвостик короткий. Это полёвка! У домово́й мыши – он гораздо длиннее! – радостно поправляю я его, – А, ещё – я нашёл, в медвежьем помёте, её резцы! Так что, теперь – это уже не просто наши теоретические предположения, а предметное подтверждение того, что медведи едят мышей!

Тятинский дом. Девять часов утра, утренний сеанс связи. На дворе – чудесное утро! Мы, срочно, собираемся в лес. В процессе одевания в рабочую одежду, растапливаем печку и тороп-

ливо греем на плите вчерашнюю кашу и чайник. Сегодня, мы решаем посмотреть, что делается на проталинах большой сопки, ограничивающей речную долину речки Саратовская, с запада.

– Саш! Сегодня – тринадцатое! – хитрит Казанцев, – Несчастливое число!

– Серёж, побойся бога! – отмахиваюсь я, – Погляди на небо! Такой день наступает! Ни облачка!

Через несколько минут, мы уже выходим из дома. Наш путь лежит на запад, в сторону устья Тятиной...

Мы торопливо шагаем по колеям нашей, уже заросшей зелёной травкой, дороги...

После речки, быстро проходим пять километров по побережью океана. Вот впереди и обширные, бамбуковые пустоши устья Саратовской. Надо осмотреться вокруг. И я поднимаю к глазам бинокль...

На прошлогодней былине борщевика бойко раскачивается мелкая, чёрно-белая птичка, с чисто-чёрной головкой и ярким, охристым горлышком.

– Чекан черноголовый! – улыбаюсь я и протягиваю бинокль Сергею, – На, глянь! А я, пока, запишу.

– Ну! – соглашается Казанцев, глядя в бинокль, – Чекан! Первая встреча в этом году. Обязаны отметить в Календаре природы заповедника.

Мы сворачиваем от побережья вправо, на тропу, ведущую через бамбуковые пустоши, к далёкому хвойному лесу. Там – лесная опушка Саратовского кордона...

На кордоне никого нет. Наскоро хлебнув холодного чая за кухонным столом, мы торопливо выходим на высокое крыльцо – нам нужно скорее в лес, день занимается, очень уж солнечный...

С поляны кордона мы не сваливаем в пойму. По твёрдому насту, мы шагаем вверх по речной долине, по просторам надпойменной террасы Саратовской. Мы стремимся отыскать свободное от деревьев место, откуда будет удобно осмотреть в бинокль, весь длинющий западный борт речки. Этот склон имеет юго-восточную экспозицию, поэтому – он самым первым освобождается от снега. Уже сейчас, когда равнинные ельники и ивняки речных поем, ещё под завязку забиты мощным слоем снега, просторы этого склона темнеют обширными проталинами...

Метров через четыреста от кордона, мы выходим на медвежий след.

– Какой след! – я пристально разглядываю ледяные отпечатки медвежьих лап, – Вчера прошёл, под вечер.

– Почему? – вопросительно поднимает свои брови, Казанцев.

– Смотри! Сейчас одиннадцать часов, мы стоим на твёрдом насте. А, он – давил мокрый, подтаявший за день, снег. Проваливался в него на семь сантиметров... Смотри, как он пальцы расширял, чтобы глубже не проваливаться! Значит – шёл по размягчённому за день насту, под вечер... А, за ночь, эти следы замёрзли. И теперь – они такие ледяные.

– Логично, – соглашается Казанцев и кивает по ходу движения зверя, – Смотри! Он напрямую режет речную долину, в направлении западного борта!

– Ну. На проталины борта пошёл, – соглашаюсь я.

– Понятно, что на проталины! – отмахивается нетерпеливый Казанцев, – Я спрашиваю – откуда он, стоя здесь, посреди сплошных снегов, знает, что там, в двух километрах, уже есть проталины?! Ладно, мы! Мы – в бинокль, их видим, а он?

– Я думаю, что он, о проталинах, просто знает. Это – его участок. Он знает, где на его участке, нужно искать первый корм по весне. Он всю свою жизнь здесь живёт.

Медвежий след тянется напрямиком в широченную, забитую снегами речную долину Саратовской. Я вынимаю из кармана, свою рулетку...

– Ширина передней лапки около пятнадцати сантиметров! Точнее, по снегу, не замерить.

– Крупный, – комментирует Казанцев.

– Ну.

Постояв немного в раздумье насчёт того, тропить или не тропить, мы решаем не отвлекаться от первоначальной задачи сегодняшнего дня. И продолжаем свой путь, по просторам надпойменной террасы, дальше...

Я, очередной раз, поднимаю бинокль. Я смотрю далеко, через речную долину. Веду полем бинокля по проталинам западного борта...

Уже почти полдень и весеннее солнце припекает откровенно жарко. Под его лучами, комочки зернистого снега, на чёрной резине моих болотников, быстро превращаются в капли воды...

– А, вот и мед-вее-диии! – облегчённо тяну я, улыбаясь в бинокль.

На проталине, в средней части склона Борта, пасутся два медведя – медведица и медвежонок. Медведица – изящная, стройная. Медвежонок – уже, подросток. Как все в этом возрасте, он голенаст, длинноух и нескладен.

– Медведица красивая! Прямо, как картинка, – я передаю бинокль Казанцеву...

Медведи тянут строго вверх по склону Борта. Неторопливо переходя с места на место, медведица копает весенние ростки трав. Медвежонок откровенно лоботрясничает: подойдя к мамаше и повернувшись спиной к склону, он садится посреди проталины. Он сидит столбиком на весенней прелой листве и смотрит вниз, на тёмное море хвойного леса, на обширные, забитые снегом ивняки речных долин...

– Созерцает весенний мир! Да-ааа, вид от него, сейчас – так шикарен! – понимаю я медвежонка, – И Саратовка! И Тятинка! И сам вулкан Тятя... Всё перед ним стоит, во всей своей красе и необъятности! Леса, леса и леса... Целая страна лесов!

Тем временем, медведица покидает эту проталину. Она ступает на снежную перемычку между проталинами. Нехотя оторвавшись от созерцания окрестностей, медвежонок поднимается с насиженного места и идёт догонять свою мамашу, прямо вверх по склону...

– Интересно, что, на снегу – он шагает точно след в след по следам медведицы! – прицениваюсь я, в бинокль, – После них, на снегу, остаётся только одна строчка!

Я передаю бинокль, молча ожидающему рядом, Сергею. Теперь – его очередь комментировать медведей...

Мы наблюдаем за медведями в бинокль, пока те не скрываются за гребнем Борта, перевалив эту, такую высоченную, сопку.

– Ну, что? Пошли! Посмотрим, что они ели, – объясняю я Казанцеву «фронт работ».

– И надо же им, было лезть! Всё вверх и вверх! – искренне негодует тот, – Нет, чтобы вдоль склона пройти!

Выбирать маршрут нам не приходится. Нужно валить через речную долину. По прошлым годам, мы прекрасно знаем, как, самым рациональным способом, пройти к подножию западного борта. Здешний, необъятный массив ельника напрямую рассекается узкой лентой ольховника. Здесь струится небольшой ручей. Сейчас, ольховник этого ручья забит снегом, который за ночь становится крепким настом. Мы ходко шагаем через ельник по этой ленте ольховника, как по просеке... Хорошее дело – наст! Мы с лёгкостью проходим густой и такой обширный, ельник, насквозь...

Вот и подножие склона Борта. Вдоль него, лес разрывается, сначала – просторами марей, покрытыми по краям чахлой порослью того же ольховника, а затем – широкой полосой пустырей будущего высокотравья. Сейчас, весной, здесь – снежная целина...

У первой же проталины, мы выходим на след крупного медведя!

– Ого! – удивляется Казанцев, – Ка-кой!

Я вытаскиваю рулетку из кармана и замеряю ширину отпечатка передней лапы: «Девятнадцать сантиметров! Да-ааа... Смотри, как широко лапы ставит! Здор-ровый!».

Медведь бродил по проталинам. Перебираясь с одной обширной проталины на другую, он то и дело проваливался в снег на всю длину своих ног! Мы сразу сворачиваем на этот след...

Шаг за шагом, след за следом...

Вот! На снегу лежит труба прошлогоднего стебля дудника медвежьего. По следам на плотном снегу, я вижу как, подойдя к вертикально стоящему на пустыре, словно кол в поле, стеблю дудника, медведь повалил его на снег и наступив на комлеву часть передней лапой, раздавил эту трубу.

– Ну, даёт! – качаю я головой, – Она же – крепкая, как палка! А, он её – жамкнул, как картонку!

– Что ты хочешь? – возражает мне Казанцев, – В нём веса – как в хорошем быке!

Я понимаю медведя – он искал в трубе сочную сердцевину. Дудник – обычный осенний корм медведей.

– Хм! – хмыкаю я, – Вот, дурак!

– Почему? – не понимает меня, Сергей.

– Он не знает, что в ней уже ничего нет! Что эта труба, за зиму, одревеснела! – разъясняю я, – Представь себе! Осенью он кормился сочной сердцевиной этого дудника. Лёг в берлогу. А сейчас – проснулся, осмотрелся вокруг, вздохнул и опять пошёл... кормиться дудником! Словно, поднялся с ночной лёжки! Он не понимает, что прошла не одна ночь, а четыре месяца зимы!

– Мы с тобой, тоже, ночей не видим! – понимает по-своему, Сергей, – Так за день вымотаешься, что вечером на нары ляжешь, а утром – очнёшься. Ночи – вообще, не было!

– Ну, да! – соглашаюсь я с ним, – Только, у нас – одна ночь, а у него – целая зима...

Между делом разговаривая со своим напарником, я внимательно осматриваю медвежьи следы на плотном снегу, вокруг дудника. Снег о многом говорит мне! По следам – я вижу, что так ничего и не обнаружив в трубе дудника, медведь оставил её в покое. Я не удерживаюсь от соблазна и трогаю пальцами дырки от медвежьих клыков и когтей в твёрдой как камень, «деревянной» трубе. Я шагаю по медвежьим следам дальше. Шаг – след, два – след...

Пустые и очень прочные, прошлогодние стволы дудника, словно трёхметровые столбики, повсюду стоят по заснеженным полянам. Поодиночке. Наш медведь, напрямик направляется к другому дуднику. Мы шагаем следом...

Мы всё так и шагаем по снежным медвежьим следам...

В психе разбив очередной ствол дудника в щепки и даже, разметав куски трубы далеко по снегу, медведь напрямик направляется к следующему...

– Ну-ну! – киваю я, – Смотри – злится! Дурачина... Никак понять не может, почему в дуднике нет ничего съедобного! Которую, уже, трубу разбивает!

– Седьмую! – отзывается Казанцев.

– Что? – оборачиваюсь я, на голос.

– Ты спросил, сколько труб он разбил! – не упускает шанса показать свою желчность, Казанцев, – Так, я говорю тебе, что эта – уже седьмая!

– Да? – озадачиваюсь я и киваю, – Понятно!

Мы шагаем по медвежьему следу, дальше...

– Большой, а тупой! – бурчу я, на ходу, – Теперь, пока все дудники в округе не разобьёт – не успокоится! Когда же, до него, дойдёт?!

Я стараюсь попасть ногами в, так широко расставленные, лунки медвежьих следов. По снежной целине, так двигаться, нам – гораздо легче.

– Саня! Дальше – всё одно и то же! – канючит сзади Казанцев, – Уже – ничего для нас, нового! Может, выше поднимаемся?

Я останавливаюсь и перевожу дыхание. Мне нужно подумать...

– Да, – очередной раз с шумом выдохнув воздух, киваю я, – Давай! Здесь, мы вряд ли ещё что, новое, найдём... Пошли тропить медведицу с медвежонком!

Мы бросаем слоновьи следы медведя-здоровяка и сворачиваем вверх, на склон Борта. Шаг за шагом, мы лезем всё выше и выше...

На обширной проталине в средней части склона сопки, мы отыскиваем следы пребывания нашей медвежьей семьи. Я, первым делом, достаю свою рулетку...

– У медведицы лапка – двенадцать сантиметров! Сейчас, у медвежонка посмотрю... Девять сантиметров! Медведица маленькая, молодая. То-то, в бинокль, она смотрелась такой изящной.

Шагая по следам медведицы, я начинаю искать её поковки. А Сергей падает на тёплую почву проталины...

Вот, первая из попок! Это – узкая и глубокая лунка в нагретой солнцем, сочной почве. Никаких остатков съеденного медведем растения – нет! Аккуратно обкопав росток когтём, медведь скусил его вместе с корневищем.

– Так, – задумываюсь я, стоя перед лункой на коленках, – Как же узнать, что она здесь съела?

Я осторожно, двумя пальчиками, поднимаю с края лунки тоненькую, прозрачную плёночку, напоминающую прозрачную луковую чешуйку, какие мы рассматривали под микроскопом на семинаре по сельскому хозяйству и подношу её к носу. Резкий, неприятный запах заставляет меня сморщить нос: «Фу ты, чёрт! Симплокарпус!». Раз понюхав, этот запах уже ни с чем не спутаешь.

– Серёж! – радостно оглядываюсь я на напарника, – Это симплокарпус!

– Что?

– Она жрёт симплокарпус!

Совсем не зря, научное название этого растения – «симплокарпус вонючий»! У него резкий, оригинальный запах... В отличие от родственного ему лизихитона.

Я отыскиваю очередную лунку медвежьей поковки. Привалившись на бок на нагретую солнцем, прелую листву склона, я повторяю операцию по выявлению запаха...

– Тоже симплокарпус! – сообщаю я переместившемуся чуть ближе ко мне, Сергею и протягиваю ему блёклую плёночку, – На, понюхай! Мозги прочищает – не хуже нашатыря!

– Сам нюхай всякую гадость! – отзывается тот, развалиясь на солнышке, метрах в пяти выше меня по склону.

– Ха-ха-ха! – смеюсь я, в ответ, – Ну и едкий ты, Казанцев! Ты сам – симплокарпус!

– Какой есть! – сразу слышится в ответ его задиристый, тонкий голос.

Но, я это уже не слушаю. Я работаю...

Так, принохиваясь к каждой медвежьей поковке, я шагаю от одной лунки к другой, по проталинам среди высоких кустов ольхи, по крутому склону. На прелой листве – медвежьих следов, практически, не остаётся! И я вычисляю направление движения медведей – по поповкам. Узкие лунки на фоне прелой листвы и веточек весенней проталины почти незаметны и я с трудом удерживаюсь на направлении движения медведей.

Вот и конец этой проталины. Следующая проталина расположена прямо над нами по склону. Медвежий след тянется через широкую снежную перемычку, прямо вверх. Шагаю на снег и я...

Медведей было два, а след – один! Но я, в троплении – «профи»! Меня, на мякине, не проведёшь!..

Но след, действительно, один! Один за другим, я тщательно изучаю когтистые отпечатки медвежьих лап, на плотном снегу. И пальчиками крошечки углублений трогаю, и каждую снежинку со всех сторон рассматриваю... Разве что, на язык не пробую – и не замечаю никаких признаков того, что это – прошли два медведя, а не один! Удивительно! Удивительно...

– Сергей, смотри! – обращаюсь я через плечо, к Казанцеву, – След – один! Если бы я не видел сам, в бинокль, что медведей было два – я бы, даже не заподозрил это!

– Может, это след только медведицы, а медвежонок где-то стороной прошёл? – предполагает тот.

– Ну, не знаю! – пожимаю я плечами.

Внимательно всматриваясь в каждый отпечаток медвежьей лапы на размягчённом насте, я, не спеша, шагаю рядом с медвежьим следом. И только удивлённо качаю, после каждого отпечатка, головой. Десять отпечатков, двадцать... Никаких сомнений в том, что – это след одного медведя!..

Но, вот! Любопытного подростка чем-то заинтересовали веточки маленького кустика ольхи, едва выглядывающие из-под снега, в метре левее. И медвежонок сходит со следа мамаша и отправляется обследовать кустик. И только здесь! Когда следы медведей расходятся, я вижу, что этот след оставили, действительно, два медведя!

– Как так?! – никак не могу я, с этим, смириться, – Что его заставляет ступать след в след так аккуратно?! Слово задался целью ввести в заблуждение возможных преследователей! Сейчас, наст очень хорошо держит вес медведей – он мог бы шагать просто рядом со следами медведицы! Или, хотя бы, не так «чисто» ставить свои лапы в её отпечатки! Но, нет же!

– Что ты всё возмущаешься? – не понимает меня напарник, – Как хотят – так и шагают! Не всё ли равно?!

Я замолкаю и дальше шагаю рядом с медвежьим следом молча.

– Да, Казанцев! – с сожалением, думаю я, – Тебя, лесные проблемы, не интересуют!

Так, от проталины к проталине, я распутываю зигзаги медвежьих набродов. Мы поднимаемся все выше и выше по склону...

Вот и вершина сопки, самый гребень Борта! Здесь – глаза слепит искрящийся под лучами весеннего солнца, многометровый надув снега. Огромный! Айсберг! Целая гора плотного, крепкого снега, на вершине сопки! И эта гора нависла в нашу сторону...

Прямоком, практически по вертикали взобравшись по этой нависающей стороне надува, наши медведи ушли через его гребень.

– Как они, смогли?! Так! – задрав лицо вверх, я стою перед почти вертикальной белой стеной снежного айсберга и хмурю брови.

– А что, им? – возмущается Казанцев, – У них когти! Они – как альпинисты на кошках!

Как здесь, круто! С трудом вбивая плотные носки своих литых болотников в этот фирн и вцепляясь пальцами в любые выбоинки наста, мы с большим трудом вскарабкиваемся на надув...

Стоим и озираемся по сторонам:

Округлая вершина нашей длинной сопки и весь её западный склон – завалены, по-зимнему рыхлым, глубоким снегом! Только заснеженные лапы пихт выглядывают из этого белого одеяла... Здесь – полная, полнейшая зима!

– Ну что, нам? – возмущается Казанцев, сзади, – В снегу теперь, по пояс барахтаться?!

Я тоже понимаю, что это – всё. Наше тропление этой медвежьей семьи завершено. Я разворачиваюсь обратно...

Мы выбираемся из рыхлого снега, обратно. Немного побродив по утрамбованной ветрами поверхности надува, мы осторожно сваливаем по его краю обратно, на обширную стену южного склона Борта...

Шагать вниз, по крутому склону – так легко! Выворачиваясь из-под наших чёрных сапог, комья подтопленного солнцем снега катятся по крутому склону вниз. Раскручиваясь всё сильнее и сильнее, они вылетают на проталины! Брызжут фейерверками белых искр по бурой прошлогодней листве горячих от солнца, проталин! Я, улыбаясь, стою и смотрю на это чудо.

– Ха! – улыбается рядом, Казанцев, – Белые искры по чёрной земле! Оригинально!

Вот и подножье Борта. За время нашей работы на вершине, метровая толща снега превратилась в кисель! И мы, буквально плывём по этому, набрякшему водой, снегу...

Постепенно перед нами вырастает тёмная стена необозримого массива Саратовского ельника. Вот мы входим под его кроны...

Здесь нас ждет неприятный сюрприз! Под ельником, где всегда тень, все заполнено глубоким снегом. И этот снег – вообще рыхлый! Как пух. Здесь всё ещё стоит, господствует настоящая зима!

– Пока на Саратовку выпадём – погрём семь раз! – бурчу я, через пяток минут тяжёлого боя со снежной толщей и предлагаю Сергею, – Давай, свернём на Перевальный?

– Давай! – соглашается тот, – Сюда – ближе. И... по ивняку Перевального стоит наст! Легче будет.

Мы разворачиваемся вправо, вдоль подножия Борта. Казанцев легче меня, он проваливается выше колена. Меня, снег – вообще, не держит!

– Блин! Да, чтоб всё сдохло! – грязно матерясь и психуя, я, как кабан, просто тараню снежную толщу, местами проваливаясь по пояс. По пояс!..

Метров через триста, тяжело дыша, мы, наконец, показываемся на краю узкой поймы ручья Перевальный. Это приток Саратовской, нам по пути. Я вытираю мокрое от пота, горячее лицо рукавом и в изнеможении прислоняюсь к серому стволу ближайшей пихты. Сердце часто долбит где-то в горле...

Доступная солнечным лучам, пойма Перевального уже начала освобождаться от снега. Здесь, между проталинками, наследил молодой медведь! Присев над следом, я измеряю рулеткой ширину отпечатка его передней лапы.

– Двенадцать сантиметров. Какой свежий! Только что, тут был!

– Может быть, от нас и ушёл, – резонно предполагает Казанцев.

Солнце, на небе, уже перевалило за полдень. Командирские часы, на моей руке, показывают половину третьего. Шагая рядом со следом медведя, мы выходим на протянувшуюся по берегу ручья проталину. Я тщательно её осматриваю...

И отыскиваю три, скушенных этим медведем, ростка белокопытника! Всего три...

– Не густо. Белокопытника на проталине полно, а он – всего три штуки съел, – рассуждаю я, шагая дальше, – Видно, не голодный.

– Может, мы его и сорвали! – возражает Казанцев, – Не дали размахнуться...

К вечеру, мы уходим с Саратовского кордона, добираемся до своего Тятинского дома.

На следующий день, у себя на Тятино, мы закладываем круговой маршрут по ближнему лесу...

И практически сразу, рядом с нашим домом, в ольховнике Банного ручья, натываемся на след молодого медведя!

– Это – наш, местный, – улыбаюсь я, – Мы живём на его участке.

– Угу, – соглашается Казанцев.

Просторы сырого ольховника забиты метровым слоем снега! В узких, снежных траншеях звонко журчат, не замерзающие всю зиму, ручейки... Наш медведь бродил прямо по воде этих ручейков! И выкапывал лизихитон из сочащейся талой водой дернины их берегов. Насчитав восемнадцать покопок, мы бросаем след и уходим в своём направлении...

За ольховником, посреди обширных пустырей будущего высокотравья, от снега уже очистилась обширнейшая поляна! Нас привлекает площадка свежей почвы. По ходу движения, мы подворачиваем к ней...

На чистой земле, я внимательно разглядываю отпечатки маленьких, словно кошачьих, лапок.

– Соболь?! – удивляюсь я, – А он то, что тут наворотил? Сколько земли! Прямо, раскопками занялся!

– Нет! Он на мышей охотился! – смеётся Казанцев, трогая чёрным носком своего болотника соломенный шарик мышинового гнезда, валяющийся рядом...

По обширным полянам, то здесь, то там, нам встречаются покопки лисиц. Их довольно много.

– Мышкуют! – улыбаюсь я, сторожко «стреляя» глазами по сторонам...

А вот! На снегу – след зайца! Мы тут же подворачиваем к нему.

– Свежий!

– Ну. Прямо перед нами проскочил! – улыбаюсь я.

– Кийяяяя!

– Канюки! – вздёргиваюсь я.

– Ага! – кивает Казанцев, – Вон, они!

– Кийяяяя!

Тонко и отрывисто взвизгивая, над хвойным лесом, что у нашего Тятинского дома, кругами ходят два сокола. Птицы очень светлые, почти белые... Чуть погодя, один за другим, канюки снижаются над хвойником и усаживаются на одну из пихт. Я опускаю свой бинокль...

Мы огибаем заснеженные ольховники по полянам. Здесь, снега – гораздо меньше, всего сантиметров двадцать. На белейшем снегу, перед моим болотным сапогом, красуется сгусток кладки лягушки! Я удивлённо оглядываюсь по сторонам – но, поблизости нет ни малейшей проталинки! Не говоря уже о том, что лягушке нужна, для этого дела, хотя бы небольшая лужица.

– Хм! Лягушачья икра! – хмыкает из-за моей спины Казанцев, – Кругом снега – почти по колено!

Присев на корточки, я озадаченно трогаю пальцем студень лягушачьей кладки.

– Обычная... Серж, самая обычная, лягушачья икра! Как, всё это, понимать?!

Вечереет. Я шагаю от дома, по дороге, в сторону моря. За водой. Так, я и спускаюсь с плато высокой морской террасы, по колее заросшей дороги – ружьё за спиной, в каждой руке – по ведру. После короткого спуска на низкую морскую террасу дорога сворачивает вправо, в сторону устья Тятиной. А в сторону Банного ручья, влево, уходит тропинка. Я оставляю вёдра на развилке и крадусь к близкому отливу океана...

А вот и вороны! Заметив меня, они срываются с завалов морского берега и торопливо удирают прямо в океан – там, на другой стороне нашей мини-бухточки, из воды торчит цепочка одиночных, обкатанных морем, валунов. Я ловлю на мушку одну из ворон.

– Та-ахх!!!

Приклад сильно толкает в плечо и ворона проваливается с линии прицела, вниз. Немедленно вывернувшийся откуда-то, орлан-белохвост, снижаясь по дуге, аккуратно снимает чёрный комок вороны с поверхности воды!

Я опускаю ствол ружья и поднимаю к глазам свой бинокль – в оптику наблюдать гораздо интереснее. Отлетев на грядку выступающих в океан валунов, орлан грузно приземляется на один из них. Наступив на добычу одной лапой, он начинает рвать её клювом...

Вот орлан, контролируя обстановку, вскинул голову и застыл в своей гордой, королевской позе. Из его клюва, во все стороны торчат чёрные, вороньи перья...

Но, вот появляется второй орлан-белохвост! Снявшись с присады на вершине ближайшего к нам, высокого мыса слева, он, по пологой дуге, решительно планирует на грядку валунов. Первый орлан уступает ему свой валун. Грузно взмахнув крыльями, в несколько махов он перелетает на пяток метров в сторону. Но – со своей добычей в лапе!

– Да это же наша, Тятинская пара! – улыбаюсь я в бинокль, – Дружба, значит, дружбой, а табачок – врозь?! Хм! Интереснее...

Но, тут становится ещё интересней! На валуны, буквально падает, проходящий высоко в небе, белоплечий орлан!

– Белоплечий! Да, матёрый какой! – ахаю я, – В контрастном оперении! Ах, какой гусак! Что же ты делаешь, на Кунашире?! Сегодня – пятнадцатое апреля! Ты уже должен быть на Камчатке! Или тебя не интересуют семейные дела?

Оценив, что добыча, у белохвоста – маленькая и ему ничего не светит, белоплечий орлан тут же откланивается. Подпрыгнув с валуна, он сильными и мощными махами загребая воздух, уходит прочь. Постепенно набирая высоту, он продолжает свой, ненадолго прерванный полёт вдоль побережья острова, на север. Я провожаю его в бинокль, пока орлан не скрывается из виду.

– Да-а! Хорош гусак! Сильный, красивый, здоровый!.. Всё-таки, на Камчатку пошёл!

Если наши, местные, орланы-белохвосты смотрятся огромными, бурными курицами, то белоплечие орланы – как гуси! Они изящны в полёте. У них другие пропорции тела. Вне всяких сомнений, они – куда лучшие летуны! Эти – воплощение красоты и мощи...

Шестнадцатое апреля. Тятинский дом. Пришла большая непогода! Взбаломошный, сильный ветер с востока, на клочья рвёт синий дым, вырывающийся из трубы нашего дома. На океане шторм. Мы штормуем...

Промежду домашними делами, я задерживаюсь посреди нашей комнаты и через наше большое окно бросаю взгляд на океан – там все волны в белых барашках!

– Белые барашки – значит, шторм шесть баллов! – замечаю я...

Под вечер, на раскачивающуюся былинку прошлогодней гречихи под нашим окном, села птица.

– О! Серёж, свиристель! – не шевелясь, я стою перед окном.

Птица сразу сорвалась прочь!

– Дрозд! С хохлом на голове! – обозвал его Казанцев.

Вдогонку, я провожаю птицу взглядом: «Свиристель... Приятно было познакомиться!».

Семнадцатое апреля. Тятино. Утро. За нашим окном хлещет дождь! Порывами, рвёт сильнейший ветер с юго-востока. На океане шторм. Штормуем и мы. Я поглядываю в окно – широкую панораму серого, штормового океана то и дело размазывает пелена сильного дождя.

Наши орланы – мокрые. Один сидит на вершине одной из пихт в распадочке Банного ручья, низко-низко.

– Ниже нас! – хмыкаю я, – Никогда не видел!

– Закрылся от ветра складкой рельефа, – понимаю я его, – Молодец!

Второй орлан сидит на присаде, на гребне высокого мыса, что слева. Это местная, Тятинская пара, наши соседи...

Ночью, я выхожу из дома.

– Куааааа! Куааааа! – в нашей луже, что разлилась от дождя до размеров маленького озера, раздаётся редкое, одиночное кваканье!

У меня – потребность поделиться новостью с напарником. Я знаю, что Казанцев не спит.

– Серёж! – захожу я в дом, скрипнув дверью, – Лягушки! В нашей луже орут!

– Так рано?! – тут же отзывается тот, с нар.

– Ну! Может, год такой? – пожимаю я плечами, – Ты выйди! Послушай, как скверутся. Первое токование в этом году!

– Ага, – соглашается со мной Казанцев, даже не делая попыток подняться, – Записать надо, в Календарь природы.

Ночью, ветер поменялся на холодный, с северо-запада. Дождь перебило на снег! Утром, я выглядываю в наше широкое окно – там всё бело! По пустырю, что перед нашим домом, сильный ветер гонит снежную позёмку.

– Сергей! – изумлённо зову я Казанцева, – Снег на улице! Ты посмотри – какая позёмка! Сегодня восемнадцатое апреля!

– Я и так её вижу, отсюда, – отзывается тот, из-под потолка, – Ты, лучше, послушай, какие порывы ветра!

Я и сам, ещё с ночи, с опаской, прислушивался к ударам ветра в стену нашего дома. Действительно! Ветер бьёт удивительно мощно! Наш, совсем не маленький, дом сильно вздрагивает при каждом ударе воздушного океана.

– Хорошо, что ветер бьёт в восточный торец нашего длинного дома, а не в его фасадную стену! – с тревогой думаю я, снова забираясь на нары...

– Грооооо!!!

Мы подпрыгиваем на нарах, от адского грохота! Такое впечатление – будто у нашего дома к чёртовой матери сорвало крышу! И унесло! Мы кубарем скатываемся с нар и кто в чём был, выскакиваем на улицу. Первым делом – разворачиваемся к крыше!

– Фу! Крыша на месте!

– Трубы нет! – я тычу пальцем за крышу, – Выворотило трубу!

– Но, она же совсем маленькая! Едва высывалась над коньком! – поражается Казанцев, – Да, что ж, это делается?!

Мы заскакиваем обратно в дом, торопливо одеваемся в рабочую одежду и решительно выходим наружу, спасать наш дом...

На улице лежит снег! Толщиной три сантиметра! Мы открываем, с торца дома, две доски и Сергей, по лестнице, залезает на чердак.

– Вот, дела! – вскоре разорвется оттуда, Казанцев, – Трубу выворотило вместе с бетонной чушкой в её основании!

– Как это?! – изумляюсь я, – Не может быть!

– Лезь, сам посмотри!

Мы долго возимся на чердаке, в две человеческие силы устанавливая печную трубу на место. Потом лезем на мокрую, скользкую крышу – привязываем трубу снаружи, проволочными растяжками, к коньку крыши.

Всё! Ремонт закончен. Казанцев исчез в доме. А я – любопытный. Заскочив за угол дома, я стою в вакууме ветровой тени и торопливо осматриваю окрестности:

Орлан-белохвост заходит на посадку на свой высокий мыс, слева от нас! Я смотрю, как зайдя против ветра, со стороны океана, он полого снижается, снижается... и с ходу, садится... в бамбук!

– Хм! – изумлённо поднимаю я брови, – Какой умный! Не на присаду, а прямо в бамбук! Молодец-то, какой!

Упругая щётка бамбука с головой прячет огромную птицу. Я смотрю в бинокль, как с гребня этого мыса, шквальным отбойным ветром в океан непрерывно гонит длинный, белый шлейф снежной позёмки... По опыту своей лесной жизни, я знаю – плотные заросли бамбука превосходно защищают от ветра. Там, на мысу, в бамбуке – даже сейчас, тихо и спокойно.

– Хм! – снова хмыкаю я, – Выходит, это знаю не только я!..

Тятинский дом. Всё, постепенно, улеглось. Сегодня – девятнадцатое апреля. После трёх суток заключения в стенах дома, мы с удовольствием выходим «на экскурсию». На часах – половина двенадцатого, дня...

На косе, в устье Тятиной, среди тихоокеанских чаек, я, в бинокль, отыскиваю несколько черноголовых.

– Серёж! Озёрные чайки!

– Где?! Аааа!.. Пришли, значит! Но это, ещё – только гонцы.

– А, видишь? Средние чайки! Меньше наших клуш! Они – чисто-белые.

– Ну!

– Это – моевки! Мне Дыхан показывал. Тоже пришли! Эти – проходные. Уйдут далеко на север. Знаешь, что такое мойва?

– Конечно. Рыбка! На корюшку похожа.

– Мойва – это Север! Олицетворение Севера – это птичьи базары! Кайры, треска и мойва.

И эти чайки...

Вот, что такое – весна! Это первые встречи в этом году, первые птицы, первые цветы...

На возвышении морской террасы сидит, контролируя всю нашу Тятинскую бухточку, орлан-белохвост.

– Зю-зю-зю! Зю-зю-зю! Зю-зю-зю!

По шиповниковым зарослям низкой морской террасы, густыми колокольцами звенят, перепархивают стайки китайских зеленушек. Птички мельтешат в полёте, своим ядовито-зелёным и жёлтым оперением...

А в пойме Тятиной – нам, уже второй раз, встречается интересная птичка: спинка синяя, как у поползня, а брюшко – крапчатое. Хорошо выделяются округлые бровки над глазками...

– Что за птичка? – озадачиваемся мы с Казанцевым.

Но вдруг, в бинокль, я вижу такие знакомые замирания!

– Это – синехвостка! – улыбаюсь я Сергею, – На, бинокль! Посмотри, как она замирает...

– Да! Замирает, – Казанцев тоже улыбается в бинокль, – А чего, это, она?

– Таёжная птичка! – объясняю я ему, – Пока сидит – она незаметна. Дыхан её зовёт «птичка-невидимка».

Это тоже – первая встреча в этом году...

Тятинский дом. Двадцатое апреля. Мы решаем сходить на Филатовский кордон, в баню. Всего-то – семнадцать километров в одну сторону! Что нам? «Бешеному кобелю, семь вёрст – не круг!» как говорил Дыхан.

Перейдя Тятину по первому от устья перекату, на присыпанной снежком колее нашей заросшей дороги, мы натываемся на лягушачью икру! Я трогаю её носком болотного сапога – студень твёрдый. Он прочно схвачен льдом заморозка. Но, под коркой льда, в глубине сгустка, всё-же угадывается некоторая подвижность...

Здесь же, на гальке в устье речки, перед нами суетятся два куличка.

– Та-ак... Это – улиты, – киваю я в свой бинокль, – Кулички морского берега!

– Ки-ки! Ки-ки! – коротко и звонко вскрикивают улиты.

Птички бойко семенят своими короткими ножками, перебегают с места на место. По мере нашего приближения. Стальная спинка, белое брюшко, короткие ножки, плотно сбитое туловище, короткий, прямой клюв...

На половине пути между Тятиной и Саратовской, мы останавливаемся на колее своей дороги – с неба на нас наплывает какое-то погогатывание. Я поднимаю лицо к небу.

– О! Гуси!

– Ух, ты! – восхищается Сергей, – Гуси летят!

Цепочкой, над нами, спокойно и ритмично взмахивая крыльями, проходят гуси! На север.

– Два, четыре... восемь! Восемь штук!.. На север!

– Крупные гуси!.. На север.

Однотонно-коричневые птицы, не спеша, совсем невысоко проходят над нами, держась линии морского берега...

По песчаному пляжу, мы приближаемся к Саратовской. Сегодня – мы проходим мимо. Мы шагаем. Мы смотрим вправо, вбок, на Саратовские сопки.

– Смотри! Снегом прошедшего циклона закрыло все проталины!

– Ага! Ведь, уже столько было бурого цвета, по склонам! И опять – всё бело!

– Ну! Просто, зима...

Саратовский борт стоит весь белый, в снегу. И по низу – следов медведей не видно уже несколько дней.

Около устья Камышовой, в первой волне прибоя, массой мельтешат озёрные чайки!

– Каа! Каа! Ки-ки-ки! Ки-ки-ки! Каа!

– Серёж! Смотри! Озёрные чайки!.. Вот он, вал их пролёта! Сколько же их! Просто, тьма!

– Ки-ки-ки-ки! Каа! Каа! Ки-ки-ки!

– Ну и крикливые же они! – морщится Казанцев от отчаянного чайчьего гомона, – Птичий базар!..

Филатовский кордон. Двадцать первое апреля. Управившись с бытовыми делами, я решаю, в одиночку, пройти по пойме ручья Филатова...

Повсюду раздаётся короткое цыканье синехвосток! Куда ни ведёшь поле бинокля – всюду, по почве, скачут эти птички! Короткий просок – и замирание. Замерла – и нет птички... Птичка-невидимка. Их, действительно, масса!

– Невероятно! Всё в синехвостках! – поражаюсь я, – Какой массовый пролёт!

На галечной косе ручья я, впервые в этом году, вижу жёлтую трясогузку! Это – горная трясогузка. А вот – стайки длиннохвостых птичек! Малиновое брюшко, крапчато-коричневая спинка. Свистит, эта птичка, так же заунывно и просто, как снегирь...

– Это урагус! – улыбаюсь я, – Его, ещё, называют длиннохвостым снегирём...

– Сегодня двадцать первое апреля, – думаю я, пристально всматриваясь в каждую веточку, – Вот, это да-а! Сколько пернатой мелочи вокруг! Всё птичье население движется на север!

Отцветшие ольховые серёжки валом лежат на прелой листве, на гальке речных берегов. Почва, буквально, устлана серёжками! Я раньше, как-то, этого не замечал...

Двадцать второе апреля. Ну, раз уж, мы находимся на Филатовском кордоне – решаем обследовать и этот участок острова. С утра пораньше, своей парой, мы выходим в лес. Наш маршрут – вверх по долине ручья Филатова. Начинается просто превосходный, солнечный день. Безоблачное, синее небо над головой! А, это – такая редкость, для Кунашира...

Сколько мы ни идём, следов медведей – ни одного! Час, второй...

– Заметил? Следов медведей нет!

– Ну! Какой резкий контраст с территорией заповедника!

Вот и гора Добрая показалаась впереди. Теперь, её не закрывают от наших глаз кроны пихт. Высотой около пятисот метров, эта гора представляет собой очень правильный конус! Как вулкан, на картине! Вот, только, склоны – очень уж, крутые.

– Это – гора Добрая! – тычу я пальцем в сопку, – Вулкан в миниатюре!

– Ага, – отзывается напарник.

Мы шагаем дальше. Вершина сопки скрыта под шапкой сплошных зарослей кедрового стланика...

– Какой идиот назвал её Доброй? – недоумевает Казанцев, – Сань! Как гора может быть доброй или не доброй?

– Отстань, Серёж! – отмахиваюсь я от него, озираясь по сторонам, – Меня больше интересует, что следов медведей – нигде нет!

Подойдя к горе поближе, мы переваливаем между сопками вправо, в противоположную от неё сторону – в долину ручья Балышева. Кордон «Филатовский» стоит, как раз на этом ручье. Поэтому, идея наша проста – по пойме Балышева, мы свалим к кордону. И всё! Наше знакомство с этим участком острова, будет закончено...

Мы спокойно шагаем по насту среди ольховника, по закрытой полутораметровым снегом, пойме ручья. Но, ручей выделяет такие петли и повороты! И он – не замерзает зимой! Это – снежная траншея «по шейку глубиной», с ручьём по днищу... И все эти траншеи – они стоят поперёк нашего движения! Мы штурмуем эти преграды...

Спрыгнув в преградившую нам путь очередную траншею ручья, мы пробуем вылезти из неё наверх. Полтора метра – это мне по глаза!

– Ху-xxx!!!

Я оторопело вскидываю лицо вверх – ухнув от неожиданности, в паре десятков метров перед нами прочь срывается чёрная туша!

– Медведь!

Моя рука, запоздало, дёргается к ремню висящего на плече, ружья. Но – я уже вижу, что зверь прыжками мчится от нас поперёк поймы, к близкому склону речного распадка. Там, поверх склона, монолитом стоит чёрная стена спелого пихтарника. И вместо ружья, я хватаюсь за бинокль...

Вот он, зверь! Стоя по плечи в снежной траншее ручья, как в окопе, я смотрю как большой и сильный, высокий на ногах и от этого кажущийся поджарым, медведь, пригнув голову к земле, сильными, размашистыми прыжками, уходит от нас по насту ольховника. При каждом его прыжке, наст, фонтанчиками белых искр, брызжет из-под его тяжёлых, когтистых лап...

Вымахнув из распадка речной долины на крутой склон, зверь разворачивается на границе пихтарника, к нам правым боком и сразу переходит на шаг. Восстанавливая сбитое горячее дыхание, он пару раз, словно кашляя, с шумом выдыхает воздух. Я смотрю в бинокль, как чёрная, с синевой, медвежья шерсть переливается на его лопатке буграми мощных мышц...

Бросив в нашу сторону короткий взгляд, медведь делает шаг под пихты и исчезает.

– Фу ты, чёрт! – нервно перевожу я, дух.

– А, он – пугливый! – замечает стоящий рядом Казанцев, своим тонким голосом.

– Скорее – пуганый, – поправляю я его.

– Да! – соглашается напарник, – На Тятинке, в заповеднике, от нас так не бросаются.

Мы выбираемся из траншеи ручья и подходим к его следам...

Оказывается, медведь шагал нам навстречу. И встреча с нами, для него, была также неожиданна, как и для нас. На насте видно, как зверь, буквально на полушаге, бросил своё тело в сторону, к лесу. Вырванные когтями, комочки зернистого льда раскатились далеко по поверхности наста...

– Интересно, чем он занимался? – загораюсь я и предлагаю, – Давай посмотрим? Потрошим!

И мы шагаем по медвежьему следу, «в пяту». Когтистые медвежьи лапы едва отпечатались на, ещё только начавшем подтаивать, насте...

Выбрав наиболее удачный отпечаток передней лапы, я замеряю рулеткой его ширину: «Пятнадцать с половиной сантиметров!».

– Крупный.

– Угу, – согласно киваю я головой, – Я ещё в бинокль посмотрел – что он большой, хороший...

По следу видно, что медведь напрямик пришёл сюда от подошвы склона одной из сопки Медвежьего перевала. Мы шагаем по насту, рядом с его следами...

Вдоль подножия склона оформилась проталина маленького ручейка. Она совсем небольшая, около пяти метров в длину и пару метров в ширину. По её травянистым берегам, прямо у

среза водички, видны медвежьи покопки. Закатав рукав, я засовываю руку со своим огромным ножом, в наполненную до самых краёв водой, лунку.

Сразу онемела, заломила рука.

– Какая вода! – сжимаю я, зубы, – Ледяная!

Сантиметров восемь, глубина...

Я нащупываю, на днище лунки, остаток корневища. И подрезаю его носиком лезвия.

– О-о! Знакомый запах!.. Серёж, понюхай! – предлагаю я Казанцеву, просто так, чтобы скучно не было.

– Сам нюхай! – взвизгивается Казанцев, – Тебе надо знать, что он ел? Вот, ты и нюхай!

– Послал же бог, напарника! – деланно возмущаюсь я, подсчитывая при этом покопки, – Ни нюхать не хочет, ничего не хочет...

– Лучше говори, сколько покопок записывать! – напарник держит в руках мой дневничок.

– Одиннадцать симплокарпуса и шесть лизихитона, – говорю я, – Здесь, он всю проталинку перетряхнул... Ладно, надо дальше тропить – может, помёт найдём...

– Пошли, тогда, дальше, – соглашается Сергей.

След показывает, что к проталине, в пойму ручья Балышева, медведь спустился с борта Медвежьего перевала. Но, он-то спускался, а нам – подниматься! Лавируя между стволами пихт, мы шагаем по насту вверх, в сопку...

Снежный склон быстро становится всё круче и круче.

– Серёж! Смотри! У медведя – та же идея передвижения по насту, что и у нас! – замечаю я на очередном перекуре, когда мы стоим согнувшись пополам и уперев руки в колени, – Когда мы идём по насту среди хвойников, то выбираем прогалины. Здесь – наст крепче, не провалишься... Он делает точно также!

– Нууу, – пожимает плечами, стоящий согнувшись рядом со мной, Казанцев, – Он не первый день на свете живёт.

Чем выше мы забираемся, тем круче склон и твёрже наст. Вот, уже пошли и вершинки кедрового стланика! Маленькие, они выглядывают прямо из наста.

– Да, куда его чёрт занёс?! – уже давно стонет позади меня, Казанцев.

Вот, на льдистой корке наста, от медвежьих лап остаются лишь царапины, от когтей! Мне всё труднее отыскивать эти царапины. Я всё медленнее продвигаюсь вперёд, больше кружу в поисках...

Наконец, исчезают даже последние намёки на медвежий след. Через пару минут блужданий, я отрываю глаза от чистого наста, распрямляюсь и оглядываюсь по сторонам – оказывается, мы стоим на самой вершине самой высокой сопки перевала! Она льдистая и совсем маленькая! Метров пять на пять.

– Скотина! – тонким голосом, ноет сзади Казанцев, – Мозгов нет – вот и бродит, где попало! Какой чёрт его затащил на этот голый пупок?! Здесь, кроме снега – ничего нет!.. Ты – как хочешь, а я дальше штурмовать сопки не пойду! Только на кордон!

– Надо ещё, хоть немного потропить! – возражаю я, – Ни одного помёта! Зря столько тащились, что ли?

– Ну, так и что из того?! – взрывается Казанцев и чеканит, отдельно, каждое слово, – Я, дальше – не иду!

У меня опускаются руки. Я опустошённо молчу...

– Вот и поработал! – обречённо думаю я, – Одному бродить – опасно, а с кем в паре идти – попробуй, каждому угоди!

Над верховьями ручья «Филатовка», мимо Доброй, тянет клин гусей. Со своей вершины, мы стоим и разглядываем птиц.

– Гуси! – тяжело бурчу я, – На север идут.

У птиц – светлое, серое туловище и тёмные, почти чёрные, крылья.

– Наверно, это казарки, – без восторгов, прикидываю я, – Гусей, с такими чёрными крыльями – не бывает. Надо будет, у Дыхана спросить, как в цивилизацию выйдем...

Я набираю полную грудь воздуха и медленно выдыхаю...

С минуту постояв и уже отрешённо, как что-то несбывшееся, осмотрев с вершины местность «по нашему курсу», я хмуро говорю Казанцеву: «Ладно... Домой пошли». А что, мне, остаётся делать?!

Сегодня транспортный день. Во второй половине следующего дня, мы, большим караваном, подходим к нашему Тятинскому дому. Сегодня – нас много, и людей, и лошадей, и собак. Обычные хлопоты по быту занимают всё время до вечера...

– Чиф-чиф-чиффырррр! – раздаётся с неба, такой знакомый звук.

– О! Бекас токует! – поднимаю я лицо, к небу.

– Точно, бекас! – отзывается Андрей Анисимов, – Первое токование в этом году! Сегодня двадцать третье апреля. Надо записать. В Календарь природы заповедника пойдет.

Быстро синееет вечер. Вновь, я слышу лягушачье кваканье!

– Куааааа! Куааааа! – раздаётся в луже, рядом с домом.

– Хм! – хмыкаю я, вслушиваясь в этот, пока ещё слабый, свадебный хор лягушачьих глоток, – Только сегодня, двадцать третьего числа, очухались! А начали ведь, сквер-стись – аж семнадцатого апреля! Семь дней! Вот, что значит – циклон...

– Цик! Цик!

Над, едва угадываемым в густой синеве сумерек, лесом слышится редкое, едва различимое цыканье.

– Андрей! Вальдшнеп тянет! – радостно сообщаю я, заходя в дом, – Иди, послушай! Первая тяга!

Вместе с Анисимовым, мы выскакиваем на улицу.

– Цик!.. Хор... Хор... Хор... Цик!

– Точно! Вальдшнеп! – неподдельно радуется Андрей, – Слышишь? Хорканье? Классика! Как на охоте!.. Сегодня, как на заказ, целая вереница индикаторов весны!

Стемнело... Неожиданно Муха, сорвавшись из входного тамбура нашего дома, с лаем бросается в темноту, за угол.

– Гав!.. Гав! – её редкий и какой-то особенный, злобный лай раздаётся совсем рядом с домом...

Нас, учить не нужно – каждый из нас знает, как собаки лают на медведя. С фонариком в руке, я спешу на угол дома.

– Гав!.. Гав!.. Гав!

Муха лает совсем близко! Свет от моего фонарика – такой жидкий, блёклый...

Следом, подходит Андрей.

– О! Глаза! – Анисимов светит своим сильным, восьмибатареечным фонарём, – Саня! Медведь!

– Ага!

– Тут, всего-то – тридцать шагов!

В свете фонаря снова блеснули две, широко расставленные лампочки и исчезли в темноте. Я понимаю, что медведь – не убежал. Он, просто, отвернул свою морду от луча света.

– Хррум!.. Хррум!.. Хррум!.. Хррум!

До нас отчётливо доносится равномерное похрустывание сухих, прошлогодних стеблей лопухов под тяжёлыми медвежьими лапами.

– Гав!.. Гав! – не подступая близко, Муха, редко гавкая, сопровождает медведя...

На шум, к нам подходят все прочие, сегодняшние обитатели нашего дома.

– О! Блин! Медведь!

– Ага! Смотри – как близко!

– Ну!.. Идёт.

Мы громко переговариваемся между собой, гурьбой стоя на углу дома...

– Гав!.. Гав!

– Хррум!.. Хррум!.. Хррум!.. Хррум!

Время от времени, в луче сильного Анисимовского фонаря, словно два угля, вспыхивают широко расставленные глаза зверя...

– Он, даже за туалет не заходит!

– Ну! Пройдёт между домом и туалетом!

С олимпийским спокойствием, медведь вышагивает мимо нашего дома, от Банного ручья в сторону речной долины Тятиной.

– Хррум!.. Хррум!.. Хррум!.. Хррум!

– Там же кобыла привязана! – вдруг, вспоминает кто-то.

Андрей Архангельский бросается в дом, за своим табельным карабином. Метрах в пятидесяти впереди медведя, слышится перестук копыт встревоженной лошади. Кобыла натягивает верёвку в сторону дома. Андрей лязгает затвором и коротко бросает Анисимову: «Андрей, свети!».

– Да, вон он! Идёт! – недоумевает Анисимов, наводя луч света на медведя.

– Хррум!.. Хррум!.. Хррум!.. Хррум!

В луче яркого света, спокойно шагает мимо нас, медведь.

– Та-аахх!!!

Ночную тишину раскалывает выстрел. Слеплённые вспышкой выстрела, мы погружаемся в полную черноту. У меня закладывает левое ухо – слишком близко, я оказался к Архангельскому. В темноте я слышу, как Андрей лязгает, передёргивая затвор карабина.

– Та-аахх!!!

– Идёт, скотина, как шёл! – изумляется кто-то из нас.

– Хррум!.. Хррум!.. Хррум!.. Хррум!

– Он что, глухой?!

– Та-аахх!!!

Боящаяся выстрелов, как огня, Муха исчезает бесследно – наверняка сейчас трясётся, забившись в угол тамбура нашего дома. А медведь, как шёл – так и идёт!

– Хррум!.. Хррум!.. Хррум!.. Хррум!

– Та-аахх!!!

В тишине ночи, выстрел кажется неправдоподобно громким... Я изумлённо смотрю на то, как, по-прежнему, не спеша вышагивающий в луче света, медведь, даже не сбивается с шага!

– Хррум!.. Хррум!.. Хррум!.. Хррум!

По-прежнему, мерно похрустывают под медвежьими лапами сухие трубки лопухов. Он вообще никак не реагирует на людей, выстрелы...

– Как громко бьёт! Я, на левое ухо, уже ничего не слышу!

– Громко! – огрызается Архангельский, – Эта сволочь затупила, хоть по нему стреляй! Андрей, свети ещё!

– Та-аахх!!!

Пушечным выстрелом, бьёт по ушам очередной выстрел. Теперь, в моих ушах – только звон...

– Бесполезно!

– Дурак! Занозу отвязывай! – кричит на Архангельского Сергей Олевохин, – Сейчас, он на неё выпрется!

Андрей бросается к своей кобыле. По топоту копыт в темноте, я понимаю, что он торопливо уводит её за угол, на фасадную сторону дома...

Продрогшие от весенней ночной прохлады, всё-также толпой, мы стоим на углу.

– Хррум!.. Хррум!.. Хррум!.. Хррум!

Неспешное потрескивание сухого бурьяна под медвежьими лапами, постепенно отдаляется. И, наконец, затихает в стороне Тятиной...

Ти-ши-на...

– Во, бред!

– Как, всё это, понимать?!

– А, чёрт его знает, как...

– Как шёл – так и прошёл!

– Да-ааа... Тут-то, шагов тридцать пять, будет?

– Наверно, будет...

– Ну и дела...

Мы заполняем внутренность нашего жилища. Единственная свечка на столе слабо освещает наши растерянные лица...

Тятинский дом. Опять пришла непогода! Опять метёт позёмка! Опять снегом закрыло проталины! С наших нар, из-под потолка, я гляжу в наше большое окно: «Вот, беда-то... Как там, бедные птички? Ведь, уже вовсю идёт массовый пролёт...».

Под утро, со стороны хвойника, что западнее нашего дома, я слышу заунывный свист дрозда.

– Сиинииииии... Сиинииииииии...

Впервые, в этом году...

Всё успокаивается только двадцать шестого апреля! Через три дня...

Тятинский дом. Утром, кроме ружей, вооружённые ещё и фотоаппаратами, мы, в паре с Андреем Анисимовым, выходим в лес...

На низкой морской террасе под нашим домом, при нашем приближении, с шиповника снимается стайка из шести – семи птиц. Довольно крупные, с голубя величиной! Птицы резво перебегают по земле, притаиваются...

– Хм! – думаю я, присматриваясь к птицам, – Не прыгают, одновременно двумя ножками, как большинство пернатой мелочи – а перебегают, как трясогузки!

Вот! Короткая пробежка по земле – и птица замерла! Крапчатая, она полностью сливается с пожухлой листвой земной поверхности. Отведёшь взгляд от замершей птицы – и потом, приходится по-новой высматривать её, пристально впившись взглядом в листву.

– Андрей! Что за птицы? – интересуюсь я, – Пёстрые, как курочка-ряба, из сказки!

– Саня! Это пёстрый дрозд и есть! – объясняет мне, более продвинутый в орнитологических делах, Андрей Анисимов.

На гребне высокой морской террасы у Банного ручья, за эти дни непогоды, северо-западным ветром надуло неплохую лавину! Белым лайнером, она нависает над бамбуковым склоном террасы. На былинку, торчащую из борта этой белой «яхты», уселась какая-то птичка! Установив треногу своего фотоштатива, я гляжу на неё в свой телеобъектив.

– Андрей! Смотри! – зову я Анисимова, – Как чекан! Только, у этой птички, грудка – вся в красных брызгах!

– Саня! – смеётся надо мной, Анисимов, – Это – он и есть! Черноголовый чекан. Ты – невнимательно, раньше, смотрел! Это и есть его нормальная окраска!

Чёрноголовая птичка, с забрызганной алыми каплями светлой грудкой, очень красочно смотрится на фоне белого снега лавины и тёмно-синего неба. Я несколько раз нажимаю на кнопку своего фотоаппарата...

Следуя за стайкой дроздов, мы заворачиваем в овраг Банного ручья. Здесь – голый ольховник. Мы движемся не спеша, без резких движений...

Птицы все – подавлены, подпускают нас на два – три метра! И синехвостки, и крапивники, и дрозды...

– Никто нас не боится! На три шага! Где это видано?! – недоумеваю я вслух, не отлипая от своего объектива.

Всё птичье население поглощено кормёжкой! И большие, и маленькие... птички копошатся в прошлогодней листве, валёжинах и трухлявых стволах сухостоя. Они, практически, не обращают на нас внимания! Удивительно...

– Андрей! Это что, голод? – на миг оторвавшись от фотоаппарата, недоумённо оглядываюсь я на Анисимова.

– Что ты хочешь? – пожимает тот плечами, – Им, сейчас – не до нас... Знаешь, сколько их погибло, за эти дни?! Я думаю, столько – что нам лучше не знать! Для душевного равновесия... Просто, мы, этого не замечаем. Весенние метели, для птиц – самое страшное дело.

В дальнем углу ольховника Банного ручья, мы натываемся на свежие медвежьи наброды. По следам я вижу, что здесь кормились два или даже, три зверя! На свежем снегу чётко печатаются их когтистые лапы. Я, по очереди, меряю их своей рулеткой.

– Этот – четырнадцать, по снегу.

– А, на чистой земле? Замерь вот этот след, – подсказывает мне Анисимов.

Оглянувшись, я вижу, что Андрей стоит возле поковки лизихитона. На грязи у его болотника, красуется шикарный медвежий след. Я спешу к нему.

– Тринадцать с половиной! – сообщаю я и пожимаю плечом, – Взрослый, средний медведик.

– О! Видишь? – разводит руками, Анисимов, – Более точно!.. А, вот этот?

Я подхожу к Андрею и приседаю над медвежьим следом, возле которого он стоит.

– О-оо! Этот – пятнадцать! Этот – самый крупный из них!

– Ну!

Бродя по медвежьим следам, я начинаю считать поковки лизихитона и скусы растений. Медвежьих помётов, по-прежнему, нигде нет – видимо, звери уже давно освободились от «лишнего» и давно не ели...

На всех – получается восемнадцать кусочков сосюреи, шестнадцать кусочков бодяка, семнадцать попок лизихитона, шестнадцать кусочков белокопытника. Но, мне нужно большее – мне нужны помёты! Мы берём один медвежий след и начинаем его тропить...

След ведёт нас перелесками, по снегам ольховников Банного ручья...

А под пихтарником – старый, зимний снег! Он совершенно не держит нас! Проваливаясь под самый край голенищ болотных сапог, мы упорно лезем по следу...

Бессильно прислонившись к стволу пихты, я рукавом вытираю потное лицо: «Фуууу! Блин!.. Сил больше нет».

– Может, оставим его в покое? – предлагает Анисимов.

– Помётов нет! – морщусь я, – Зря, что ли, помирили?! Столько, уже прошли! Должен же он когда-нибудь погадить?!

– Ну, давай ещё пройдем! – соглашается Андрей.

И я снова, как кабан, ломлюсь по снегу, следом за таким длинноногим лосем, Анисимовым...

Вот и долина Тягиной! Она просвечивает сквозь чёрные лапы пихтарника, впереди. Выйдя из-под пихтарника, медведь ушёл в просторы речной поймы. Вываливаемся из-под пих-

тарника и мы. И тут я вижу, что впереди, по медвежьему следу, на белом снегу чернеет кучка помёта.

– Помёт! Ур-рррааа!!! – на всю округу, радостно горланю я, – Ур-рррааа!!!

Много ли надо научному сотруднику, для счастья?..

– Ха-ха-ха! Саня! – смеётся надо мной, Анисимов, – Хватит горло драть! Будто кусок золота нашёл!

– Ур-раааа! – всё никак не могу я, успокоиться, – Удача какая!..

– Свежий! – радостно делюсь я своими восторгами, укладывая помёт в полиэтиленовый пакетик.

Сразу, как только оказался на проталине склона речной долины, медведь покормился. Я брожу по прелой листве проталины по его следам и подсчитываю поеди растений..

Всё время крутившийся рядом с нами, рыжий кобель Анисимова Руруй куда-то исчез. В свою очередь, Андрей отлучается сам – к уже близкой, речке. Я же – поглощён медвежьей кормёжкой..

– Шестнадцать кусочков сосюреи, два кусочка бодяка, шестьдесят восемь кусочков белокопытника и девяносто покровов симлокарпуса! – говорю я через десять минут, подходящему ко мне, Анисимову, – Он, здесь, хорошо поел!

– Га... Га... – долетает до моего уха, неопределённый звук, словно где-то далеко-далеко, лает собака.

– Собака? – я оборачиваюсь к Андрею, с полувопросом. – ?!

Мы долго стоим, прислушиваясь к абсолютной тишине леса, вокруг нас...

– Нет! – говорит Андрей, – Ничего не слышно.

– А... Послышалось, – соглашаюсь я, – Вроде бы, как – пару раз гавкнула! Показалось...

Мы трогаемся, по медвежьему следу, дальше. Выписывая зигзаги, след медведя ведёт нас по заснеженному ивняку поймы, влево...

Метров через четыреста по редкому ивняку, мы выходим на поляну. Перед моими глазами – мешанина следов! Здесь – по снегу, накрутили медведь и собака! У меня падает настроение.

– Андрей! Это – заповедник, называется! – выговариваю я Анисимову, – Какого чёрта ты охотничью собаку, лайку, в лес тащишь?! Что? Хорошо получилось?

– Саня! – бросается, тот, в атаку, – Я тебе сразу говорил, что без собаки – я в лес ходить не собираюсь! Ну и что с того, что мой Руруй пропёр этого медведя? Ничего с ним не случится!

Делать нечего. Немного постояв в обиде, я глубоко вздыхаю, примираясь с уже произошедшим и начинаю разбирать следы на снегу...

Снег показывает мне, что наш медведь спокойно ковырялся здесь. Анисимовский кобель, работая по-зрячему, молча вылетел на него и рванул медведя за зад. От такой неожиданности, медведь – прямо-таки, взорвался помётом!!! Здесь, всё равномерно забрызгано студенистыми каплями жидкого медвежьего помёта! Здесь же – следы шальных прыжков медведя, по пятам преследуемого Руруем...

Мы стоим с Анисимовым, на краю этой, забрызганной медвежьим помётом, «белой страницы». Дальше ступать – как-то...

Я, с удивлением, рассматриваю широкий пятак загаженного медведем, чистейшего, свежего снега. Ничего подобного в своей лесной жизни, я никогда не видел.

– Обдристался как!

– Даааа... – недоумённо тянет Анисимов, – Струя – метров пять. А, разброс! Ты только глянь – метра два, шириной!

– Будет, теперь, рвать по лесу! – опять выговариваю я, Анисимову.

Анисимов виновато молчит, опустив глаза вниз, на забрызганный медвежьим помётом, снег. Вздохнув, я приступаю к осмотру...

По следам, я вижу, как медведь, с висящей на нём собакой, пронёсся по поляне далеко влево! Потом, крутнувшись, он развернулся и на махах, проскочил по поляне обратно! Здесь, осаженный Руруем очередной раз, медведь снова развернулся и после нескольких крутых виражей, во весь опор бросился к борту речной долины.

– А! – понимаю я его, – Там – спасительный пихтарник!

Я шагаю, по следам медведя и собаки, дальше. Белая поверхность чистейшего снега, «в лицах и красках» показывает мне, как, по пятам преследуемый собакой, медведь мчится поперёк голой поймы...

Вот и склон восточного борта речной долины. Здесь, он – низкий и пологий. Медведь, прыжками, вымахивает на оттаявший от снега, травяной склон речной террасы и на снегу у стены пихтарника... тормозит.

– Остановился! – изумляюсь я, уставившись в следы.

Зная, что в любую секунду он может скрыться в густом хвойнике, медведь преобразился! Развернувшись, он разом сбросил «с хвоста» собаку. В свою очередь, Руруй, так азартно преследовавший зверя на голых просторах пойменного ивняка, сразу оставляет медведя в покое.

Я, с удивлением, читаю следы дальше...

– Ещё минуту назад! Я думал, что собака будет гнать бедного медведя, пока не устанет! – думаю я, – Оказывается – что, нет!

Следы на снегу показывают мне, что медведь развернулся влево, вдоль границы пихтарника и зашагал по краю террасы. И собака, его – совсем не беспокоит...

– А, Собанский, который изучает медведей на Алтае! – делюсь я мыслями, с напарником, – Пишет в своих статьях, что, столкнувшись с человеком, медведь бежит, пока не выбьется из сил! Смешно...

– Ты, Саня, больше верь! – советует мне Анисимов, – Этим байкам, у костра!

Выйдя по краю пихтарника, на свой входной след, наш медведь упёрся в наши следы!

– Андрей, послушай! – поражаюсь я, – Он же, элементарно проверил – мы пришли по его следу целенаправленно или собака нашла его в пойме случайно!.. Потрясающе! Это – самый первый вопрос, который должен задать себе любой, здравомыслящий человек на его месте!

– Саня, ты слишком много времени проводишь в лесу!

– бухтит Анисимов, – Для тебя – уже все одинаковы, что медведи, что люди!

– Звери, люди... Думают-то – все одинаково! – говорю я назад, не отрывая взгляда от снежных следов, – Как показывает моя лесная жизнь – особой разницы нет.

Озадаченный, я стою над медвежьими следами. Я вижу, что дальше – медведь деловито зашагал по нашим следам.

– Он идёт за нами! – удивлённый, стоит позади меня, Анисимов.

– Ну! – киваю я и прикидываю ход медвежьих мыслей, – Он узнал, что люди пришли по его следу! Теперь – ему нужно узнать, кто эти люди!

Я приседаю на корточки и касаюсь пальцем маленького углубления на поверхности снежной лунки человеческого следа: «Смотри! Он суёт свой нос в каждый наш след! Вот! И вот! И вон!.. Молодец!». У меня хорошо работает воображение – я красочно представляю себе, как, вот здесь, стоящий на четырёх ногах, среди заснеженного пихтарника, бурый медведь опустил морду к следам и чёрным пятакон своего носа ткнулся в снежный отпечаток болотного сапога...

Я, чуть пригнувшись к следам, первым, Анисимов – в шаге за мной, мы шагаем по заснеженному пихтарнику, по следу... тропящего нас медведя!

– Интересно... – поглядывает по сторонам Анисимов, – Саня! А, кто кого тропит?! Мы – его? Или, уже – он нас?!

– Ну, по наложению следов друг на друга... – прикидываю я и показываю пальцем следы, – Смотри! Сначала, вот – мы его!

– Ну! – кивает Анисимов.

– Потом, вот – он нас!

– Ага! – соглашается Андрей.

– А теперь – мы тропим его. По второму кругу...

– Тропим медведя, тропящего нас... – бухтит Анисимов, – Туфтология...

– Как-то так..., – киваю я, не отрывая глаз от снежных следов.

Мы шагаем дальше...

– Целую дорожку натоптали! – бурчу я, – Сначала медвежий след, по нему – собачий, потом мой, потом твой! Теперь – второй круг: опять медвежий и следом – собачий. А теперь – снова мой и твой!

– Уффф! – вздыхает за спиной, Анисимов.

Медведь проходит по дорожке следов весь пихтарник, до места, где мы вывалились из хвойника на проталину склона речной террасы! Здесь, он круто сворачивает вправо и по глубокому, рыхлому снегу, уходит прочь от речки, в глубину хвойных лесов.

– А-аа! – делает вывод Анисимов, – В открытую пойму – не пошёл! Молодец!

– А что, ему? – дёргаю я на это, плечом, – Он же, не в прямом смысле, нас тропил! Узнал своё – да и пошёл...

– Запах, наш, проверил – уж, точно! – прикидывает Анисимов.

– Конечно! – соглашаюсь я, – Скорее, вспомнил. Он же должен наш запах знать по прошлому году...

Я уже прикидываю наши дальнейшие действия, – Ладно... Давай, домой выкручивать? Дальше – ни помётов не будет, ни поедей.

– Давай, – кивает Анисимов.

К своему Тятинскому дому мы выкручиваем по дороге – через подъём со стороны устья Банного ручья. Короткий подъём на плато высокой морской террасы – и перед нами предстаёт пустырь нашего дома.

– О! Какой сюрприз!

– Сколько народу!

Прямо перед входной дверью, перед фасадом нашего дома, стоит вездеход. Большой и тяжёлый ГТТ. С корабом металлического салона вездеход вообще смотрится зелёным мастодонтом. Лица – все наши, заповедниковские. Это приехало всё наше начальство.

Сегодня – тепло, пригревает солнце, топит проталины вокруг. И все, выехавшие на природу чиновники – поодиночке, разбрелись по плато бывшего посёлка.

На обширной проталине правее нас, стоит голенастая, белая птица.

– О! Цапля! – замечает раньше меня, глазастый Анисимов.

– Ага! Цапля! – соглашаюсь я, – Только, она... маленькая какая то!

– Ну! Чайка, на ходулях.

Цапля так напоминает мне маленького человечка, в белом фраке!..

От дома, к этой птице спокойно и открыто шагает по пустырю наш директор, с фотоаппаратом в руках...

На нашей тропинке стоит Дыхан. Он – одет в камуфляж, но не по-лесному. Он стоит к нам ближе всех других.

– Мишка, привет! – говорит ему, Анисимов, – Все наши начальники приехали?.. Что это, за цапля? Мелкая какая-то.

– Привет, Миш! – здороваюсь, я.

– Привет, Андрюха! Привет, Саня! – здороваются с нами Дыхан, – Это египетская цапля!

Мы шагаем по пустырю к дому по тропинке, оставляя цаплю и директора далеко правее.

– Что, он, делает? – интересуюсь я у Дыхана, кивнув в сторону директора.

– Как что? – лицо Михаила расплывается улыбкой, – Цаплю сфотографировать хочет. Редкость, всё-таки.

– Да?! – недоверчиво скашиваю я глаз, на спокойно шагающего по голому пустырю в направлении птицы, человека.

– Ну, – кивает Дыхан и интересуется, – А что?

– Хм! – красноречиво хмыкаю я, – Кто ж, так делает?! Чтобы кого-то снять – нужно подползти, подкрасться! А он – в полный рост! Просто идёт к ней!

– Ну... Ему виднее! – не заморачивается на этот счёт, Дыхан.

Цапля подпускает шагающего к ней человека с фотоаппаратом метров на тридцать и взмахнув своими белыми крыльями, легко поднимается в воздух. Перелетев через Тятинский дом, птица планирует на проталину, метрах в пятидесяти по другую его сторону. Абсолютно спокойно, Сташкевич разворачивается и снова шагает в сторону птицы...

Мы останавливаемся.

– Ха! – хмыкаю я, исподлобья наблюдая за сценкой, – Это, уже интересно!

Когда я уставший – во мне много скептицизма и раздражительности. А сейчас, я – уставший.

– Да брось ты, Саня! – Анисимов широко улыбается гостям.

Цапля опять подпускает человека метров на тридцать, взмахивает своими белыми крыльями... Но, на этот раз, она окончательно уходит по небу прочь, в сторону Тятиной.

– Всё!

– Улетела!

– Кино закончено.

Всей тройкой, мы стоим и провожаем взглядами белоснежную цаплю...

К нам подходит слегка расстроенный директор.

– Здравствуйте, Леонид Фёдорович! – хором, здороваемся мы.

– Здравствуй, Андрей! Здравствуй, Саша! – здороваются с нами, директор.

– Ну, как? – жизнерадостно интересуется Анисимов, – Сфотографировали?

– Нет. Не подпустила! – недоумённо разводит руками, Сташкевич...

Директор, у нас – мастер дожить печи из кирпича. Оказывается, на этом вездеходе они привезли на Тятино целую гору красных, новеньких кирпичей! И цемент, и всё прочее. Сташкевич приехал сложить нам настоящую печку! Мы этому так рады!

День за днём, вооружившись мастерком, Леонид Фёдорович кладёт нам в Тятинском доме печку. Мы с Казанцевым и Анисимов Андрей – всячески помогаем ему. Мы носим вёдрами воду с устья Банного ручья, мы копаем глину на спуске и носим её в вёдрах к дому Мы месим раствор на улице, в широкой ванне. Мы подносим стопки красных кирпичей нашему печнику...

– Настоящая печь! – искренне радуемся мы.

– Со стояком! Теперь и зимой в доме можно будет по-человечески жить!

И мы всячески стараемся выказать свое расположение человеку, который благоустраивает наше жилище...

Тятинский дом. Двенадцатое мая. Сегодня я вернулся из посёлка! Сегодня, у меня – транспортный день, заезд. Дом пустует – вот уже две недели...

Теперь – мы вдвоём с Александром Трубергом. Это у нас, в заповеднике, появился новый научный сотрудник! Труберга взяли на работу в заповедник! Это хорошо... Герпетолог – специалист по лягушкам, змеям, ящерицам...

Пока мы ехали, с Филатовки до Тятино – с крыши вездехода, я, чуть ли не в каждой бухточке побережья, видел пары сидящих на присадах, матёрых орланов-белохвостов. Они такие матёрые! Такие белохвостые! Такие жёлтоголовые! Пар пять, как минимум!

– Это всё – гнездящиеся, местные пары! – понимаю я.

Я стою на углу Тятинского дома и смотрю на тёмное море хвойников, сплошь закрывающее подножия вулкана. У меня в голове роятся невесёлые мысли: «Сегодня двенадцатое мая. Двенадцатое! С двадцать восьмого апреля, я не был в лесу! Пропустить две недели полевого сезона!.. Но, в этой жизни – не всё зависит от нас».

На заросший ивняком прудик у нашего дома, бойко падают с неба три уточки! Не успев окончательно зайти в наш дом, я смотрю на них, чуть приоткрыв дверь тамбура и выставив в эту, вертикальную щель, свой бинокль...

Вернее сказать, уточек – две. Они – ярко-крапчатые, серенькие, боковые пёрышки хвостиков – белые...

И один селезень. Этот – вообще красавец! Голова – как у мандаринки: верх малиновый, яркие щёчки, горизонтальная чёрная поперечина от глаза к затылку. Грудка крапчатая, как вуалевый хвостик у аквариумных рыбок «гуппи». Однако, у него нет заломленных кверху «мандаринковых» перьев на крыльях...

– 3-звук! 3-звук! – селезень одиночно крикает, коротко и звонко, словно колоколец звякает.

– Что за утки такие? – прикидываю я, – На мандаринок немного похожи! Но, крылья – не такие!

– Саша! – зову я назад, в дом, – Иди, на уток посмотри!

И скоро Александр подпирает меня сзади. Это заставляет меня попытаться чуть приоткрыть дверь. Только чуть-чуть! Но уточки легко порхают в воздух и... только их и видели.

– Вот незадача! – кривлюсь я, – Такие осторожные.

До вечера есть час свободного времени, и я шагаю на край высокой морской террасы, прямо напротив нашего дома. Я устанавливаю фотоштатив и навожу телеобъектив своего фотоаппарата на морскую литораль...

Я долго наблюдаю за двумя парами шилохвостей, не забывая нажимать на кнопку спуска.

– Щёлк! Щёлк!

– Ах! Какие кадры! – радуюсь я.

Море, сегодня – такое спокойное. Волн нет совсем! Вода, просто, стоит! Как в луже. Полный штиль! Даже первой волны нет!.. Утки не спеша кормятся, в метре от уреза стоящей воды. Они шурудят своими большими, плоскими носами в плавающих на поверхности воды, водорослях. У них – такие, несуразно длинные, пики хвостов! Представьте себе светло-коричневую утку, размером с крякву – и у неё, вместо хвоста, сзади, под углом сорок пять градусов, торчит бурый, острый «шип», сантиметров двадцать длинны!

Что-то мелькнуло сбоку! Я быстро оглядываюсь – по пустырю бывшего посёлка, на скорости, проскакивает тройка диких голубей! Эти – мчатся молча и стремительно. Я провожаю их взглядом...

– Чиф-чиф-чиф-чиффырррр!

– Чиф-чиф-чиффырррр!

В небе стоит непрерывное жужжание токующих бекасов! Вокруг кипит весна!!! Я бросаю взгляд на свои командирские часы – пора возвращаться к нашему дому, хоть он и совсем рядом. Я сворачиваю своё фотооборудование и шагаю к дому...

За это время, Труберг сходил на болотины сырых ольховников Банного ручья.

– Саня! – возбуждённо встречает он меня, в дверях дома, – Я гнездо какой-то птицы нашёл!

– Где нашёл? – загораюсь я, – Что за гнездо?

– Вон, в лесу! На ёлке! Примерно, в восьми метрах от земли.

– А, как оно выглядит?

– Ну... Оно лежит на толстой ветке, прямо у ствола. Сложено из травинки и мха и глиной обмазано. В гнезде лежат пять яиц!

– Яички? А, какие они?

– Ну... они небольшие, голубого цвета.

– А! Это, наверняка, дрозд! У него – такие, голубые яйца!.. Сходить бы, туда!

– Ну, так пошли!

Наскоро хлебнув чаю, мы бредём с Александром в ольховник Банного ручья...

– Вон, ёлка! – тычет пальцем вперёд, Труберг.

Это – действительно, среднего размера ёлка. Остроконечная, обычная... Не доходя до дерева метров тридцать, мы притаиваемся на земле, за валёжиной. Я навожу на ель свой бинокль. Тянутся минута за минутой.

Вот! Серая птица величиной с сойку, тихой тенью, воровато прошмыгнула в крону ели! Я впиваюсь глазами в тёмную хвою...

Через минуту, птица, не раскрывая крыльев, камнем упала вдоль ствола, к земле! Она раскрыла крылья – только у самой-самой земли! И исчезла.

– Хм! – хмыкаю я в бинокль, – Хитра! Такой короткий «фррр»! И – совсем в стороне от гнезда! Наверно, это – уловка от кукушки! Зоркий глаз кукушки, конечно же, уловит короткое вспархивание крылышек птички. Но, это вспархивание – у земли! А гнездо остаётся незамеченным, высоко в кроне. Молодец, да и только!

– Саш! – тихо оборачиваюсь я к Трубергу, – Это дрозд! Точно! Пошли отсюда...

Тятинский дом. Тринадцатое мая. У Труберга – своя работа. А я – с утра отправляюсь по просторным полянам, что за ольховниками Банного ручья. Сегодня сделаю круговой маршрут влево, с выходом на Тятину...

Белокопытник уже достигает двадцати пяти сантиметров! Яркая и свежая, весенняя зелень так радует глаз...

Вот! По полю ещё не поднявшегося высокотравья, кормился средний медведь! Я сторожко шагаю по его кормовым набродам и подсчитываю поеди растений: двадцать семь кусков ростков сосюреи, два куса побегов бодяка, шесть покопок лизихитона, шесть кусков сочных черешков белокопытника...

Между делом, медведь разбил два трухлявых пня. Я приседаю на корточки и внимательно изучаю каждый сантиметр гнилушек.

– Что он, в них, искал? – озадачиваюсь я, – Насекомых? Специалисты – медвежатники пишут, что медведи в Архангельской области кормятся муравьями... Но, я не нахожу, в этих пнях, никаких муравьев! И ведь, уже не первый раз!

В одном месте, медведь сделал большой, очень объёмный подкоп под куст смородины. Я брожу вокруг куста, внимательно осматривая дерновину, размётанную вокруг бурую почву...

– Кого можно так выкапывать?! – озадачиваюсь я, – Такой объём работы – из-за какой-то мышки? Не рационально это...

Но, сколько я ни стараюсь – так ничего и не могу сообразить.

Вот и речная долина Тятиной. По медвежьему следу, я выхожу на край её надпойменной террасы. Впереди чернеет кучка медвежьего помёта! Это – первый, за сегодня, помёт! Свежий! Я очень рад. Я осторожно вкладываю его в полиэтиленовый пакетик и ложу в свой рюкзачок...

В небе над поймой, молча нарезает круги пара стрижей! Я тоже молчу. Я стою посреди травяной поляны и с улыбкой, слежу за птицами глазами: «Ой... Стрижи! Прилетели! Лето на крыльях принесли». Я достаю свой дневничок – это первая встреча стрижей, в этом году...

Тягинский дом. Ночью лёг снег! Снег!!! Пять сантиметров снега! Всё бело кругом. Подумать только, ведь сегодня – четырнадцатое мая! Свежая, зелёная трава – вся придавлена к земле снегом. Тянет постоянный ветер, с востока...

Весь день льёт дождь! Снег согнало. По радио передают усиление непогоды. Но, у меня – есть работа дома. Я занимаюсь определением содержимого собранных за вчерашний день медвежьих помётов... Два из них полностью состоят из симплокарпуса, а один – из белокопытника.

Тягинский дом. На следующее утро, на океане бьёт шторм. Там раздаются тугие, резкие, тяжкие удары океанского наката.

– Бухх-хухх!!! Бахххх!!! Бух-хухх-хуххх!!! Бух!!! Бух-хухх-хуххх!!!

Мне так знакомы эти звуки! По прошлому лету.

– Как артиллерийские залпы! – качаю я головой.

Но небо – чистое! Дождя нет. Выглядывает яркое солнце. И сразу становится по-летнему тепло...

– Однако, лето осторожничает! – улыбаюсь я, природе, – До сих пор, ольха не раскрыла своих почек! И только наполовину, выглядывают листочки из почек вербы...

Мы с Трубергом, в паре, уходим к Ночке, напрямик через лесные массивы. Кроме поисков медвежьих поедей и медвежьих помётов, я занимаюсь фотоохотой, для души...

Александр же, ищет в весенних лужах и озёрцах кладки лягушек. А, этих кладок, сейчас – тьма!..

Труберг стоит в чёрных болотниках, по колено в прозрачной воде чистой лужи. Я стою на краю этой лужи и смотрю:

Прозрачным ведром из пластика он осторожно зачерпывает лягушачью кладку, вместе с водой. Затем – поворачивает прозрачный, пластиковый краник в нижней части ведра. И вода, весело журчащей струйкой, сливается обратно в лужу! Теперь, по вертикальной шкале на стенке ведра, Труберг определяет объём кладки.

– Как же, всё просто! – поражаюсь я.

Но, это – ещё не всё! Отделив от кладки одну икринку, Александр помещает её в мерную пробирку – и таким образом определяет её объём. Теперь ему остаётся, чисто арифметически, разделить объём всей кладки на объём одной икринки – и мы узнаем количество икринок в кладке!

– Как всё, до примитивности, просто! – уже возмущаюсь я, – Ты поставь мне задачу посчитать количество икринок в кладке – так, я взял бы пинцет, вывалил бы весь ком лягушачьей кладки на поддон и начал бы, одну за другой, считать икринки... Оказывается, есть вариант, когда ничего считать вообще не нужно!

– Саша! – улыбается мне Труберг, с середины своей лужи, – Это не я придумал! Это стандартные методики! Они применяются всеми герпетологами мира, с давних времён!

– Ладно! – тогда, успокаиваюсь я, – Но, для меня, всё это – такое новое! Так что, «век живи – век учись»...

Уже пятый час дня. По медвежьей тропе, соединяющей Ночку и Тягину, мы, своей парой, возвращаемся обратно домой, на Тягино. Мы шагаем со стороны Ночки...

Впереди, по тропе, среди крон пихт и елей, просматривается провал миниатюрного, весеннего озёрца. Тропа проходит прямо через него. Здесь, летом, вода стоит только в яме, в центре, а вся поляна зарастает мощным ковром сочной осоки, по пояс высотой. Сейчас же – эта лесная лужища полноводна и глубока...

Нам остаётся пройти метров тридцать по травяному прогалу узкой полянки, перед озёрцом. Неожиданно, перескочив через острые пики вершин крайних ёлок, на водную гладь лужи круто планируют две утки!

– Плюх!

Мы падаем...

Выставив бинокль перед лицом, я осторожно выглядываю из-за валёжины.

– Мандаринки!

Какие тут сомнения?! Эти уточки – словно с картинки учебника! Я передаю бинокль Александру, а сам наворачиваю на свой фотоаппарат объектив. У меня – мощный пятисотник! У него оптика – как у десятикратного бинокля! Только, изображение немного темнее.

Я крадусь в траве вперёд, закрываясь от уток стволом толстой ели, что растёт впереди нас...

Вот и ствол этой ёлки, я в него упёрся. Дальше – красться, просто некуда! Это дерево – последнее перед озерцом. До уток остаётся не более двадцати метров. Закрывая лицо фотоаппаратом, я медленно-медленно высовываюсь над стволом лежащей ели:

Мандаринки, селезень и уточка, выбираются на торчащую из воды посредине озерца рогозину сухой ёлочки. Стоя на этом «плотике», они чистятся – елозят по своим грудкам и пузикам плоскими, утиными клювами...

Опустившись на пузико, однотонно-серенькая, крапчатая уточка прячет свою головку под крыло. Она дремлет, сидя чуть выше уровня воды, на стволике сухостоины. Селезень продолжает чистить свои пёрышки.

– Ах, как наряден! – я восхищённо качаю головой, глядя в видоискатель фотоаппарата, – Раскрашен как попугай, одно слово – мандаринка...

Но, вот и селезень устраивается подремать...

– Устали уточки! – жалею я их.

– Бу-ухххх! Бу-ухх-хухххх!

Даже сюда, в глубину леса, прорывается далёкий грохот океанского наката. Я прислушиваюсь к этому грохоту и качаю головой: «Ох!.. Такая канонада! Пушечные залпы...». Сегодня – первый день после шторма. Океан раскачало и там, сейчас, творится что-то дикое. Одно слово – стихия...

Селезень дремлет... Но, свою голову, под крыло – он не прячет!

– Он стоит «на часах»! – понимаю я.

Мне, в оптику, крупным планом видно, как его закрытый глаз, время от времени, вяло открывается, для того, чтобы закрыться вновь. Кругом разлита тишина и покой...

Отсняв всю плёнку в своём фотоаппарате, я замираю в нерешительности.

– До вечера – совсем близко! – думаю я, – Нам нужно идти домой, а другого пути у нас нет! Нужно как-то обнаруживать себя. И уток – очень жалко...

Жалей – не жалей... Нам – никак, по-другому, не пройти! Я знаю, что вокруг озерца – совершенно непроходимый бурелом. Пройти, нам, можно только по воде этого озерца! Да и то – по самому его краю, под самый обрез голенищ болотников...

Я вздыхаю и начинаю обозначать себя. Заметив мое шевеление, уточки разом сбрасывают с себя дремоту! Соскользнув со своей сухостоины на водную гладь, они, внимательно оглядываясь по сторонам, плывут от нас за угол лужи...

Нам ничего не остаётся – у нас другой дороги нет. Мы осторожно шагаем вперёд, в лужу. Воды – под самый обрез голенищ! Не спеша переставляя в воде ноги, чтобы не залить воды в сапоги, мы бредём по самому-самому краю озерца, вдоль берега...

Всё! Лужа пройдена.

– Но, уточки не взлетали! – я озадаченно осматриваю оставшуюся за спиной, водную поверхность, – Значит, спрятались? Где им, здесь, можно спрятаться?!

Я удивлённо присматриваюсь к луже – обычно, при малейшей опасности, все утки срываются на крыло, а эти...

– Ни души! – удивляюсь я и качаю головой, – Тяжёлое, всё-таки, это дело – шторм...

За лесным прогалом озерца, мы забираем чуть левее от тропы. Здесь – массив спелого пихтарника, с окнами подроста и баррикадами завалов...

Вскоре, мы натываемся на настоящие раскопки – под ствол толстой ели выкопана глубокая нора!

– О! – я приседаю над норой.

Кругом стоит густой подрост пихты, в рост человека и на нору в корнях толстой ели – можно только наткнуться, в упор. Как это сделали мы, сейчас. В полуметре ниже уровня земли «котлован» подкопа упирается в развилку толстых корней дерева. Эта развилка белеет обширной местинкой свежей, рваной древесины.

– Это медведь! – прикидываю я и удивляюсь, – Смотри, сколько выгрыз!

– Вот, это, да! – качает головой Труберг, заглядывая мне через плечо, – Столько труда!

– Ну! – прищуриваюсь я, глядя себе под ноги, – Наверно, не один час грыз.

Так и не сумев прогрызть развилку еловых корней, медведь вырыл подкоп с другой стороны этого огромного ствола. Но и здесь – он упёрся в такую же мощную развилку корней! И здесь, мы с Александром, сверху – вниз, разглядываем обширную местину рваной, белой древесины. Но, всё-равно, «нора» за развилкой – слишком узкая, чтобы пролезть.

– Бросил! – констатирую я, – А, сколько сил потрачено! Кого он, пытался тут достать? Под этой елью...

Тятинский дом. Пятнадцатое мая. У меня, с Олегом Чудаевым – дальний маршрут. Накануне вечером, мы пальцами водили по карте. Мы вычисляли приток Тягиной, который выведет нас на водораздел, на седловину между вершинами хребта Докучаева. Так что – сегодня, нам нужно подняться по речке, до самого её истока...

Под нашими железными, станковыми рюкзаками, мы шагаем по смотровой тропе. Слева, под нами стоит начинающая зеленеть свежими листочками, голая Тятинская пойма...

Первый перекур – на смотровой площадке, на высокой скале. Середина смотровой тропы. Мы всегда здесь останавливаемся – отсюда открывается грандиозная панорама!..

Через пару километров, не снимая рюкзаков, мы останавливаемся на взгорке, под пихтарником. Перед нами, справа, вытекает ручей. Там просматривается болотинка сырого ольховника.

– Всё, смотровая тропа закончилась! – я сторожко осматриваюсь по сторонам, – Теперь нужно свалить влево, к речке.

– Понятно! – кивает Чудаев и делает шаг вниз, по крутому, травяному склону.

Мы переходим речку по бурному, валунному перекаату и шагаем дальше, вверх по речной пойме.

– Хорошее время мы выбрали! – оглядывается на меня Олег, поправляя ремень переброшенного через плечо, табельного карабина, – Голо всё вокруг! Красота!

– Ну! – довольно киваю я ему, – Сейчас – самое время ходить! Ни лопухов! Ни комаров! И всё вокруг, видно! Сплошное удовольствие...

На пару минут, мы останавливаемся под дуплом рыбных филинов.

– Так! – поднимаю я глаза вверх, в крону ивового баобаба, – Прошли четыре километра!

– Ну! – соглашается Чудаев, – Скоро рыбозавод будет!

– Ага! – киваю я, – Хорошо идём!

С километр выше, речка начинает ветвиться на крупные притоки. Чуть выше, в одном из них когда-то стоял рыбозаводный заводик. Пару лет назад, мы здесь ещё застали ровные ряды коротких как табуретка, столбов! Стоящих в ровном, шлаковом русле левого притока...

При походах в верховья Тягиной, мы всегда выбирали ближайший к вулкану, левый приток, с его бурным каньоном. Сегодня, мы выбираем крайний правый приток – мы помним карту.

Мы шагаем по метровому обрывчику, вдоль берега речки. Здесь набита хорошая медвежья тропа...

– О! – останавливается Чудаев, – Медведь ствол пометил!

Я делаю пять шагов вперёд и останавливаюсь перед стволом средневозрастной ивы. Прямой ствол, сантиметров двадцать пять диаметр. На уровне человеческого роста белеет рана свежего задира.

– Ух, ты! – радуюсь я находке, – Какой задир!

Я вынимаю из кармана рулетку и дневничок...

– Так! Пиши! Ива сердцелистная. Диаметр ствола – двадцать четыре. Высота свежего задира... сто девяносто два сантиметра.

Я трогаю пальцами свежую, сочащуюся соком, белую древесину, прикасаюсь к красной, крепкой коре дерева, по границе раны: «Ух! Продрал как!».

– Высоко сделал! – прищуривается на задир, Олег.

– Ага! – соглашаюсь я, – Хорроший!

Я прячу рулетку и авторучку с дневничком в карманы, и мы шагаем дальше – у нас очень длинный маршрут, за день успеть бы...

– Саня, медведь! – вскоре тормозит меня идущий первым, Чудаев.

Мы замираем. По противоположной стороне речки, нам навстречу, шагает взрослый, почти чёрный медведь. Он движется по краю метрового обрывчика речного берега.

– Там – тоже идёт медвежья тропа! – понимаю я.

Мы стоим и смотрим. Я поднимаю к глазам бинокль...

Медведь спускается по речной долине вниз... Сделав шагов пятнадцать, он равняется со стволом, растущей на краю обрывчика, крупной пихты.

– Остановился! – молча, прищуриваюсь я.

Медведь поднимается вдоль ствола дерева на задние лапы, в полный рост. Закрывшись стволом пихты, он осторожно выглядывает из-за него и с высоты своего роста, внимательно «процеживает» окружающее пространство перед собой, по своему берегу и – за речку, по нашему берегу. Он нюхает, слушает и смотрит...

Через минуту, медведь растормаживается. Медленно и плавно, он опускается на все четыре ноги и осторожно шагает дальше...

Метров через пятнадцать – у тропы, растёт такая же пихта. Медведь останавливается и закрываясь стволом дерева, снова поднимается на дыбы...

Осторожно присев на своей тропе, мы ждём, пока медведь пройдёт по противоположному берегу мимо нас.

– Фу! – выдыхает, довольный Олег, – На медведя посмотрели!.. Он – не толстый! Но, большой! Длинноногий такой!

– Ага!.. – соглашаюсь я, – Он всё время так ходит?! А, что? Очень умно! Он не стоит, как телеграфный столб в чистом поле! На всеобщее обозрение... Заметил? Он, каждый раз, закрывается стволом дерева!

– Ха! Конечно, заметил! Голову поворачивает... как локатор! Всё просвечивает!

– Но, не во все стороны, а – только перед собой! Сектор, градусов девяносто берёт! – прикидываю я.

– Ну!.. По сорок пять в каждую сторону, от курса! – коротко смеётся Чудаев.

Здесь, в верховьях – ещё только самое начало весны! Вскоре, мы отрываемся от ставшего бурным, притока речки, направо. Потому, что прямые склоны хребта Докучаева стоят уже прямо перед нами. И мы шагаем к ним, по спускающейся к нам с одной из вершин, снежной реке. Это – заполненный до краёв белейшим снегом, распадочек какого-то ручья. Снежник! По этому плотному снегу можно шагать, не опасаясь провалиться...

Перед нами вздымается стена длинного и высоченного, склона хребта. Она вся закрыта плотными зарослями кедрового стланика. Это пояс кедрового стланика... И только в нижней части склона, по днищу распадка, плотная стенка вершинок кедрового стланика сменяется высокими кустами ольховника, стоящими более редко. А, с нашей стороны снежной реки – протянулись покрытые ольховником пологие увалы.

– Вид – как на Чукотке! – обводит взглядом эти закруглённые склоны, Чудаев.

– Ну! – киваю я из-под своего, ярко-жёлтого станкача, – Высокогорье! Сглаженные формы рельефа!

Мы шагаем по снегу... Я, в очередной раз, поднимаю лицо вверх, осматривая склон. Этот, противоположный склон нашего распадка, заканчивается гребнем хребта. Он стал высоким, а наша снежная река – крутой. Мы срезаем длинный поворот нашего «чукотского» распадка напрямую – по проплешинам снега продираемся через заросли ольховника. И буквально вываливаемся на нашу снежную реку.

– Фууу!

– Фууу!

Плотная стена ольховника – за нашей спиной, высокие кусты ольховника – на другой стороне, под склоном. А между ними – стекающая справа-налево, снежная река, шириной метров тридцать пять. Тут же, под стенкой ольховника, мы снимаем свои рюкзаки и оставляем их стоять вертикально на насте. Сами стоим рядом с рюкзаками, отдыхаем, осматриваемся...

– Саня! Медведь! – вдруг, коротко роняет Чудаев.

И метрах в ста выше нас, чуть ниже середины противоположного, кедровостланикового склона, я вижу медведя!

– Тихо!

Медведь – большой и взрослый, бурый. Он спокойно стоит среди наполовину вытаявшего из снега стланика, мордой в нашу сторону...

Через пяток минут, медведь начинает спускаться. Он «валит» не прямо на днище распадка, а чуть наискосок по склону. Наверно, так, этим курсом – он спускался и до нас...

Медведь постепенно спускается по склону. Он тянет мимо нас, но расстояние между нами, непроизвольно сокращается! Мы хотим посмотреть на медведя, но спрятаться нам, на белом снежнике – просто, негде! Мы, как стояли, лишь постепенно приседаем, за свои разноцветные и такие яркие, рюкзаки...

Вот! Медведь спустился на днище! В раздумье, он стоит на снегу, на противоположной стороне снежной реки, чуть выше нас. Стоящие поодиночке высокие, голые кусты ольховника – такая призрачная защита! Они, его совершенно не скрывают. Я думаю – он не дурак, он тоже это понимает...

Чуть постояв в нерешительности, медведь начинает осторожно шагать вниз, по противоположному краю белой, снежной реки. Шаг за шагом... Сантиметр за сантиметром, мы приседаем за свои рюкзаки. Всё ниже и ниже...

Всё! Мои коленки – выше подбородка. Я чувствую холод сквозь брюки – это моя задница упёрлась в холодный снег.

– Дальше, присесть некуда! – понимаю я.

Я прячу лицо за своим оранжевым как апельсин, рюкзаком. Застыв, я смотрю на медведя одним глазом. Он – поджарый, большой, взрослый, тёмно-бурого окраса.

Медведь шагает медленно и равномерно, шаг за шагом. Медвежья морда смотрит прямо по ходу движения. Но – так близко! И я вижу, что он постоянно косит на нас, своим глазом...

– Не дурак! Понимает, что мы – не просто две кочки на белом снегу! – я медленно, по сантиметру, прячу свой глаз, за рюкзак, – Одна кочка – ярко-жёлтая, другая – ярко-синяя...

Шаг, ещё шаг... Медведь осторожно шагает по краю снежной реки, мимо нас...

– Ближко как! – поджимаю я губы, за своим рюкзаком, – Нам – не шелохнуться и он – стенкой подпёрт! Некуда отодвинуться! Ни нам, ни ему...

Шаг, ещё шаг... Медведь ставит лапу за лапой, на снежник. Медведь шагает медленно и равномерно...

Я вдруг, с удивлением обращаю внимание на то, как он ставит свои ноги! Я усиленно смаргиваю и впиваюсь взглядом в эти медвежьи ноги.

– Вот!

Шаг! Медведь ставит на белый наст свою переднюю правую ногу! Он осторожно ставит её, на пальцы.

– Обычное дело... – прищуриваю я, свой глаз.

Следом – медведь ставит на снег свою заднюю левую ногу... Он ставит её – на пятку! И перекачивает вес тела на всю стопу.

– Сначала – он ставит пятку! – я удивлённо поднимаю брови, – Кто бы мог подумать?! Никогда, этого, не знал!.. Ну-ка! Ещё раз!

Медведь едва-едва миновал нас. Морду, он по-прежнему держит прямо по курсу. И я уже не вижу – косит ли он левым глазом в нашу сторону. Теперь – большей частью, я вижу его «корму». Уже не опасаясь, что медведь меня «вычислит», я выглядываю из-за рюкзака и уже в оба глаза, смотрю на его, медленно ступающие на белый наст, бурые ноги.

Вот! Медведь ставит на снег свою левую переднюю ногу.

– Так! – прищуриваюсь я, – На пальцы!

Следом, медведь ставит на белый снег свою правую заднюю ногу.

– На пятку! Так и есть! Заднюю ногу медведь ставит на пятку! – тихо радуюсь я, за своим рюкзаком, – Я всегда думал, что медведи на пальчиках ходят! Вот же! Век живи – век учись!

Мы дожидаемся, пока медведь не удалится с наших глаз и только тогда, окончательно высовываемся из-за своих рюкзаков.

– ФУУУУ!

– ФУУУУ!

– Вот, это, дааа!

– Ага!

– Ближко как!

– Я думал – вычислит!..

– Ну!

– Пошли – расстояние посмотрим!

– Пошли!

Делясь впечатлениями, мы належке, только с ружьями в руках, шагаем поперёк снежной реки, к следам медведя...

На плотном настe – только чёрточки от медвежьиx когтей! Но, мы – лесные люди! Нам, большего – и не надо.

– Уф! – я оборачиваюсь и смотрю на наши, стоящие на белом снегу, оранжевый и синий, рюкзаки, – Блин!.. Ближко как!

– Ну! – становится серьёзным лицо Чудаева, – Шагов тридцать! Не больше.

– Если, не меньше!

Мы шагаем обратно, к рюкзакам.

– Саня! Почему он, всё-равно попёрся мимо нас?! – спрашивает Олег, забрасывая ремень своего карабина на плечо, – Ведь, подозревал же!

– Хм! – хмыкаю я, в ответ, – А, куда ему? Ты, на склон посмотри!.. Вверх подниматься?! Против шерсти кедрового стланика?! Четыреста метров?! Или – вверх по днищу распадка уйти? Обратно?! Я думаю, он оттуда шёл! А ему, нужно – вниз!

– Точно, – кивает головой, Чудаев, – Других вариантов, у него... Тут – только через нас.

- Ладно... Пора и нам, вниз валить.
- Ну! – соглашается Чудаев, – До вечера до дома дойти бы...

Тягино. Шестнадцатое мая. Чудаев уходит в цивилизацию. Сегодня небо закрыто высокой облачностью. В паре с Трубергом, мы решаем пройти в верховья Ночки, по массивам междуречья Тягиной и Ночки. По высокотравным полям Банного ручья, мы напрямую шагаем в сторону вулкана...

Подходим к стене пихтарника. Только суёмся под кроны хвойника – и сразу тормозим. Здесь, под первыми пихтами, вся трава, широкой полосой, забрызгана желеобразными капельками медвежьего помёта!

– Саня! Что это?! – поражается Труберг.

– Медведь обдристался! – коротко отзываюсь я, стреляя глазами по сторонам, – Кто-то напугал его, до смерти.

– Хм! Почему ты так думаешь? – озадачивается Труберг.

– Я видел такое, этой весной. В тот раз, я каждый след медведя просмотрел, по снегу. Поэтому, как это бывает – я знаю.

– Интере-еесно, – тянет Александр, – Что, здесь, могло случиться?

– Смотри! – прищуриваюсь я, – Медведь «профонта-нировал» вдоль границы пихтарника. Значит, его «пугатель» подошёл к нему не из глубины леса и не со стороны нашего пустыря.

Александр, молча, кивает головой, соглашаясь с моей логикой.

– Кто-то подошёл оттуда! – показываю я рукой по границе хвойника, в противоположном от «фонтана», направлении, – Он увидел нашего медведя первым и практически, упал на него!

– Почему ты решил, что «упал»? – недоумевает Труберг, – Может, просто подбежал!

– Иначе – не напугаешь медведя до смерти! – начинаю злиться я непонятливости своего напарника, – Это, тебе, не «трусиска зайка серенький»! Это – медведь! Он сам, кого хочешь, напугает.

– Кто же, это, мог быть? – допытывается въедливый Труберг.

– Здесь, из людей – только мы с тобой. А, мы сюда ещё не ходили. Значит, этого медведя напугал... другой медведь.

– Медведя напугал... медведь?! – недоверчиво переспрашивает меня Труберг.

– Ну, да! – втолковываю я ему, – Ведь, кроме нас, здесь людей нет?

– Нет, – соглашается Александр.

– Ну, не лисица же, тогда! – теряю я терпение, – Это – только другой, более крупный медведь!

– Хм! Почему – более крупный? – въедливость Труберга не знает границ.

Совсем недавно Александр работал учителем в школе, лесная жизнь – не его стихия. Наверное, я зря на него злюсь...

– Ну, Саша! – кончается у меня терпение, – Потому, что мелкий медведь не бросится на крупного!.. А почему я считаю, что этот медведь бросился? Да потому, что для того, чтобы так напугать медведя, совершенно недостаточно страшно взреветь в десяти шагах от него! Здесь нужно, буквально напасть на нашего!

Под пихтами всё закрыто травяной дерниной вейника и, как я не изошряюсь – я ничего не нахожу! Только – за обгаженным медведем местом, дорожкой положены былинки вейника. Это – наброд, след по траве убегающего медведя...

– Вот, блин! – в сердцах чертыхаюсь я, пройдя метров двадцать в том направлении, – Больше – ничего не узнать! Ну, почему мы не собаки?!

По пустырям высокотравья мы, сегодня, не идём. Сегодня – мы шагаем в глубину безбрежных пихтарников, напрямую к подножьям вулкана. Долго-долго гребём по бамбуковому пихтарнику. Тя-же-ло... Сплошной бамбук – по пояс! Здесь он – везде такой...

Мы вываливаемся в котловинку самого истока какого-то ручья. Здесь – влажно и бамбук уступает место лопухам.

– Так! – я коротко оглядываюсь на Александра, – Это один из притоков Ночки!

– Почему, Ночки? – сразу интересуется, въедливый Труберг.

– Он течёт вправо. Значит – к Ночке, – коротко формулирую я, свою мысль.

Моя голова занята прощупыванием окрестностей, нам важно не столкнуться с кем-нибудь из медведей.

– Хм! Как, в лесу, всё просто! – разглагольствует, за моей спиной, Труберг, – Всё, что течёт влево – к Тятинке! Всё, что течёт вправо – к Ночке! Не заблудишься!

– Хм! Ну, да! – с сарказмом, хмыкаю я, настороженно прислушиваясь и приглядываясь к окружающему нас бамбуковому пихтарнику, – Как-то, так...

Через полчаса, мы стоим в небольшой вмятине рельефа, с родничком посередине. Это – самое начало распадочка будущего ручья. Вокруг нас – массовые поеди растений. Здесь кормился медведь. Или – медведи. Я приступаю к своей работе. Труберг стоит, ждёт...

– Блин! – чертыхаюсь я, – Я работаю звездочётом!

– Да? – оборачивается на мой голос Труберг.

– Как?! Столько чисел, можно в уме держать?! – раздражаюсь я, – Сейчас, у меня в голове четыре графы – белокопытник, лизихитон, симплокарпус и бодяк. Я считаю поеди. И в голове, по графам разложено, например, «восемнадцать, девять, восемь, один». Вот, очередная поковка лизихитона! И в голове – «восемнадцать, десять, восемь, один». Впереди – четыре скупа белокопытника и один скуп бодяка! Теперь в моей голове стоит «двадцать два, десять, восемь, два»... Сейчас, одного только белокопытника, я уже насчитал семьдесят шесть черешков! При этом, я должен постоянно озираться по сторонам и прислушиваться!

– Нуу..., – задумывается Александр, над моей проблемой, – А, ты – записывай почаще! Обнуляй, так сказать, счёт!

– Да, я и так! – развожу я, руки в стороны, – Кормёжку обсчитаю – записываю... Всё-равно, от цифр голова трещит!

– Ты – до конца кормёжки не доходи! – советует Труберг, – Раньше обнуляйся!

Сегодня, в питании медведей, вырисовывается явное преобладание белокопытника. Причём, такая картина – повсеместна. Вот, на Ночке – на медвежьих кормёжках, я насчитал только три скупа сосюреи и один – бодяка, а белокопытника – сто пятьдесят!..

Тятинский дом. Семнадцатое мая. Очередной рабочий день подходит к концу. Мы, в паре с Трубергом, сваливаем к нашему дому, с верховий Тятиной. Смотровая тропа стелется под ноги...

Я резко останавливаюсь. Передо мной, на краю уходящего далеко вниз, крутого склона борта речной долины, прямо у тропы, устроена медвежья лёжка! Хвойно-моховая, лесная подстилка содрана и во влажной и прохладной почве выкопано углубление. Это горизонтальная площадочка, такая – чтобы, только, уместиться хозяину.

– Смотри-ка! Маскировка – прежде всего! – хмыкаю я, – Он сделал лёжку так – что, находясь на ней, он находится на одном уровне с поверхностью пихтарника! Заподлицо с землёй!

Я вынимаю из кармана рулетку и замеряю размеры лёжки. Записываю себе в дневничок: «Длина сто двадцать, ширина пятьдесят сантиметров».

– В статьях пишут, что медведи устраивают такие вот, сырые лёжки в земле – в жаркие, знойные дни! Чтоб прохладнее лежать было.

– Точно! – соглашается со мной Александр, – Последние дни, у нас были – жаркие! Даже для нас, а у медведя – шкура.

– И шкура у него, сейчас – ещё зимняя! – добавляю я.

Я зарисовываю схему расположения медвежьей лёжки на местности, и мы шагаем дальше.

– Ци-ци, ци-цу-цу-цу-цу!

Среди тенистого пихтарника, я впервые в этом году, слышу летнюю песенку синехвостки, короткую и печальную...

Усталость берёт своё. Столько выхожено, за день! Тропа стелется лентой, под ноги...

Вдруг, впереди раздаётся дробный перестук копыт!

– Тык, тык-дык, тык-дык, тык-дык, тык-дык...

Оторвав взгляд от тропы, я вижу, как с нашей тропы, через ещё по-весеннему пустой березняк речной террасы, бодрой иноходью от нас уносится медведь! Он – взрослый, толстенький, очень светлой, прямо-таки, соломенной масти. Вовсе не выкладываясь, но очень резво, медведь, на широком вираже уносится влево, в отступающий метров на пятьдесят от голой речной долины, чёрный пихтарник.

– Медведь! – запоздало очухиваюсь я.

– Вон! – вторит мне Труберг, из-за спины, – Медведь!

Медведь исчезает под чёрной стеной хвойника раньше, чем мы успеваем остановиться. Что уж, теперь, останавливаться?! Друг за другом, мы, как шагали – так и продолжаем быстро шагать по тропе...

– Хм! – хмыкаю я себе в нос, через минуту, – Тоже мне! Иноходец нашёлся!

– Ну! – устало бурчит за моей спиной, Труберг, – Сначала, по звуку, я подумал, что – лошадь! Копытами, так гулко по земле простучал...

Эта сценка из лесной жизни смягчает наши, тронутые усталостью, лица. Дни в мае – такие длинные...

Я несу на Банный ручей от Тятинского дома рыбу, потрошить. Нужно будет, сейчас, её пожарить. Это – наш ужин. Ружьё на плече, пустое ведро в одной руке, кукан с кунджинами – в другой...

Я спускаюсь по дороге с высокой морской террасы. У подножия террасы сворачиваю влево, за угол – здесь бурчит наш Банный ручей, вырываясь на стол низкой морской террасы. Я сбрасываю рыбу на траву. Сегодня, я хочу проверить один вопрос...

Первым делом, я, рулеткой, замеряю длину рыбин. Кунджин – три штуки.

– Так! – бормочу я, – Самая крупная... шестьдесят четыре сантиметра. Вторая – пятьдесят восемь. Третья – сорок пять сантиметров.

Теперь, я вспарываю брюхо самой мелкой рыбины. Её желудок раздут от корма. Я разрезаю желудок и принимаюсь считать вывалившихся из него горкой, полупереваренных мальков: «Один, два, три...». Записываю в свой дневничок: «Кунжда, сорок пять сантиметров – пятьдесят два малька». Разрезаю желудок второй рыбины... И через пару минут, делаю запись в дневничке: «Кунджа, пятьдесят восемь сантиметров – семьдесят шесть мальков». Третий желудок... «Кунджа, шестьдесят четыре сантиметра – сто восемь мальков».

Я потрошу рыбу дальше, а голова думает, сама по себе: «Скат мальков горбуши и кеты проходит, примерно с середины марта до середины мая. Около двух месяцев. Сейчас, у меня получилось среднеарифметическое количество мальков в желудке одной кунджины – восемьдесят мальков. Хотя рыба питается весь день – мы допустим, что желудок у кунджи полный – утром и вечером. Значит, сто шестьдесят мальков в сутки. За два месяца... примерно, девять с половиной тысяч мальков. Капец!».

– Одна кунджа, за сезон весеннего ската, съедает девять с половиной тысяч мальков горбуши и кеты! – взвиваюсь я, наконец, осознав масштабы проблемы, – Блин! Да она – просто, золотая!

Я потрошу рыбу дальше...

– А, теперь – другая мысль! – через пару минут, думаю я, – Каждый год, мы заезжаем на полевые работы, примерно пятого апреля. С этого времени, мальки скатываются в море, примерно полтора месяца. В день мы съедаем, примерно три кунджины. Значит, в день мы спасаем... почти пятьсот мальков. За полтора месяца, это получается... двадцать одна тысяча мальков!

– Блин! – снова взвиваюсь я, – Да, мы – Гринпис! Нам памятник ставить надо!

В Тятинском доме, обдумывает мои расклады по малькам, Труберг. Он очень дотошный.

– Саша! – говорит он мне, – Ты знаешь, какой процент возврата взрослых рыбин от количества выпущенных мальков? На рыборазводных заводах его высчитывают.

– Ну! – киваю я, – Максимум – шесть процентов мальков возвращаются в реку взрослыми рыбинами. Шесть рыбин из ста мальков!

– Так! Давай, возьмём пять процентов. Получается, что одна кунджа, за весну, мальками съедает... четыреста семьдесят взрослых горбушин и кетин.

– Впечатляет, – угрюмо отзываюсь я.

– А мы, за весну, – продолжает Труберг, – Кормясь кунджой, спасаем тысячу сто взрослых горбушин и кетин.

– Хм! А ещё говорят, что мы объедаем заповедные речки! – фыркаю я, – И что нам нужно запретить ловить рыбу, на еду!..

Тятино. Утро встречает нас безоблачным, голубым небом и уже жаркими лучами солнца. Сегодня, нам нужно обследовать леса восточнее Ночки. В те лесные дебри мы, вообще, никогда не заглядывали. Просто, никогда не было в этом потребности...

На поляне, посреди пихтарника, широкими пластами содрана дернина. Мы, с ходу, подворачиваем ближе.

– Вот, это да-а! – качаю я головой и трогаю чёрным носком своего болотника вал скатанного дёрна, – Хм! Закатал в рулон, как ковёр!

– Саш, что это?! – не понимает Труберг.

– Медведь мышей ловил! – коротко оглядываюсь я на него, – Смотри, как скатал!

– Как он это сделал?!

– Обыкновенно! Когтями передних лап прорывает дернину и отступая назад, её под себя скатывает, рулоном. Как ты дорожку на полу скатываешь, когда квартиру пылесосишь.

– Прорвать пластом! – изумляется Труберг, – Тут же, сила нужна – как у трактора!

– Хм! – в свою очередь, я недоумённо смотрю на Труберга, – У него она и есть, как у трактора!

Я опускаюсь на корточки и меряю, такой чёткий на оголённой, мягкой, бурой почве, отпечаток когтистой лапы.

– Пухлая лапка, тугая! – бормочу я под нос, – Скорее всего, медведица... У женщин размер ноги маленький, даже когда масса большая...

– Чего?

– Шестнадцать сантиметров, я говорю... Молодец!.. Крупный!

Вот и речка! Ночка темнеет перед нами своим, почти чёрным днищем из вулканического шлака. Мы перебираемся через узкий перекатик, на её другую сторону...

Противоположный борт речного распадка встречает нас склоном высокой сопки, покрытой спелым хвойником. Ну, что ж? Мы лезем вверх...

Немного отдохнув на вершине, мы уходим дальше. Стараясь существенно не отклоняться в стороны, мы уходим по лесу, на восток. Это непросто – хвойник, здесь, сплошной и густой. За кронами елей и пихт, видимости почти нет...

– Сегодня нас интересуют понижения рельефа, – прикидываю я, – В них должны быть глухие, весенние озера.

– Наверде того озера, что между Ночкой и Тятинкой, на котором мы фотографировали мандаринок?

– Ага! Может быть, нам удастся отыскать мандаринок и здесь?

– Давай, попробуем, – соглашается Труберг.

Вот, впереди обозначается такое понижение рельефа! В плотной стене пихтовых крон, в той стороне ощущается просвет. Там – редина. Мы осторожно приближаемся...

Так и есть, озеро! Среди густого, закрытого до половины своей высоты густым подростом, хвойника нам открывается спокойная гладь воды. Миниатюрное озеро вытянуто на восток, вдоль подножий вулкана. Оно – всего шагов тридцать на шестьдесят. Закрывшись стволом крайней к озеру пихты, я осторожно выглядываю из-за ствола одной половиной лица и прикидаю к окулярам своего бинокля.

– Хм! Я веду себя – как медведь! – приходит мне в голову мысль, и я усмехаюсь.

– Ничего нет! – тихо сообщаю я за спину, Трубергу, – Всё пусто!

Вокруг кипит солнцем, весенний день. Яркой голубизной сверкает небо.

– Ну и день удался! – качаю я головой, оглядываясь по сторонам.

Я делаю шаг из-за ствола пихты. И тут! Всего метрах в пятнадцати слева, из-под чахлах кустиков спиреи иволистной, на зеркальную водную гладь озера медленно выплывают утки! Я, как подкошенный, плашмя падаю на землю! Громко лязгает, ударившись о корень пихты, моё ружьё. Я лежу и усиленно изображаю собой, бревно...

– Блин! – душит меня злость, – Ведь, проверил же, всё! Каждый метр биноклем обшарил!

Лежать на спине, мне совсем неудобно. Какая-то неровность колет, упёршись в ребра с правого бока. Скосив глаз, на пределе видимости, я смотрю на уток: три мандаринки, медленно подгребая под себя лапками по спокойной глади озера, по-лебединому высоко вытянув шейки вверх, изумлённо сверлят меня бусинками глаз.

– Смотрят!!! – сжимаю я губы, – Ну, конечно! Что-то, вдруг, рухнуло на берегу! С таким грохотом!.. Но, ведь, не стоять же мне было, разинув рот!.. Может, успокоятся?

Главное, сейчас – не шевелиться. Текут минута за минутой. Кругом стоит тишина леса. Глядя в «потолок» леса, я, сквозь кроны пихт, рассматриваю ширь голубого неба...

Наконец, решение принято.

– Пых! – мандаринки легко взмывают в небо.

Тройка уток перескакивает через острые пики вершин, обступивших озеро, пихт и исчезает с глаз. Три пятка потревоженного зеркала воды начинают медленно расходиться, концентрическими кругами...

– Блин! Да чтоб всё сдохло!..

Грязно матерясь, я поднимаюсь на ноги и начинаю отряхиваться от прилипших к одежде хвоинок и прелых, осенних листьев: «Вот, блин! Ни фотоаппарат вытащить! Ни на бок повернуться! Тут, ещё – этот сук, под ребра!». Я, в сердцах, пинаю короткий и толстый сук. Ноет ушибленное, при падении, плечо. Сзади, из-за ствола толстой пихты, высовывается лицо Труберга...

Через час хода по хвойникам, мы выходим на обширную марь. Этот сырой ольховник – это исток ручья.

– Так! – прикидываю я, – Это уже третий ручей за Ночку.

Мы шагаем по чистому взгорку, среди ольховника... Вся дернина вокруг издырявлена мышинными ходами! Вся!!! Живого места нет! Источенная ходами, она, как поролон, прогибается и пружинит под нашими ногами.

– Вот, это да-а! – изумляюсь я, – Я, такого – никогда не видел!

С другой стороны пологого бугра дёрн, широкими пластами, скатан в рулоны. А, где и просто сорван, метровыми лоскутами.

– Смотри! – сощуриваю я, глаз, – Опять, медведь мышей ловил! А, что? Молодец! Здесь – настоящий мышиный город! Больше, чем здесь, их – наверняка, нигде нет!

Мы делаем замеры и шагаем дальше...

Надо бы где-то остановиться, перекусить. Вообще-то, в лес мы с собой продукты никогда не берём и в лесу не обедаем, и даже не перекусываем. Лесная жизнь категорично отвергает трёхразовое питание, и мы едим утром и вечером, и только в доме. Но, сейчас – я работаю с твёрдолобым Трубергом! И этим, всё сказано...

Мы облюбовываем местечко у ручья, на мари. Пока Труберг режет сало и хлеб, я присмотрел дупло поползня, в стволе берёзы, неподалёку. Вообще-то «присмотрел» – не то слово. Он – сам! Снуёт, туда-сюда, туда-сюда. И орёт, при этом, на весь лес!

– Чвик! Чвик! Чвииик! Чвииик!

Я устанавливаю треногу фотоштатива, навожу телеобъектив фотоаппарата на чёрное отверстие дупла и замираю, положив палец на кнопку спуска. Дупло – всего в метре от земли! Минута, вторая, третья...

– Саша! – громко зовёт Труберг, – Иди, поедим! Я, уже ждать устал!

Последний раз оглянувшись вокруг, я покидаю свой пост. Шагаю к Трубергу...

– Вот же, скотина! Только что мельтешил перед глазами, взад-вперёд! – ругаюсь я на поползня, подходя к сидящему на пенке, Александру, – А, как я объектив навёл – так он и близко не подлетает!

– Соображает! – улыбается напарник.

Через пять минут, мы шагаем дальше...

В овраге ручья натываемся на кормовые наброды медведя. Здесь, куда ни глянь – всюду зелёные «пеньки» скушенных черешков белокопытника!

– Саша! Медведь кормился! – показываю я Трубергу, – Мне посчитать нужно, перекури пока.

Труберг, как и я, не курит. Он просто сидит, отдыхает. А я – считаю медвежьи поеди...

– Всё! – сообщаю я, подходя к напарнику минут через пять, – Можно дальше идти.

– Что там, у тебя, получилось? – интересуется любопытный Труберг.

– Здесь – скушено четыре кустика дудника, три ростка сосюреи... А, вот белокопытника – целых сто семьдесят черешков! Представляешь? Сто семьдесят!

Мы шагаем дальше...

Вот! Кормёжка другого медведя! Труберг с облегчением падает на прогретый солнышком пригорок. Я брожу по проталине и внимательно изучаю кормовые наброды...

– И этот – питается одним белокопытником! – сообщаю я, вернувшись через несколько минут, – Я насчитал сто тридцать черешков!

Александр поднимается со своей лёжки...

Вот и побережье! Перед нами открывается ширь морского горизонта. Круг нашего маршрута замкнулся. Теперь – обратно! Мы шагаем по колеям заросшей дороги, по низкой морской террасе, в сторону Тятино...

Немного отдохнув в доме, мы решаем сходить на Тятину, но не спускаясь к морю, а напрямую – через бамбуковое плато, к началу смотровой тропы...

Уже часов шесть вечера. Но, высоко стоящее солнце, всё-равно, ещё жарко прогревает склоны. Мы быстро шагаем по вездеходной колее, широким полукругом рассекающей бамбуковое плато, постепенно заворачивая в речную долину Тягиной. В небе – всюду токуют бекасы!

– Чиф!.. чиф!.. чиф! – одиночно вскрикивая, птичка лезет в небо всё выше и выше...

И вот, наконец, она срывается в пике: «Фифифифирр-rrrrrrrrrr!».

– Ну, как пикирующий бомбардировщик! – смеюсь я, поглядывая в небо.

И снова, бекас начинает лезть в небо...

– Чиф!.. чиф!

Забравшись повыше, птичка снова срывается в пике и разогнавшись, снова жужжит перьями: «Фифифифирр-rrrrrrrrrr!!!».

Бамбуковое плато прошли. Мы сходим с колеи налево и по ольховнику, спускаемся чуть ниже. Стараясь не наступить на лежащие под ногами сухие ольховые ветки и сучки, мы осторожно шагаем по медвежьей тропе, проложенной по краю невысокой, здесь, надпойменной речной террасы...

Даже не успев дойти до начала смотровой тропы, метрах в двухстах, прямо напротив нас, в пойме, мы замечаем медведя!

– О! Смотри – медведь! – говорю я.

Чёрный, взрослый зверь спокойно пасётся посреди обширной прогалины в редкостойном, пойменном ивняке. Высокотравье ещё только проклюнулось из почвы, и пойма стоит голая, как хорошее футбольное поле. Веет едва заметный, благоприятный для нас, ветерок. Медведь, постепенно, тянет в нашу сторону.

– Давай, подождём! – говорит мне Труберг, – Я попробую его сфотографировать!

У него – широкоплёничный «Пентакс». Я, с завистью, посматриваю на это чудо фототехники... Мы устраиваемся там, где стоим – прямо на тропе. Здесь – сухая, прошлогодняя листва. В речную долину от нас сходит пологий, травянистый склон. Лежать на солнцепёке – очень приятно. Я прикиваю к своему биноклю...

Пасущийся медведь что-то заподозрил! Бросив кормёжку, он поднял голову и смотрит на нас!

– По-моему, с такого расстояния – он никак не может нас увидеть! – прикидываю я, в голове, – Значит, услышал?! Наши голоса? Да и... мы шуршали листьями, пока ложились!

– Ну, нет! – тут же отвергаю я «шуршащий» вариант, – Услышать шуршание листвой, на таком расстоянии... Нет, это нереально!

Опустив нос к самой земле, зверь замирает! Он стоит неподвижно, как изваяние.

– Я знаю твою обманчивую позу! – прищуриваюсь я, глядя на медведя в бинокль.

На первый взгляд – кажется, что зверь продолжает кормиться. И только, когда присмотришься – поймёшь, что медведь стоит, остекленев. Весь обратившись в слух, он слушает мир вокруг себя...

– Ну, как? Пасётся? – нормальным голосом, вслух интересуется у меня, Труберг.

– Тихо! – цыкаю я на Александра, едва разжимая губы, – Слушает! Нас услышал, наверно.

– Далеко! – не унимается, твердолобый Труберг.

– Вот тебе и «далеко»! – коротко огрызаюсь я.

Я неотрывно смотрю в бинокль. Медведь медленно опускается на брюхо. Он лежит в позе сфинкса, с высоко поднятой головой, на, по-лебединому изогнутой, шее. Слушает...

Затаив дыхание, я смотрю, в бинокль, на его позу – сейчас всё решится!

– Ну! Что он? – опять раздаётся нетерпеливый голос Труберга.

– Ти-хо!.. Нас слушает! – шепчу я, – Может, решил, что мы мимо проходим. Решил переждать!

Однако, сегодня, мы никуда не спешим.

– Мы подождём, тоже, – я не свожу с медведя внимательного взгляда.

В круглом поле бинокля, чёрный медведь, на фоне зелени «футбольного поля» поймы, виден очень контрастно. Медленно тянутся минуты...

Видимо, поняв, что нас не перележать, медведь начинает, едва заметно, шевелиться. В поле моего бинокля, он медленно, почти незаметно, по сантиметру сдвигается вправо, к стволику одиночной, чахлой ивы и... вдруг! На моих глазах, начинает медленно исчезать!

– Словно, под землю уходит! – начинаю тревожиться я, в бинокль.

Вот, скрылись лапы Сфинкса! Вот, исчезло туловище! А, вот – и чёрная холка, скрылась, исчезла тоже! Со всё возрастающим изумлением, я взираю на это «чудо исчезновения», в бинокль...

Потом, опомнившись и усиленно сморгнув, я приникаю к биноклю снова – и вижу перед собой ровную, без единого бугорка, зелёную плоскость «футбольного поля», с единственным стволиком чахлой ивы посередине.

– Где медведь? – недоумевает Труберг.

– Не знаю! – отвечаю я, – Не вижу.

– Он что, убежал?

– Нет! – категорично качаю я головой.

Что вправо, что влево от дерева, под которым растворился медведь – на добрые пару сотен метров простирается ровное, зелёное поле.

– Тогда, где он? – всё пристаёт ко мне Труберг.

– Не знаю! – огрызаюсь я, уже в который раз обшаривая голую пойму, в бинокль.

Подождав ещё минут десять и так ничего и не дождавшись, мы поднимаемся с тропы. Отряхнувшись от листвы, шагаем в пойму...

Вот и злополучная ива.

– Блин! По канаве ушёл! – соображаю я, едва подойдя к дереву.

Мимо ивы, пересекая всё поле поймы, влево пролегает ровная, как стрела, поросшая короткой травкой канава, не более метра глубиной, с очень пологими, сглаженными бортами. Борта канавы так плавно переходят в ровную плоскость поймы, что сбоку, в бинокль, эта неровность совершенно сглаживается!

– Блин! – поражаюсь я, уже другому, – Это, ведь, надо суметь! Так чисто проползти по канаве, чтобы нигде, за всю её длину, не засветиться! Это, надо же, так изголиться!

А в голове уже бьётся ещё более серьёзная мысль: «Ведь, сначала! Это всё – нужно было просчитать! Нужно было увидеть канаву. Нужно было оценить, куда она ведёт и понять, что по ней можно проползти через поле! И, только потом – постараться её проползти, вжимаясь в днище канавы так, чтобы никто не заметил!».

– Хм! А, говорят, что животные не способны думать! – бурчу я, себе под нос, – Что, у них в голове – одни рефлексы...

– Что ты говоришь? – оборачивается ко мне Труберг.

– А? Да! – отмахиваюсь я, – Это, я так! О своём...

Спешить, нам, больше – некуда. Я сажусь на ковёр зелёной травки, рядом с ивой...

– Тьфу! – зло плюю я, себе под ноги, – И нервы, ведь – как железо! Другой бы – в горячке, рванул по пойме, не щадя живота своего! А этот – шаг за шагом, расчётливо, тихо... Вот уж, точно – «сколько медведей – столько характеров»...

Тятинский дом. Сегодня, я буду работать по Тятиной. Я шагаю по морскому песочку, в сторону речки. Обычные пятьсот метров песчаного пляжа нашей бухточки...

Вдоль побережья, над устьем речки, летит орлан! Я поднимаю бинокль... Орлан – однотонный, тёмно-коричневый. Крылья более узкие, чем у орланов-белохвостов. Туловище вытянутое, хвост необычно длинный. Краевые перья хвоста много короче, чем срединные. Этим,

орлан похож на белоплечего, но... у его небольшой клюв. Это, вам – не «белоплечинский шнобель»!

– Белоплечий? – прикидываю я, – Молодой... Но, тогда, он должен быть, весь, в пестринах! А этот – чисто коричневый. А клюв?! Он – и у молодого белоплечего, должен быть как у тукана, из мультиков... Неужели, беркут? Скорее всего! Дыхан, один раз, показывал мне, в небе, беркута.

Орёл проходит в небе, над устьем, дальше. Я, заученным, коротким движением руки, сую бинокль в коробку футляра и перехожу по перекату, речку...

По краю речной террасы, я захожу в долину Тягиной. Лопухи, здесь, стоят – уже почти по пояс! Часто встречаются площадки медвежьих кормёжек.

– Так! – усмехаюсь я, – Пошла моя работа!

Вскоре, я вынимаю свой дневничок: белокопытник – триста пятьдесят восемь кусков, крапива – четыреста три, борщевик – четыре куса, дудник – один кус...

– Хм! – качаю я головой, – Как много, он, крапивы ест! Все верхушки пообкусаны!

Вот и знакомый участок спелого, пойменного ивняка. Скоро будет моё дупло рыбных филинов! Я, его, в мае прошлого года сделал. Я раздвигаю руками зелёные зонты белокопытника перед собой и осторожно, прислушиваясь и приглядываясь к окружающему лесу, продвигаюсь в направлении дерева с дуплом рыбных филинов. Сейчас, я приближаюсь к нему снизу, со стороны устья речки. Получается, что по ходу движения, сначала – я подгребаю по лопухам, к дереву-присаде. Это – мощная ель, растущая метрах в тридцати, по другую сторону полянки.

– Интересно! Посещают, филины, моё дупло? – думаю я, – Или нет? Надо посмотреть!

Я протягиваю руку вперёд, чтобы отодвинуть очередной зелёный зонт – и вижу на нём большие, белые кляксы.

– О! Помёт! – радуюсь я, – Птичий помёт!.. Свежий! Последний дождь его не смыл! Значит – уже, после него...

Значит, рыбные филины часто сидят в кроне этой ели! Обжили-таки, моё дупло!!!

Я так рад, этому! Это дупло – полностью, дело моих рук. Так приятно, когда твой труд оказывается востребованным...

Всё-также, по лопухам, я подгребаю к дереву с дуплом. По свисающему до земли, полубломанному суку, я взбираюсь на ствол «ивового баобаба», под самое дупло. Теперь, от моего лица до нижнего края дупла – два метра расстояния. Я вижу, что края входного отверстия ободраны! Красноватая кора ивы неряшливо свисает, узкими лохмотьями, по бокам входа.

– Это, она – когтями?! – я, пока на расстоянии, внимательно изучаю красные завитки ивовой коры, – Пыталась расширить вход?!.. Ну, да! Конечно! Низ входа – узкий!

При создании дупла, прошлой весной, я не обратил внимания на то, что вход в дупло, в своей нижней части, сужается в узкую щель.

– Как я, этого, сразу не заметил?! – корю я себя.

Я вытягиваю руки вверх и едва дотянувшись, берусь пальцами за край входа. Свободно повиснув в воздухе, я подтягиваюсь на руках, как на турнике и забираюсь в дупло...

Птицы в дупле нет. Только древесная труха, на днище, утрамбована широким углублением, по размеру сидящей птицы.

Устроившись поудобнее в дупле, я вытаскиваю из ножен свой тесак и начинаю подрубать белую, живую древесину ивового баобаба, расширяя низ входного отверстия...

– Вот!.. Так-то будет лучше! – разговариваю я, сам с собой, – И не просто лучше, а значительно лучше!

Как я понимаю, в этом году филины используют моё дупло только иногда, до кладки дело не дошло. Или доходило? Да кладка погибла? Откуда я знаю...

Я выглядываю из дупла наружу, чтобы посмотреть вокруг, на природу. Высоко над землёй, на уровне крон мощных ив, я чувствую себя так хорошо! Всё-таки, что-то в человеке есть, от обезьян...

– Пшиш! Пшиш! – слышу я, негромкие звуки.

Я поворачиваю лицо влево – в кроне соседней ивы перепархивают две птички. Бурые, с воробья размером, а спинки – ярко-жёлтые, апельсиновые!

– Пшиш! Пшиш – пшиш!

– Это же жёлтоспинная мухоловка!! – улыбаюсь я им, – Прилетели!

Коротко перепархивая по веткам, птички гоняются друг за другом. И пшикают друг на друга.

– Хм! Смешно, – улыбаюсь я, – Они не цикают, а пшикают!.. Чего, только, не бывает!

Я опускаю глаза вниз... и мой взгляд упирается в широкую, бурую спину медведя! Взрослый зверь кормовым ходом движется по пойме, метрах в тридцати от моего дерева. Я спокойно смотрю на него сверху, из филинячьего дупла...

Медведь тянет поперёк речной долины, от речки к подножью её склона. Я посматриваю на него сверху. Я жду, когда он пройдёт...

– Ушёл... Нужно и мне, вниз спускаться! – деловито думаю я, выбираясь из дупла ногами вперёд, лицом к стволу дерева, – Здесь, наверху, конечно спокойней! Но, не век же мне здесь сидеть?

Довольный усовершенствованием филинячьего дупла, я спрыгиваю на землю. И первым делом, настороженно озираюсь по сторонам...

Возвращаясь домой, я закручиваю свой маршрут по сырым ольховникам Банного ручья. Здесь – тоже, массовые кормёжки медведей! Я берусь за подсчёт поедей...

Уже на выходе к дому, я останавливаюсь и заношу в свой дневничок последнюю арифметику: сосюрея Фори – сто тридцать пять кусков, дудник – шесть, лилия Глена – один кусок, борщевик – восемьдесят кусков, бодяк – пять кусков...

Тятинский дом. Все научники откочевали на юг. Мы остались вдвоём – я и Ольга Анисимова, орнитолог нашего заповедника. Стоит, обычный для Кунашира, плотный туман. Выйдя из дома, я стою на улице и смотрю на лес...

В голове роятся тяжёлые мысли: «Вот и ещё один день пролетает. Сегодня – уже двадцатое мая! Двадцатое... А, я – ещё и не начинал работать, в качестве ботаника!».

– Планы! Мечты! – мысленно передразниваю я, сам себя.

Кругом сыро, холодно и серо. Прямо, как у меня на душе...

Из дома выходит Ольга. Присмотревшись к погоде и природе, она подходит ближе: «Саш! Ты что, такой злощий, ходишь? Чернее тучи».

– Напарника, Оля, нет! – оборачиваюсь я к ней, – До сих пор! А мне – нужен не просто напарник, а помощник! Представь! Я – геоботаник. Для того, чтобы выяснить, какие у нас березняки, я закладываю в них пробные площади. Березняк с покровом из вейника представляет одна площадь, другая площадь характеризует березняк с подлеском из бамбука... А, на нашем острове, всех ельников – пихтарников, ивняков – дубняков – не перечить! А, я – работаю один! Знаешь, как я работаю?

Анисимова молчит.

– Сначала, я выбираю место в лесу, под пробную площадь. Теперь – нужно отмерить стороны этой площади. Обычно, сторона составляет пятьдесят метров. А, в разреженных массивах – и семьдесят метров. А, как мерить? У меня верёвка – пятьдесят метров. Я её разметил на отрезки по десять метров. Я привязываю конец этой верёвки за ствол углового дерева и растягиваю её по стороне пробной площади. Бросаю, оставляю верёвку на земле! И возвращаюсь обратно – чтобы отвязать её начальный конец. Потом – я снова прохожу на конец, лежащей на

земле верёвки, поднимаю этот конец и сматываю верёвку... Это – только одна сторона! А всего сторон, у площади – четыре. И я, все четыре раза, привязываю, разматываю, возвращаюсь и отвязываю начальный конец верёвки, возвращаюсь... И так – я хожу туда-сюда по сторонам, прежде чем замкну четырёхугольник площади!

– Да! – «крякает» Анисимова.

– Но, это – только начало! Теперь – нужно сделать таксацию. Измерить диаметры всех стволов деревьев на площади. Это выглядит так:

У меня в руках – мерная вилка. Это – такой большой, деревянный штангенциркуль. Подойдя к стволу, я измеряю его диаметр этим штангенциркулем. Потом – я беру, зажатый подмышкой, мой тесак и делаю затёс на стволе – для того, чтобы пометить обмеренный ствол. Иначе – сам запутаешься... Значит, делаю затёс и сую нож обратно, подмышку.

– Зачем подмышку? – спокойно спрашивает Ольга, – У тебя – ножны, на поясе.

– Ха! – нервно хмыкаю я, – Облепленное смолой лезвие не лезет в ножны!.. Потом – я достаю ведомость таксации и ставлю точку напротив нужного диаметра нужной породы дерева. Это – одно дерево...

– Да, – сочувствует мне Ольга, – Кошмар...

– Это не кошмар! – горячусь я, – Это – идиотизм! Нужно быть идиотом, чтобы делать такую работу... Вот и получается! Что, работать – идиотизм. А, не работать и просто сидеть на кордоне – это... это форменное скотство!

– Саш! Знаешь что? – вдруг, говорит мне, Ольга, – Я, пока, свободна от своей работы по чайкам. Давай – я с тобой пойду?! Буду тебе помогать!

– Нуу... – недоумённо тяну я.

Это – неожиданное предложение! Моей голове, его нужно переварить.

– Несколько дней у меня, свободных – есть! – разводит руками, на моё молчание, Ольга.

– Ну, давай, попробуем! – соглашаюсь я, – Завтра. Вдвоём, конечно, будет полегче! И побыстрее...

Тятинский дом. Наступило «завтра». Сегодня двадцать первое мая. Стоит обычное для конца Кунаширского мая, туманное и сырое утро.

– Хорошо, что, хоть морось не сыпит! – думаю я, – За воротник.

Мой ботанический рюкзачок собран ещё с вечера. После обычного, девятичасового сеанса связи, в рабочей одежде, мы выходим из нашего Тятинского дома. Я оглядываю сначала себя, потом Ольгу – вроде, ничего не забыто.

– Ну, ладно! – командую я, – Вперёд! Труба зовёт!

Поднявшись по серой пойме Тятиной около километра от устья, мы выходим в давно облюбованный мной участок спелого, пойменного ивняка. Здесь, редко стоящие, толстые стволы деревьев, серыми, морщинистыми колоннами уходят ввысь. И только там, вверху, они расходятся в стороны, мощными сучьями. Подлеска, здесь, нет вообще – редко какой кустарник выдержит конкуренцию с господствующими здесь летом, трёхметровыми дебрями высокотравья. Но, сейчас – весна и лопухи ещё не превышают уровня моих колен.

– фу-ууу! – длинно выдыхаю я, – Пришли! Пять минут перекур.

Я снимаю рюкзачок на землю. Мы садимся рядом на толстый, морщинистый ствол ивы, словно колонна от римского дворца, лежащий на ровной поверхности поймы. Комлевая, задняя половина дерева лежит на столе поймы, а передняя, с коротко обломанными ветвями кроны – зависла, далеко выставилась в воздух над речкой, с двухметрового обрывчика.

Я сижу на этой деревянной колонне, а мыслями – уже, весь в работе. Мои глаза уже ошупывают стволы ивовых «баобабов», выбирают направление сторон будущей пробной площади.

– Шшшшшшшшшш,, – под нами, весело звенит своими струями, речка Тятинка.

Встаём.

– Всё! За работу!

Тяжёлая практика моих работ на пробных площадях в прошлом году отшлифовала рациональное чередование рабочих операций на площади. Первое – это границы. Я достаю моток размеченной по десять метров, пятидесятиметровой верёвки.

– Держи, Оля! – я даю Анисимовой конец бечёвки.

Я шагаю вдоль стороны будущей площади, разматывая верёвку и делая лёгкие зарубки на стволах деревьев, входящих в площадь. Стоящая на углу, Ольга держит конец верёвки.

– Всёёё! Отпускаай! – кричу я ей и начинаю сматывать верёвку, – Иди сюдаааа!

Ольга переходит ко мне, на новый угол площади. Здесь, я устанавливаю вешку с буссолью.

– Смотри, Оля! – объясняю я новую задачу, Анисимовой, – Если через буссоль смотреть вот так – будет прямой угол! Я, сейчас, пойду по новой границе, а ты – смотри, чтобы я в сторону не завалил!

– Ясно! – кивает она.

Я вручаю ей конец верёвки и шагаю вперёд, «отбивая» затёсками новую сторону площади.

– Саш-кааа! – над заросшей лиственным лесом поймой Тятиной звенит голос Ольги, – Правее бери! Сбился влево!

– Здорово! – радуюсь я, выправляясь на курсе, – Как же, всё-таки, классно – работать вдвоём!

Теперь – таксация.

– Смотри, Оля! – объясняю я Ольге, – Я кричу тебе название дерева и диаметр ствола. Ты находишь в ведомости породу этого дерева и на строчке этого диаметра ставишь точку. Точки ставим по четырём углам квадрата, следующие четыре ствола обозначаем чёрточками, соединяющими эти угловые точки и два ствола – чёрточки ставишь по диагоналям квадрата. Заполненный квадратик – это десяток стволов.

– Хм! – звонко хмыкает Ольга, – Теперь я знаю, что такое ваша «точковка»!

– Ну! Всё просто! – улыбаюсь я ей и шагаю к первому стволу, с мерной вилкой наперевес.

– Так... Ива сердцелистная, сорок шесть! – говорю я Ольге, пока мы стоим близко.

Сделав лёгкую зарубку на коре дерева, я бреду к другому...

– Ива, сорок восемь! – повышаю я, голос.

– Ива, сорок шесть! – скоро, уже кричу я Ольге в полную силу, взмахивая своим тесаком, чтобы сделать зарубку.

– Ива, пятьдесят два!..

– Ива девяносто шесть! – горланю я в полную силу лёгких, в дальнем углу площади.

Мои крики разносятся по тихой, речной пойме. Стоя на одном месте, Ольга ставит в ведомость очередную точку...

Всё! Таксация закончена!

– Ну и ну! – довольный, качаю я головой.

Теперь – нужно измерить высоту деревьев! Я отмеряю, рулеткой, двадцать метров от ствола ивы и развернувшись к дереву, нацеливаюсь высотомером на его вершину...

– Оля, записывай! Девятнадцать метров, восемь сантиметров!

Я стою и прицениваюсь к дереву, глазом...

– Что-то не так? – смотрит на меня, Ольга.

– А визуально, на глаз, я дал бы гораздо больше! – озадачиваюсь я, – Подожди-ка! Я другое дерево замерю.

– Хм! Визуально – это как? – интересуется Ольга.

– Нуу... – озадачиваюсь я, – Когда не было высотомеров, в Магнолии, мы высчитывали высоту древостоя – на глаз. Прикидываешь, на глаз, условный отрезок в два метра и начинаешь,

от уровня земли, отмерять его, глазами, по стволу дерева вверх. Один отрезок – два метра, второй отрезок – это, уже четыре метра, третий отрезок – это шесть метров... и так, до вершины.

Я отмеряю рулеткой положенные двадцать метров от ствола и прицеливаюсь на вершину высотомером...

– Девятнадцать метров семьдесят сантиметров! Чёрт! – злюсь я, – Практически, как и первое дерево! А, на глаз, я дал бы двадцать два! Не меньше! Вот тебе и глазомер!

– Ага! – соглашается Ольга, – Прибор – он точно покажет!

– Ну! – я, наконец, отрываю взгляд от вершины ивы, – Ладно! Теперь – описать травостой! Я, сейчас, запишу в бланк все виды, растущих в пределах площади, трав! И выставлю их обилие, высоту. А, ты – пока, отдохни!

И я лезу, с бланком пробной площади, в ещё не очень высокие, лопуховые дебри...

Обработав, во второй половине дня, ещё одну пробную площадь, на этот раз в молодом ивняке чуть выше по пойме, мы переходим речку по перекаату, на левый берег. Здесь будет наша третья площадь... Тятинка – хорошая речка, воды – под самый обрез болотников...

А, пока – мы отдыхаем, сидя на галечном берегу речки. У меня в голове, всё ещё звенят мои вопли: «Ива сердцелистная, двадцать! Ольха волосистая, восемь! Ольха курчавая, восемнадцать!...». Да-а! Кричать в полный голос, целый день – это, тоже, не в радость.

Мой взгляд бесцельно блуждает по массивам леса, подступившим к противоположному берегу речки... Массивы ивняков разного возраста резко отличаются друг от друга по внешнему облику. Вот, спелый ивняк – здесь редко стоящие, толстые колонны стволов «ивовых баобабов» создают ощущение величия и покоя. Кроны, у этих деревьев – только на самых верхушках.

А, вон – стоит язык средневозрастного ивняка! Это – тоже высокоствольный лес. Ровные, серые стволы, диаметром сантиметров в тридцать пять – кажется, подпирают пасмурное небо. Здесь, кроны деревьев ещё не оформились, как у тех старцев. Длинные ветви начинаются в нижней части стволов и чахлой порослью, топорщатся до самых вершин.

А, вон там! На косе ниже нас, стоит молодняк. «Жердняк», как его называют лесоводы. Стволы этих деревцев хороши только на жерди – они тонкие и длинные. Этот ивняк – такой густой!

– Оля! Смотри! – я возвращаю Ольгу в действительность, – Видишь мощные «баобабы»?

– Да! – кивает Ольга, – Настоящие баобабы!

– Это – ива сердцелистная.

– Это, я уже знаю... Но раньше ты говорил, что это – ива Урбана. В её стволах рыбные филины дупла делают.

– Ага. Год назад. А теперь, по новым определителям, это – ива сердцелистная... По широким листьям, толстым веткам – это, скорее тополь, чем ива... Так вот, в научных статьях пишут, что огромные деревья в речных поймах Кунашира – это чозения...

– И что?

– Как, что?! – удивляюсь я, – Чозении на Кунашире – нет. Понимаешь? Её здесь нет! Вообще! Она – в Приморье растёт! У нее узкие, мелкие листочки! Здесь везде первый ярус древостоя – это ива сердцелистная! Как можно спутать чозению с этими тополёвыми лопушками?!.. А, глянь на чахлые деревца, в нижнем ярусе! Вон, они!

– Те, что жмутся по берегу? – уточняет Ольга.

– Ага! – киваю я, – Три метра высотой. Узкие, заострённые листочки... Это ива удская. Считается, что пойменные ивняки, на Кунашире – сложены ивой удской!.. Я понимаю! На всех прочих Курильских островах – так оно и есть. Но, неужели трудно, специалисту-ботанику, увидеть, что на Кунашире, это – не так?!

– Саш, ты думаешь, кто-нибудь из них был здесь, на Тятинке?! – пожимает плечом Ольга, – Да, даже, на Филатовке?

– Ну-у... Понятно, что все ботаники едут на юг Кунашира! Алёхине... Там – экзотика! «Снежные субтропики!» – я, в растерянности, тоже пожимаю плечами, такая мысль мне в голову не приходила.

– Но, всё-равно! – тут же закипаю я, – Они же, пишут!

– Пишут, Саша! – улыбается мне, спокойная и умная, москвичка Анисимова...

Следующий день. Тятино. Уже часов пять вечера. Мы шагаем с Ольгой по лопуховым ольховникам Банного ручья. Мы идём на очередную пробную площадь. Я решил сделать площадь, характеризующую сырой, высокотравный ольховник. Мы, то и дело, пересекаем кормовые наброды медведей. Так что, попутно, я веду «медвежью арифметику». Я пишу себе в дневничок: сосюрея – сто тридцать пять кусков, дудник медвежий – шесть кустов, борщевик – восемьдесят кусков, бодяк – пять кусков. Я шагаю по медвежьей «дорожке» в лопухах, Ольга шагает следом...

– Саш! Он всё – ест по-разному! – то и дело, тербит она меня, сзади, – Эту, твою сосюрею – только кончик, у земли, откусывает! Полянки целые дожит! А медвежью дудку? Всё основание куста съедает! А у борщевика – целиком, весь куст!

– Точно, Оль! К каждой траве, у них – своё отношение, – улыбаюсь я своей «геоботанической напарнице», настороженно стреляя по сторонам глазами, – Скоро! Скоро уже придём на площадь!..

Тятинский дом. Я часто совершаю проходы по пойме Тятиной. В одиночку. Меня интересуют кормовые наброды медведей... Сегодня, у меня – очередной такой маршрут...

В низовьях Тятиной, я записываю в свой дневничок: белокопытник – девяносто кусков, дудник – четыре, бодяк – четыре...

Полянки медвежьих кормёжек так часты! Я медленно бреду по лопухам поймы и едва успеваю считать поеди.

– Смотри-ка! – прикидываю я, – В этом году – медведи, так много едят крапивы! Целые полянки скушенных вершинок! А, раньше – я этого, не замечал!

Скоро, моя голова перегружается цифрами. Чтобы «обнулить счёт», я достаю свой полевой дневничок и аккуратно пишу: белокопытник – четыреста пять кусков, сосюрея Фори – сто сорок один кусок, крапива – пятьсот пять, борщевик – двенадцать кусков...

Скоро будет верхнее дупло рыбных филинов – конечная, поворотная точка моего маршрута. Встречный, тёплый ветерок мягко овеивает моё лицо. День уже клонится к вечеру, и я прячу глаза от встречных лучей закатного солнца под длинным козырьком своей потрёпанной, кожаной бейсболки...

Мой настороженный взгляд, неожиданно натывается на живое. Я застываю и лишь через мгновение включаюсь: «Медведь!». А я стою, как столб – на пригорке, посреди зелёной поляны! Не шевелясь, я зыркаю глазами вправо-влево – укрыться не за что! Тогда, я приседаю на корточки и замираю, изображая собой пенёк...

Медведь спокойно пасётся, медленно продвигаясь между толстыми колоннами стволов спелого, пойменного ивняка, метрах в сорока – пятидесяти впереди меня. Я поднимаю к глазам бинокль:

Ярко-бурый, очень упитанный, взрослый медведь стоит ко мне левым боком, опустив к земле голову. Ветерок играет густой шерстью на горбе его холки. Справа и слева, поле бинокля ограничивают вертикальные колонны стволов ивовых баобабов...

Медведь пасётся на мелкой травке. Изредка, он переступает ногой, делая шаг вперёд. Не поднимая головы, шаг за шагом, он сдвигается, по полю бинокля, влево...

– Сейчас, пройдёт! – прикидываю я, – Нужно дождаться, пока он уберётся с линии моего движения.

Но! У задней ноги медведя, в круг поля моего бинокля... всплывает точно такая же, большая и бурая, медвежья голова.

– Бр-рррр! – я сильно зажмуриваюсь и снова открываю глаза.

Бурая медвежья башка, у задней ноги моего медведя, бодро щиплет травку.

– Второй! – осознаю я.

Второй медведь, так же, как и первый, не поднимая головы, шаг за шагом, медленно продвигается влево, по полю моего бинокля...

А, у его задней ноги, в круглый «кадр» бинокля, не спеша всплывает, старательно щиплющая травку, новая, бурая башка!

– Третий!! – в смятении, поражаюсь я, не отрываясь от окуляров бинокля.

Как и все предыдущие, этот медведь, не спеша, шаг за шагом, проходит поле моего бинокля, справа налево... Я жду, не отрывая бинокля от глаз.

– Всё! Кончились... – тревожно думаю я, – Что делать?!

И тут!!! Приближенная оптикой, в поле моего бинокля вползает бурая башка очередного, уже четвёртого, медведя! Мне становится не по себе...

– Медвежья стая! – поражаюсь я.

Моё сердце стучит где-то в горле. Стараясь уменьшиться в размерах, я медузой расплываюсь по бугру.

– Назад! Отползай! Скорее! – орёт во мне, внутренний голос.

Я отрываю бинокль от глаз. Четыре штуки! Растянувшись шеренгой, пасущиеся медведи неторопливо движутся мне навстречу, по ветру. Я зыркаю влево – метрах в семидесяти слева от меня, речную долину ограничивает тёмная стена спелого пихтарника. Я бросаю короткий взгляд вправо. В нескольких метрах – полутораметровый обрыв речки. Я задерживаю взгляд на мощных водных бурунах – и понимаю, что здесь речку, мне – не перескочить! В хвойном лесу, от медведей – тоже не спасаются. Значит, мне – только назад. И я расплываюсь по осочке, на четвереньках крадусь назад, за метровый пригорок, едва не елозя животом по траве...

Прикрывшись пригорком, я стремительно отбегаю, метров на пятьдесят. И затихаю, за какой-то коряжиной. Пальчики рук дрожат мелко-мелко...

Горячка, постепенно, проходит.

– Блин! Последний рабочий отрезок речной долины – не обследованным остался! – злюсь я, на судьбу.

– У меня – ещё несколько часов, есть! Светлого времени! – через пару минут, ко мне возвращается трезвость духа, – Надо бы переждать, пока они уйдут... Где они там? Может, уже ушли?!

И я, весь обратившись в слух и зрение, крадусь вперёд, туда, откуда несколько минут назад, так улелётывал...

Вот и мой бугорок. Одним глазом, я приподнимаюсь над поверхностью зелёной травки – все четыре медведя, спокойно пасутся прямо передо мной!

– Шагов пятьдесят! – прикидываю я.

Все медведи – одинаковой, ядовито-бурой окраски, одинаково толстенькие. Три медведя – одинаковые размерами. А один – чуть меньше. Он держится чуть позади больших медведей, отставая от них на десять – пятнадцать шагов. Все остальные пасутся очень близко, буквально вплотную, друг к другу. Один из медведей задаёт направление движения...

Косые лучи заходящего солнца бьют мне по глазам, и я глубже натягиваю на лоб длинный козырёк своей кепки.

– По-моему, они – родственники! – молча рассуждаю я, – А, тот, что меньше – самый младший!

Медведи, плотной группкой, пасутся на травке. Совершенно не опасаясь друг друга, они подставляют соседям и шею, и спину, и зад... Я, во все глаза, подсматриваю за ними...

Время – неумолимо! Закатное солнце задевает чёрный зубчатый частокол пихтарника, ограничивающего речную долину с запада! Медведи перестают пастись.

– Наконец-то! – нетерпеливо радуюсь я.

Но, к моему огорчению, медведи устраиваются на отдых! Здесь же! Они, лишь сдвигаются влево, под длинную, вечернюю тень, отбрасываемую чёрной стеной пихтарника.

Из длинной, монолитной стены хвойного леса, в речную пойму далеко вывешивается толстенный ствол, зависшей под углом около двадцати градусов, огромной ели. Главный из медведей облюбовывает этот ствол. Не спеша обнюхав комель дерева, медведь забирается на него и неторопливо шагает по этому стволу, вверх. Пройдя до середины ствола, он останавливается, поджимает свои ноги и опускается, как стоял, на живот. И затихает. Трое других медведей устраиваются на травке, прямо под стволом этой ели. И всё замирает вокруг...

На чём свет стоит, я клянусь себя за то, что не взял с собой фотоаппарат! Тёмная туша медведя, лежащего на толстом, светлом стволе ели высоко над речной поймой – так контрастно выделяется на фоне чёрной стены пихтарника! Его большая, спокойно лежащая на передних лапах, башка...

– Картина Шишкина «Медведи в лесу»! – восхищаюсь я.

– Только, вот это – специально не придумаешь! – думаю я, заворуженно глядя в бинокль, – Такой большой – и высоко над землёй, на белом, наклонном стволище!

Я стараюсь запечатлеть в своей памяти каждый мазок этой удивительной картины из жизни леса.

– Такое – не повторится никогда! – качаю я головой, – Такое не повторится! Никогда...

Медведь, на еловом стволе над поймой, лениво поднял свою бурую башку чуть вверх носом. И замер...

– Принюхивается! – понимаю я и мои губы трогает улыбка.

Медвежья голова плавно опускается на передние лапы...

Синева наступающих сумерек начинает размывать силуэты отдыхающих медведей...

Я поднимаюсь со своего бугорка, разворачиваюсь и задумчиво переставляю ноги, не спеша бреду обратно, домой. Моя душа полна светлым чувством: «Что я, сегодня, видел! Ах, что я видел! Спасибо тебе, лес!»...

Тятино. Утром, сидя за кухонным столом нашего Тятинского дома, я делюсь с товарищами своей проблемой – и бросать верхний участок рабочего маршрута, мне нельзя, и одному, туда идти – мне как-то не по себе, всё-таки медведей – четверо...

– Ладно! – между делом, роняет Евгений Григорьев, – Вместе пойдём! Мне, всё-равно, в том районе работать.

Он, у нас – специалист по мышевидным...

В паре с Григорьевым, мы уходим в лес. Быстро и без проблем, проходим низовья Тятиной по смотровой тропе, над речкой...

Пришли. Смотровая тропа кончилась. Мы подходим к берегу речки. Здесь – нам нужно переходить на другую её сторону.

– Вон! – показываю я рукой, – На той стороне и чуть выше – моё вчерашнее место!

– О! Да, вон он! – Евгений сразу замечает бурый бочонок пасущегося среди редкого пойменного ивняка, медведя.

Зверь спокойно щиплет травку...

Вдвоём, в лесу – не страшно. Сегодня, при такой поддержке, я вообще спокоен.

– Жень! Давай, я попробую его сфотографировать?

– Давай! – улыбается Григорьев.

Я падаю на колени и выхватыв из своего рюкзака телеобъектив, торопливо накручиваю его на фотоаппарат. Теперь – штатив установить...

Я делаю пятёрку кадров через речку. И всё! Нужно менять диспозицию, не всю же плёнку тратить с одного места?!

– Надо бы поближе подобраться! – делюсь я, соображениями, – Но – речка широкая! На ней, мы будем незаметны – как два трактора в чистом поле...

– Ну, а что тут можно ещё придумать? – пожимает плечами, после минутного раздумья, Евгений, – Пойдём через речку! Вдруг подпустит?

И мы выходим на широкий простор речного переката! Я не отрываю глаз от видеоискателя своего фотоаппарата. Не глядя себе под ноги, я часто поскользываюсь на валунах. Каждый раз, Григорьев удерживает меня в вертикальном положении, ухватив крепкой рукой, за шиворот...

Мы, нагло шагаем через широченный «аэродром» речки, прямо на медведя! А, скрываться нам, собственно – и негде! Разве что, прямо в воду лечь...

Медведь пасётся, упорно нас не замечая! На мгновение оторвавшись от видеоискателя фотоаппарата, я скашиваю глаз на Евгения – тот искрит, смеющимися глазами, в ответ. Его забавляет эта ситуация. Я, очередной раз, запинаясь на валуне! В очередной раз, меня сильно встряхивают за шиворот...

Мы, уже почти подошли к берегу!

– Вот уж, точно! – думаю я, – Чем глупее себя ведёшь – тем больше шансов на успех!

Я ловлю в кадр передние лапы медведя, его, занимающую уже половину кадра, большую бурую башку. Но! Вдруг, зверя, словно ветром, срывает с места!

– Подорвался! – азартно вспыхивает Григорьев, – Всё! Пошёл!

Медведь, сбиваясь с истеричного бега на закрытых лопухами ямках и буграх поймы, шальным галопом несётся прочь, по равнине поймы. А, я – вижу, что он, непонимающе вертит головой, по сторонам.

– Почему? – удивляюсь я, – Он нас не видит! Он мчится – а сам не понимает, почему!

– Вон! Вон, второй! В стороне пасся! – Евгений возбуждённо тычет пальцем, под прямым углом, влево, – Тот нас подловил! Сам шуганулся и нашего сорвал!

– Вот, блин! – наконец, понимаю я, логику событий, – А, мы его и не заметили!

Порознь, метрах в пятидесяти один от другого, бешеным галопом, медведи скрываются с наших глаз, среди колоннады толстых стволов ивовых баобабов поймы.

– На буграх спотыкаются! Скачут, как лошадки-пони!

– смеётся им вслед, Григорьев, – Ух!.. Ладно. Некогда мне, работа ждёт... Поразвлекались мы, сегодня.

Евгений, напрямую, пересекает речную долину. Он идёт к своим ловчим линиям, в хвойник, в который только что убежали медведи. А я разворачиваюсь вправо, вверх по речной пойме – мне нужно доделать не выполненную вчера работу...

Очень скоро мой дневничок пополняется новыми записями: сосюрея Фори – восемьдесят два скуса, белокопытник – триста пятьдесят один скус, дудник медвежий – пять скусов, борщевик – шесть скусов, крапива – двести семьдесят четыре скуса, симплокарпус – восемь скусов.

– Как интересно! – прикидываю я, – Вершинок крапивы – двести семьдесят!.. А, помёты – почти полностью белокопытниковые! Это потому, что скус черешка белокопытника – гораздо больше! Он, просто не сравним по массе, с вершинкой крапивы... Но, всё-равно! Очень, очень интересно то, что медведи – так массово, едят крапиву!

Заодно, сегодня, я проверяю состояние верхнего дупла рыбных филинов. Я залезаю на «ивовый баобаб», стоящий на краю речного прижима. Это дупло – полностью естественное. Оно используется рыбными филинами с давних времён. Оно было ещё до заповедника...

Я перевешиваюсь через край дупла и заглядываю вовнутрь. Это дупло – очень глубокое! Здесь, руками, до днища не дотянешься.

– Нуууу! – тяну я, – Здесь – совсем другое дело! Дупло посещается постоянно! Вон, как сильно обшарпаны стенки!

Внизу, на уровне гнездовой камеры, самка сильно обскребла стенки дупла.

– Она пыталась расширить гнездовую камеру! – понимаю я.

Сверху, я вижу, что труха днища переверорощена. На ней лежат, два, скомканных, филиных пера...

Тятинский дом. Двадцать четвёртое мая. Сегодня – у меня транспортный день, переход на Саратовский кордон. Надо будет, теперь, на Саратовском участке, питание медведей посмотреть...

Уже к полудню, оставив рюкзак на кордоне, я выбираюсь в пойму речки Саратовской.

– По Тятинке, все дупла рыбных филинов, мной просмотрены, – думаю я, – Интересно, а как обстоят дела здесь, на Саратовке?

И я меняю задачу сегодняшнего дня...

Вот – дупло номер один. Оно сделано на самой вершине одной из самых высоких ив речной долины Саратовской. Эти деревья стоят в развилке Саратовской и её притока Перевальный. Проявляя чудеса акробатики, я карабкаюсь по стволу вверх...

На стенке входа в дупло, я нахожу несколько царапок!

– Это – следы от когтей филина! – радуюсь я, – Значит, прилёт был!

Насколько позволяет дерево, я расширяю вход и углубляю гнездовую камеру дупла. – Но, всё-равно! – разочарованно прикидываю я, – Для рыбного филина, это дупло мало!

О рыбном филине, здесь не может быть и речи. Я спускаюсь вниз, на землю...

Поднявшись метров сто вверх по пойме Перевального, я отыскиваю дупло номер два.

– Блин! Лучше бы, тебя, не находить! – матерюсь я, стоя возле разломленного надвое и лежащего на земле, толстого ствола старой ивы.

Видно, в осенние циклоны это дерево не выдержало напора ветра и упало. Дупло, как корыто, смотрит в небо!

– Что с ним делать?! – развожу я руками, – Ничего и не поделаешь. Хоть плачь, хоть не плачь...

Я шагаю вверх по речной долине Саратовской, дальше...

Вот, участок дупла номер три. Это – место впадения в речку третьего её притока...

– Приток Угловой! – улыбаюсь я.

По песчаным косам речки, и ниже и выше по течению, я вижу много следов филинов! Почему – это следы филинов? Потому что, в отличие от следов орланов, чья лапа похожа на куриную, у филинов пальцы располагаются крестообразно – два вперёд и два назад...

Вот и само дерево с дуплом. Я карабкаюсь по стволу этого ивового «бабаба», вверх...

Дупло – очень даже, жилое! Стенки входа в дупло сильно обшарпаны.

– Когтями! – улыбаюсь я, трогая красноватые «висюльки» измохраченной, живой ивовой коры.

Сбоку ствола, прямо от дупла, растёт горизонтальная толстая ветвь. Я трогаю рукой нарощую сверху на ней шапку зелёного мха – она сильно уплотнена.

– Это – от того, что птицы сидят на этом месте, прямо у дупла! – понимаю я.

Древесная труха, на днище дупла – переверорощена, в неё затоптаны несколько пуховых перьев филина.

– Камера слишком узкая! – морщусь я, – Неудобная! Самка, в этой узости, может только сидеть! Почти вертикально! А как же хвост?! А концы крыльев?! Бедная, бедная птица!

Осмотрев дупло, я принимаюсь за ремонт...

Толстый слой гнилой, трухлявой древесины, сантиметров восемь – десять, легко снимается с внутренних стенок дупла!

– Хм! – хмыкаю я, – Просто, руками! Вот, дела!

Опять же, руками, выгребая наружу труху с днища дупла, я углубляю его вниз. Гнездовая камера, теперь, стала гораздо глубже и просторней.

– Сантиметров на двадцать, шире стало! И глубже – сантиметров на сорок! – говорю я сам себе, – Теперь – совсем другое дело! Теперь – самка может, здесь, лежать!

Очень довольный собой, я спрыгиваю на землю...

Теперь – я поворачиваю вниз по Саратовской, к дуплу номер четыре. Это – очень объёмное дупло, в короткой и очень толстой ольхе. В его камере можно спрятаться, даже человеку! В прошлом году, мы с Дыханом выпилили тяж живой древесины, перекрывающий вход в дупло...

Я поднимаюсь по стволу вверх, к дуплу.... Увы! Это дупло стоит чистое, не посещаемое филинами, вообще.

– Вот же, чёрт! – недоумеваю я, сидя около входного отверстия дупла, как соловей-разбойник на дубу, – И что им надо?!

Ладно! Я шагаю дальше, в сторону кордона, круг моего маршрута замыкается...

Под вечер, на кордоне, я решаю сходить в устье Саратовской, глянуть, что там делается. Я шагаю по вездеходной колее, от кордона к морю. Вокруг простирается ширь бамбуковой равнины морской террасы...

На вершине высоченной, растущей в пойме речки, суховершинной ивы, на которой любят сидеть орланы, сидит голенастая хищная птица, почти белой окраски! Отработанным до автоматизма движением, я поднимаю к глазам бинокль.

– Скопа! Это скопа! – наконец соображаю я, – Скопа на Саратовке! С каких, это, пор?... Блин, фотоаппарат не взял!

– Хорошо, что недалеко ушёл! – я разворачиваюсь и рысью спешу обратно, на кордон...

Возвращаюсь. Скопа продолжает сидеть на своей присаде. Она крутит головой, приглядывается к окружающему миру. Как я понимаю, для неё – всё, здесь, ново...

Однако! Только я попытался приподнять фотообъектив в её сторону – скопа стремительно снялась с сука и торопливо пошла прочь, в сторону морского побережья...

– Вот же, блин! – ругаюсь я ей вслед, – Какая осторожная!

Я шагаю по тропинке дальше, к устью и морю...

Но! Совершенно неожиданно, я замечаю скопу высоко в небе, над речной долиной! Я скидываю свой бинокль: птица очень, очень спешит.

– Почему? – недоумеваю я, не отрываясь от бинокля.

Но вот, в стороне моря показались преследователи! Это – пара орланов-белохвостов.

– Матёрые... местные! – прищуриваюсь я, – Это их гнездовой участок.

Ровно и мощно работая крыльями, орлан удивительно быстро настигает скопу!

– Цыг! Цыг! Цыг!

Та громко зацыгала, закричала, бросила своё тело резко в сторону. Орлан, на скорости, проскочил вперёд, но, быстро сориентировавшись, снова настиг скопу! Та, в последний момент вновь бросив своё тело в сторону, чудом увернулась от него, выставленных вперёд, когтей...

Растерянно наблюдая в бинокль за этим воздушным боем, я провожаю изо всех сил улетающую скопу и бешено гонящегося за ней орлана. До тех пор, пока обе птицы не скрываются за зубьями вершин хвойного массива, вдали от моря, за кордоном...

Но, минут через пять, моё удивление становится ещё большим! Когда, в небе над Саратовской поймой, снова показывается скопа!

– О! Вторая! – изумляюсь я, снова вздёргивая бинокль к небу.

Эта птица, изо всех сил, спешит от морского побережья в сторону хвойного леса кордона. Она постоянно оглядывается, на лету. В её лапах болтается крупная рыбина...

Вот! Далеко сзади, в небе появился спешащий за скопой орлан! Но, на этот раз, расстояние между птицами – очень приличное. Поняв, что догнать скопу он не сможет, орлан успокоился и повернул в сторону. Размеренно и мощно взмахивая крыльями, он пошёл патрулировать береговую линию океана. Скопа, тоже несколько успокоившись, дошла до кромки хвойного леса, вблизи нашего кордона. Я смотрю в бинокль, как она, наполовину складывает свои крылья и, в два приёма резко снизившись, идёт на посадку, за первыми же кронами пихт. Наверное, для того, чтобы поесть.

– Чего удивляться, что ни на Саратовке, ни на Тятинке, нет скоп? – размышляю я, шагая по колеям дальше, – Судя по сегодняшним боям, местные орланы им, здесь, жизни не дают...

Саратовский кордон. Сегодня – двадцать пятое мая. Я решаю, сегодня, обойти западный борт Саратовской долины. Закладываю в свой рюкзачок треногу штатива, фотоаппарат...

По берегам речки много кормовых набродов медведей. И я принимаюсь их исследовать...

В медвежьем питании, пока, нет ничего нового: пятьдесят шесть черешков белокопытника, шестнадцать кусков соссуреи Фори, восемь кустов дудника медвежьего, три куса бодяка...

Я смотрю по сторонам, на, уже почти летний, лес. Берёзы – так приятно зеленеют свежей листвой... Но, деревья черёмухи ещё только наполовину выпустили из почек листья!

– Хм! – хмыкаю я, на это, – Вот что значит – теплолюбивые, широколиственные породы!

В первом притоке речки Саратовской массой стоит корюшка!

– Ха! Корюшка! – радуюсь я, – В Вилке стоит корюшка! Вот, это, новость! Корюшка пришла!

Это, действительно, важная новость! Теперь, всё лесное население объестся корюшкой! Порадовавшись за себя и за всех шерстистых и пернатых обитателей леса, я заворачиваю в ольховник, вверх по ручью...

Вот и склон сопки. Это и есть западный борт речной долины Саратовской. Я бреду вдоль подножия сопки, поперёк обширных пустырей будущего высокотравья. Здесь, по марям – массовые покопки! Я брожу по сырой дернине и считаю эти покопки...

– Двести девяносто шесть покопок! И все – симплокарпус! – громко, в голос разоряюсь я, – Ничего другого не ест! Хотя, вокруг – такое богатое разнотравье! И дудник, тебе, есть! И соссурия есть, и белокопытник!.. А он жрёт – только симплокарпус!

Обходя колки пихтарника, я постепенно забираю всё выше по склону Борта...

Скоро, записываю в дневничок: соссурия Фори – двести двадцать шесть кусков, белокопытник – тридцать два куса, крапива – пятнадцать кусков, дудник – три куса...

Бросив взгляд вниз, я вижу, как с полкилометра подо мной, в широкую полосу ольховника, пересекающую чёрный массив пихтарника, выходит медведь! Его чёрная туша контрастно выделяется на фоне окружающей зелени.

– Медведь! – удивляюсь я, – Да, какой крупный!

Упав на колени, я торопливо достаю из рюкзачка свою фотоаппаратуру. Как подорванный, накручиваю объектив на фотоаппарат, торопливо выставляю ноги на фотоштативе... Поднимаю глаза – ольховник пуст!

– Блин!!! – в сердцах матерюсь я, – Да, чтоб всё сдохло!

У меня опускаются руки. Где стоял – я бессильно сажусь на траву склона, рядом с уже не нужной треногой.

– И что делать?! – тяжело думаю я, – Нести по лесу всю Рогозину скрученной фотоаппаратуры – глупо. Цеплять за каждый сук... А, если не нести – пока скрутишь всё на месте, то и искать, уже некого...

– Ду-ду! Ду-ду!

Где-то, в перелесках внизу, басом дудит глухая кукушка. Первая встреча! Вытащив дневничок, я вздыхаю и записываю в него дату...

Всё-также двигаясь по склону, я постепенно подворачиваю к одной из медвежьих берлог. Она располагается в верхней части склона Борта. Это земляная берлога прошлого года.

– Интересно, она каждую зиму занимается медведями или нет? – прикидываю я, на ходу.

Вот и берлога... Отвал земли, перед входом в берлогу, уже порос бурьяном. Свежей почвы, на нём – нет.

– Оказывается, нет! – рассуждаю я, – В эту зиму, в ней – никто не зимовал!

Однако, в берлогу кто-то из медведей заползал! И совсем недавно! На влажной, красно-коричневой почве у входа, красуются отпечатки когтистых медвежьих лап.

– Судя по следам – это молодой медведь! – прикидываю я.

Я приседаю на корточки и замеряю рулеткой ширину отпечатка передней лапы.

– Лапка – десять сантиметров! Подросток... Интересно, что он там делал?

На мягкой почве «пола» входной норы в берлогу, я внимательно рассматриваю борозды от медвежьих локтей и коленок...

Любопытство – не порок! Заползаю в берлогу и я...

Скрестив ноги, я сижу на полу спальной камеры берлоги. Осматриваюсь по сторонам – так, оно и есть! Берлога, в эту зиму, пустовала. Нет свежих корябок от когтей на твёрдой поверхности стенок и потолка. Да и крошки окаменевшей глины, на днище спальной камеры – лежат так же, как и в прошлом году...

– Значит, заполз просто посмотреть! – думаю я, – Ладно! Мне пора выползть на свет божий!..

Двадцать шестого мая. Я шагаю с лесной поляны Саратовского кордона. На выход. Я иду на Филатовский кордон – мне нужно выбираться в посёлок...

Высота лопухов, в пойме речки – уже достигает моей груди! Здесь впервые пылит, миниатюрными одуванчиками, белокопытник. Я открываю дневничок и делаю запись: «Белокопытник широкий – зрелые плоды».

Вот и устье речки. Корюшка, в приустьевой яме Саратовской, стоит тёмной массой. Теперь я понимаю, что «тьма» – это «тёмная масса».

По зеркалу этой, обширнейшей ямы плавает утка! Я подкрадываюсь до края обрывчика речного берега и навожу на неё бинокль – это селезень кряквы. Но, у него странный хвост! Загнутый в обратную сторону, султанчик перьев! Я делаю несколько кадров, своим телевизором...

Я шагаю и шагаю. Дорога дальняя... По покрытым грубым и редким колосняком, песчаным дюнам древней штормовой дамбы, что пролегает между Саратовской и Камышовой. Здесь – всё розово!

– Фиалка! Ах, как цветёт! – восхищаюсь я, доставая свой дневничок...

В устье Камышовой – стоит и смотрит на меня, белая цапля!

– Белая цапля! Очень интересное событие, для наших орнитологов! – понимаю я.

Я достаю полевой дневничок и делаю в нём короткую запись о встрече...

Контора подыскала мне новых помощников! Два девятиклассника согласились побродить со мной по лесам, в течение июня. Хрупкий интеллектуал, очкарик Толик и человек действия, здоровяк Михаил. Как я понимаю, эта пара тем и уживается вместе, что дополняет друг друга.

«Были сборы недолги» – мы приступаем к работе уже через день!..

Филатовский кордон. Тридцать первое мая. Стоит солнечный, летний день. Ближе к вечеру, я «гоню» описания высокотравья на открытых склонах долины ручья Балышева. Это площадки стандартного размера – десять на десять метров. На каждой из них я составляю список растений и их обилия. Получается, видов двадцать – двадцать пять, на каждой...

За сегодняшний день, мы успеваем сделать одну полнокровную площадь в ольховнике ручья и четыре высокотравные площадки...

Филатовский кордон. Утро. Своей тройкой, мы отправляемся на надпойменную речную террасу Филатовки, где я, ещё раньше, приглядел массив березняка...

– Кук-ку! Кук-ку!

– О! – восторгаюсь я, – Кукушка! Первое кукование!

– Ну и что? – не понимает меня Мишка, – Обычное дело!

– В Летописи природы заповедника есть раздел «Календарь природы», – разъясняю я, – Первое кукование кукушки – это важный индикатор весны! Он – яркий и очень постоянный. Каждый год, первое кукование кукушки приходится на двадцать восьмое мая.

– Сегодня – уже первое июня. Выходит, весна в этом году запоздала? – тут же интересуется Толик.

– Я не был в лесу с двадцать седьмого мая! – размышляю я, – Скорее всего, кукушки куковали как положено, с двадцать восьмого числа. Только, я – этого не слышал.

– Да! – через минуту, кивает Толик, – Логично. Могло быть именно так.

– Толик! – качаю я головой, – Ты, каждую мысль проверяешь на логику!

– Ага! – отзывается за своего дружка, Мишка, – Представляете, как мне с ним?!

– Ну, – киваю я.

– Пс! – смешливый Толик, коротко прыскает в ответ.

Пришли! Я выбираю однородный участок молодого, бамбукового березняка. И мы приступаем к работе...

У моих помощников наметилось разделение труда! Здоровяк Мишка помогает мне «отбивать» границу площади. Зато, интеллект Толик быстро освоился с точ-ковкой.

Наш березняк – по грудь заполнен плотными зарослями курильского бамбука. Это просто стена стеблей и листьев! Я достаю рулетку и замеряю высоту этого подлеска – сто десять сантиметров! Из травостоя, здесь ничего нет.

– Хм! Да и быть не может! – хмыкаю, опытный я, – Под бамбуком – редко, какое растение выживет.

Лишь, отдельными былинами, из бамбука кое-где торчит вейник. И всё!

Но, проводить таксацию в бамбуке – это круто! Даже, для тренированного, меня. От ствола к стволу, я тяжело гребу по упругому морю бамбука. Мой язык устаёт ворочаться во рту. Я трудно выкрикиваю очередное: «Берёза четырнадцать!». И бессильно опустив руки, останавливаюсь, запалённо хватая ртом воздух – бамбук отнимает все силы...

Но вот, наконец, последний, угловой ствол! Это чахлая берёзка.

– Берёза двенадцать! – натужно кричу я в воздух и, уже развернувшись от берёзки, в сердцах бросаю ей, через плечо, – Глаза б мои, на тебя, не смотрели!

На середине площади, я бессильно останавливаюсь и вытираю мокрым рукавом мокрое лицо. И снова гребу по бамбуку, к своим помощникам...

Всё. Выбрался на колею дороги... Через минуту, я прихожу в себя. Чтобы не тратить время, я беру из рук Толика карандаш и бланк с точковкой и начинаю подсчитывать результаты таксации.

– Как Вы, это делаете? – пристаёт ко мне любопытный Толик.

– Смотри! – я ещё тяжело дышу, и кончик карандаша мелко прыгает по бумаге, – Каждый квадратик точек и чёрточек между ними – это десяток стволов...

– Ааа! – загорается Толик, – Точно! Как я, сам, этого не понял?!

– Фуууу... Так. На этой площади мы имеем, аж двести восемьдесят стволов! – сообщая я и пожимаю плечами, – Жердняк! Что, тут, сказать?..

– Что, много? – опасливо спрашивает Толик.

– Для статистики достаточно двести стволов, – объясняю я, – Так что, у нас – перебор. Можно было бы площадь и меньших размеров делать...

Мы переходим на вторую площадь. Мы шагаем по лесу...

Это будет пойменный, высокотравный ивняк. На полянках в смешанном лесу, по которому мы пробираемся, встречаются местинки медвежьих кормёжек. И скоро я пишу, в своём дневничке: «Лабазник – сорок четыре ску-са, сосюра – пятьдесят три скуса, крапива – один скус».

– Интересно! – хмыкаю я, – Новое место – другие предпочтения? Здесь, на Филатовке – медведи едят листья лабазника и не трогают крапиву! Хм! Оч-чень интересно...

Филатовский кордон. Новый день. Своей тройкой, мы работаем дальше. Сегодня у нас – площадь, характеризующая пихтарник. Среди безбрежного хвойного леса, я выбираю однородный участок. Просто удивительно, как хорош этот пихтарник! Он – совершенно чистый! Я стою на середине пробной площади – и вижу все четыре её угловых ствола!

– Такого – никогда не бывает! Ни-ког-да! – качаю я головой и развожу руками, – Но, вот! Поди ж, ты! Встречается...

Древесный ярус представлен пятью породами. Это берёза Эрмана, рябина смешанная, тис остроконечный. А, основу древостоя, конечно же, составляют пихта сахалинская и ель иезская.

– Да-а! – думаю я, – Всего пять! Это, вам – не восемнадцать пород деревьев! На площадях, на юге Кунашира...

Почву покрывает ковёр папоротника и мелкой, таёжной осочки. С одной стороны – это не бамбук, здесь шагать легко и приятно. Но, с другой! Ажурный, но совершенно без просветов, ковёр папоротника скрывает ямки и кочки, и сучья торчащие как пики – так, что вообще не видно, куда шагаешь! Так что, здесь – тоже, особо не разбежишься.

Таксация... С таксационной ведомостью и карандашом в руках, Толик стоит в середине площади. Он точкует.

– Ель, двадцать восемь! – командным голосом, как прапорщик на плацу, ору я Толику, меряя диаметр ствола дерева мерной вилкой.

Своим тесаком, я делаю легкую затёску, на коре измеренного ствола.

– Пихта, двадцать!

– Пихта, двадцать четыре!

– Ель, тридцать два! – ору я в полный голос, чем дальше от Толика – тем громче я должен кричать.

– Пихта, тридцать четыре!..

Всё. Таксацию сделали...

– Давай! – я протягиваю руку за ведомостью, – Посчитаю количество стволов.

– Я сам! – горячо протестует Толик.

– Ладно, ладно! – тут же уступаю я.

По подсчётам Толика, стволов ели, получается – сто двадцать девять, а пихты – всего пятьдесят семь.

– Интересно! – удивляюсь я, – Получается, что мы делаем вовсе не пихтарник, а ельник! Причём, смотри – по объёму древесины, ель составляет восемьдесят процентов запаса!

– Да! – соглашается Толик, – Ведь, стволы елей – более толстые...

– Хм! Это – ельник! – снова хмыкаю я, осмысливая новую вводную, – Подумать только!.. Так, это ещё лучше! Хвойники с преобладанием ели, на тихоокеанской стороне Кунашира – попробуй ещё, найди!

– Почему?

– Наши тихоокеанские туманы, Толик, эта сырость, недельные мороси – это условия для господства пихты!

– А ёлка?

– Ей больше подходит Охотоморская сторона, там суше, там солнце чаще светит.

Теперь – замерить высоту основных пород. И я нацеливаюсь высотомером, на вершину...

Средняя высота елей – двадцать четыре, пихт – двадцать два метра.

– Так, древостой обработан! Теперь – очередь за подлеском! – я оглядываюсь вокруг, ища глазами кустарники.

Увы! Их нет! Я вижу лишь один-единственный кустик бузины, да и тот чахлый.

– Ладно!.. Теперь – травостой!

Бродя по площади, я записываю в бланк виды трав...

Всего – двенадцать видов!

– Всего-то! – хмыкаю я.

Основу, конечно, составляет папоротник. Это – ковёр щитовника австрийского. А под ним, почти по почве – ковёр мелкой, таёжной осочки сахалинской.

– Да! Чуть не забыл лианы! – спохватываюсь я.

Вот! Вверх по стволу пихты тянется плеть, в руку толщиной. Это – гортензия черешчатая. В отличие от актинидии, которая плетётся вверх, по-змеиному обвиваясь вокруг стволов и ветвей, гортензия использует совсем другую тактику. Эта лиана поднимается вверх по опоре строго вертикально, держась за кору дерева множеством коротких, воздушных корешков. Эти корешки не сосут сок растений! Они, лишь держат лиану. Гортензия, от множества отходящих в обе стороны от ее стебля этих корешков, выглядит гигантской сороконожкой, притаившейся на пихте...

Я замеряю высотомером её высоту...

– Восемнадцать метров!.. Это обычно. Бывает и больше.

К вечеру, своей тройкой, мы возвращаемся на Филатовский кордон. Филатовский кордон! Это ворота в лес. Здесь – всегда масса народу! Одни заезжают в лес, другие – выезжают из леса. На ночь, спящими людьми, бывают заняты не только штатные койки кордона, но и матрацами покрыто всё пространство пола...

Филатовский кордон. Утро. Я выхожу на крыльцо. Следом за мной выходит Михаил Ульянов. Он, у нас – главный лесничий.

– Пантелеич! Ты что, со своими, творишь?! – улыбается он мне.

– Работаем! – расслабленно улыбаюсь я, – А что?

– Ты, их – не сильно, в лесу... мордуешь?

– Ну, как... – озадачиваюсь я, – Пробные площади гоним! Я – сам, таксацию делаю! Они – только точкуют, да помогают мне с верёвкой. И так, по мелочам... А, что?

– Понимаешь... Я, среди ночи проснулся. От голосов. Твои ребята разговаривают! Представь – во сне! И Мишка и Толик.

– Это – как? – не понимаю я.

– Как?.. Пихта, двадцать восемь! Ель, тридцать! Пихта, двадцать четыре!

– Шутишь! – недоверчиво смотрю я, на Ульянова.

– Какие шутки?! Саня! – у Михаила вполне серьёзное лицо.

– Это я, – признаюсь я, – Целый день, кричу им диаметры стволов!

– Наверно, твои вопли, у них – уже в ушах стоят... Ты – смотри!

– Ладно, Миш! – серьёзно обещаю я.

Бассейн Филатовки нами обработан! Я очень доволен. Теперь – у меня в активе есть площади, характеризующие пойменные ольховники и ивняки, различные березняки и пихтарники... А также масса площадок, описывающих строение высокотравных сообществ! Как говорят мои помощники – «лопуховые площадки».

Нам нужно менять базу. И мы, своей тройкой, выдвигаемся в сторону Саратовской, через Медвежий перевал. Мы шагаем под рюкзаками, по вездеходной дороге. Утро, сегодня – туманное и тёплое. Это – туман, сверху, прогревают солнечные лучи...

По ходу движения, на перевале мы делаем две площади. Обе – «кленовник высокотравный». Вот они, новые типы леса, в мою копилку! Чистые массивы клёна мелколистного! «Кленовник», как я говорю. Такая растительность характерна для юга Кунашира. А здесь, в северной части острова, она проходит узкой полосой по склонам сопок, на уровне триста – пятьсот метров над уровнем моря. В этой полосе господствуют широколиственные породы деревьев – бархат, черёмуха, клён, ясень, вяз... А мы – как раз, изучаем строение разных типов леса.

К вечеру, мы выкручиваем на Саратовский кордон. Теперь, наша база будет здесь...

В наступающих сумерках, я выхожу на высокое крыльцо кордона. Первым делом – быстрый взгляд направо-налево...

– Цвиrr – цвюрр – цвиrr! Дзинь-дзинь-дзинь-дзинь-дзинь..!

– Ёшкин кот! – я напряжённо вслушиваюсь в, такие знакомые, колокольцы, – Дрозд! Колокольцы рассыпал! Первая летняя песня.

– Цвиrr – цвюрр – цвиrr! Дзинь-дзинь-дзинь-дзинь-дзинь!

– Ах, как поёт! – млею я, стоя на высоком крыльце Саратовского кордона...

Саратовский кордон. Утром мы уходим в леса. Первым делом, пересекаем широченную пойму речки – мы шагаем к западному борту Саратовской. Я веду своих мальчишек в определённую точку – я знаю, где по нижней части склона Саратовского борта, растут целые рощи клёна и другой экзотики...

Мы закладываем площадь в высокотравном кленовнике. Это – уже тринадцатая пробная площадь.

– Это классно, – тихо радуюсь я, молча, – Это здорово!..

Массив клёна удивительно однороден! Он имеет совершенно не вписывающийся в хаос дикой природы окультуренный, парковый облик! Аккуратные, словно подстриженные, деревца с розовыми, прозрачными кронами, придают массиву клёна лирическую ажурность...

– Как в парке культуры и отдыха! – зубоскалят на это, мои помощники.

– Ага! – улыбаюсь я.

Я делаю площадь, тридцать на тридцать метров...

Средний диаметр стволов клёнов – двадцать сантиметров. А высота этих деревцов – всего двенадцать метров! Всюду стоит сплошной покров уже поднимающегося высокотравья. Основу травостоя создают лабазник камчатский и чемерица. Очень много папоротника! Это – большие султаны страусника восточного, самого крупного из наших папоротников.

– Лабазник здесь, на склоне Борта – вырос уже выше человека! – удивляюсь я, – До двух метров!..

Здесь же, невдалеке, мы делаем ещё одну площадь на клён...

Ближе к вечеру, мы поворачиваем в сторону нашего дома. Теперь, мы ночуем на Саратовском кордоне...

Саратовский кордон. День, начинается – пасмурный и тёплый. Я снова веду свою тройку от кордона – поперёк речной долины. Мы шагаем через обширные лопуховые поля Саратов-

ской поймы, на Перевальный. Вокруг нас – спелый, пойменный ивняк. Он, весь, затоплен высокотравьем...

Уже прошли широченную пойму Саратовской. Шагаем по Перевальному.

– Подождите! – говорю я ребятам, – Я сейчас гляну, что там, в дупле!

И я лезу по стволу толстой ивы, вверх...

Древесная труха днища разгорнута небольшой ямкой. Так бывает всегда, после того, как в дупле посидит самка. Но, на этот раз, на трухе лежит... колбаска соболиного экскремента!

– А, это – как понять?! – я удивлённо смотрю на экскремент, – Соболю днел в дупле филинов?..

– А, почему бы и нет? – тут же, пожимаю я плечами, – Если самка его, уже не посещает? Я дотягиваюсь рукой до днища и трогаю соболиный экскремент пальцами. Он мягкий.

– Хм! Свежий!

Я спрыгиваю с дерева, и мы шагаем дальше...

Я сворачиваю из поймы ручья вправо, к чернеющему невдалеке, пихтарнику. Я знаю, что там, перед самым пихтарником, узкой полосой, проходят поляны вейника. А это – всё-таки, лучше, чем, ничего не видя перед собой, ломиться по, уже поднявшимся до двухметровой высоты, зарослям белокопытника. Работа – работой, а мои глаза, ведь, не зря настороженно «стреляют» по сторонам. Да и ружьё я, ношу – совсем, не в качестве гантелей для накачивания мышц...

Мы выходим из-под пойменного ивняка. Двухметровые дебри зелёных зонтов белокопытника остаются у нас за спиной. А перед нами – разнотравье. Здесь, трава. Она, нам, только по грудь.

– Здесь – хоть какой-то обзор! – настороженно радуюсь я...

И сразу – лабиринты медвежьих кормовых набродов! Проминая заросли лопухов, зверь то и дело скусывал стебли бодяка, черешки белокопытника...

Я сворачиваю в лабиринт ближайшего кормового наброда. Мои помощники выстраиваются за мной следом...

Да это, как раз и есть – моя работа! Подсчитывая скушенные медведем побеги, я то и дело записываю, в свой дневничок, цифры...

А, вот – и вообще, удача! Перед моими ногами, среди хаоса переломанных зелёных черешков белокопытника, чернеет кучка медвежьего помёта!

– Помёт! – радуюсь я.

Обычно – светло-зелёный в свежем состоянии, он быстро чернеет на воздухе.

– Не очень свежий! – прикидываю я, – Сейчас, палки-копалки срублю.

Двумя взмахами своего тесака, я вырубая две остроконечные палочки из ближайших стеблей какалии и приседаю над помётом...

– Ему давность – около двух суток!

Тщательно расковыряв помёт, я записываю в свой дневничок соотношение остатков разных растений, в нём. На первый взгляд кажется, что разобраться в этом – вообще, нереально! Но, это – только, на первый взгляд. При регулярности занятий, это становится возможным. А, я – уже третий месяц «тренируюсь на помётах»...

Медвежьи наброды ветвятся в разных направлениях...

– О! Ещё помёт! Светло-зелёный! – радуюсь я, – Свежайший!

Мой, брошенный вперёд по пролому в лопухах, короткий взгляд упирается в... иссинечёрную шерсть широкой медвежьей задницы. Широко качнувшись из стороны в сторону, медвежья «корма» спокойно переступает с ноги на ногу.

– ?! – от увиденного у меня округляются глаза.

Крутнувшись кругом, я вижу, что мы стоим на краю поляны вейника, посреди зелёного «моря» лопуховых зарослей. К противоположному краю нашей поляны жмётся раскидистая, полузатопленная лопухами, ольха.

– К дереву! – коротко рывкаю я на ребят, срывая с плеча ружьё.

Мой голос одновременно слышат обе стороны. Мишка с Толиком отскакивают по пролому, на пару шагов назад. Одновременно с этим, из-за чёрной медвежьей задницы, к нам выворачивается, такая же чёрная и такая же огромная, медвежья башка! Башка не сводит с меня глаз! Абсолютно без труда, за ней, в узком проломе лопухов, разворачивается короткое туловище! Не сводя с меня глаз, зверь спокойно шагает по пролому, нам навстречу. Шаг, второй, третий...

– Эй! Медведь! – не шевелясь, окликаю я его, чувствуя, что нужно довести до сознания зверя, что перед ним стоят люди, – Ты что?! Медведь! Это мы, здесь, стоим. Это мы, стоим...

Все-также не сводя с меня глаз, медведь вздымается передо мной на дыбы, во весь свой, исполинский рост. Между нами – шагов шесть. У меня отваливается челюсть.

– Иди! Иди, медведь! – с трудом ворочая непослушным языком во рту, я продолжаю разговаривать со стоящим передо мной, медведем, – Это, мы стоим! Ты иди, медведь. Это мы...

Я знаю, что ровный, непрерывно льющийся человеческий голос, не даёт медведю сорваться в горячку. Я это знаю! По тону голоса, зверь точно определяет степень опасности от человека. Он знает, что, пока я говорю – я для него не опасен. Пока я говорю – я не замышляю ничего плохого...

Вдруг! Из-за моей спины, как чёрт из табакерки, выпрыгивает Толик!

– Клац! – щёлкает его Смена!

Крутнувшись, медведь бросает своё огромное тело, на стену лопухов!

– Хррооооо!!! Хррооооо!! Хррооооо!! Хррооооо! Хрро-оооо!

Стон тяжёлых прыжков и грохот обрушивающихся лопухов белокопытника постепенно затихает, отдаляясь...

– 3-3-3-3-3-3-3-3-3-3...

Тишина... Вокруг нас стоит тишина. Моё сердце, мелко-мелко, трепещет в горле...

Передо мной – сияющие счастьем лица моих «помощников».

– Александр Пантелеевич!!! – тонким фальцетом, визжит на весь лес Толик, – Я его сфотографировал!!!

– Неужели, живой... – несутся, в моей голове, обрывки мыслей, – Неужели, живой!? Неужели, живой...

Я смотрю на них. И ничего не говорю. Школьный возраст, во все времена, отличался удивительными по своей глупости поступками...

Видимо, по моему виду помощники догадываются, что сделали что-то не то, и тихо исчезают за моей спиной.

– Ладно... – наконец, разлепляю я, губы.

Я, с трудом, собираю вместе, свои мысли:

Что случилось – то уже случилось. Медведь ушёл. И обратно уже не вернётся. По крайней мере, в ближайшие пару часов.

Я делаю, по пролому в белокопытнике, несколько шагов вперёд – к месту, где только что стоял медведь. И даже, прохожу пару шагов дальше – по проломленной медведем в плотной стене лопухов, просеке. Слегка покачиваясь при ходьбе, я, своими плечами, даже не задеваю стенок просеки!

– Какой он широкий! – отмечаю я, в голове.

Вот, след! Когтистые медвежьи лапищи глубоко раздавили влажную, чёрную почву, под лопухами. Перехватив своё ружьё в левую руку, я достаю из кармана рулетку и приседаю на корточки...

– Восемнадцать сантиметров! – бурчу я, себе под нос, – Такой след имеет только один медведь в бассейне Саратовки. Весной, я его измерял...

Сидя на корточках над следом, я пристально разглядываю отпечатки медвежьих лап. Поднимаю, на своих помощников, лицо: «А, если бы он бросился не назад, а вперёд?! Два прыжка! Да и то, нет! Поубивал бы, всех!». Поникие лицами тинейджеры, молча разглядывают свои сапоги.

– Вот так, из-за дешёвого кадра одного придурка, убивают всех других!

Помощники молчат.

– Уфффф..., – я длинно выдыхаю воздух, – Ладно... Пошли обратно! Там остался не обработанный помёт! С которого мы, медведя увидели.

Мы разворачиваемся, каждый на своём месте в цепочке и делаем несколько шагов обратно, по пролomu в лопухах...

Под вечер, мы разворачиваемся домой. За сегодняшний день можно сделать вывод, что в питании медведей ничего не изменилось. Шесть страничек моего дневничка мелко испещрены цифрами «медвежьей арифметики». Медвежьих поедей по склонам Саратовского борта – так много, что я, в конце концов, устал их считать и мы, просто ушли домой...

Плотная стена зелёных лопухов резко разрывается перед моим лицом просекой речки и мы вываливаемся на галечный берег.

– Вот и Саратовка! – устало выдыхаю я.

Я зыркаю вправо-влево. Перед нами знакомая излучина. Нам, здесь – переходить речку. Перед моими глазами, на гальке – мокрые медвежьи следы и водяная дорожка, которая тянется от речки в лопухи.

– О! Медведь! – поясняю я своим помощникам, – Это – он перешёл через речку, в нашу сторону. Водяная дорожка – это у него, с живота и ног, вода стекала.

Я приседаю над следом и вынимаю из кармана рулетку...

– Пятнадцать сантиметров! Хороший, большой медведь! Свежайший след! Только что прошёл, буквально перед нами!

Не удержавшись, я трогаю пальцем капельку воды, прозрачной горошиной лежащую на сухом, нагретом солнцем гольше...

Тятино. День летит за днём. На дворе – уже двадцать пятое июня! Днями, стоит хорошая погода. Мы с Толиком и Мишкой обработали леса уже и в бассейне Тягиной! Сегодня у нас – перебазировка на Саратовский кордон. Мы шагаем от Тягинского дома, по колеям нашей заброшенной дороги, к речке...

С речки Тягиной, далеко окрест, разносится вонь от тухлой икры корюшки! В воде лежит много тушек этих рыбок.

– Этих корюшек – вполне спокойно может доставать медведь! – прищуриваюсь я, смотря в речку с берега.

Мы раскатываем голенища своих болотников и входим в воду переката...

По галечным берегам речки также разбросано много половинок и целых тушек корюшки. По следам видно, что медведи выходят к устью речки.

– А, что? – рассуждаю я, – Может, они и корюшку едят!..

Саратовский кордон. Сегодня мы работаем по ельникам, с правой, западной стороны Саратовской. Отсюда открывается шикарный, достойный кисти художника, вид:

Над чёрной щёткой хвойников, во всей своей красе, возвышается громада вулкана. Даже сейчас, в конце июня, узкие белые ленты всё ещё заполненных снегом барранкосов, веером разбегаясь с вершины вулкана, на фоне яркой зелени кедрового стланика, контрастно подчеркивают правильность форм этого гиганта.

– Александр Пантелеевич...

– Александр Пантелеевич...

– Ну, Александр Пантелеевич! – канючат, за моей спиной, мои помощники, – Давайте, сходим на Тятю!

– Ну, давайте сходим...

– Это, ещё, зачем? – недовольно отмахиваюсь я от них.

– Вы же, поймите! – втолковывает мне, Мишка, – Сейчас мы работаем в заповеднике и это можно сделать без бумаг. А, скоро – будет конец нашего месяца! И всё! Мы, так никогда, там и не побываем! В жизни!

– Ну! – вздыхает Толик, – Несправедливо это...

В конце – концов, после долгого, изматывающего нытья за спиной, я соглашаюсь с весомостью их доводов...

Если решили – значит, в путь! К вечеру, с Саратовского кордона, мы перебираемся поближе к вулкану – на Тятину. Отсюда, рано утром, нам нужно будет стартовать.

В Тятинском доме, вечером, мы собираем рюкзаки, подбирая тёплые вещи и продукты. Мои ребята – не нытики, и я решаюсь познакомить их с вулканом по полной программе: подняться на его вершину с ночёвкой. Этот вариант – грузовой, в отличие от обычного, туристического. Когда, оставив свои рюкзаки внизу, люди налегке забегают на вершину и, так ничего не почувствовав, торопливо сбегают вниз, подгоняемые сумерками...

Кроме тёплых вещей, с собой мы берём брезентовую, одноместную палатку «Малютка» и два, приписанных к Тятинскому дому, солдатских одеяла. Два моих солдатских котелка, банки консервов... Наш груз растёт, как снежный ком...

Тятину. До предела нагруженные, ранним утром, мы уходим от нашего Тятинского дома, на восток. Колеи заросшей, старой дороги виляют по низкой морской террасе океанского побережья...

– До Рубежного – три часа быстрого хода, – ставлю я, в известность ребят, чтобы те рассчитывали свои силы, – Это, примерно, пятнадцать километров по побережью.

Я уже сейчас знаю, что нас ждёт на вулкане. А, наверху – нас ждёт холод снежников и голого камня. И там – не в лесу! Там бересты, чтобы подстелить под себя на ночь – не найдёшь. У нас нет туристических ковриков – подослать под себя, при ночёвке, будет совершенно нечего! А лечь на голые камни, среди снега, на ночёвку – можно, утром и не разогнуться. Я шагаю по колее. Меня мучает мысль: «Что же делать?!».

Километра за три до Рубежного, я начинаю собирать, повсюду разбросанные по литорали, дощечки от тарных ящиков. Толщиной около шести миллиметров и примерно метр в длину, вылежанные под лучами солнца, эти дощечки – почти невесомы! Одна, вторая, третья... и вот, я уже несу целую охапку дощечек...

– Александр Пантелеевич! – тормозит меня любопытный Толик, – Это – для костра?

– Нет, Толик, – отзываюсь я, продолжая взглядом рыскать по песчаному пляжу, в поисках очередной дощечки, – На них, мы будем спать!

– Спать?! На них?! – изумляется Толик.

– Зачем?! – недоумённо вторит ему, Мишка.

– Там же – каменная пустыня! Один камень! – объясняю я, – А, сейчас – там, снег лежит! Чтобы не замёрзнуть ночью, мы под палатку постелем эти дощечки.

Умным тинэйджером долго объяснять не надо. Мишка и Толик, молча бросаются помогать мне...

Всё! Мы выходим из-за последнего мыса. Впереди открылся нужный нам мыс.

– Вот и Рубежный! – показываю я на него, рукой, – Вон, мыс! Который – как слоёный пирог! Слой поросшего зелёным колосняком вулканического шлака, потом – чёрная скала застывшей лавы. Опять шлак – опять скала, опять шлак – опять скала...

– Ага!

– Пять минут перекур! – объявляю я.

Мы тяжело опускаемся на землю вместе с рюкзаками и вылезаем из лямок.

– Александр Пантелеевич! – возвращает меня в реальность, любопытный Толик, – Наш мыс имеет три слоя застывшей лавы. Значит, лава текла три раза... Значит, у Тяти было три извержения?

– Хм! – я удивлённо кошу на Толика, глазом, – Откуда, у тебя, такие мысли? Умные... До сих пор никто, этим, не озадачивался! При виде этого мыса.

– Хм! – хмыкает в ответ, Мишка, – У него – не только такие мысли, в голове бродят!

Я прицениваюсь глазом к нашему, чёрно-зелёному мысу...

– Нет, Толик. Не так... По нашему мысу, можно сделать вывод лишь о том, что извергающаяся из вулкана лава, в этом месте, три раза достигла моря. Ведь, лава могла и не дотечь сюда?

– Логично! – подумав, соглашается с моей логикой, Толик, – Поэтому, извержений Тяти могло быть и больше... А вот, смотрите... По толщине слоя вулканического шлака, можно судить о мощности извержения?

– Ну... относительно, – прикидываю я, – Смотря в какую сторону сдувало облако вулканического пепла. Смотри! Вон, внизу, на уровне морских волн, лежит слой застывшей лавы. Он – самый толстый из всех слоёв! Метров пять, в толщину...

– Ага... А его покрывает толща вулканического шлака! Почти до самого верха мыса! Метров шестьдесят, наверно!

– Нет! – морщится Мишка, – Метров пятьдесят, будет!

– Ну! – соглашаюсь я с Мишкой и оборачиваюсь к нему, – Что? Глаз набил? На нашей, пятидесятиметровой верёвке?

– Ага! – у Мишки растягивается рот, до ушей, – А как Вы поняли?

– А, выше! Смотрите! – не отстаёт Толик, – Слой лавы – всего метра полтора толщиной! И слой шлака, на нём – тоже тонкий. Метра четыре, всего.

– И опять, слой лавы, а на нём – слой шлака...

– Получается, что самое мощное извержение – было самым древним! – приценивается Толик.

– Точно, Толик! – улыбаюсь я, – Я тоже так думаю... Ладно. Подъём!

Минут через двадцать, мы сидим на берегу под мысом Рубежный, на огромном, белом бревне, выброшенном морским накатом, в шторм. Мы отдыхаем. Мы глядим на океан, который грохочет метрах в десяти ниже нас...

Перекурили. Теперь – нужно из груды собранных нами дощечек отобрать только необходимое нам количество. Нам дорог каждый грамм веса! И я принимаюсь раскладывать дощечки на ровном пятаке морского песка. Я покрываю ими воображаемую площадь днища нашей палатки. Я выбираю самые лёгкие из дощечек – мне ли не знать, как трудно нам будет подниматься, с грузом?!

Мы распределяем груз по рюкзакам, строго по физическим возможностям каждого из нас. Дощечки укладываем стопками снаружи, под верхние клапаны рюкзаков...

– Ну, что ж! – команду я, – Вперёд! Время не ждёт.

Взвалив рюкзаки на плечи, мы, своим коротким караваном, бодро входим в распадок Рубежного. Всё! Для нас, подъём начался...

Через пару часов борьбы с бамбуковыми зарослями по днищу сухого распадка, мы выбираемся на чёрные, пепловые площадки бокового извержения Тяти.

– Вот вам и Отважный! – говорю я.

– Ясно, – кивает Мишка, – Вот он какой, вблизи.

– Какое название – «Отважный»! – смакует Толик, – Александр Пантелеевич! Это – из-за отважных вулканологов, которые здесь были?

– Не знаю, Толик. Мне Грабков рассказывал, что вулкан поднял в небо огромную тучу пепла. Ветер дул на восток, в сторону Шикотана. Поэтому вулканологи не могли подойти сюда по побережью, как мы. Они из Южно-Курильска, на рыбацком сейнере проплыли вокруг и высадились на Урвитово. Это с северной стороны Тяти. Оттуда, они поднялись на вулкан и смотрели на извержение Отважного сверху, с вершины вулкана.

– Дааа, – тянет Мишка, – Вот было зрелище! Я представляю!

– Ну! – соглашаюсь я, – Они на это извержение ночью смотрели! Вот была картина!

– А название? – не унимается Толик, – Название, почему такое дали?

– Владимир Константинович сказал, что так назывался рыбацкий сейнер, на котором они на Урвитово плыли.

– Хм!.. Да? – озадачивается Толик и вздыхает, – А я подумал – в честь отважных героев, которые здесь подвиг совершили...

– Ну... я же не знаю точно, Толик, – оправдываюсь я, – Может быть и так!

Поднимаясь по ещё довольно пологому склону, нам нужно пройти мимо конуса «Отважный», прижимаясь к его восточному склону. Здесь – наш барранкос, по которому самый рациональный путь наверх, к вершине вулкана.

Затяжной подъём по шлакам Отважного, изматывает наши силы... На этот раз, мне очень помогают две лёгкие и прочные рейки, захваченные мной с побережья, в качестве стоек к нашей палатке. Я использую эти рейки, как лыжные палки. Мне, так идти на подъём – гораздо легче, чем обычно! Получается, что я помогаю своим ногам – руками!

– Ага! – завидует мне сзади, умный Толик, – Вам – легче! Это всё-равно, что два вэдэ перевести на четыре вэдэ!

– У нас один мост ведущий, а у Вас – два! – вторит ему, технарь Мишка.

– Ага! – разыгрывается воображение у Толика, – У нас один мост ведущий и тот – задний!

– Ха-ха-ха-ха! – ржёт Михаил, – Точно! Как у москвича!

– Вы – джип, четыре вэде!

– А, мы – легковушки, всего лишь с задним приводом!

– Передний привод лучше, чем задний! Ха-ха-ха!

– Ха-ха-ха!

– Ну и мастера же вы, поржать! – трудно выдыхаю я, из-под рюкзака, – Перекур!

Мы опускаемся, вместе с рюкзаками, на шлак... Сейчас, мы находимся прямо напротив Отважного. Основной конус вулкана, теперь – закрывает полнеба...

Через пару минут, я поднимаюсь и прицениваюсь к склону вулкана: словно на карте, весь наш маршрут расстелен перед глазами, от первого до последнего шага! Часы, на моей руке, показывают два часа дня.

– До восьми часов вечера, у нас – шесть часов времени!

– прикидываю я, – Более, чем достаточно! На подъём до вершины, нам хватит и трёх часов.

– Расклад такой! – я оборачиваюсь к мальчишкам, которые также, как и я, с любопытством всматриваются в нависающий над нами, громадный склон, – Три перехода! По часу каждый! Первый раз отдыхаем – вон, там! Второй – ещё на столько же выше! И третий раз отдыхаем – уже наверху, на гребне соммы!

Своей цепочкой, мы начинаем подниматься по днищу барранкоса, всё выше и выше. Уже давно, вокруг нас – только шлак, шлак и шлак...

Конус Отважный расположен на высоте около шестисот пятидесяти метров над уровнем моря, на границе остающегося ниже, «моря» лесов и уходящего вверх, сплошного «моря»

зарослей кедрового стланика. Но, сейчас, наш барранкос заполнен тяжёлым, плотным снегом! Эта снежная река стекает к нашим ногам с самого верха, с гребня вулканического конуса. По её краям, под солнцем, ещё только вытаивают из-под снега ветки ольхи курчавой!

Здесь, на границе снегов, бушует своими запахами и красками, весна!

– Ой! Серёжки пылят! – я смотрю, как ветерок стряхивает с раскрытых серёжек ольхи целые облачка жёлтой пылицы, – Чудо какое!

Тут же – распускает «котики» ивовый кустарник!

– Котики! Как весной! – млею я, – Но, это – не верба! Это высокогорная ива Рени!

А вот! Чуть в стороне от снежника, весна завладела целым склоном! Белые, все в цвету, стоят, среди голого ольховника, высокие кусты!

– Вишня! – почти визжу я, – Это вишня цветёт!

Под частоколом саблевидно изогнутых снизу-вверх стволов ольховника, на по-весеннему свежей почве, ярко зеленеют многочисленные всходы высокотравья, белеют звёздочки ветрениц.

– Ветреницы! – изумляюсь я, – Цветки весны! Сколько их тут!

– Здесь всегда весна! Царство вечной весны! – через пяток минут, я стою и задумчиво гляжу на серёжки, весенние цветы, нежные, весенние листочки... – Из лета, снова попасть в цветущую весну! Вот, это подарок судьбы!..

– Как не хочется отсюда уходить! – прислушиваюсь я, к себе, – Эх, жить бы, здесь, всегда! Смастерить жилище и жить...

День стоит всё такой же, безветренный. Мы шагаем друг за другом, серпантинном, вверх по снежной реке барранкоса – от одного берега этой белой реки до другого. Склон всё круче и круче... Усталость быстро берёт своё. Мы всё чаще стоим, отдыхая...

– Блин! Как жестоко я просчитался! – чертыхаюсь я, – Это – надо же было, такое сказать! «Три перехода, три перекура»!

Нашим перекурам нет конца... Да и минуты отдыха – уже совсем не восстанавливают силы. Одеревеневшие ноги едва держат меня. А вверх – ещё лезть и лезть...

Солнце, уже, вот-вот скроется над нашими головами – за гребнем вулканического конуса. Вокруг нас, на восточном склоне, разливается предвечернее затишье. Согнувшись пополам, я стою под рюкзаком, среди нагромождений скальных глыб лавы, в верхней части крутого склона. Я задираю лицо вверх и тяжело дыша, окидываю взглядом по-прежнему нависающий над нами, гребень склона. Гребень – он совсем рядом! Но, у нас и времени – просто, нет!

Едва переставляя ноги, не жалея себя, я гоню себя вверх.

– Шаг! Ещё шаг! Ещё шаг! Ещё...

Наступает бредовое состояние, в которое, видимо, впадают загнанные лошади...

Я открываю глаза:

Я лежу лицом вниз, на чём-то мягком. Очки полностью запотели и я ничего не вижу. Я, с трудом, поднимаю непослушную руку и не снимая очков, медленно провожу пальцем вертикальную полоску по одному стеклу: «Так... Теперь – кое-что видно».

Оказывается, я лежу на плоском, как блин, распростёртом по горизонтальной поверхности шлака, кусте кедрового стланика.

– Атрио... Где ребята? – тревожно замирает моя душа.

Приподнявшись на локте и глядя через вертикальную щёлку в запотевших очках одним глазом, я медленно обзираю ближайшие окрестности...

– О! Вот, один! – я вижу неподвижно распростёртое тело, на блине куста кедрового стланика, метрах в сорока впереди.

Поворачиваю голову чуть правее – и вижу второе тело, также неподвижно лежащее на кусте кедрового стланика, чуть в стороне от первого.

– Фу-уу! Второй... – облегчённо вздохнув полной грудью, я снова роняю свою голову в мягкую и длинную хвою кедрового стланика.

Мой разум, просчитав, что скоро наступят сумерки, а у меня – ещё много дел по обеспечению ночёвки нашего отряда, вновь и вновь командует подъём моему телу. Однако, брэнная «физическая оболочка» не спешит ему подчиниться! Вот, так бы лежал и лежал, всю жизнь...

Но, вот, просыпается совесть, и я начинаю медленно шевелиться, пытаюсь встать вместе с рюкзаком...

Встал! Окончательно проясняя голову, я озираюсь кругом: «Ага! Это мы, всё-таки, перевалили через гребень соммы вулкана и выползли на горизонтальную, каменную пустыню атрио». Эти, одиночные кусты стланика – единственные, как и мы, перевалившие через гребень вершинной кальдеры Тяти. Кругом – знакомый лунный пейзаж. В едва ощущаемых понижениях атрио справа, ближе к подножию вершинного, шлакового конуса вулкана, белеют узкие ленты снежников...

– Больше не нужно лезть вверх! – вдруг осознаю я и моя душа наполняется счастьем.

Теперь – нам осталось, по горизонтальной равнине атрио, пройти метров пятьсот, вперёд. Там, у пятиметровой стены застывшего лавового потока – наше место ночёвки.

Я, пошатываясь на «деревянных» ногах, бреду к распостёртым впереди телам моих мальчишек. Сыпучая, скрипящая под сапогами вулканическим шлаком, поверхность атрио, легко проницаема для воды, но сейчас – вокруг так сыро...

– Наверно, снег сошёл совсем недавно, – понимаю я.

– Толик! Мишка! Подъём!

Ребята начинают подавать признаки жизни...

Мы бредём по сырой, шлаковой равнине...

Но, впереди, нас поджидает удивительная новость! Защищённого от ветров, благодатного уголка, у стенки лавы – нет!!! Мы стоим на ровной, снежной равнине!

Но, мне – некогда удивляться и осмысливать всё это. Острый дефицит времени заставляет меня действовать решительно. Я, коротко, осматриваюсь по сторонам.

– Туда! – командую я, и мы шагаем обратно.

Выйдя прямо на середину равнины атрио, мы останавливаемся на едва заметном возвышении.

– Здесь ставим палатку! Нужно собрать дрова для костра! – коротко, объясняю я задачу Толику и Мишке, – Тащите любые сухие ветки кедрового стланика.

Высвободившись из-под своих рюкзаков, мы всеером разбредаемся в сторону кромки кальдеры – там видны кусты кедрового стланика. Их сухие ветки обеспечат нам костёр и колышки для палатки...

Я раскладываю в прямоугольник принесённые нами тарные дощечки по шлаку, и мы устанавливаем на них нашу палатку. Несмотря на то, что едва держусь на ногах, я очень доволен – мы не зря помирали, неся с собой эти «дрова»! Я, просто не представляю себе, как бы мы ночевали здесь, без этого тёплого, деревянного пола! Среди снега и мокрого, настывшего камня...

Притащив несколько обломков лавы, мы устраиваем очаг – место для нашего костра. Из сухих веточек кедрового стланика быстро разгорается пламя. На длинный, сухой сук кедрового стланика, тот, что потолще, вешаем два солдатских котелка, набитых снегом с ближайшего снежника...

Сгрудившись вокруг костра, мы ждём, пока сварится каша, молча уставившись на красно-жёлтые язычки пламени... Наш костёр – совсем маленький, рациональный, рабочий. Большие, пионерские костры жгут там, где не знают цены дровам. Ноет измученное тело, настойчиво требуя отдыха.

Закат красит в красные тона вершинный конус вулкана, ленты снежников... Но никто из нас не интересуется окружающим видом. За пеленой предельной усталости, отходят на задний план потрясающая грандиозность и красота вершинной кальдеры вулкана Тятя...

Поели. Без промедления, мы распаковываем свои рюкзаки и, переодевшись в сухую, тёплую одежду, по одному заползаем в маленькую, брезентовую нору нашей палатки. Недаром она называется Малютка! Естественно, я исчезаю в палатке – последним.

– Всё! – устало шепчу я, – Отбой...

Я открываю глаза: наша брезентовая нора залита серым светом. Это значит, что уже наступило утро. Я растёгиваю «молнию» входа в торце палатки и высовываю наружу голову – вокруг мёртво стоит, слегка колеблется, плотное, белое молоко тумана.

– Туман! – кривлюсь я.

Я, молча, выбираюсь из палатки. Первым делом, я с наслаждением потягиваюсь всем телом – наконец-то можно выпрямиться! Палатка! Всю ночь пролежать скрюченным, в этом брезентовом носке! Потягиваясь, я озираюсь кругом: «Ну и туман! Ни-че-го не видно!».

За ночь, я чудесно отдохнул. И жизнь, вновь, прекрасна. Вот, только, туман... Нет! Кое-что, конечно, видно. Наша палатка, например! Так бесформенно раздувшаяся от по-прежнему спящих в ней, моих ребят.

– Хм! – хмыкаю я, – Представляю, какой она была, когда там был ещё и я!

А, ещё – видно кострище нашего костерка, в трёх шагах напротив входа в палатку. Ну и вокруг, метров на пять, видна ровная поверхность чёрного вулканического шлака...

Ориентируясь по расположению палатки и костра, я могу, например, сказать, что прямо передо мной, примерно в трёх сотнях метров, находится уходящий вверх на четыреста метров крутой, сыпучий склон юного вулканического конуса. А, сзади меня, метрах в двухстах – гребень кальдеры, за которым вниз, в бездонный океан воздуха, уходят внешние склоны основного вулканического конуса Тяти. Мы сейчас – на высоте тысяча четыреста метров над уровнем моря...

Нам пора подниматься.

– Мишка, Толик! – зову я, глядя на палатку, – Пора вставать! Подъём...

Растолкав ребят, я разжигаю костёр. Мы варим кашу и чай, в наших солдатских котелках...

Мы едим, то и дело, с надеждой, поглядывая по сторонам... Но тщетно! При полном безветрии ждать, пока туман разойдётся – довольно глупо.

– Нужно сворачивать лагерь! – говорю я.

Мы складываем палатку. Переодевшись в рабочую одежду, собираем свои рюкзаки. Плотный туман обволакивает нас густой, абсолютно мёртвой тишиной. В тумане тонут все звуки...

– Александр Пантелеевич! Мы – как в воде! – между делом, замечает бойкий на язык, Толик, – Туман уши глушит – напрочь!

– Ага! – соглашается Мишка, – Толян! Смотри – он между нами плывёт!

Всё! Мы собраны. Я, медленно поворачиваюсь по кругу, прислушиваясь к туману...

Туман стоит, он не движется вообще!

– Ждать нечего, – понимаю я, – Такой туман.

Ничего не поделаешь, нам нужно уходить... Идти к снежнику за снегом, чтобы потушить костёр, мне откровенно не хочется.

– Зачем тушить?! – недоумеваю я, – Здесь, вокруг – только снег и голый камень!

Опасаться пожара, здесь – просто, глупо. Последний раз, с сожалением глянув в костёр, я разворачиваюсь от него и показываю рукой в белое месиво: «Мы пришли оттуда. Значит, туда и идти, теперь!». По каменной равнине атрио, нам нужно пройти в этом направлении метров

пятьсот – семьсот. Там – гребень кальдеры и наш барранкос. Видимость, практически, нулевая. Я не очень преувеличу, если скажу, что белые струи тумана текут между моими пальцами...

– Ну, что ж. Вперёд!

Мы шагаем от костра. Под сапогами – совершенно ровная поверхность шлака.

– Хрум! Хрум! Хрум! Хрум!

Частицы спечённого вулканического шлака резко скрежещут при каждом шаге, под нашими сапогами...

Вот, впереди – едва обозначилось понижение. Сквозь туман, там белеет лента снежника. И я, немного подворачиваю влево...

Впереди, сквозь молоко тумана, вновь начинает просвечивать белая лента снежника! И я, опять, беру чуть левее...

Из белого, сырого молока тумана, под наши сапоги выплывает весело потрескивающий дровишками костёр!!!

– О! Костёр! – радостно приветствую я его, – А мы, оказывается, здесь – не одни!

А следом, словно раскалённым железом, мой мозг обжигает догадка: «Это же – наш!!!»...

Через секунду, я прихожу в себя: «Не может быть!».

– Этого не может быть!!! – протестует всё моё естество.

Но – перед нами, нарушая все законы бытия, радостно потрескивает сучьями НАШ костёр! Как его не узнать?! Он сложен вот этими самыми руками...

– Как мы могли крутнуться?! – поражаюсь я, – Так незаметно для себя!!!

Я отгибаю край рукава своей ветровки и смотрю на часы.

– Пятнадцать минут?! – ужасаюсь я, – Крутнуться за пятнадцать минут!.. Какой маленький круг!

А, нам нужно пройти, по этой равнине – около семисот метров! Так – мы будем ходить здесь, до бесконечности!

Мы сидим у костра. Мишка и Толик, вытянув к огню руки, молча греют пальцы. Я смотрю в огонь и думаю. Нам нужен какой-то другой вариант выхода на наш барранкос...

Через тройку минут, я поднимаюсь: «Есть один вариант! Правда, он – запредельно трудный... Но, зато – вполне реален! Нужно отработать его... Если и это не получится – тогда, будем думать что-нибудь ещё». Мишка с Толиком, подняв лица от костра, молча смотрят на меня.

– Если не получается выйти в точку спуска напрямую, – объясняю я им, – Тогда, давайте попробуем выйти по кругу!

Снова ориентируясь по расположению костра и сухого места от нашей палатки на шлаке, я поворачиваюсь от нужного нам направления на девяносто градусов вправо и показываю рукой в туман: «Здесь, дугой вокруг нас, идёт гребень кальдеры. Он, к нам – гораздо ближе! Метров сто... И – не собьёмся! Ведь, поверхность шлака в направлении этого гребня, всё время поднимается. Так – мы выйдем на гребень кальдеры! А, на гребне, развернёмся влево и будем двигаться по гребню. Он – узкий! Значит – не собьёмся! Если, по гребню всё время двигаться влево – то, мы дойдём до скалы, что стоит у нашего барранкоса! Так мы найдём место, с которого нам нужно сваливать вниз».

– Логично! – говорит Толик, после минутного раздумья, – Жаль только, что гребень – то вниз, то вверх скачет! То пик, то седловина. Сколько сил потратим!

– Нашу скалу, узнать бы! – сомневается Мишка, – А то, по кругу, вокруг вулкана ходить будем.

– Ничего! – решительно настроен я, – Ощупаем её с ног до головы – и узнаем! Там, рядом с ней – россыпь. Она – рыхлая! Наверняка, на ней следы наши остались! Пошли!

Мы снова взваливаем рюкзаки на плечи и второй раз, уходим от нашего костра, в густое молоко тумана, только, сейчас – в другую сторону...

Пять шагов, видимость! Теперь, я смотрю только себе под ноги – поверхность шлака, перед сапогами, должна всё время повышаться...

Ура! Мы, с первого раза, выбираемся на гребень кальдеры! Вокруг – густое молоко тумана. По кругу, диаметром почти в три километра, этот гребень охватывает вершинную равнину атрио. Мы разворачиваемся влево, по гребню...

Мы бредём цепочкой, по узкому гребню. В этом молоке, мы видим только узкий гребень шлака. Пять шагов перед собой! Я понимаю, что справа – только воздух! Круто вниз уходит грандиозный внешний склон вулкана, по вертикали – почти полтора километра воздуха! Но, сейчас – я этого совсем не ощущаю. Я вижу три шага шлакового косогора вправо и дальше – стоит, едва колышется белое молоко тумана...

Узкий гребень шлака, под ногами – всё выше...

Это повышение заканчивается небольшой скалкой. Справа она подпёрта кустами кедрового стланика. Слева – чистый шлак.

– Так! Это – пик! – прикидываю я.

Мы протискиваемся мимо скалки. Шлаковая поверхность, под сапогами, постепенно уходит вниз, в туман...

И вскоре, через ровный пятачок, начинает снова уходить вверх.

– Это была седловинка! – деловито сообщает сзади, Толик.

Так, мы и идём! То скалка пика, то седловинка, то скалка, то седловинка...

В сыром молоке тумана, мы ощупываем со всех сторон скалку каждого пика – если прозеваем свою, то точно, будем ходить по кругу!

Вот скала, чем-то похожая на нашу! Мы, без разговора, заворачиваем под неё справа. Нас интересует россыпь шлака в её основании. Заглянув в нишу под скалой, я облегчённо таю: «Она! Это – наша скала! Здесь, мы с Дыханом, в прошлом году, от ветра прятались!».

А, вокруг – совершенно ничего не видно! Удивительно, как туман изменяет окружающую реальность! Теоретически – я знаю, что мы стоим на краю грандиозного склона! Здесь, перепад высот – от тысяча четыреста метров до нуля! Я прислушиваюсь к себе. Моё внутреннее ощущение – самое будничное! Будто я стою на равнине... Мне совсем не страшно стоять на краю этой воздушной бездны! У меня под ногами – поверхность шлака просто, круто уходит вниз и на ближайших пяти метрах, тает в молоке.

Но, это – наша скала! И мы спокойно делаем шаг вниз...

Но здесь все забито снегом! Целая гора снега! Она заполняет наш барранкос!

– Надув! А как мы его обходили?! Когда поднимались... Справа или слева?! Как, я его не помню?! – изумляюсь я, – Ведь, как-то здесь прошли!

Мы ступаем на край надува. Осторожничая, мы медленно скользим по насту на своих, резиновых сапогах...

Однако, поверхность надува быстро проваливается вниз. Всё круче и круче! И вот, я, уже почти отвесно, срываюсь вниз по насту! Скорость стремительно нарастает и мой спуск становится неуправляемым...

Меня спасает шлаковая россыпь, сразу под надувом – с плавным выходом с отвесного склона, «на глиссаде», я вылетаю на неё! По границе снежника, шлак схвачен льдом, в монолит! И каблуки моих болотных сапог, добрый метр бренчат по этой смёрзшейся щебёнке-Но, дальше – россыпь становится рыхлой. Мои сапоги постепенно зарываются в шлак, и я быстро останавливаюсь, тормозя ногами.

Я стою на россыпи, заолодев душой: «А если бы я не устоял на ногах вверху, ещё скользя по надуву? И вылетел бы на эту тёрку на заднице?! Капец!». Я, торопливо оглядываюсь вверх, на своих подопечных – и облегчённо выдыхаю воздух: мальчишки уже слетели по надуву! И они заняты своими делами! Толик, пробежав вниз по крутой россыпи шлака метров двадцать,

разворачивается, опускается на одно колено и снизу вверх, на фоне неба, фотографирует своей Сменой гордо летящего семимильными прыжками вниз по склону, Мишку...

Потом, они меняются местами. Нацелившись фотоаппаратом, Мишка кричит снизу: «Толян! Давай!». И вот, сверху вниз, длинными прыжками, Толик гордо парит над россыпью... Неожиданно, он спотыкается и летит вниз длинным-длинным прыжком! Рыбкой! Переворачиваясь в воздухе, он втыкается головой, в россыпь!

– Траххх!!!

Как подкошенные, мы с Мишкой падаем на россыпь и начинаем биться в припадках безудержного смеха.

– Аааааааа! – визжит Мишка.

– Хааааааа! – хриплю, я.

Растянувшийся по россыпи, ноги вверху – голова внизу, жизнерадостный Толик, подняв из рыхлой россыпи своё лицо и отплёвываясь шлаком, звонко хохочет, заливаясь вместе с нами: «Ха-ха-ха! Тьфу! Тьфу! Ха-ха-ха!».

– Толян! Я... тебя... – едва дыша сквозь спазмы смеха, кричит Мишка, – Я тебя в полёте... в полёте сня-яял!!!

– Ааааа! – тонко визжит в ответ, Толик, – Ха-ха-ха-ха!

– Оооооо! Ха-ха-ха-ха!

– Уууууу! Ха-ха-ха-ха!

И мы, всей тройкой, безудержно ржём на весь вулкан...

Бесснежный фрагмент шлаковой россыпи быстро заканчивается и дальше, вниз, уходит широкая, белая река заполненного до краёв плотным снегом барранкоса. Как хорошо по ней спускаться вниз! Легко, совершенно без усилий! Только переставляй ноги...

По крутому, снежному склону, мы стремительно добегаем до царства вечной весны. И снова, мы стоим перед серёжками, цветами – впитывая в себя краски весны, её яркость, её остроту чувств...

Отославшись и отдохнув в Тятинском доме целый один день, мы снова, своей тройкой, приступаем к описанию лесных массивов...

Тятинский дом. Сегодня, мы обрабатываем бамбуковый пихтарник. Этот тип леса так широко распространён на Кунашире, что, далеко – нам, ходить не надо. Пройдя, от нашего дома, через сырые ольховники Банного ручья, мы входим в хвойник.

– Всё! – говорю я, – Мы, уже на месте!

Я развязываю свой ботанический рюкзачок. Верёвка, буссоль, мерная вилка, высотомер... Мы уже давно сработались, и каждый из нас делает своё дело.

Закладываем площадь стандартных размеров – пятьдесят на пятьдесят метров. Древесный ярус, здесь, представлен елью и пихтой. Массив леса – средневозрастной...

Таксация показывает, что средний диаметр стволов – тридцать три сантиметра. А высота? Привязав конец верёвки к стволу средней пихты, я растягиваю её до упора – это ровно двадцать метров. Нацеливаюсь высотомером на вершину...

– Высота восемнадцать метров! – говорю я и пожимаю плечами, – Самая обычная, для наших пихтарников, высота... Теперь – описать подлесок!

Это – сплошное море курильского бамбука! Плотные заросли, высотой семьдесят сантиметров. А вот, с описанием травостоя, у нас проблемы! Травостоя нет. Сколько, я ни гребу по бамбуку – не нахожу ни одного травянистого растения!

– Хм! – хмыкаю я, – Под бамбуком ни одна травинка не выживает!..

Двадцать шестого июня к нам, на Тятино, приехал Александр Труберг. Его привёз неизменный ГТТ – тяжёлый вездеход геологов. О походе вокруг вулкана, мы с Александром усло-

вились ещё весной. Я мечтал обработать расположенный высоко над уровнем моря, ельник из ели Глена, в седловине между речками Тягиной и Птичьей. И поработать на подножиях вулкана, в верховьях Птичьей – там, где до сих пор, не бывали ботанические «наездники» с материка. А Александр мечтал осмотреть тот, внутренний участок острова, с позиции герпетолога. Его интерес – лягушки, ящерицы, змеи...

В день приезда Труберга, я отправляюсь с ним в ольховник Банного ручья – оказывается, весной он забыл в одной из луж свой термометр! За два месяца его отсутствия, на совершенно голых в апреле пустырях, в полный рост вымахало высокотравье. Сейчас – это настоящие джунгли!

С первых шагов, решительный как все учителя, Труберг «берёт командование» на себя. Он решительно шагает в лопухи, первым. Недоумённо хмыкнув, я пристраиваюсь за ним, следом. Мы пробираемся по ольховнику Банного ручья, от одной весенней лужи к другой...

Всё! В ольховнике, все лягушачьи места – осмотрены. Теперь – нам нужно проломиться по двухметровым, плотным дебрям стеблей и зонтов белокопытника, к медвежьей тропе, протянувшейся между Тягиной и Ночкой. Там, в дальнем закоулке, Александр весной исследовал три огромные лужи.

Сунувшись по лопуховым зарослям вправо – влево, Труберг останавливается. Я тоже, молча, останавливаюсь. Александр разворачивается ко мне. Немного помявшись, он говорит: «Ну... Саш, веди меня дальше, сам! Что-то, не узнаю я, здешнего ландшафта».

– А! – прищуриваюсь я на него.

Мне, конечно, здесь виднее – ведь я, здесь, не только работаю. Я, здесь, просто живу. Кунаширский лес, весной – чистый, без лопухов, и этот же лес летом, затопленный лопухами на три метра своей высоты – это большая разница. Это – как тундра и джунгли...

Вечером, в Тягинском доме, мы собираемся в большой поход... К недельному запасу продуктов, в моём рюкзаке есть весьма существенная добавка – мой ботанический рюкзачок! Мы ведь, идём для работы? А не просто посмотреть на природу. В рюкзачке – гербарная рамка! Это стопка газетной бумаги, зажатая деревянными брусками. Её дополняет большой, лесорубный топор! А ружьё?! Одно оно – четыре с половиной килограмма веса! При распределении тяжести почему-то, никто этот вес, никогда не учитывает!

А ещё – у меня есть куда большая добавка, по весу! Это – большая, четырёхместная, брезентовая палатка. Из грубого, толстого брезента! С полом!

– Палатка – брезентуха! – говорю я Трубергу, – К ней, нужно полог полиэтиленовый, брать. Но, его – уже кому-то из вас придётся нести!

– Полог? Зачем?! – недоумённо хмыкает тот.

– Палатка течь будет! – как самую большую элементарность, нервно говорю я.

– Как это – «палатка будет течь»?! – возмущается Труберг, – На то, она и палатка! Я, за всю свою жизнь не видел палатки, которая бы протекала!

– Саша! – вскипаю я, – А я, за всю свою жизнь, не видел ни одной брезентухи, которая бы не протекала!

Но, Труберг всё решает сам. Он – учитель. Он привык всё решать сам. Он привык к тому, что он всегда прав.

– Ладно! – злюсь я, – Хрен с пологом! Я, ещё и его – тащить не собираюсь! Я и так – палатку тащу! Но, если пойдёт дождь – ты сам будешь, в мокром спать.

– Хорошо! Договорились! – ершится Труберг, – Вот и посмотрим!

Тягинский дом. Утро. Двадцать седьмое июня. С трудом поставив свой станковый рюкзак на нижние нары, я подсаживаюсь в его лямки и с трудом встаю. Вешаю на правый рог рюкзака, за ремень, своё ружьё. Вот, теперь – у меня, кажется, весь мой груз. Теперь – я готов...

Растянувшись цепочкой, друг за другом, похожие на караван гружёных лошадей, мы, вчетвером, тяжело шагаем по смотровой тропе, над зелёным морем речной долины Тятиной...

Смотровая тропа закончилась. Вновь, как и год назад, с Дыханом, мы тяжело ломимся по лопухам речной поймы, обходя по границе, со стороны речной поймы, хвойник мамашиного языка...

Облепленные паутиной и такими злыми, оводами, мы вываливаемся на галечный берег речки, километрах в пяти от её устья. Мне маршрут известен и мы не стоим у каждой развилки речки, теряя время на размышления о том, по какому рукаву пойти дальше. Отдаляемся от речки вправо, поджимаясь к подножиям вулкана. Здесь – сплошные хвойники и я, ведя нашу четвёрку, широко лавирую по лесу, выбирая чистые, лишённые зарослей бамбука и лопухов, участки. «Прямая дорога – не всегда самая короткая», эта мудрость, как нельзя лучше, подходит для такого движения...

Кругом – хаос сучкастых стволов и мохнатых лап безбрежного хвойного леса. Уворачиваясь от обозначившейся впереди поляны бамбука, я постепенно заворачиваю влево. За моей спиной раздаётся голос Труберга: «Саша! По-моему, мы отклоняемся от маршрута влево!». Он всё время сверяет направление движения нашего каравана, с компасом. Я спокойно киваю в ответ: «Уклоняемся!.. «Уклоняемся», Саша – не то слово! Нам нужно вильнуть влево, чтобы обойти вон ту поляну бамбука! Видишь?». Обойдя поляну, я плавно загибаю маршрут нашей четвёрки вправо. Чтобы, хотя бы примерно, вернуться на курс. Движение по нашему лесу – такая непростая штука...

Так, лавируя между окнами завалов и полянами бамбука, я веду нашу четвёрку. И каждый раз, сворачивая в сторону, я слышу за спиной настойчивый голос Труберга: «Саша! По-моему, мы отклоняемся от маршрута!». Поначалу, я закипал: «Саша! Мы так удачно проходим стороной всякое дерьмо! А ты – всё пристаёшь со своим компасом! Как можно идти, по буреломному лесу, по компасу?!». Но, от этого, замечаний Труберга, из-за моей спины, не стало меньше. Я устал. Я на них – уже не реагирую...

Вот! Перед нами уже начинают открываться склоны вулкана! Перед глазами – уходящая плавно вверх сплошная, бледная зелень обширных бамбуковых пустошей, в разных направлениях рассекаемая узкими, чёрными лентами хвойников. Из-под рюкзака, я пристально всматриваюсь в эту картину...

– Что, из всего этого, нужно знать мне? – думаю я, – Что напрямик, эти бамбуковые поля, нам не пройти – упругая стена бамбуковых стеблей достигает уровня глаз, ломиться через неё – запредельно тяжело, физически! А, мы – под неподъёмными рюкзаками и вдобавок, движемся снизу-вверх по склону. «Против шерсти» такой бамбук – не пройдёшь... А вот, под пихтарником, бамбук – едва живой!

– Вот и вывод! – прищуриваюсь я, – Дальше, мы можем двигаться – только под пихтарниками!

И я веду наш караван по узким лентам пихтарников, среди обширных полей полуметрового бамбука. Общее поднятие рельефа позволяет мне, как по карте, вычислять – по каким лентам хвойника нам нужно пересечь бамбуковые пространства, чтобы оказаться в нужной точке...

Под вечер я осознаю, что мы непозволительно оторвались от речки! От речного каньона, по которому должны были пройти к истокам Тятиной.

– Блин! – чертыхаюсь я, – Слишком круто вправо забрал! Мы стоим уже, практически, на прямом склоне вулкана!

Перед нами – обширная пустошь бамбука. И на ней нет попутных нам лент пихтарника...

– Теперь нужно идти не вверх, а поперёк склона вулкана! – решаю я и шагаю вперёд...

Только втянувшись в бамбуковое море всей группой, мы понимаем, куда попали! Это – сплошная стена из упругих и твёрдых, как проволока, стеблей бамбука, сантиметровой тол-

щины! Я перестаю напрасно дёргаться из стороны в сторону – такое положение нужно обдумать. Высота стены бамбука – около двух метров!

– Этот бы бамбук, да на рыболовные удочки! – приходит мне в голову совершенно ненужная мысль, пока я стою и тяжело дышу.

Однако, хорошего мало. Бамбуковые стебли надёжно держат меня за рюкзак, плечи, ноги. Можно расслабиться – не бойся, не упадёшь...

– Нужно валить вниз! – прикидываю я, – Однако, хочется не потерять, при этом, высоту. Нужно свалить не прямо вниз – а, хотя бы, наискосок!

Я разворачиваюсь влево от вулкана и пробую шагнуть вообще поперёк склона – но это ещё хуже, чем биться прямо вверх! Я, с трудом, раздвигаю руками стену бамбука и делаю шаг. И вообще зависаю! Я смотрю себе под ноги – я стою на множестве саблевидно изогнутых стеблей бамбука. Мои ноги, сантиметров тридцать, не достают до земли!

– Если мы не идиоты – придётся валить по бамбуку просто вниз по склону! – понимаю я.

– Вот, это, даааа! – я вытираю мокрым рукавом потное лицо, – В такие бамбуки, я ещё никогда не попадал!

С трудом, в борьбе отвоёвывая каждый шаг, я, рывок за рывком, медленно прорываюсь сквозь бамбук, вниз по склону...

Вот, наконец и лента пихтарника! Мы вываливаемся под её густые, хвойные кроны. Здесь бамбук, стоит – чахлый и редкий. После непролазных бамбуковых дебрей, пихтарник кажется мне – чистой дорогой! Это – шоссе! Асфальт! И я, под рюкзаком, как тяжёлый бегемот, просто «ломлю» по пихтарнику, сбивая мелкие сучки и сухие ветки над головой, своим рюкзаком...

Но, уже близок вечер. Да и мы – вконец измотаны. По касательной, снизу-вверх, мы подходим к какому-то распадку. Справа-налево, здесь журчит сбегающий по склону вулкана ручеёк. Здесь есть вода, есть дрова, есть защита от ветра. Что ещё нужно, лесному человеку, для ночёвки? Снимаем рюкзаки...

На краю поляны, мы прощупываем ногами, в траве, ровное место, для палатки. В десятке метров ниже палатки, подготавливаем местечко под костёр. Сваливаем в кучу собранный поблизости сушняк – это наши дрова. Вот и всё! Можно разжигать костёр и варить кашу...

С Мишкой и Толиком, мы закончили ставить палатку. Я подхожу к костру. Стоя перед ним на четвереньках, Александр дует в огонь – он раздувает пламя. При безветрии и тумане, как сегодня, нет тяги воздуха – и наш костёр трудно занимается.

Косо глянув на меня снизу вверх, Труберг коротко роняет: «Саша, медведь!». В следующее мгновение я бросаюсь к палатке! Через секунду выскакиваю наружу, с ружьём в руках. И замираю, соображая, в какой стороне зверь. Но – вокруг всё тихо...

– Где? – отрывисто бросаю я, по-прежнему склонённому у костра, Александру. Между выдохами, Труберг кивает на зубчатый гребень пихтарника, обрамляющего далёкий, высокий, противоположный склон нашего распадка: «Там!». Я впиваюсь глазами в склон.

– Далёко? Где видел?

– Нет, не видел.

– А! Слышал! Он что, ревел?

– Нет.

– А, что? Травой шумел?

– Нет! Не мешай...

Я усиленно смаргиваю, в моей голове больше нет вариантов.

– Откуда ты знаешь, что он – там?!

Перестав дуть в огонь, рассерженный Александр поднимает на меня, такого тупого, своё умное лицо: «Ворона! Слышишь?».

– Карrrr! Карrrr!

Словно в подтверждение его слов, на высоченном противоположном гребне нашего распадка раздаётся далёкое, меланхоличное воронье карканье...

Постепенно, не сразу, до меня доходит смысл! Не шевелясь, я тупо смотрю на Труберга. Открываю рот, силясь выразить то, что думаю и... наконец, захлопнув его, нервно крутнувшись, ухожу прочь, к палатке. Моё лицо пылает от злости.

– У нас, этих ворон – как грязи! Да, если на каждый вороний «карк» было бы по медведю – здесь бы, ступить было негде! – с бешенством думаю я, прислоняя своё ружьё, стволом, к входу в палатку.

В сумерках начал крутить ветер! Он налетает на нас порывами, то с одной стороны, то с другой... Поглядывая на туго раскачивающиеся под ветром ветви деревьев, на закрытое плотным, серым полотном облачности, низкое небо, я понимаю, что пришла большая непогода...

Ночью, я просыпаюсь от шелеста!

– Шшшшшшшшшшшш... – по брезенту нашей крыши шелестит густая морось!

– Отлично! – даю я волю накопившемуся сарказму, – Очередное испытание на нашу голову!

Моя пятизарядка завёрнута в край солдатского одеяла, расстеленного по полу палатки, у меня под боком.

– Лишь бы ружьё не замочить! – думаю я.

Я запускаю руку под одеяло и ощупываю холодный металл ружья, пальцами...

К утру, ненастье разыгрывается в полную силу! Лихие порывы взбалмошного ветра гнут к земле ветви окружающих деревьев.

– И это – на днище нашего глубокого распадка! – качаю я головой.

Приоткрыв вход палатки, я смотрю на вертикальные столбы густого дождя, медленно движущиеся вдоль земли. Бесконечной чередой, они сменяют друг друга...

– Да-а! Это – надолго! Пару дней можно спать, без зазрения совести! – спокойно думаю я, глядя на узкие травинки, дугой согнувшиеся под тяжестью капелек дождевой воды.

Улыбка трогает мои губы – вспомнились ночные маты Труберга. «Бог шельму метит» – крыша палатки протекла именно над ним! Половину ночи он психовал и материл обитателей палатки и природу, и погоду. Материл всё и всех на свете, только не себя самого...

– Так тебе и надо! – со злостью, думаю я, ещё не отошедший от накопленного за вчерашний день, раздражения, – Даже природа наказывает тебя! За твою дурость.

– Ну, что? – раздаётся сзади решительный, учительский голос Труберга, – Пора завтракать! Кто, сегодня, костровой?

Я удивлённо оглядываюсь на такое предложение: «Саш! Какой костёр?! Ты посмотри, что творится!». Мальчишки лежат тихо, кому охота вылезать под струи дождя?!

– Ну и что? – возмущается Труберг, – С голоду будем пухнуть, что ли?!

– Почему, с голода? – недоумеваю я, – Сухпайком выдадим, да и все дела!

Повисает пауза...

– Ну, вы как хотите, а я буду варить еду! – весь на нервах, Александр лезет из палатки мимо меня, под дождь.

Лежа перед выходом из палатки, я роняю лицо в ладони: «Блин! Говорила тебе мама: «Не ходи в походы с непроверенными людьми!». Так, нет! Учит тебя жизнь, учит, а научить никак не может! Скотина!». Это, я – о себе. Ну, скажите, какого чёрта нам нужна эта бойня со стихией, за костёр?! Да! Я не прочь, сидя в сухой палатке, отведать каши и горячего чая! Но, ради этого, мы – до последней нитки вымокнем! А, ради чего? Мы что, умираем с голоду?! У нас есть и тушёнка, и сгущёнка, и хлеб, и сахар... Лучше – сухими, лежать в палатке, довольствуясь сухпайком!

Но, не судьба! Труберг уже лежит пластом, на мокрой траве поляны, под струями густого дождя и яростно борется со стихией! Распахнув свой дождевик, он закрывает его брезентовыми полами, насквозь промытое струями дождя, кострище...

Ну, не лежать же, глядя на это уродство?! Стиснув зубы, я выбираюсь из палатки, в дождь. Следом за мной, молча, лезут Мишка и Толик. Столпившись вокруг лежащего на мокром кострище Труберга, мы горбимся под густым, холодным душем дождя.

– А, вам что надо? – окрысивается он на нас, снизу-вверх.

– Помогать вышли, – недоумённо пожав плечами, отзываюсь я.

– Я сам справлюсь! Не нужна мне помощь! – зло отрезает Труберг, – Сейчас – я варю, а в обед будет кто-то другой варить! И вообще, нужно дежурство установить!

Растерянный и удивлённый, я стою под дождём, не зная, что делать. До сих пор, главным правилом лесной жизни у нас – была взаимопомощь. Каждый человек, на наших кордонах знает – если что-то случится, то придёт на помощь каждый! Это – обыденность, стандарт лесной жизни... И вот, я имею перед собой человека, чуть-ли не с кулаками бросающегося на нас, пришедших помочь!

– Ты что делаешь? – бросается Труберг к Мишке, присевшему с палочкой в руке, к захлёбывающемуся под струями дождя костерку, – Иди отсюда!!!

Ничего не понимая, тот, молча отходит в сторону. Льёт проливной дождь...

– Вы – не мокните зря! – тихо говорю я ребятам, – Залезайте в палатку.

Святая обязанность помощи вбита в каждую клеточку моего сознания и наблюдать из палатки за героической борьбой Труберга со стихией, я – просто не в состоянии. Кое-как, мы раскочегариваем, с ним, костёр...

Ближе к обеду, дождавшись перерыва в дожде, мы, своей тройкой, бодро выползаем из палатки. Так уж, у нас, заведено – вместе суетимся в домашних заботах... Поэтому, идея дежурства по кухне, для меня – в корне несправедлива. Подумать только! Двое сидят и спокойно смотрят, как третий мечется, выполняя в две руки весь объём кухонных дел!..

Своим большим топором, я колю мокрые, трухлявые чурки, добывая сухую сердцевину. Мы торопливо разводим, этот чёртов костёр! Из насквозь промокших дров...

Короткая передышка – и дождь лупанул с новой силой...

Бесконечной, монотонной завесой, дождь льёт первые сутки...

Дождь льёт вторые сутки! Нам ничего не остаётся, как лежать в палатке и ждать. Просто ждать...

В середине третьего дня, ломается здоровяк Мишка.

– Всё! – вдруг, фальцетом кричит он в тишине палатки, – Я больше, не могу! Рвём!

И тишина... Только слышно, как дождь, монотонно и густо, шелестит по брезенту палатки...

Я, рывком, сгибаюсь в сидячее положение. Вторым рывком, я отдёргиваю половинку входа в палатку. Тоже весь на нервах, я озлоблённо бросаю через плечо: «Куда?! Куда рвём?!».

– Мне всё-равно! – взвывается в ответ Мишка, – Рвём и всё!

Я, со стоном, закрываю лицо руками: «Блин! Это кончится когда-нибудь или нет?! Что за грёбанный поход!».

– Отец сказал ему: «Быть дома не позднее первого июля!» – тонким голосом, тихо поясняет мне Толик.

– Ну и что? – искренне недоумеваю я, – Плюс-минус два-три дня роли не играют!

– Ещё как играют! – уже горячо, возражает мне Толик, – У него отец – военный. Для него, данное слово – железо!

– Я не могу ждать! – снова, истерично взывает Мишка.

– Где ты раньше был?! – в ответ, истерично срываюсь я.

– Я думал – мы быстро... – спокойно отвечает Мишка и в его спокойном голосе чувствуется спокойствие принятого решения, – Всё! Я решил! Пойду обратно, по Тятинке.

– Куда?! – взрываюсь я, – Куда я пушу тебя, одного?! Сдохнешь! А твой отец из меня душу выбьет: «Отдай мне моего сына, я тебе его доверил!»

В палатке повисает гнетущая тишина...

– Ладно! Брейк! – я включаю голову, – Подумать надо. Пять минут перекур.

Неожиданно, после короткого перерыва, переговоры в свои руки берёт Труберг. Он – учитель. Его школьные навыки общения с тинэйджерами, сейчас приходятся весьма кстати.

– Первое число – уже завтра! – размышляет он, – Если идти обратно – то, дома будешь через четыре дня. А, если идти вперёд, с нами – тогда, уже на третий день, мы выйдем на погранзаставу Урвитово. Оттуда по радиосвязи поговорим с твоими родителями... Если тебе идти обратно, по Тятинке, то ты срываешь нам работу. А мы ведь, тоже – не просто так, в лес попёрлись...

Его спокойные рассуждения охлаждают накалённую атмосферу нашей палатки...

Утром четвёртого дня, циклон уходит! Дождь стих. Тихо стоят вокруг, поникшие ветви насквозь мокрых деревьев. В паре метров от палатки, в овражке беснуется поток, вспухшего за эти дни, ручейка...

Я стою у входа в нашу палатку. Я «слушаю» природу:

Низкий туман, по-прежнему, закрывает всё вокруг. Но, глобальную перемену в природе – я чувствую своей кожей!..

Вот! Ниже нас по склону – уже прочистилась полоска неба! И я вижу, где мы находимся.

– Отлично! – радуюсь я, – Мы – в боковом распадке! Этот распадок, далеко внизу, впадает в каньон Тятиной, по которому мы должны идти дальше!

Мы торопливо сворачиваем наш лагерь и едим, уже стоя вокруг костра.

– Всё! Вперёд! Труба зовёт...

Мы перебираемся через наш распадок, вперёд по ходу движения, и лезем через высокий гребень его противоположного склона...

Через некоторое время, нам путь пересекает сухой распадок. Мы тяжело стоим на его днище, под рюкзаками и озираемся по сторонам...

Влево – распадок сваливает вниз, к речке, вправо – ровная полоса сухой гальки спускается к нам оттуда, куда стремимся мы.

– Пошли вверх по ручью! По песочку! – предлагаю я, – Это – не по бамбуку грести!.. Хотя бы, до тех пор, пока этот распадок будет вести нас в нужном направлении!

Труберг чуть упрямится, для виду и через пару минут дебатов, мы «уходим в отрыв», вправо. Мы шагаем по чистому днищу сухого ручья, как по дороге! Легко рассекая то и дело возникающие по сторонам нагромождения косогоров, бамбуковых холмов и каких-то сопочек.

– Как здорово! – радуюсь я, из-под своего рюкзака, – Этот ручей – настоящий подарок судьбы!

Склоны сопочек по обе стороны от нас, быстро сменяют друг друга.

Но, вот – всё! Исток ручья.

– Всё! Пришли! – киваю я, – Конец нашего распадка.

– Жалко.

– Ага.

Мы, с сожалением, выбираемся из него нашим курсом, по крутому, травяному склону. Хватаемся руками за пучки стеблей низкого бамбука.

Вот и гребень нашего сухого распадка. Я опускаюсь с рюкзаком на низкий бамбук и выползаю из его лямок – перекур! Мелко покалывают, передавленные ляжками, плечи...

Через минуту, мы приходим в себя и попутно осматриваемся. Я в своём стиле: там, где нет обзора – я лезу на дерево...

Вскарабкавшись на самую верхушку ближайшей пихты, я осматриваюсь во все стороны:

Как хорошо видно вокруг! Какой простор! Оказывается, мы находимся на гребне лесистого каньона Тятиной. Это – верховья речки. Впереди уже выпирает зеленью кедрового стланика, знакомый мне округлый бугор горы Вильямса. Напротив нас, через речку, высится острый пик горы Морозова. Здесь завершаются все крупные притоки Тятиной.

Я спрыгиваю на землю.

– Как хорошо мы, распадком прошли! – радуюсь я, – Нам, теперь – рукой подать до седловины. Она совсем рядом!

Между тем, погода быстро улучшается. Вот, между белых облачков, уже выглянуло солнце!

– Здесь, где-то вдоль склона, должна быть медвежья тропа! – советуюсь я, – Мы стоим на гребне. Значит – нужно спуститься по склону, до тропы!

Наш караван начинает постепенно «терять высоту», по наклонной спускаясь всё ниже по склону...

Наконец, мы вываливаемся на тропу! Она вьётся вдоль каньона речки, в нижней части склона. Дальше – мы шагаем по тропе. Она, конечно – медвежья и по ней трудно идти человеку с объёмным рюкзаком за спиной. Часто нужно пригнуться, присесть под зависшие через тропу на уровне груди, стволы пихт. Но, всё-равно – это тропа! Тропа – это большая удача, в буреломном лесу...

Сквозь зелёную листву деревьев, далеко под нами, иногда просматриваются пенные, белые перекаты речки, нагромождения огромных валунов.

– Шшшшшш! Оооооо! Гуууу! – там шумит и басами грохочет вода!

– Как, там, можно пройти? – с опаской думаю я, – Если бы не тропа...

Чуть ниже по склону, я вижу много деревьев черёмухи.

– Ух, ты! Черёмуха! – радуюсь я, – Цветёт!

– Ага! – пищит Толик из-за спины, – Красиво!

Деревья черёмухи обильно цветут, и масса длинных кистей мелких, белых цветков очень даже радуют глаз...

Скоро, мы добираемся до водопада! Здесь, с высоты трёх – четырёх метров, ставшая уже совсем маленьким ручьём, речка Тятина падает с огромного монолита древнего лавового потока...

Этот водопад примечателен тем, что здесь, в 1986 году, лесостроители поставили кварталный столб. Он есть на карте заповедника, поэтому мы точно знаем точку, где сейчас находимся.

Под водопадом, мы устраиваем большой перекур... Раскладываем по горячим плитам насквозь мокрые от пота рубашки, портянки... Вынужденно раздетые по пояс, мы сидим на плитах скалистого ложа речки, греемся под лучами жаркого солнца.

Я имею страсть к скальным растениям и, пока ребята отдыхают, я отправляюсь на охоту – тщательно осматривая кустарники и травы, скачу, босиком и без рубашки, по плитам речного каньона...

Здесь много сухого, как порох, сушняка! И прямо на плитах водопада, мы быстро сооружаем небольшой, рабочий костерок...

И вот уже, в солдатском котелке, варится каша.

– Саша! – зовёт меня Труберг, – Смотри, какой цветок!

Взобравшись на водопад, я подхожу к нему. Из трещины в монолитной скале, прямо у уреза воды ручейка Тятиной, цветёт первоцвет! Да, да! Тот самый, легендарный первоцвет

клинолистный, местинку которого я нашёл в прошлом году, у снежника близ озера Вильямса. И который я поостерегся брать в гербарий, не зная, растёт ли этот цветок ещё где-нибудь.

– Оказывается, растёт! – радостно говорю я, – Привет, первоцвет!

– Это – первоцвет клинолистный! – объясняю я Трубергу, – Редкость – несусветная! Легенда! Японец Татеваки указал его в ботанических сборах тридцатых годов! Больше – на Кунашире его никто не находил!

У меня, сейчас, хорошее настроение...

А Труберг раздувается от осознания собственной значимости: «Саша! Я же, говорю! У меня – нюх на всякие редкости! На юге Кунашира, я рододендрон короткоплодный нашёл! Нашёл! И вот! Под Тятей, пошёл – этот первоцвет нашёл!».

Осторожно расправляя лепестки цветка между газетными листами гербарной папки и слушая самодовольные тирады Труберга, я только качаю головой и улыбаюсь: «Ну, Саша, ты даёшь! Ты, от скромности, не помрёшь!».

– А что? – разводит руками, Труберг, – Разве не так?!

– Не так! Этот первоцвет я нашёл в прошлом году, с Дыханом, на озере Вильямса! А вот эти цветки росли – прямо, на нашем пути! Нам, пройти вперёд – можно, только лишь переступив через них! Всё-равно, я бы их нашёл! Двумя минутами позже!

– Не скажи! – бурно протестует Труберг, – Приоритет – есть приоритет!

– Ладно, ладно! – улыбаюсь я, – Укажу тебя, в гербарной этикетке! Хотя...

– Что? – настораживается Труберг.

– В этикетке указывается не тот, кто нашёл растение, а тот, кто заложил растение в гербарий.

– Вот! Смотри! – я даю в руки Трубергу отпечатанный в типографии, стандартный бланк гербарной этикетки, – Здесь только графы «Собрал» и «Определил».

– Что?! А как же моё авторство?! – бушует Труберг, – Есть закон об авторстве! Моё авторство защищено законом!

– Да, ладно! – смеюсь я над ним, – Чёрт с тобой! В гербарной этикетке, я напишу так: «Нашёл Труберг, собрал Берзан». Только отстань!

– Так и напиши! Напиши!

Труберг не отстаёт от меня, пока не убеждается, что его фамилия внесена в этикетку.

Сварилась каша. Торопливо поев, мы одеваем на себя высохшую рабочую одежду и впрягаемся в лямки рюкзаков.

– Вперёд! – команду я, своим мальчишкам, – Труба зовёт!

Мы уходим дальше. Мы шагаем по сплошь выложенному каменными плитами, ложу ручейка, прямо по водичке. Это – всё, что осталось от полноводной речки Тятина...

По отвесным, скальным стенкам этого узкого каньона, то и дело, встречаются кустики второго у нас, на Кунашире, вида кровохлёбки.

– Какая кровохлёбка! – радуюсь я, – Саш, смотри! Второй вид кровохлёбки!

Внизу, у нас повсеместно растёт кровохлёбка тонколистная, а здесь, вот – растёт другая! Эта – кровохлёбка прилистниковая! Она отличается более короткими и широкими, похожими на бочоночки, листочками в своих больших, сложных, непарноперистых листьях. Эта кровохлёбка отчётливо отличается от первой по внешнему виду...

Каньон заканчивается. Дальше – ложе ручья завалено большими, сухими валунами. Это – распадок, сплошь заваленный огромными, круглыми валунами! По ним – только прыгать. Но! С такими рюкзаками – мы в состоянии только переваливаться с ноги на ногу, как бегемоты...

– Настоящий курумник! Одни валуны! – пыхчу я, из-под рюкзака, – Хорошо, что сухие. Не скользкие.

Шаг, ещё шаг... Иногда до уха долетает, как под нами, где-то далеко внизу булькотит, переливается мелким водопадиком, водичка...

Пришли! Справа, полузакрытая ветками ольховника, темнеет нора траншеи сухого русла.
– Нам – сюда! – показываю я рукой, вправо, – Вот метка, на стволе ольхи!

Здесь, мы расстаёмся с Тятиной. Уже известной дорогой, по канаве сухого ручья, наш караван из четырёх, навьюченных рюкзаками, человек шагает через бамбуковые дебри на седловину. Это – траншея в полный рост! Высокий бамбук, ветви ольховника и кедрового стланика часто смыкаются над нашей канавой, и тогда – мы шагаем в туннеле с зелёной крышей. Поворот, ещё поворот...

Наконец – перед нами открывается котёл обширного провала! Он – метров двадцать, в поперечнике. Из отвесной, глинистой стенки котла, из водоносного слоя почвы, изливается прямо в воздух горизонтальный фонтанчик чистой воды! Это – самое начало нашей, сухой канавы. Мы выбираемся из котла наверх, на плоскость седловины. Освобождаемся от тяжёлых рюкзаков.

– Фуууу... – мы стоим и осматриваемся по сторонам...

– Вот этот ельник из ели Глена – и есть моя работа! – широко развожу я руки, показывая седловину.

Мы решаем, здесь, остановиться. Здесь, есть вода, здесь и дрова, есть место под костёр, и есть место под палатку...

– У нас – шикарное место для ночёвки!

– Ага!

На часах – ещё только пять часов дня.

– Часа три, до вечера у меня есть! – совещаюсь я с Трубергом, – Нужно, хоть одну пробную площадь заложить! Для характеристики вот этого, бамбукового ельника! Который покрывает седловину.

– Давай, Саша, давай! – легко соглашается Труберг, – А я – пока, палатку поставлю и есть сварю! Оставь, мне, одного гвардейца.

Я достаю из своего рюкзака ботанический рюкзачок, и мы с Толиком отходим по бамбуку метров сто, вглубь седловины...

Мы отбиваем стандартную, квадратную пробную площадь, со стороны пятьдесят метров.

– Ельник-бамбучник зеленомошный! – радостно комментирую я, озираясь по сторонам, – И не просто ельник – а гленник!

– Почему гленник?

– Потому что это – ель Глена.

– А.

– Теперь – таксация. Ну что, Толик? Держи бланк! Толковать будешь.

Я раскрываю свою мерную вилку и шагаю к первому стволу...

– Ель Глена двадцать восемь!

– Ель Глена тридцать два!

– Белое пятно Кунашира! Абсолютное, вековое безлюдье! – думаю я и тут же улыбаюсь своей мыслью, – Хм! Здесь – никогда ещё не раздавались человеческие вопли!..

– Ель Глена двадцать четыре! – в полное горло ору я.

Уже завершая таксацию ельника, семь раз сдохший в борьбе с перепутанным, высоченным бамбуком, я слышу отдалённый свист – это значит, что в нашем лагере всё готово к ночёвке и еда сварена. Я вытираю мокрое лицо насквозь мокрым от предыдущих вытираний, рукавом рубашки и бросаю взгляд на небо – оно всё закрыто однородным, стальным полотном высокого тумана.

Я подгребаю, по бамбуку, к Толику.

– Фу!.. Сколько стволов получилось?

– Триста шесть стволов ели Глена! – рапортует Толик, – Помимо сорока семи стволов пихты и двух – обычной ели. Всего триста пятьдесят пять стволов!

– Вот, блин! – чертыхаюсь я, – Мы сделали почти вполтину больше, чем требуется! Если б знать – можно было бы сократить размеры площади...

– Угу, – понимает Толик, мой расклад.

Ну, да ладно. Мы завершаем описание растительности. Я гляжу на часы – уже почти восемь часов вечера. Скоро сумерки. Свистнув в ответ, мы устало бредём друг за другом, разгребая бамбук перед грудью, к лагерю...

Выходим их леса:

Палатка стоит рядом с обрывом котла, на бледно-зелёной, бамбуковой поляне, со стороны подножия горы Вильямса. Там – бамбук низкий, не превышает колена.

– Смотри, Толик! Как красиво! – прицениваюсь я к пейзажу, – Высокогорье, сглаженные формы рельефа, бамбук и кедровый стланик, палатка на фоне горы Вильямса...

– Ага! И особенно – этот синий дым, из-под земли! – улыбается Толик.

Александр предусмотрительно развёл костёр прямо в котле! На гальке сухого днища. Поэтому, нам костра не видно. Только узкий, вертикальный столб синего дыма курится над промоиной, словно из-под земли...

– Молодец какой! – оцениваю я, – Можно не бояться пожара!

– Живописное местечко!

– Вот уж, точно! – соглашаюсь я, – У нас, сегодня, будет экзотическая ночёвка!..

Мы шагаем по бамбуку...

– Ну? – встречает нас, у палатки, Труберг, – Как работа?

– Здорово! – удовлетворённо киваю я в ответ, – У меня есть высокогорный гленник!

Такого – ни у кого нет!

Мы ужинаем и заползаем в палатку. Наконец, можно вытянуть натруженное тело в горизонтальное положение и расслабиться.

– Интересно! – думаю я, засыпая, – Шестьсот пятьдесят метров над уровнем моря... Здесь, на высокогорье, вроде и деревья нормальные... А средний диаметр стволов ели Глена – всего восемнадцать сантиметров! Средняя высота деревостоя – всего девять с половиной метров! Короткие... Деревья вдвое мельче, чем внизу!.. Хотя единично – есть и хорошие диаметры. Максимальный диаметр – сорок четыре сантиметра... Ладно. Всё. Отбой! Сегодня был тяжёлый день...

И я проваливаюсь в небытие...

Второе июля. Ночь прошла без проблем. Открыл глаза – уже всё серо в палатке. Значит – уже пришло утро. Подъём...

– Сегодня второе июля! – думаю я, вешая на правый рюкзак, своё ружьё, – А, рюкзак – совсем не полегчал!

Мы уходим дальше по седловине, в сторону речки Птичь. Со свежими силами...

Вновь, как с Дыханом год назад, мы долго гребём по бамбуковому гленнику седловины. Бамбук – по грудь...

Впереди стало светлеть – это обозначается прогал здешнего удивительного верхового болота. Опять, под ногами – его плотный, пружинистый ковёр...

Пройдя болото, мы спускаемся в овраг ручья. Ручей течёт вперёд, в противоположную от Тятиной сторону. Это значит, что он – уже приток Птичьей. Друг за другом, мы шагаем прямо по водичке ручья. Днище ручья сложено не галькой, а лёгкими, пористыми камешками, напоминающими пемзу. При каждом шаге, множество пузырьков какого-то газа вырывается из этого днища и бросается, сквозь прозрачную толщу воды, на поверхность.

– Ручей – какой-то, газовый! – Толик, с опаской, шагает по ручью, следом за мной, – Александр Пантелеевич! Что, это, такое?

– Не бойся! – трудно отмахиваюсь я, из-под своего рюкзака, – Здесь – всегда так...

Наконец, мы выходим к речке. Вот, она! Блестит перекатами, впереди. Это – уже, сама Птичья. Крупным ручьём, она бурлит перед нами и уносится вперёд...

Но, нам сегодня, вниз по речке – не нужно. Оставив рюкзаки прямо здесь, мы собираемся, налегке, сбегать в верховья речки, в котловину озера Вильямса. А, ночевать будем здесь, когда вернёмся.

– Теперь – километра два-три скакать вверх по речке! – объясняю я задачу.

– Ха! По камням прыгать? – загорается Толик, – Классно!

– Без рюкзаков, налегке! – дёргает сильным плечом Мишка.

– Нет, нет, нет! – вдруг, категорически возражает Александр, – Я, по камням не буду прыгать!

– То, есть?! – не воспринимаю я всерьёз, его категоричность, – Что в этом, такого?.. Это – единственный вариант движения, здесь! Только по камням!

– Я – человек, сугубо равнинный! – категорически протестует Труберг, – Я не приспособлен к прыганию по камням!

– Да, что в этом, такого? Камни сухие, не скользкие! Посмотри! – не понимаю я его и командую своим помощникам, – Вперёд!

С валуна на валун, с валуна на валун... Это – увлекательная игра в лабиринт! Прыгая с камня на камень, нужно заранее просчитывать перед собой такой вариант, чтобы цепочка валунов не прервалась слишком широким просветом, через который ты не сможешь перепрыгнуть. Мне, эта игра, вполне удаётся! И она мне нравится.

Азартно пропрыгав до поворота речки, я коротко оглядываюсь назад и... торможу ребят.

На старте нашего забега, Труберг... никак не решается прыгнуть с первого валуна! Он, то качается вперёд, собираясь прыгнуть, но тут же отшатывается назад. Вперёд – назад, вперёд – назад... Каждый, со своего камня, мы удивлённозираем на его странные пируэты...

– Александр Пантелеевич! – интересуется у меня, дотошный Толик, – Чего это, он?!

– Не знаю! – чистосердечно говорю я, не сводя глаз с Труберга.

Наконец, кое-как, Труберг... спускается с сухого валуна, прямо в водные буруны! Мы изумлённо смотрим, как он штурмует кипящий поток! Вброд!..

Перебравшись через загромождённый огромными валунами поток, Труберг выбирается на противоположный берег речки и не задерживаясь, лезет в стену бамбуковых зарослей. Высоченный бамбук смыкается над его головой! Озадаченные таким ходом событий, мы стоим и ждём...

Так и не дождавшись появления Труберга из бамбуков, мы скачем по ручью вверх...

На следующем повороте, я останавливаю свою тройку: «Сто-ой!».

– А? Что? – не понимают меня, Толик и Мишка.

– Нужно ждать!

– Чего?

– Чего, его ждать?

– Ну, не бросать же его?! – огрызаюсь я, на них.

– Он, скорее, умрёт в бамбуках, чем поскачет по камням! – раздражённо думаю я, сверля глазами пройденный нами участок речки... – А – с другой стороны! Если он, действительно, на камнях – как корова на льду, то неизвестно ещё, что ему лучше выбрать – умереть в бамбуках или убиться на камнях...

– Александр Пантелеевич! – со своего валуна, Толик тычет рукой за мою спину, вверх по речке, – Вон он!

Я разворачиваюсь на валуне: вывалившись из стены бамбука на берег на повороте речки выше нас, Труберг уже переходит кипящую, заваленную огромными валунами речку вброд, на другую сторону...

– О! Вон он! Поскакали! – команду я, и мы срываемся в скачку...

Ребята бодро прыгают по камням. Я слышу их жизнерадостные вопли.

– Мишка! Смотри, как я! – звенит тонкий голос Толика. – Толян! – скоро басит ему Михаил, – Давай, ко мне!

– Смотри-ка! – удивляюсь я, про себя, – Прыгают, как горные козлы! Ещё и играть успевают! Тинэйджеры...

Проскакав до очередного поворота, мы тормозим. Опять стоим, каждый на своём валуне и ждём...

– Где же этот, чёртов Труберг?! – пытаюсь вычислить я, – Опять пропал в своих бамбуках! Опять неизвестно, где вынырнет – впереди нас или сзади...

Через километр, перед нами открывается огромный котёл речного водопада. Водопад – настоящий! Метров десять высотой. Скала сложена плоской, каменной черепицей... Мы подходим к водопаду снизу. Речка Птичься сливается прямо, с высоченного порога. С противоположного берега, над круглым котлом водопада, закрывая полнеба, покатою глыбой нависает поросший травой, каменистый утёс. Целая сопка.

Труберг – сам по себе, Мишка – прыгая по камням, оба вырвались вперёд. Они уже стоят внутри котла, под водопадом. Я же – долго фотографировал водопад со средней дистанции, поэтому мы с Толиком задержались на входе в котёл.

– Гуууууууууу! – однотонно, басом гудит водопад, забивает уши.

– Александр Пантелеевич! – звенит в грохоте воды, голос Толика, который тычет рукой вверх и вперёд, – Александр Пантелеевич!

Я поднимаю лицо к небу – на самой выпуклости нависшей над водопадом горы, стоит взрослый, молодой медведь! Изогнувшись с выступа подобно горному козлу, дугой вытянув шею, медведь старается заглянуть вниз, под себя. Он изумлённо пялится на двух, стоящих под утёсом, людей! Медведь видит и нас с Толиком, чуть ниже по речке! Посмотрев на нас, влево, он опять вытягивает шею вниз, под себя, стараясь получше рассмотреть Александра с Мишкой.

– Гууууууууууу! – однотонно гудит, ревёт водопад.

– Эгей! Медведь! – кричу я медведю, – Это мы, здесь!

Я не знаю, слышит ли зверь мой голос, за гулом водопада.

– Александр Пантелеевич, – спрашивает меня, стоящий уже рядом со мной, Толик, – Чего это, он? Упасть с утёса готов!

– Я думаю – он людей никогда не видел! – понимаю я, медведя, – Смотри! Как таращится!

– Медвееедь! – тонко кричит Толик, медведю.

– Иди отсюдаааа! – горланю я.

– Хм! – качаю я головой, не сводя глаз с медведя, – Есть, ещё, место на Кунашире! Где медведи не знают человека. Вот оно, Толик, настоящее дикое место! Дикая природа.

Медведь так и не уходит со своего утёса, над водопадом. И над нами. На наши с Толиком вопли, он каждый раз поворачивает в нашу сторону, свою лобастую голову...

По противоположному берегу речки, мы проходим по нагромождениям валунов, под водопад. По плиткам каменной черепицы карабкаемся по скале водопадного порога, рядом с падающим сверху потоком воды. Почти отвесно – но плитки сухие и не скользкие. Вслед за Мишкой и Трубергом, уходим дальше, вверх по Птичьей...

Мы уже, порядком, измотались. Бежать по камням, в одно касание – тут глазомер нужен и крепкая нога! Чтобы, куда глаз положил – туда и нога приземлилась...

В рельефе постепенно вырисовывается огромная горная котловина озера Вильямса! Речка вытекает из котловины нам навстречу, по слабо выраженному распадочку...

Вот, в последнем прыжке, мы выскакиваем на травяной берег ставшей спокойным ручьём, речки Птичьья. Ручей – метр шириной. По его отвесным берегам из дернины узкими лентами протянулись альпийские лужайки. Ближе всех к воде – метровые бордюры кустов высокогорной ивы Рени. Мы шагаем за этими бордюрами, по оранжевым клумбам из крупных цветов.

– Купальница Ридера! – прикидываю я, раздвигая руками этот цветник, – А, в других местах Кунашира я не видел ни одного цветка!

По мере продвижения, глазам открывается спокойная гладь озера! Вот и берег...

Сегодня чудесная погода. Мы стоим и смотрим на гладь обширного водного зеркала. Свежий ветерок гонит крупную рябь и от неё всё озеро искрится солнечными бликами...

Для ознакомления с озером мы отводим час личного времени. Каждый из нас может распорядиться им по своему усмотрению. Можно сидеть и смотреть на водную гладь прозрачного озера. Покрытые зелёным ковром кедрового стланика, высоченные стены склонов хребта Докучаева спускаются прямо в озеро! А, можно – пройтись по берегу... Пользуйся! Наполняйся необычными впечатлениями из необычного уголка Кунашира!..

Всё! Отпущенное время истекает так стремительно! До сумерек, у нас – есть несколько часов. Это время – чтобы вернуться к нашим рюкзакам, к месту ночёвки. Мы трогаемся в обратный путь...

– Ура! – я, с удивлением гляжу на то, что оставшийся позади нас Труберг, всё-таки решается скакать по камням!

– Прыг! Прыг!

Он неуклюже запинается на валуне и плашмя падает между валунами, в бурлящий поток!

– Ах! – от этой картины у меня обрывается душа...

В первое мгновение застекленев на своих валунах, мы виновато смотрим, как Труберг выбирается обратно, на берег. Мы разворачиваемся и торопливо прыгаем обратно...

Матерясь сквозь зубы, Труберг стаскивает свои болотники. Он – мокрый. Нужно выжать одежду и вылить воду из сапог. Он, до крови, сбил себе ногу и чуть ли не вывихнул руку.

– Вот, видишь! – выговаривает он мне, закручивая портянки в жгут, – Нельзя мне по камням!

Я молчу и виновато вздыхаю. Я и сам вижу, что – нельзя...

Не бросать же, его! Волей – неволей, мы спрыгиваем с валунов речки на берег и лезем в заполонивший всё вокруг бамбук. Упругая стена бамбука – в человеческий рост!

Через несколько сотен метров упорной борьбы с бамбуковыми зарослями, до меня доходит маленькая тайна здешнего распределения растительности – оказывается, вдоль подножья небольшой надпойменной терраски, всегда происходит выклинивание грунтовых вод. Бамбук же – не терпит переувлажнения почвы! И эта узкая лента, буквально в метр шириной, всегда заполнена обычной травой. Вейник! Что, это, значит для нас? Да то, что высокая трава, в сравнении с бамбуком – это, просто асфальтированная дорога! Вперёд!..

Через пару поворотов речки, я понимаю, что медведи – эту тайну познали раньше меня! Едва я, на очередном повороте, очередной раз пробившись через бамбук к подножию террасы, выбираюсь на нужную нам полоску травы – как вижу, что по ней, уже давно ходят медведи! Каждый раз, здесь имеется дорожка медвежьих набродов...

Вот, мы очередной раз останавливаемся на повороте речки. По валунам, перепрыгиваем на другую её сторону.

– Вон туда! – коротко киваю я, перпендикулярно от речки, – К подножию террасы...

Сил, на долгие объяснения, уже не осталось. Не задавая лишних вопросов, мои ребята молча лезут в заросли, следом за мной. Раненый Труберг завершает наш караван. Плотный бамбук – выше наших голов! «Дистанция – один шаг, иначе заросли сомкнутся за спиной впереди идущего!». Это правило уже давно усвоено моими тинэйджерами.

– Только бы, там была тропа! – тревожно сверлит в моей голове мысль, вести людей за собой – всегда ответственность.

Пробившись сквозь плотную, упругую стену проволочных стеблей бамбука, мы, один за другим, вываливаемся на полоску травы.

– Фу-у! – радостно выдыхаю я, воздух.

Можно вытереть рукавом мокрое, разгорячённое лицо.

– Теперь – по тропе! Вперёд...

Всё! Наш поворот! Мы дошли. Мы подходим к нашим рюкзакам.

Уже близки сумерки. Нужно, скорее, ставить лагерь! Нашу брезентовую палатку мы, задом, втапливаем в узкую нишу между стволов двух взрослых пихт, на горизонтальную полочку речной терраски. С трудом, но она вошла под их разлапистые кроны! В двух метрах левее и ниже палатки, мы делаем место под костёр. Речка звенит струями, пронесётся слева-направо – метрах в пяти под нами. Мальчишки натащили кучу сухих, пихтовых сучьев, на дрова. Надрыв мелких, сухих веточек с ближайшей ёлочки, я, без промедления, разжигаю костёр...

Всегда настороже, между делом, я ловлю ухом голоса моих помощников.

– Миш! Прикинь! Сегодня – мы ночуем над бамбуками!

– Ага! Круто... Толян! Мы – как на сцене!

Я коротко оглядываюсь по сторонам – мы обосновались метра на три выше уровня долины речки! И действительно, с нашего лагеря открывается великолепный, просто шикарный вид!

– Отсюда, мы всем видны!

– Ну! Лопухи внизу, под нами!

– Прикинь, как далеко будет виден огонь от нашего костра!

– Когда станет совсем темно!

– А, самое главное – здесь, на нас никто не наступит рано утром! – удовлетворённо замечаю я, вмешиваясь в разговор тинэйджеров, – Сегодня – мы ночуем не на дороге!

Вокруг, незаметно и быстро густеет синеватая сумерек. Мы уже поели. Стоя в кружок вокруг костра, мы сушим сырые от пота рубашки и портянки. Труберг – мокрый полностью! Ему, сушить одежды – больше всех...

Высушившись, мы ждём его, присев в плотный кружок вокруг костра – всё-таки, приятно лишний раз погреться у огня. Вокруг нас пляшут всполохи пламени, выхватывая из черноты ночи пихтовые лапы, брезент палатки и вбитые у костра колья, с надетыми на них носками Труберга...

Раннее утро. Самыми первыми лучами, солнце освещает нашу палатку. Брезент быстро прогревается. Духота будит нас... Какая дурнота в голове! Я «принимаю сидячее положение» и развязываю матёрчатые ленточки входа в нашу палатку. Вовнутрь палатки врывается, такой ароматный, воздух лесного утра! Как морёные мухи, один за другим, мы вяло выползаем наружу...

Зелёная крыша «белокопытникового леса», находящейся ниже нас речной поймы – стоит, вся мокрая! Ряды водных капелек блестят по краям зелёных зонтов.

– Ух, ты! Роса какая!

– А, у нас – уже всё сухо!

– Да-а! Удачное местечко, мы выбрали!

И от возможного дождя, нашу палатку закрывают нависающие над ней широкие и густые кроны пихт. Одним словом – чудесное место для лагеря! Вот, только, дождя сегодня не будет! Над нами – необычное для Кунашира, совершенно безоблачное, синее небо.

Быстро, не теряя времени, мы разводим костёр. Вешаем над огнём два плоских, солдатских котелка – один под кашу и второй, под чай. День предстоит, сегодня – тяжёлый, ходовой. На Кунашире вряд ли найдётся ещё такое место, столь тяжёлое для перехода, как бассейн речки Птичьа.

Пока варится каша, мы торопливо укладываем свои рюкзаки...

Я стягиваю, шнуром, горловину своего рюкзака. Я собран.

– Всё!

Я пробую на вес свой рюкзак – он, подозрительно, лёгкий! Я недоумённо оглядываюсь вокруг – и мой взгляд упирается в громаду стоящей палатки.

– Блин! Палатка!.. Толик, Мишка! Помогите палатку сложить?!

Втроём, мы набрасываемся на нашу палатку: отвязываем верёвки растяжек, вытаскиваем колья...

Привязав тугой брезентовый рулон скатанной палатки под днище своего рюкзака, я ставлю его в вертикальное положение и рывком, пытаюсь оторвать его от земли. Ничего, из этого, не получается!

– О! Вот, теперь – совсем другое дело! – даю я волю своему сарказму, – Наша брезентовая палатка – это вещь! Её бы на танке следом тащить, а я её – на своём горбу, пру!

Каша уже готова. Я оставляю рюкзак стоять в вертикальном положении и шагаю к костру. Не мешкая, мы принимаемся поглощать еду. Время, нам, очень дорого.

Ну, вот и всё! Сев на землю, вплотную к спинке рюкзака, я продеваю руки в его лямки. Завалившись на живот вместе с рюкзаком, я с трудом встаю на ноги, помогая себе руками. Потуже затягивая поясной ремень своего станкача, я окидываю, последним взглядом, место нашего лагеря – не забыть бы чего, а то, возвращаться... Надеваю ремень ружья на правый рог рюкзака, сверху.

– Вот, теперь – точно всё! Вперёд!

Один за другим, с места стоянки, мы спускаемся на три метра ниже, в речку. Развернувшись вниз по речке, я прикидываю приёмлемый для нас, вариант движения. У нас, ведь – Труберг...

Ах, какое утро! Росистое, солнечное! Сверкая миллиардами солнечных зайчиков, речка Птичьа ровной, прямой лентой уходит от моих ног вперёд, к далёкому-далёкому повороту. Дальше начинается скалистый каньон. Я знаю...

Мы стоим на её правом берегу, у подножия высокого-высокого, сыпучего обрыва. Это – борт речного каньона, со стороны вулкана Тятя. Валунная речка... Шагать по ней – можно. Если умело. Как минимум, полкилометра! Целых пол километра вперёд!

– А, если не по речке, то – как?! – прищуриваюсь я.

Мой взгляд с речки скользит вправо и оценивающе прилипает к сыпучему обрыву. Я знаю, что Труберга легче убить, чем заставить ступить на камни. Тем более, сейчас, раненого. И в прямом и в переносном смысле...

В другой раз, я бы искренне посмеялся над теми, кто пошёл бы не по речке.

– В другой раз! – хмыкаю я, – Вот же, идиотизм...

– А, с таким грузом, штурмовать этот грандиозный обрыв и потом – валить вдоль речки по бамбуку, поперёк спускающихся с вулкана распадков? – закипаю я, мысленно, – Это – не идиотизм?!

Но... делать нечего. Сжав зубы, покачиваемый тяжестью своего рюкзака, я разворачиваюсь от речки вправо и делаю шаг на крутую осыпь.

– Да, будь проклят тот день, когда я пошёл с тобой в поход, Труберг! – с ненавистью думаю я, шаг за шагом, тяжело поднимаясь всё выше и выше по бесконечной осыпи...

– Хуу! Хуу! Хуу! Хуу!

Весь мокрый от пота, тяжело дыша, я лежу на краю высоченного сыпучего обрыва речного каньона. В составе всей нашей четвёрки. Хотя, «нашей» – это тройки. Всё остальное – это совсем не «наше». Мелко-мелко пощипывают от перегрузки, кончики пальцев и совершенно не держат, одеревеневшие ноги. Далеко-далеко внизу, под нами, блестит на солнце тоненькая, извилистая змейка нашей речки...

– Блин! – бьётся в моей голове идиотская мысль, – Как далеко... мы бы уже ушли... вперёд!

Здесь, наверху, всё затоплено высоким и плотным бамбуком. Обширное пространство! Целое плато...

– Над обрывом должна быть медвежья тропа! – прикидываю я, – Медведь, ведь, не дурак – он каждый раз ломиться по целине не будет.

Мы вытягиваемся в цепочку...

По плечи утопая в бамбуковом «море», тяжело гружёные, мы ломимся по зарослям. Я широко виляю по плато вправо – влево. Я ищу тропу...

И совершенно неожиданно, вываливаюсь на неё!

– Фу, тропа! – тяжело выдыхаю я и усмехаюсь, – Хоть, в чём-то, сегодня, везёт! Кое-что в лесной жизни я, всё-таки понимаю...

Мои ребята ломаются по бамбуку, в двух шагах сзади. Я делаю шаг в сторону, стою и молчу. Я жду.

– О! – сейчас же раздаётся за спиной, радостный возглас Мишки, – Толян! Тропа!

– Тропааа!!! – тонко пищит Толик, отплёвываясь от паутины, – Тьфу!.. Я думал, сдохну в этом бамбуке!

Мы разворачиваемся вправо и шагаем по медвежьей тропе...

Через полкилометра и так наклонённое влево, бамбуковое плато круто переламывается к речке! Медвежья тропа тоже уходит вниз, на косогор, к речке. Нам, туда – не нужно. Я стою, прикидывая, как быть дальше...

– Если напрямую штурмануть это плато бамбука – то выпадем в пихтарник, что темнеет за ним! – думаю я, – А, под хвойником – бамбук мелкий... А, может быть, там и новая медвежья тропа, будет.

И я сворачиваю с тропы вправо, в бамбуковые дебри. Дёргаясь взад – вперёд в бамбуке, как рыба в сетях, шаг за шагом, я прорываюсь вперёд...

– Блин! И мощный же здесь, в верховьях, бамбук! – зло думаю я, – Тот бамбук, к которому мы привыкли – детские забавы...

Всё! Выбившись из сил, мы, плотной кучкой, стоим в середине бамбукового плато. Мы отдыхаем, в самом центре этого, спокойно шелестящего своими кожистыми листьями, бамбукового «моря». Я вытираю мокрым рукавом мокрое лицо и поглядываю на тёмную стену хвойника, что просматривается метрах в пятидесяти впереди...

– Всё! Вперёд...

Нам, сильно – расслабляться нельзя. Теперь, я понимаю, что слово «отдохнуть» родственно слову «сдохнуть». Во всяком случае, это есть сама суть движения нашей четвёрки: «сдохли – отдохнули, сдохли – отдохнули»...

Вот и хвойник! Мы вываливаемся из бамбуковой стены, под кроны пихт. В пустоту! Здесь, бамбук – чахлый и мелкий.

– Как я и думал! – тихо радуюсь я, про себя и оборачиваюсь к ребятам, – Перекур!

Я прислоняю ружьё стволом к дереву, сажусь с рюкзаком на землю и высвобождаю руки из его лямок. Мы все, лежим вповалку, рядом со своими рюкзаками...

После перекура, я увожу нашу четвёрку ещё правее, на склоны вулкана. Здесь – мозаика спелых ельников и пихтарников. Под ними – нет бамбука, вообще! Лишь ажурный ковёр папоротника! После бамбука, это – настоящее счастье...

– Щитовник австрийский! – автоматически схватывает мой «ботанический» глаз, пока нога делает шаг...

Я кручу по лесу зигзаги, выбирая папоротниковые участки. Из-за моей спины, что-то уже не доносятся окрики Труберга, насчёт компаса...

Времени уже – часа три дня. Вперемежку со своими рюкзаками, мы валяемся в папоротнике, на взгорке спелого ельника. Это – после очередного «сдоха», у нас наступил очередной «отдых»...

Придя в себя, я упираюсь взглядом в мощный, ребристый ствол дерева, возле которого мы лежим.

– Это – что за дерево? – озадаченно думаю я, поднимаясь на ноги.

Я трогаю твёрдую, ребристую кору ствола пальцами и откровенно удивляюсь: «Это дерево я не знаю!». А его листьев, под рукой – у меня нет! Крона дерева расположена так высоко, что, сколько ни всматривайся – всё-равно, ничего не разобрать.

– Бинокля нет! Жалко! – вздыхаю я, – Придётся лезть в крону.

Кое-как, я взбираюсь по прямому, толстому стволу. Стоя на толстой ветви уже в кроне, я трогаю пальцами, такие шершавые и такие... до боли знакомые листья.

– Блин! Это же – ива козья! Которую, в народе, вербой зовут!.. Вот, это да-а! Вот, это размеры!

До сих пор самая толстая, измеренная мной, ива козья имела диаметр ствола – всего тридцать два сантиметра...

– Но, раз уж, я забрался так высоко над землёй – надо осмотреться, прикинуть, где мы находимся! – соображаю я.

И я, с высоты птичьего полёта, принимаюсь изучать бассейн речки Птичьья. Не с высоты, конечно, орлиного полёта, а скажем «с высоты полёта средней птицы»...

И всё же, я вижу достаточно много! Например, то, что напротив нас – Птичьья резко изгибается вправо, подрезая нас! А, с противоположной стороны, со стороны соседнего вулкана Руруй, к этому изгибу примыкает широкий, лесистый распадок крупнейшего её левого притока. А, по эту сторону речки, по ходу нашего движения, я вижу площади белых штыков сухостойного леса – там нас ждут сплошные буреломы...

Я спускаюсь по стволу вниз, на землю.

– Нужно перебираться на другую сторону каньона Птичьей! – сообщаю я, – По нашей стороне, дальше – сплошные буреломы.

Все лежат у рюкзаков и молчат, переваривают информацию...

– Толик! Подержи рулетку, – я бреду, разматывая рулетку, вокруг ствола дерева.

Присев здесь же, у ствола, я высчитываю его диаметр.

– Семьдесят шесть сантиметров! Рекорд породы! Ура! Вот, это, ива козья!

Я, аккуратно, записываю цифры в свой полевой дневничок.

– Всё! Теперь, давайте дальше. Труба зовёт!

Мы впрягаемся в рюкзаки и под прямым углом, сворачиваем влево, к речке. Вытягиваясь в цепочку, мы шагаем друг за другом...

– Ай, да ива! – продолжаю думать я, уже шагая по лесу, – Рекорд породы перекрыт больше, чем в два раза!

Мы «валим» по лесистому косогору, напрямую к речке...

Перед нами – залитый солнцем бамбуковый склон небольшой поляны, среди пихтарника. Мой глаз прилипает к блестящим листьям сплошных бамбуковых зарослей.

– Хм! – я стою и не свожу глаз...

– Что? – спрашивает из-за спины, Труберг.

– Это – не бамбук!

– Да?

– Ага! – киваю я, – Блестит не так...

Я начинаю продираться к зарослям... притрагиваюсь к листьям.

– Ха! Ёшкинкот! Это же волчелистник низкий! Первая категория редкости!

– Да? – смаргивает Труберг.

– Присмотрись! У бамбука листья – сухие и жёсткие, вечнозелёные! А эти – мягкие, как у волчника! Только, крупные – как у бамбука!

– Ну...

– Фактура – совсем не та! – втолковываю я, – У них, родственного с бамбуком – ничего нет!

– Какого, ещё, волчника? – хмурится Труберг.

– Ну, волчье лыко, который! По весне, жёлтыми цветочками цветёт!

– А...

Заросли кустарника, сплошным ковром покрывают солнечный склон. Ядовито-зелёные, «бамбуковые» листья масляно блестят на солнце. Что стена бамбука, что стена волчелистника – на расстоянии не отличишь...

– Дафнифиллум! Его – нигде нет! Высшая категория! Ура!!! – радуюсь я, – Вот, это находка! Я его – только здесь, на Птичьей и встречал! Два года назад.

Я распаковываю свою гербарную папку...

Через пять минут мы шагаем дальше. Кругом пошёл бамбуковый пихтарник...

Вскоре, мы подходим к краю глубокого, отвесными стенами обрывающегося вниз, обрыва. Весь обзор закрывают кроны деревьев! Ничего не видно! Никакой перспективы... Прислушиваемся...

– Гооооооооооо! – где-то далеко внизу, в каменных стенах, глухо ревет вода.

Не видно противоположного склона каньона! Никаких просветов! Вообще ничего не видно! И наш обрыв каньона – тоже сплошь заросший лесом! Мы скорее теоретически осознаём, что стоим на краю обрыва.

– Где бы, здесь, спуститься? – озадачиваюсь я.

Мы разворачиваемся вниз по речной долине и шагаем вдоль края обрыва, поглядывая вниз. Но всюду – уходят вниз практически, отвесные скалы.

– И здесь – не спустишься... – прикидываю я.

Мы шагаем вдоль обрыва, в нашем направлении...

Вот, скала каньона с нашей стороны, поросла пихтарником! Но нам не видно, где этот пихтарник заканчивается там, внизу. Стена – практически вертикальна!

– По этому языку пихтарника можно попробовать спуститься! – совещаюсь я.

– Как?! Круто! – осторожничают Труберг.

– Главное – не это! Не дай бог, этот пихтарник обрывается где-нибудь на середине стены, не достигнув днища каньона! – опасаюсь другого, я, – Тогда – нам придётся вылезать обратно.

– По такой крутизне!?! – сомневается Труберг, – Вылезем?

– Ну, а что делать? – пожимаю я плечами, в ответ, – Всё-равно, всё так заросшее – мы нигде не видим днища! Так – можем шагать до вечера.

– Так, что? – прищуривается Труберг.

– Давай, рискнём! – предлагаю я.

– Давай.

Вдоль отвесной стены каньона, стволы средневозрастных пихт стоят вертикально. Диаметр под тридцать сантиметров, сначала – они выходят из вертикальной дернины стены почти горизонтально и лишь потом, на протяжении метра, круто загибаются вверх. Мы, под рюкзаками, разворачиваемся лицом к скале. Ступая по стволам пихт у самой каменной стены, как по перекладинам лестницы, мы спускаемся всё ниже и ниже...

Из-за пихтовых крон и листвы – ничего не видно под ногами!.. И только оказавшись на самом нижнем стволе, я вижу, что, до днища каньона – мне остаётся лишь спрыгнуть! Метра полтора! По крутой, наклонной каменной плите.

– Ура!!! – кричу я, камень сваливается с моей души.

Я, без раздумий, прыгаю вниз, на каменные плиты. Следом за мной, как горох, сыпятся, со своими рюкзаками, Толик с Мишкой.

А я – уже стою на каменном ложе и с восхищением озираюсь по сторонам. Нам открывается потрясающая картина каменного каньона Птичьей! Сумрачный, каменный мешок! Метров около восьмидесяти глубиной, каньон речки представляет собой произведение из голого камня. Серые, вертикальные стены, закругляясь в самом низу, переходят в днище. Ложе речки выложено наслаивающимися друг на друга, каменными плитками, словно многослойной черепицей.

– Гуууууууу!

Вырывающийся из-за поворота слева от нас, мощный поток воды, плавно отбивается от боковой стены каньона и с крутым наклоном вниз, врывается в огромную каменную чашу, закручивая в ней грандиозный водоворот.

– Гуууууууу!

Воздух ощутимо вибрирует. Могучий, низкий гул залепляет уши...

Нам нужно перебираться на ту сторону речки! А, как?! Глубина речки – запредельная! Но, главное – не это. Главное в том, что если смоешь – не выкарабкаешься. Потому, что ниже – уже ревет очередная водопад! Там – очередная каменная чаша, с очередным водоворотом... У той чаши – отвесные стены, уходящие под воду. То есть – у уреза воды нет берегов! Плавающий в чаше человек, руками за каменную стену не уцепится...

Но, у нас – другого выхода нет. Всей четвёркой, под тяжёлыми рюкзаками, мы выстраиваемся перед речкой в шеренгу, держась за руки. Мы стоим не поперёк речки, а вдоль неё. Первый человек – самый тяжёлый, он принимает на себя напор воды. Это я. Задача второго, по весу – быть опорой первому. Это Труберг. Задача остальных, в цепочке – крепко держаться за руку вышестоящего и не быть смытым вниз. Это построение, для нас – не ново. Так – мы всегда переходим трудные перекаты...

Пошли. Водная толща напирает на ноги... С трудом, с замиранием души, мы бредём по нижнему краю каменной чаши, что широким водоворотом медленно крутится сразу выше нас. По грани изливания из неё водного потока. Грань, где толща воды почти успокоилась после верхнего водопада и ещё не набрала ускорения от слива в нижний...

Всё! Берег!

– Фу-ууу! – длинно выдыхаю я, с первым шагом на берег, ещё не веря в то, что всё позади.

– Фу-ууу, – вторит мне Труберг, – Прошли... Я... трястись устал...

А, с этого берега – выше нас, нашим глазам раскрывается в полный рост верхняя яма! Это картина настоящей стихии! И мы, оставив свои рюкзаки, налегке пробираемся по береговым плитам, к началу этой гигантской каменной чаши.

– Гуууууууууууу! – грохочущий поток воды ощутимо притягивает к себе.

– Какая силища! – не сводя глаз от несущейся в метре от меня, широкой, неукротимой лавины воды, я долго стою на каменной черепице, не шевелясь.

В этом потоке воды есть страшная, гипнотизирующая сила. Уже разогнавшийся на сливе, водный поток, с перепадом метра в три, врубаясь в чашу косо пролетает мимо меня и плавно закручивается противоположной, черепитчатой стеной каньона, в мощный водоворот...

– Гуууууууууууууу!

Однако, время не ждёт. Все – уже пошли к своим рюкзакам. Наконец, оторвав восхищённый взгляд от неукротимого, дикого потока воды, я окидываю прощальным взглядом стены каменного каньона, водоворот в каменной чаше, и тоже ухожу прочь...

Теперь – мы движемся вниз по течению речки. Сначала, мы пробуем пройти вдоль речки, по днищу каньона...

Прижимаясь животами к скалам каньона, мы с трудом проходим вертикальную стену следующей чаши! Она, водопадом, низвергается в очередную, расположенную ниже, каменную чашу. Там – точно такой же водоворот, который низвергается очередным водопадом в следующую каменную чашу...

– Гууууууууу!

– Вот, это речка! – кричу я, чтобы перекричать грохот воды, – Здесь бы организовать сплав на плотках!

– Сплав для самоубийц?! – кричит в ответ Труберг.

– Ну, да! – соглашаюсь я с ним.

Ползти вдоль речки, по отвесной стене каньона – не только трудно, но и опасно. Большей частью – ставишь ногу на мизерный уступчик, покрытый слизью и тиной. Много, мы, так – не пройдем...

Вскоре, мы замечаем слабое подобие терраски, метрах в десяти выше. Это – поросшая молодым пихтарником, узкая, горизонтальная полка в вертикальной, каменной стене каньона...

– Давай, попробуем по полке! – предлагаю я Трубергу.

– Давай!

И мы карабкаемся вверх по скользкой, поросшей зелёным мхом, каменной стене...

Мы шагаем по полке. Она тянется вдоль стенки каменной чаши, строго в горизонтальной плоскости, в то время, как днище каньона продолжает понижаться...

Вот, наша полка заканчивается! Но, новая полка, горизонтально простирающаяся дальше по стене каньона – начинается в десяти шагах ниже, под нами...

Приценившись, мы прыгаем на новую полку. Вперёд! Наше движение ускоряется...

По мере нашего движения вниз по речному каньону, его голая каменная стена постепенно покрывается ковром мелкой осочки и низкого бамбука. Хватаясь за эту траву, тяжело дыша, мы лезем прямо вверх, из каньона. Чем выше мы вскарабкиваемся от речки по стене – тем легче лезть! Здесь – уже можно хвататься руками, за прочные стебли бамбука...

Высоко, почти под краем каньона, мы выползаем на медвежью тропу.

– Тропа! – коротко выдыхаю я, – Медвежья...

– Хорошо! – кивает Труберг.

Нам, пока, не до разговоров...

Узенькая тропа проложена по почти отвесному, но уже поросшему травой, бамбуком и скрюченными деревцами, склону каньона. Она вьётся горизонтально, вдоль каньона. Чуть перекурив, мы выстраиваемся, цепочкой, по этой тропе...

– Какая, она, медвежья?! – бухтит за моей спиной, Труберг, – Тропа горных козлов!

– Это – лучше, чем ничего! – выдыхаю я, из-под рюкзака.

Вскоре я замечаю, что прошедший перед нами по тропе, медведь скусил молодой, ещё не одревесневший, побег бамбука! Сейчас – самое время! От моего «ботанического» глаза не укрылось, что зелёные, острые пики сочных ростков бамбука – то тут, то там, торчат из земли. Не снимая рюкзака, я тяжело приседаю над скусом. Наш караван останавливается.

– Саш, что там? – интересуется, идущий следом за мной, Труберг.

– Медведь! – отзываюсь я, – Бамбук скусил!

– И что? – не понимает тот.

– Да... интересная ситуация с этим бамбуком! – поясняю я, – Воронов, из СахКНИИ, в своих статьях пишет: «Безбрежные заросли вечнозелёного курильского бамбука создают неограниченные запасы растительного корма для бурого медведя на Курильских островах».

– Да? – озадачивается Александр.

– Ага! – киваю я, – Сам лично читал... Теоретически это логично, лошади всю зиму на бамбуке живут. Но я никогда не видел, чтобы медведи кормились бамбуком. Эта вот находка – единственная!

– Ладно, Саша. Давай, дальше! Времени нет!

Я делаю два шага вперёд – и вижу на тропе сантиметровые отрезки скушенного бамбукового ростка.

– Что, это, он? – я замираю над находками, – Выплюнул даже тот мизер, что скусил?!

Я наклоняюсь и собираю в руку три отрезка ростка. Возвращаюсь обратно. Я тяжело опускаюсь, с рюкзаком, на колени на тропе и строю пирамидку из отрезков, на скусе...

– Ха! Все фрагменты здесь! – я поднимаю своё довольное лицо на Труберга, – Значит, ни кусочка, он не съел! Я, ведь, говорю – ну, не ест медведь бамбук! Не ест!

– Странный ты человек, Саша! – смотрит на меня, Труберг, – Сам – едва стоишь на ногах, а размышляешь о высоких научных материях...

Рельеф постепенно выполаживается. Мы выбираемся из каньона речки окончательно. Здесь – очень пологий склон, почти равнина. Вокруг нас – пихтарник. Шагать по широкому хвойному лесу, под небольшой уклон – это счастье поймёт только тот, кто вылез из каньона Птичьей! А главное – это гораздо быстрее, по времени...

Мы переходим один приток, второй... И каждый раз прицениваемся: «Нет, не этот! Этот – больно, мал».

– Да! Горная побольше должна быть...

Наконец, мы выходим к широкому распадку, раскрывающему перед нами свои пологие склоны. По широкому, галечному ложу мчится бурливая и глубокая речка.

– О-о!

– Вот это – настоящая речка! – уверенно киваю я головой, – Это – Горная! Без всяких сомнений...

Мы, с трудом переходим речушку, вброд! Она – такая валунная, бурливая! Нам, опять приходится построиться перед речкой по ранжиру и взяться за руки...

Времени, на часах – уже, около четырёх часов дня. Если мы хотим, сегодня, выпасть на побережье – то, нам следует поторопиться. По карте, мне помнится, что теперь, Птичья должна уйти далеко вправо! И что, близко у речки – обширные площади буреломов. Поэтому, мы отворачиваем от речки влево, ближе к подножьям вулкана Руруй.

Своей цепочкой, мы шагаем и шагаем, по лесным массивам, напрямик. Вокруг нас – какой-то чахлый, на ходу гниющий, пихтарник. Сырые места! Мы упорно бредём через этот нескончаемый, полугнилой лес...

Очередной, короткий перекур, на ногах.

– Вроде, отмахали, уже – чёрт знает, сколько! – обернувшись, тяжело дышу я, под рюкзаком, – А, конца-края – не видно.

– Ага! – тяжело соглашается Труберг, – Скоро вечереть начнёт.

Мы шагаем дальше... Я впадаю в странное состояние: то – едва переставляю непослушные ноги, только усилием воли заставляя себя не упасть, то – приходит второе дыхание и тогда я, с новыми силами, всё быстрее раскручиваю нашу «гонку по пересеченной местности»...

Всё! Вечер, уже – не просто, близок! Он наступает нам на пятки! Под пихтарником начинает разливаться синева сумерек. Нам пора смириться с тем, что не удалось выйти на побережье!

– Придётся заночевать под лесом! – прикидываю я, – Самое время искать место для ночёвки...

Присматриваясь по сторонам, куда бы упасть на ночь, до предела измотанные, мы выходим из-под леса на едва выделяющийся в рельефе, заросший всяким бурьяном, бугор. С него,

нашим глазам открывается обширная панорама. Белое, закрытое дымкой высокого тумана, спокойное небо уходит нам прямо под ноги.

– Обзор-то, какой, – устало говорю я, из-под своего рюкзака, – Почему мы вышли на вершину сопки? По карте – здесь нет никаких возвышенностей! Откуда, здесь, такая сопка?

– Дааа, хотели за один день до моря дойти! – тускло отзывается, о своём, Труберг.

Мы стоим, всей четвёркой, на бугре, под рюкзаками. И глядим на небо, под нашими ногами...

– Высоко же мы, ещё, находимся! – замечаю я и киваю себе под ноги, – Если небо – там!

– Александр Пантелеевич! – неуверенно окликает меня Толик, – Это – море!

Тяжело, вместе с рюкзаком, я удивлённо разворачиваюсь к нему. И натыкаюсь носом на горизонтальный «шлагбаум» вытянутой вперёд руки Труберга.

– Саш! Это море! – Труберг тычет пальцем на уровне моих глаз, в белое безбрежье, – Это – не небо! Это море!

Через свои круглые очки, я всматриваюсь в белёсую даль, усиленно смаргиваю глазами и... ничего подозрительного не замечаю.

– Какое море? – раздражённо говорю я, – Небо – оно и есть, небо!

– Ты присмотришь! Видишь? Мелкая рябь, на общей глади? Это же волны!

И вдруг! Словно пелена спадает с моих глаз! Я вижу, что перед нами – море! Вижу рябь волн...

– Море!

– А-ааа!!!

– А-ааа!!!

С диким ликованием, мы всей толпой, вразной, бросаемся с бугра высокой морской террасы вниз, к морю! Ломимся через высоченные лопухи белокопытника и заросли какалии, на самый берег! Откуда, только, силы берутся...

– Дошли!

– Аааа! Мы дошли до моря!

– Море!

Конец бамбуковым дебрям! Конец скалам каньона Птичьей! Конец буреломам и лесным кочкам! Впереди – только набитая человеческая тропа, цивилизация, отдых, крыша над головой! Много ли надо, лесному человеку, для счастья?!

Южно-Курильск. Контора заповедника. Первая декада июля. Ко мне подходит главный лесничий заповедника: «Саня! Тебе, ведь, напарник нужен?».

– Да! – чуть не кричу я.

– Здесь, один паренёк подходил. Ты посмотри его, вроде – ничего, мальчишка.

– Конечно, Миш! – зажигаюсь я, – Спасибо!

В напарнике, я нуждаюсь остро! Нам быстро организовали встречу... Щуплый, шустрый паренёк, короткие, русые волосы. По виду – я бы дал ему не больше шестого класса. Мы срочно собираемся в лес. Вертлявый Эдик, вполуха выслушал в конторе, положенный перед началом полевых работ, инструктаж о том, что можно в лесу делать, а чего – нельзя. Беготня по посёлку – это наша обычная «программа» по закупке продуктов.

И вот – мы выгружаемся из бортового ЗИЛ-157 заповедника, на Филатовском кордоне. Для нас – это перевалочная база, ворота в лес. Здесь мы заночуем, а завтра утром уйдём дальше, через Медвежий перевал, на Саратовскую. А сегодня – хороший, летний день. Тёплый ветерок нежно перебирает зелёную листву огромных, старых берёз Филатовского кордона. Речка Филатовка весело искрится солнечными зайчиками...

Утро. Мы с Эдиком, под рюкзаками, шагаем от Филатовского кордона по вездеходной дороге, в сторону Медвежьего перевала...

За первым же поворотом дороги, шагая по своей колее, я, наконец, завожу столь нужный разговор. В конторе, всё говорилось – для галочки в ведомости. Здесь и сейчас – настоящий, лесной инструктаж. Мой напарник реально должен знать, что он в лесу должен делать обязательно и чего – не делать ни в коем случае...

– Так! Эдик, слушай! – чеканю я, каждое слово, – В лесу, от меня, дальше пятнадцати шагов – не отходить! А в лопухах – чтоб, вообще, мне в спину дышал!

– Да? – жизнерадостно восклицает Эдик, – А, что?

Хмуро «стреляя» глазами по сторонам и прислушиваясь к лесным звукам, я начинаю закипать: «А, то! В лесу медведи... встречаются!». С Толиком и Мишкой, мне, так разговаривать, не приходилось.

– Ха! Медведи! – тонким голоском, взвывается Эдик, – Да, я – ниндзя! Да, я им – бац! Бац!

Эдик начинает махать руками и ногами, и при этом, тонко визжать: «Ияяяяя! Ияяяя!». От его воплей, словно от раскалённого железа, я выгибаюсь от вспышки ярости. Но, мгновенно остыв, испуганно смотрю на это чудо: «Кого я взял?! Блин, кого мне дали?!». Мы, молча, шагаем по колеям вездеходной дороги, на перевал. Я – не говорю, больше, ни слова... Какой инструктаж?! Что я скажу этому сопляку?! Ему бы – сказку про Красную шапочку, а я ему – про войну и медведей...

Пришли! Семь километров лопуховой грунтовки Медвежьего перевала и пять километров голой равнины морского побережья от Камышовой – остались позади. Мы переходим через устье Саратовской...

Вот, уже и лесная поляна Саратовского кордона просвечивает за кронами пихт! Прямо на границе поляны, у тропы, каждого путника манят сочные и крупные, красные ягоды. Ах, какие ягоды! Налитые, до прозрачности...

Каждый раз хочется облизнуться! Но, это – стрептопус! Ближайший родственник ядовитой купены...

– О! – Эдик бросается к ягодам.

– Куда?! – резко одёргиваю я его, – Ядовитые! Первое правило: «Не знаешь ягоду – не ешь!».

– Зачем, мне, это правило? – тонким голосом, неподдельно изумляется Эдик.

– Дольше проживёшь! – зло и нервно, отрезаю я, зыряка по сторонам, глазами.

– Да, я все ягоды вокруг посёлка поперепробовал! – хвастается мне, Эдик, – Я – всё ем!

Вот, я нашёл как-то...

– Я тебе сказал: «Не ешь!». Значит – не ешь! – грубо перебиваю я его, – Послал же, бог, помощника!

Коротко стрельнув глазами вправо – влево, я делаю шаг на высокое крыльцо кордона. Достаю ключ от внешней двери...

– Людей, здесь, не было – уже неделю! – хмуро прикидываю я, засовывая ключ в замок, – Медведи уже привыкли к отсутствию человека, и первые дни, встреча возможна – буквально, за углом! А, у меня – этот мальчишка! У которого в голове, кроме детского идиотизма, ничего нет.

Я вставляю ключ в навесной замок, а мои глаза настороженно зыркают по сторонам...

Полуобернувшись с крыльца, я, коротко и требовательно, бросаю через плечо: «Эдик! От кордона – ни шагу!». В ответ, сзади, несётся восторженное: «А, что?!».

– Да, ничего! – вспыхиваю я, – Медведи здесь! Везде!!!

– Медведи?! – раздаётся восторженный фальцет, – Ха! Да, я – ниндзя!!!

И мне прокручивается вся, уже известная мне, история про медведей и ниндзю, от начала до конца. По полной программе! Она заканчивается фальцетом: «Я – ниндзя!!!». И истош-

ными визгами: «Ияяя! Ияяя!»). Злой как чёрт, я заскакиваю в сени. Мне нужно что-нибудь разбить! Так садануть – чтоб вдребезги!!!

Я судорожно впииваюсь руками в дверную ручку второй, уже входной, двери! Я стою, закрыв глаза и жду. Я борюсь с собственным бешенством. Боюсь, что не справлюсь и вырву эту ручку из двери, к чёртовой матери...

Но, нет. Волна ощутимо пошла на спад...

– Фуууу, – я длинно выдыхаю воздух, открываю глаза и сую руку в клапан рюкзака, за ключом от этой двери кордона.

Я широко распахиваю дверь. В лицо ударяет затхлый запах нежилого помещения.

– Чур, я здесь сплю! – с тонким воплем, мимо меня, в кордон врывается Эдик и бросается к койке, что стоит у печки.

Я вздрагиваю от такой неожиданности. Таких бандитских раскладов, Саратовский кордон вовек не видал! Злющий, я переступаю порог и исподлобья смотрю на Эдика: «Четыре койки в доме! Тебе что, места не хватит?!».

– Хватит – не хватит! – бойко парирует Эдик, со своей койки, – А, я – уже занял!

– Ёшкин ты, кот! – я ошалело смотрю на этого человеческого детёныша.

Первым делом, у нас – программа по расконсервации кордона. Сначала – дрова. Ружьё в одной руке, топор – в другой, мы шагаем с Эдиком по поляне кордона, к сарайчику...

Теперь – вода. Также вместе, мы шагаем к роднику, за водой. Ружьё в одной руке, пустое ведро – в другой... Родник, на Саратовском кордоне – боевой. По тропинке, нужно прошагать в пихтарник. Дебри лопуховой болотины ольховника с правой стороны, глухой пихтарник – с другой. Тут – только глазами стрелять успевай, посматривай!..

Я растапливаю печку. Снимаю три кружка с ближнего к дверце, большого отверстия плиты и ставлю на него кастрюлю, под кашу. Следом, снимаю два кружка с меньшего отверстия плиты и ставлю на него жёлтый, эмалированный чайник...

В бытовых заботах, быстро приходит вечер. Сварив еду и поев, мы расходимся по своим койкам. Я – на дальнюю койку, что стоит в углу, между двух оконцев. Эдик – на ту, что у печки. Из-за маленьких оконцев, Саратовский кордон и днём сумрачный. А тут – уже и на улице стемнело. Я задуваю свечку. Комнату покрывает полнейшая темнота. Глаза, что открыты, что закрыты – без разницы.

– Всё! – громко говорю я, вместо «спокойной ночи», – Отбой! Сегодня был тяжёлый, транспортный день!

Я откидываюсь на койке в горизонтальное положение и закрываю глаза. Как приятно вытянуть горизонтально, натруженные за день, ноги и спину...

– Грох! Бахх! Грюк! Грохххх!

Я вздрагиваю от страшного грохота и распахиваю глаза! В полнейшей темноте, судорожно хватаю, специально поставленный на расстоянии вытянутой руки, на подоконник, фонарь. Яркий луч света, метнувшись по черноте комнаты, выхватывает из мрака бледное, перепуганное лицо Эдика!

– Что?! – коротко бросаю я, готовый стрелять и убивать.

Закаменевший Эдик молчит. Остекленевший, он сидит, с ногами на столе и замороженно смотрит прямо в фонарик...

Замерев, я ловлю каждый шорох и каждое движение в черноте этой чёртовой ночи! Но, кругом – абсолютная, ватная тишина. Такая ватная тишина – только на Саратовском кордоне...

После долгой паузы, Эдик, наконец, разлепляет губы: «Крысы!»...

Очень медленно и очень не сразу, до меня доходит причина ночного погрома.

– Фу, блин! – обмякнув, я валюсь, как ватный тюфяк, на подушку, пальчики рук дрожат мелко-мелко... – Ты, гад, смерти моей хочешь...

Долгая-долгая пауза повисает в комнате...

– Крысы!!! – взвывается к потолку тонкий фальцет Эдика.

– Ну и что?! – чистосердечно не понимаю я его.

Крысы всегда были и всегда будут обязательным атрибутом нашей, лесной жизни. И во все времена, и научники, и лесники заповедника, относятся к ним с олимпийским спокойствием.

– Иди спать! – взываю я, с койки.

Я выключаю фонарик и закрываю глаза.

– Фууу... – я выдыхаю воздух и тону в ватной тишине Саратовского кордона...

Минут через пятнадцать, я не выдерживаю: «Шагов, слышно не было – значит, так и сидит...». Протянув руку, в крошечной темноте, я снова беру фонарик с подоконника. Навожу его на стол и щёлкаю кнопкой – в ярком луче вспыхнувшего света, на столе сидит нахохлившийся Эдик. Бледное лицо, тощие колени поджатых, на уровне плеч, ног...

Не шевелясь, без всяких эмоций, я, в упор разглядываю своего напарника. Не шевелясь, он никак не реагирует на яркий луч света, прямо в лицо.

– Ты, что? – наконец и не без злорадства, ехидно интересуюсь я у него, – Так и будешь сидеть?

– Да!!! – вдруг истерично взвизгивает он, будто его ущипнули.

– Ага... Ну и сиди, – после нового, долгого рассматривания «объекта», спокойно разрешаю я и выключаю фонарик.

Кордон, вновь погружается в полную черноту...

Через полчаса, совесть меня добивает.

– Ну, какой тут может быть, к чёрту, сон?! – зло фыркаю я носом, – Когда, это чучело сидит над душой?!

Я снова протягиваю, в полной темноте, руку к подоконнику и включаю фонарик. И опять, навожу луч света на стол... Снова разглядывая Эдика в луче фонарика, я мысленно клянусь богу: «Господи! Кого ты мне послал?!».

– Уфф... – глубоко вздохнув, я, молча поднимаюсь с койки.

Шлёпаю по полу босыми ногами, к печке. Я набираю охапку, сложенных с вечера рядом с печной дверцей, поленьев и начинаю, прямо от двери кордона, ощупывать лучом света пол, вдоль стены. Всем известно – именно здесь крысы прогрызают дыры...

– Так, вот дырка.

Подобрав, подходящее по размеру дырки, полено, я сую его в отверстие в полу. И шагаю дальше...

– Вот! Вторая дырка! – я сую в неё подходящее полено.

– Так! Третья...

Наконец, луч фонарика снова упирается в дверь – значит, круг замкнулся. Да и поленья – почти все, израсходованы.

– Всё!.. Сегодня! Крыс! Больше! Не будет! – раздельно чеканя каждое слово, громко объявляю я, в ночной тишине кордона.

И не сдержавшись, взрываюсь истошным воплем: «Слазь со стола!!! Ниндзя хренов!!!».

И полетели дни за днями. Рабочие дни... Я – геоботаник. Мы гоним площади «по низкому рельефу». Бамбуковые пихтарники, пойменные ивняки, березняки...

Тятинский дом. На дворе – уже середина июля. Лето в самом разгаре! И я горю идеей описания растительности подгольцового пояса вулкана Тятя. «Пояс кедрового стланика», как ещё говорят. И вот мы, своей весёлой парой, отправляемся с Эдиком на Отважный...

Как всегда, стоит туманное и сырое утро. Как всегда, мы сгибаемся под тяжестью наших, натрамбованных под завязку, рюкзаков...

Три часа хода по побережью – и мы перекуриваем в устье ручья Рубежный.

Хотя, вес наших рюкзаков соответствует физическим возможностям каждого из нас (я старательно соизмерил вес обоих рюкзаков!), мой юный напарник вообще не знаком с таким понятием, как «трудно». Он начинает изображать умирающего лебедя, не пройдя и половины бамбуковой тропы по сухому распадку! Поглядывая на напарника – сегодня, я никуда не тороплюсь. И мы часто стоим на тропе... Или, сняв рюкзаки, отдыхаем на тропе, сидя на шлаке...

Уже, начинается вечереть!

– Блин! – бьётся в моей голове, идиотская мысль, – Двадцать дней назад, мы с Толиком и Мишкой, гружёные куда больше, за день – на вершину поднялись! А, сегодня – я не могу вытащить Эдика даже из распадка Рубежного!

Наконец, мы доползаем по распадку до места, с которого нужно выбираться из оврага на плато пепловой равнины Отважного. Здесь, немного – метров пятнадцать по шлаковой осыпи...

– Вот. Выбрались! – я снимаю рюкзак и оглядываюсь вокруг, – Нужно выбрать место под ночёвку.

Здесь, по голой, шлаковой равнине тянет сильный ветер! Густо моросит, буквально цепляющийся за землю, туман. Я оглядываюсь вокруг – дров нам, здесь, конечно, хватит. Ведь, мы стоим среди наполовину своей высоты засыпанного вулканическим пеплом, леса. Мёртвого и сухого леса. Здесь, повсюду стоят выбеленные дождями и солнцем, стволы. Главное – найти место под костёр и палатку. Я оглядываюсь по сторонам – и вижу на середине склона нашего сыпучего распадка ровную, горизонтальную площадку! Метров пятнадцать на десять.

Мы оставляем рюкзаки на плоскости плато и налегке, сбегая на эту площадку...

– А что?! – хмыкаю я, – Отлично! Здесь нет ветра и сухо!

И, что ещё хорошо – всё вокруг голо! Ни кустика, ни травинки! Только плавно сглаженный, словно снегом посреди зимы, чёрный, шлаковый овраг распадка. Единственное, что меня беспокоит – вода. Глянув с площадки на днище нашего распадка, я вручаю в руки Эдика свою ботаническую лопатку и два солдатских котелка: «Вон! По днищу, горбом бугрится пепел. Видишь? Он более тёмного цвета, чем на склонах».

– Ага! – Эдик смотрит на меня ясными и чистыми, глазами.

– Это! – объясняю я ему, – От того, что он мокрый, водой пропитанный.

– Ага! – снова кивает Эдик.

– В этих распадках, зимний снег по днищам, весной засыпается вулканическим пеплом! Который осыпается по крутым склонам вниз, – разъясняю я, – Ты, сейчас, спускаешься на днище и снимаешь, лопатой, слой пепла. Понятно? Потом – срубашь слой грязного льда. А, после этого – наполняешь котелки чистым снегом.

Эдика, долго учить – себе дороже. На половине моих разъяснений, он уже едет по шлаковой осыпи вниз! Так что, вторую половину разъяснений, я докрикиваю ему, сверху.

– А, я – дров, для костра, приготовлю! – говорю я, уже сам себе.

Я вытаскиваю из своего рюкзака большой ботанический топор и вылезая с нашей площадки на шлаковое плато, вверх. В одной руке – ружьё, в другой – топор...

Покрутившись среди редких стволов мёртвого леса, метрах в пятидесяти от распадка, я облюбовываю две вертикально стоящие, длинные, берёзовые жердины. Это – уже бывшие берёзы. Их мёртвые стволы чисты от бересты. Пробуя дерево, я резко бью обухом топора, по жердине.

– Дзинннь! – высоко звенит сухая древесина.

– То, что нужно! – радуюсь я и с размаха вгоняю в ствол лезвие топора.

– Дзинь!

Раздаётся высокий, мелодичный звон и щепочка, в сантиметр толщиной, падает к моим ногам! За пятнадцать лет, прошедших после извержения Отважного, эта древесина потеряла

своё первоначальное строение! И теперь – дерево легче перебить ударом кувалды, чем перебить лезвием топора. Эта пластмасса, вообще, не рубится!

У меня кувалды нет.

– Дзинь! Дзинь! Дзинь! – устав рубить эту плотную и вязкую массу, я начинаю раскачивать эту белую, берёзовую жердь из стороны в сторону...

– Чахх!

Всё! Сломалась! Теперь – вторую...

Скоро и вторая жердь гулко ударяет по горизонтальной поверхности утрамбованного дождями, вулканического шлака. Я наклоняюсь и подхватываю обе жерди, за комли. Теперь – нужно подтащить их к месту нашего лагеря, и я, как трелёвочный трактор, волоку жерди, зажав их подмышками...

Сначала, я ломаю длинные, берёзовые жерди пополам. Потом, резкими ударами о лежащее на вулканическом пепле, первое полено, я ломаю эти отрезки на короткие, сантиметров по тридцать, «кирпичи».

– Чак! Чак!

– Надо же! – качаю я головой, после каждого удара, – Берёза, диаметром двадцать сантиметров, колется поперёк, на тридцатисантиметровые чурки! Ровно!.. Не дерево, а пластик!

На нашей площадке, я разжигаю костёр. Здесь – тоже большая неожиданность! Берёзовые «кирпичи» отлично горят! Они горят ровным и жарким пламенем!

– Вот, дела! – качаю я головой, – Горят, как куски каменного угля!

Мы вешаем над костром, на тонкой жердине, наши котелки со снегом.

Теперь – палатка. Впервые в моей жизни, это – не брезентуха, а «памирка». Пол и крыша этой палатки сшиты из серебристой, прорезиненной, легкой ткани. Помимо того, что эта палатка, раза в четыре легче брезентовой – она, ещё и гораздо вместительнее. Места в ней хватило не только для нас с Эдиком, но и для наших, больших рюкзаков. Рюкзаки легли на место «третьего», вдоль правого борта палатки.

Снег, в котелках, быстро растопился. В каждом оказалось по половине котелка воды. Грязной воды! Быстро придумав, мы, через бинт, сливаем воду в один котелок и вешаем его на костёр – под кашу. Я посылаю Эдика, за снегом, ещё раз. Он, молча, вытряхивает из освобожденного котелка мокрую грязь вулканического пепла и опять съезжает по шлаковой осыпи, в распадок...

Наконец, всё готово! Мы сидим с Эдиком на берёзовых «кирпичах» у весело играющего языками пламени, костра. Пламя гудит и не трещит! Каменный уголь, что сказать?

– Уууууууууууууууу... – в каких-нибудь десяти шагах выше наших голов, на «столе» пепловой равнины Отважного, низким тоном, ровно и сильно, гудит ветер.

А у нас – тихо и хорошо! Я, с опаской, прислушиваюсь к этому гулу: «Воет как!.. Хорошее место, для лагеря, мы нашли! Удачное!«. Мисок, у нас, нет. Соблюдая очередность, мы стучим ложками по котелку...

– Вкусно получилось! – говорит Эдик. – Только, чай на зубах скрипит...

Раннее утро. Хорошо выспавшийся, я расстёгиваю вход и высовываю голову из нашей палатки:

Кругом стоит абсолютная, мёртвая тишина. Звука нет, вообще! Плотная крыша тумана чуть приподнялась над столом пепловой равнины, и в щель под ней, с востока, проскакивают розовые, горизонтальные лучи восходящего солнца.

Я выбираюсь из палатки, наружу. Никуда не спеша, я стою у входа и оглядываюсь по сторонам. Отличная, спокойная прошла ночь! И настроение у меня – такое же...

– Шшик-шшик! Шшик-шшик!

По голому, пепловому гребню противоположного склона нашего распада, не спеша прыгает серый заяц. Меня поражает несоответствие расстояния и слышимости – я отчётливо слышу шуршание частичек шлака под заячьими лапками!

– Шшик-шшик! Шшик-шшик!

Заяц – у себя дома. Он никуда не торопится. Он не скачет, он передвигается.

– Шшик!

На счёт «один» он вытягивает вперёд свои передние лапки и ставит их на поверхность шлака.

– Шшик!

На счёт «два» – заяц плавно переносит вес тела на передние лапки и рывком подтягивает под себя, задние...

Вот, он сделал последние «раз – два» и спокойно присаживается на шлак. Заяц сидит, серым столбиком, на фоне неба. Наверное, думает о чём-то...

Глядя на эту картинку раннего утра, я счастливо потягиваюсь у палатки: «Эх-х! Жизнь хороша и прекрасна!»...

Всё! Подъём! Пока я разжигаю костёр, Эдик приносит котелки со снегом, с днища распада. Снова горит наш небольшой, рабочий костёр. Языки пламени спокойно лижут подвешенные на сук над костром, солдатские котелки...

Пока варятся каша и чай, мы с Эдиком сворачиваем лагерь. Промежду бытовой суетой, я бросаю взгляд на циферблат часов – половина девятого. Через полчаса – сеанс связи! Мы торопливо выбираемся с приютившей нас площадки наверх, на шлаковую равнину...

Здесь – уже густо моросит, прижатый к земле, туман! Из ближайших, наполовину своего роста засыпанных пеплом, мокрых сухостоин, я выбираю ту, на которую мне легче будет залезть. Привязываю конец медного провода антенны себе на запястье. Реально боясь сорваться, я карабкаюсь по мокрому стволу сухостоины, вверх.

– Она была, когда-то, пихтой! – думает моя голова на отвлечённые, ботанические темы, пока я отчаянно впиваюсь мокрыми пальцами в скользкие, сочащиеся водой, сучья.

Сухостоина ощутимо раскачивается подо мной из стороны в сторону, и я всерьёз опасуюсь рухнуть вниз, вместе с обломившейся верхушкой.

Вот и последний сук.

– Высоко падать! – бросаю я тревожный взгляд, вниз.

Цепляю провод. Теперь – осторожно вниз...

– Фууууу...

Соскользнув с нижнего сука на землю, я облегчённо перевожу дыхание, вытирая о штанины свои мокрые ладони. От напряжения, дрожат пальчики, которыми я, только что, судорожно впивался в мокрые сучья. Но, время не терпит! Надо скорее размотать противовес...

– Четвёртый на связи!

В ответ – тишина...

– Центральный! Ответь четвёртому!

Тишина.

– Центральный четвёртому!

Все мои усилия напрасны – связи, сегодня, нет! Минут через десять, я выключаю рацию. Не получилось... Такое, у нас, бывает часто.

Я сворачиваю рацию и прячу её в полиэтиленовый мешочек, от дождя. И я снова лезу на мокрые сухостоины! Отвязывать медные провода антенн...

Мы впрягаемся в свои рюкзаки и шагаем по пепловой равнине Отважного, вверх...

Поднявшись чуть выше конуса Отважный, мы останавливаемся лагерем прямо на днище нашего барранкоса, на ровной, горизонтальной площадке вулканического шлака намытого весенним ручьём. Верхняя граница тумана остаётся чуть ниже нас.

Теперь – наша палатка оказывается прямо на границе жизни и «не жизни»! Извергаясь из бокового конуса «Отважный», вулкан засыпал пеплом всё, что находилось ниже и по бокам от этого конуса. А склон изначального, основного конуса вулкана Тятя, выше Отважного – стоит зелёный, как ни в чём ни бывало, покрытый первозданной растительностью. Отсюда, безгранично вверх, уходит пояс кедрового стланика – ровное зелёное море вершинок, с такими мягкими и длинными хвоинками...

Ночью, вспыхивает сильнейший ветер! Он ожесточённо рвёт нашу палатку. Наше жилище – то раздувается как тугий воздушный шар, наполняясь воздухом, то, разом сдувшись, полощется по ветру, шлёпая нас по щекам своими обвисшими бортами.

– Блин!!! Да, чтоб всё сдохло! – громко матерюсь я в ночи, – Как тут можно спать!?

Я растёгиваю молнию входа и выбираюсь наружу, на обжигающий, упругий ветер! Наваливаю на раздувающиеся, как барабан, стенки нашей палатки, жерди и сучья, собранные нами днём, для костра.

Но – это не помогает! Всю ночь наша палатка, то хлещет нас по сонным лицам своими бортами, то оглушающе взрывается, распираемая воздухом, изнутри...

Так и не сомкнув глаз, ранним-ранним утром, мы выползаем из норы нашей, придавленной к земле жердями, палатки. Первым делом, я смотрю на «природу и погоду»: какое яркое, безоблачное утро разворачивается вокруг нас!!!

Но, ветер!!! Сильно толкаемый ветром, я поворачиваюсь к нашей палатке – какое жалкое зрелище!

– Да! – кричаю я, – Большой, пионерский костёр! Во все стороны – дрова торчат...

– Какая, сегодня, работа?! – злой и хмурый, я стою возле придавленной к шлаку палатки, – За всю ночь не сомкнули глаз!

Вокруг меня – ветер, резкими порывами, буквально рвёт землю...

– Куда бы, от него, укрыться? – сверлит мой мозг, одна мысль.

Подняв к склону вулкана своё лицо, я обшариваю глазами неровности рельефа... У меня такой вид, будто я – дозорный, а там, впереди, притаился враг. Сейчас, мой враг – ветер! Налегке, без рюкзака, я лезу вверх, по днищу нашего барранкоса...

Метров через сто подъёма, я забираюсь на горизонтальную полку, выступающую из стенки нашего барранкоса. Слегка продолговатая, она с трёх сторон закрыта высокими стенками густого ольховника. Четвёртая сторона полки открывается вниз, прямо в простирающееся под моими ногами, небо. Высокие борта барранкоса закрывают местечко от ветра справа и слева.

Здесь хватит места под палатку и под костёр! Рядом, в каменном ложе, журчит весёлый ручеёк.

– О! Опять вода! – поражаюсь и радуюсь я одновременно, и скорее лезу к ручейку, напиться...

– Ветра нет!!! – восторгаюсь я, оторвавшись от воды и вытирая свою бородку рукавом, – Вода есть! Дрова – рядом! Что, ещё нужно, лесному человеку, для счастья?

Я спешу обратно вниз, по днищу барранкоса, к ждущему меня у палатки, Эдику...

Мы бодро перетаскиваем свои рюкзаки на новое место. Собираем дрова для костра – чуть ниже, по днищу барранкоса, разбросаны белые, сухие ветки кедрового стланика, принесённые сюда сверху, весенним ручейком...

За обустройством нового лагеря, незаметно пролетает половина дня...

Теперь – нам нужна связь! Спустившись ниже на сотню метров, в сыпучем склоне барранкоса я, своей ботанической лопаткой, выкапываю ступеньки. Длинной цепочкой, они выводят меня на высокий, правый гребень этого распадка.

вулканического распадка справа и слева от днища, и по одной площади нужно, чтобы представить растительность по гребням справа и слева. Так, что – пять!

Сегодня, мы обрабатываем серию площадей номер один. Это – самая близкая к верхней границе леса, серия. Есть, у геоботаников, такой термин – «Верхняя Граница Леса».

Площадь номер один – растительность на днище барранкоса. С бланком и авторучкой в руках, я брожу по днищу. Я составляю список растущих здесь кустарников и трав. Прикидываю обилие каждого вида, замеряю высоту кустарников...

Так, вдоль нашего ручья, узкой лентой протянулись заросли высокогорной ивы Рени. Очень много кустов вейгелы Миддендорфа и спиреи берёзолистной! Мой глаз радуют высокие кусты вишни курильской. Они стоят белые, все в цвету! Снежник сошёл здесь совсем недавно, хотя, сегодня – уже двадцатое июля.

Всё пространство между куртинами кустарников заполнено зарослями свежего высокогорья. Какая, здесь, пёстрая смесь трав! По самому днищу разбросаны зелёные зонты белокопытника. Повсюду видны кусты борщевика. Здесь – целые заросли василистника!

Две следующие площади будут характеризовать ольховник, на обоих склонах нашего барранкоса. Я гляжу на склон барранкоса – это сплошной, зелёный ковёр ольховой листвы! Сначала, хватаясь за стволы деревьев, я лезу на правый склон, северо-восточной экспозиции. Открываю бланк: ольха курчавая, средняя высота – три метра. Средний диаметр стволиков – четыре-пять сантиметров.

– И это – взрослые, плодоносящие деревья! – хмыкаю я.

Кое-где, из тёмно-зелёного моря густого ольховника выглядывают берёзки.

– Это берёза Эрмана! – прикидываю я, – Её, ещё, называют каменной.

Вершинки этих берёзок – на полметра выше уровня ольховника.

Я переворачиваю лист: «Теперь подлесок!». Оглядываюсь кругом – густой подлесок сформирован кустами вейгелы. Высота этих кустов – полтора метра, очень хорошее состояние.

– Так, теперь травостой...

Наклон склона, на котором заложена площадь, составляет почти сорок пять градусов! Хватаясь руками за стволы ольховника и продираясь сквозь их частокол, я описываю травы... Основу травостоя составляют вейник, бодяк и лук охотский. Бодяк и борщевик образуют самый верхний ярус травостоя, высотой сто десять – сто шестьдесят сантиметров. Основу второго яруса составляет вейник и полевица, немного реже представлена полынь горная.

Ярус сорок – пятьдесят сантиметров составляют черемша, какалия, волжанка, купена, папоротник-щитовник и многие другие растения. В этом ярусе вполне обычно такое редкое растение, как двулистник Грэй!

– Ах! – тяю я, – Двулистник Грэй! Привеет, старый знакомец! Как я рад тебя видеть!.. Горное растение! У нас, по низу – тебя не найдёшь!

Самый нижний ярус травостоя, высотой всего пять – восемь сантиметров, образован ковром фиалки Селькирка и майника.

– Так! Растительность описана. Теперь – нужно ознакомиться со строением почвы.

И я вонзаю лезвие лопатки в прелую листву лесной подстилки. Под её сантиметровым слоем открывается россыпь свежего, вулканического шлака! Под шлаком, толщиной семь сантиметров, обнаруживается погребённый гумусовый горизонт.

– Хм! – хмыкаю я на это, – Свежий шлак!.. Выходит, Отважный немного плюнул и выше по склонам! Может, ветром качнуло пепловую тучу, в небе?! Или ещё чего...

Вот! Оказывается, что выше Отважного по склону, мы имеем семь сантиметров свежего шлака!.. Вот, новость! Все считают, что выше Отважного ничего не засыпалось! Что склон вулкана остался чистым. Оказывается – брехня!

При извержении вулкана верхний, плодородный слой почвы оказывается погребённым под слоем вулканического пепла и шлака. Проходит время, поверхность шлака постепенно

зарастает растительностью и вновь продолжается, временно прерванный, процесс почвообразования. Миллиметр за миллиметром, на шлаке образуется новый слой плодородной почвы. Когда мы работали группой «Магнолия» на вулканах острова Симушир, в почвенных шурфах Капустяна и Грабкова встречалось четыре и даже, пять погребённых гумусовых горизонтов!

Я замеряю рулеткой, толщину погребённого плодородного слоя почвы, в своём шурфе – девять сантиметров. Ниже идёт крупный вулканический шлак, чёрный и сыпучий.

– Это – уже старый шлак, шлак вершинного извержения Тяти! – понимаю я.

Я гребу лопаткой эту россыпь спечённых частиц. Такое впечатление, что я копаюсь в отвале угольного шлака у городской кочегарки. Двадцать пять! Вот уже тридцать пять сантиметров...

– Всё! – решаю я, – Хватит! Не буду же я, копать шурфы в человеческий рост?!

Теперь – нужно делать третью пробную площадь этой серии. Я спускаюсь обратно на днище барранкоса и пробираюсь на его левый склон. Он открыт на юго-запад. Здесь – также стоит густой, без просветов, ольховник. Я достаю второй бланк описания:

Основа растительности – ольха курчавая. Средний диаметр стволиков – три сантиметра. Средняя высота составляет два метра пятьдесят сантиметров. Одиночными деревцами, здесь встречается ива козья. Узкие, острые кроны этих ив, на полметра возвышаются над уровнем ольховника. В ольховник также вкраплены одиночные кусты вишни курильской.

– Смотри-ка! – хмыкаю я, – А, подлесок с этой стороны барранкоса – более богат! Вот, что значит юго-запад!

В равной мере, подлесок этого склона сложен шиповником лесным, вейгелой и спиреей. Несколько реже встречаются высокие кусты рябины бузинолистной.

Здесь и состав травостоя – несколько другой! Верхний ярус, около ста семидесяти сантиметров высотой, составляют бодяк и лабазник камчатский. Их дополняют купырь лесной и борщевик. Второй ярус, шестьдесят – восемьдесят сантиметров, образуют черемша, полевица и полынь. И ярус, около пяти сантиметров, опять создаёт ковёр фиалки Селькирка.

– Ну, всё! – удовлетворённо выдыхаю я, – Теперь – почвы!

Первую площадь, я делал – на глазах у Эдика. Выкопав шурф почв, я объяснил ему работу, за которую он будет отвечать. Сейчас, пока я описывал растительность – в указанном мною месте, посреди площади, Эдик остался рыть шурф.

– Дядя Саша! – доносится до меня его звонкий крик, – Я всё сделал! Я к палатке пойду!

– Хорошо! – кричу я в ответ, – Лопату с собой возьми!

И вот, я стою в том месте, где Эдик должен был выкопать шурф, около шестидесяти сантиметров глубиной. Вместо этого, здесь – пару раз, невпопад, воткнули лопату в землю.

– Блин! – стиснув зубы, матерюсь я, – Это шестьдесят сантиметров?! Или он не видел, как я рыл шурфик на прошлой площади?! Помощник хренов!

Делать нечего, матами делу не поможешь, нужно рыть самому.

– Блин! Эта скотина и лопатку с собой унёс!!! – взвиваюсь я.

– Ну, да! Я сам ему об этом сказал! – бушую я, сам с собой, – А, откуда я мог знать?!

Теперь, за лопаткой к палатке, мне нужно валить вниз – добрую сотню метров! По этому частоколу, и по этому крутяку! А потом – обратно ползти! Выломав из сухого стволика ольхи жалкое подобие мотыги, весь зелёный от злости, я ожесточённо долблю этим костылём яму почвенного шурфа...

Сделав ещё две площади, по одной на каждом гребне барранкоса, я спускаюсь к нашей палатке. Уже идёт пятый час дня. Я развожу костёр и варю еду...

К сумеркам, опять всё накрыло напозающим снизу туманом! Мы с Эдиком едва успеваем залезть в палатку, с горячими котелками каши и чая в руках, как по её крыше ударяет россыпь мелкого и густого дождя!

Потом – поперёк этих оврагов бегал, туда-сюда. Туман ведь, ничего не видно! И вот! На вас налетел!

Я молча смотрю на него.

– Да, кстати! – безостановочно чешет языком, проводник, – А, где этот «Отважный»? Я, всё хотел на него подняться! Да, так и не смог. Темно и туман такой!.. И что это, за гора, с которой я, сейчас, скатился? Это – не Отважный? А, до вулкана – ещё далеко?

Поражённый до глубины души, я молча, хлопаю ресницами.

– То есть, как: «где Отважный?»! Отважный под нами!!! – тычу я пальцем в пол палатки, наконец, обретя дар речи, – А гора, с которой ты скатился – это и есть вулкан Тятя!!!

Поражённый моими ответами не меньше, чем я – его вопросами, «привидение» молча смотрит на меня, переваривая услышанное. В палатке повисает пауза...

– Хм!!! Это ж, надо сказать! – возмущаюсь я, обиженный и оскорблённый, – «Далеко ли до вулкана?»!

Минуты через две, «привидение», наконец переваривает мою информацию. Сбросив оцепенение, он встряхивает длинными прядями мокрых волос: «А! Ну и чёрт с ним!.. Зато, скажу своим, что уже на Тяте побывал...». И его лицо растягивается в извиняющейся улыбке. Вот уж, неунывающее создание!

Разжёвывая до мелочей, я втолковываю ему подробности выхода на побережье и проводник, обещая привести утром свою группу, исчезает в темноте, шуршащей густой моросью, ночи...

– Шшшшшшшшшш... – непрерывно шипит полог нашей палатки.

– Вот, блин! – никак не могу успокоиться, я, – По Тяте, гад, топчется и у всех спрашивает: «А где, здесь, Тятя? Где Тятя?».

Мне – буквально, нагадили в душу! Оскорбили моё священное чувство к великому и могучему вулкану Тятя!

К утру морось перестала. В десять часов утра, туман, вокруг нас – сильно парит. Это его греют горячие лучи солнца. Кругом – влажно и жарко. Ну, просто, баня!

– Что ж ты хочешь?! – думаю я, стоя у палатки, на краю нашей полки, – Столько воды, за эти дни! Всё напилось...

Наступает день. Мы – всё ждём... Туристов – всё нет! Под зарослями ольхи, на склонах нашего барранкоса – ещё всё мокро. Я стою у входа в палатку и смотрю на окружающий нас ольховник. Я прекрасно знаю, что стоит только в него войти – и через тридцать шагов, будешь мокрым. До нитки! Эта перспектива охлаждает мой рабочий настрой.

– Нет. Нужно подождать..., – качаю я головой.

Разноцветная цепочка туристов появляется на днище барранкоса, под нами – только к двум часам дня...

Оказывается, «привидение», спускаясь к побережью, умудрился семь раз сбиться с пути! И оставшиеся полночи носился по завалам и бамбукам! Причём, он носился поперёк распадков!!!

– Интересно! – в очередной раз, изумляюсь я, – Как ты рассчитывал выскочить на побережье, штурмуя эти распадки поперёк?! Каждый ребёнок знает, что все распадки тянутся от вершины вулкана к морю! А, ты их – поперёк!!!

– Да?.. – с беззаботностью тинэйджера, отмахивается он от меня, такого умного, – Ведь, вышел?! Видишь? Вышел!

– Уж, вижу! – соглашаюсь я, окидывая проводника взглядом, с ног до головы.

Тургруппа уходит мимо нас, вверх по барранкосу.

– Дядя Саша! – вдруг, начинает канючить, мой «ниндзя», – Можно, я с ними, в посёлок уйду? Ну, можно?! Дядя Саша!

– А, я?! – поражаюсь я, такому раскладу, – А, я – с кем останусь? Один?!

Меня охватывает озлобление.

– Да, я и сам рад бы от тебя избавиться! Всё-равно, от тебя пользы – как от козла молока! – зло говорю я, – Но, оставаться одному – никак нельзя! Достаточно – просто, сломать ногу! Сдохну! Пока искать, кто соберётся!

– Дядя Саша! Ну, разрешите! – монотонно и заунывно, как молитву, тянет Эдик, ему до лампы мои расклады, – Ну, дядя Саша! Можно, я уйду...

– Да, иди ты на..! – наконец, взрываюсь я, – Катись отсюда, к чёртовой матери!

Через пару часов, туристы, разреженной цепочкой, устало тянутся сверху, мимо нас. Вид у них – довольно потрепанный. Оно и понятно.

– Послушай! – как старого друга, прошу я проводника, – Сдай этого гада людям! Возьми, а? Очень прошу!

– Не бойсь! – беззаботно балагурит «привидение», – Доставим в целости и сохранности!

Последние туристы скрываются из виду далеко внизу, с ними – и мой помощник. Я остаюсь один, в этом мире...

Остаток дня, плотно обволакивая склон белым молоком, опять моросит туман!

– Шшшшшшшшшшшш...

Лёжа в палатке и в полной тишине слушаю громкое шипение мороси по крыше, я просчитываю план своих дальнейших действий...

Ситуация вырисовывается следующая:

За ночь – туман охлаждается и плотной стеной оседает внизу, у побережья. Я, каждое утро вижу, что стена тумана стоит ниже Отважного, около четырёхсот метров над уровнем моря. С восходом солнца, туман нагревается его лучами и начинает свой разбег, вверх по склонам. Я нахожусь на высоте шестьсот пятьдесят метров. Мимо моей палатки, туман проходит в пределах восьми часов утра...

– Можно попробовать делать работу рано утром! – прикидываю я, – Пока нет тумана! А, отсыпаться днём. Сейчас рассветает – часов в шесть...

Я подсчитываю, сколько же времени я веду эту войну с туманом. Получается – восемь дней.

– Восемь дней!!! – сжимаю я, губы, – Из них, вот уже пять дней, мы с ниндзей – безвылазно лежали в палатке!..

Утро. В полной тишине, я открываю глаза – уже всё серо вокруг. Значит, скоро рассвет! Я выглядываю из палатки:

Природа ещё только начинает пробуждаться от ночи! Это – грань между ночью и утром. Уже достаточно светло, чтобы понять, что это – уже не ночь, но ещё слишком тихо и безветренно, чтобы сказать, что это – уже утро.

Уже через пять минут, я торопливо сую в рот кусок хлеба, хватаю свой ботанический рюкзачок и делаю первый шаг по чёрному, скрипучему шлаку тропинки, вверх. Тропинка вьётся среди кустарников по днищу барранкоса, к вершине...

Я бросаю короткий взгляд на часы – половина седьмого.

– Хотя бы полтора часа, у меня – есть!

Я оглядываюсь через плечо, вниз – сизая стена тумана едва заметно дышит ниже чёрного купола Отважного.

– Быстрее, вверх!

Для закладки второй серии площадей, мне нужно подняться по склону вулкана, метров на триста выше нашей палатки.

– Скорее!

– Хррум, хррум, хррум...

Шаг за шагом, я торопливо лезу вверх, пробуксовывая по шлаковой россыпи! Ноги быстро деревенеют. Крутой склон вулкана – не подарок, даже для моих, тренированных ног...

Вытирая мокрый лоб рукавом, я бросаю короткий взгляд назад – синяя стена тумана уже начала свой разбег! Она пожирает склон. Уже исчез чёрный купол Отважного! Упрямо сжав губы, я иступлённо гоню себя вверх по склону.

– Шаг! Ещё шаг, ещё шаг!

Мою спину, вдруг обдаёт могильной сыростью и холодом! Боковым зрением, я вижу, как снизу, по гребням моего барранкоса, мимо меня стремительно проносятся белые струи! Я, рывком оборачиваюсь! Огромный, плотный вал сизого тумана стремительно разматывается снизу вверх по склону! В следующее мгновение, этот вал обрушивается на меня! Мгновение – и я в облаке! Белый воздух вокруг. Выключен звук! Сырость и прохлада накрывают мир. По листьям ольховника и по моим плечам стучит душ частой, крупной мороси. На непослушных ногах, я бессильно опускаюсь на шлак...

– Шшшшшшшшш..., – шипит по листьям дождь.

Уронив голову на грудь, я бездумно сижу на крутой шлаковой россыпи. По-моему – самое время разреветься. Злость, отчаяние и бессилие господствуют в моей душе.

– Вот и всё... Вот и всё... Вот и всё... – в голове, с завидным постоянством, бьётся одна-единственная мысль, словно длинные гудки в телефонной трубке...

Наконец, я поднимаюсь. Медленно переставляя одеревеневшие ноги, опустошённый, я шагаю вниз по сыпучему шлаку, к затерявшейся где-то в ватном океане тумана, палатке. До связи – ещё добрых два часа времени. Спешить, мне – больше некуда...

– Четвёртый, пятому! – это Андрей Архангельский, Филатовский кордон.

– Четвёртый на связи, – скучно и без эмоций, отвечаю я.

– Саня! – интересуется «пятый», – Тут – твой ниндзя... через меня вышел!

– Угу, вышел, – тупо соглашаюсь я и длинно вздыхаю, – Вышел – это хорошо... Пускай идёт. Хрен с ним.

– Как, вышел?! С кем, это, он вышел?!

Это вклинился «центральный», наша контора.

– Тут... мимо... вчера туристы проходили... – опустошённо давлю я из себя, каждое слово, по-отдельности, – Я... отпустил его... с ними.

– Да? – озадачивается главный лесничий, Михаил Ульянов.

В эфире повисает пауза. Ульянову нужно время, чтобы переварить новость...

– Ну... ладно! Разберёмся, – наконец, отзывается он, – А ты, что? Один остался?

– Один, – киваю я головой и непроизвольно оглянувшись в поисках кого-то ещё,жимаю плечами, от несуразности этого вопроса.

Ни сил, ни желания изворачиваться, у меня нет.

– Саня! Ты понимаешь, что, по технике безопасности, ты не можешь оставаться там один? – деликатно напоминает мне Ульянов.

Вообще-то, он – молодец. При таком грубом нарушении дисциплины работником – ему можно было бы завизжать на весь эфир! А, у него – хватает ума разговаривать со мной спокойно.

– Хм! – хмыкаю я, молча, – Прямо – как врач с больным!.. А, я – что? Я и есть, сейчас, больной. В таком психованном состоянии, могу такого наговорить, под горячую руку, что потом – самому стыдно будет...

– Понимаю, – соглашаюсь я в микрофон и глубоко вздыхаю, – Уффф!

– Что, дальше, делать собираешься? – деликатно интересуется Михаил.

Яжимаю плечами в ответ и неожиданно для самого себя, говорю: «Вниз сваливать буду! Вот, только лагерь сверну».

– Тихо! Тихо! Да, тихо ты! – цыкает на меня, директор, – Мы же, договорились!.. Ты, лучше, расскажи мне, как вы питаетесь.

Мы молчим, успокаиваясь...

– Как мы едим? Как мы едим... – собираюсь я с мыслями, – Утром, перед уходом в лес, растапливаем печку и варим кашу и чай. И вечером, когда из леса вернулись – опять топим печку и варим кашу и чай. Вечером, вместо каши, часто рыбу жарим... Как всегда!

Леонид Федорович сидит возле сырой печки, потягивает свою беломорину и хмурит брови.

– Ясно дело – недоволен! – понимаю я, – Верный признак!

Значит, тучи сгущаются. А вот – и гром. В стенах жёлто-стенного дома гремит железом, директорский голос: «Да, как вы можете так питаться?! Взрослые люди!.. Где бы ни было, а питание должно быть трёхразовым!».

– Ну, Леонид Федорович! – умоляюще протестую я, – Жечь костёр и варить в лесу обед?! Это невозможно! Это – глупо! Я не могу выбросить коту под хвост два, самых лучших часа рабочего дня! Эти два часа могут быть единственными, хорошими по погоде часами, за весь день!..

– А питаться?!

– Ладно! Допустим, я один, сахалинец – такой ненормальный! Но, все наши научники, в конце-концов, пришли к варианту двухразового питания! И москвичи! И шикотанцы! И крымчане! Все!

Директор, всё-также хмурясь и сосредоточенно думая, слушает мои вопли.

– Ладно, Саша, – с отеческими нотками в голосе, он подводит черту, – Я вижу, что не смогу переубедить тебя. Ладно... Ты пойми только одно! Ты – фанатик. Не надувайся! В хорошем смысле этого слова. Для тебя, твоя работа – это творчество. Вот, ты упёрся на склоне вулкана – и готов умереть, но сделать свою работу. Но, нельзя требовать того же от нормального человека, который с тобой рядом!

– Почему? – протестую я, – Я – делю всё поровну!

– Да потому, что у него – другие интересы, другие желания! – опять, сталью гремит директорский голос, – Его не ведёт вперёд положительный заряд твоего творчества! Слышишь? Твоего творчества, а не его! Ради своей лучезарной цели ты готов терпеть трудности и рисковать здоровьем! Рисковать жизнью! А у него – этой цели нет!

Я молчу. Не знаю, что сказать.

– У него нет твоего положительного заряда, Саша. Понимаешь? – грустно вздыхает Сташкевич, – Вот он и сломался... Это же, элементарно, Саша...

Мы молчим, оба. Мне – нечем крыть.

– Он, ведь, прав, – неохотно хмурюсь я, своим мыслям, – Вон!.. Как разложил всё, по полочкам!

– Знаешь что, Саша? – продолжает Леонид Федорович, – Ты можешь загнать своего напарника! Человек, ведь – не железяка. Вот, взять, хотя бы, Эдика. Ведь, он – просто мальчишка! Он, наверняка и в лес-то выходил – не дальше ёлок поселкового кладбища. А ты, его – бросил на вулкан! Где не всякий мужик выдержит.

– Я понял, – неохотно соглашаюсь я, отводя взгляд в сторону, – Я подумаю, Леонид Федорович.

– Ну-ну! – соглашается тот и коротко кивает головой, – Подумай. Конечно, подумай.

Директор бросает давно выкуренный окурочок под ноги и пристально глянув на меня, вновь берётся за свой мастерок...

Тягино. Мы с Казанцевым работаем по бассейну речки Тягиной...

Во время очередного сеанса связи мы слышим новость: Саратовский кордон разграбил медведь! Такого, ещё никогда не было! Как, такое, пропустить?! Мы отменяем намеченный на этот день маршрут и спешим на Саратовскую. Ведь, я же – лесной следователь! Или нет?!

– От данного события прошло полтора дня, – думаю я, закатывая голенища своих болотников, уже на другом берегу Тятиной.

Через час, мы уже торопливо шагаем от устья Саратовской, по вездеходному следу, на кордон...

Вот и следы медведя! Дождей, за это время – не было, и следы, оставленные «преступником» на голой земле вездеходной колеи, хорошо сохранились. Шаг за шагом, я начинаю читать эту страницу лесной книги:

Поджарый, длинноухий и длинноногий медвежий подросток, движимый познанием лесного мира, вышел из лопухов Саратовской поймы, И упёрся в колеи вездеходной дороги. Как любой, нормальный медведь, подросток предпочёл чистую колею дороги завалам лопуховых зарослей, и не спеша, пошлёпал по ней с открытых просторов бамбукового побережья к чернеющему невдалеке, хвойнику...

Деревья хвойного леса расступились и любопытному взору медвежьего тинэйджера открылась тихая, заросшая лопухами, лесная поляна с бревенчатым домиком, на её дальнем краю.

– Смотри! – тычу я, пальцем в следы, – На месте топтался! С лапы на лапу переступал...

Я поднимаю взгляд и смотрю вперёд – передо мной раскрывается поляна кордона: «Это он заосторожничал, дом увидел!».

– Дальше пошёл... Конечно! Запах человека здесь давно выветрился!

Тропинка теряется – поляна кордона покрыта зелёным ковром лесной осочки. И медвежьи следы теряются тоже... Но и так ясно, что зверёныш прошёл вперёд – к дому.

Мы тоже проходим по поляне к дому. Я оставляю свой рюкзак на высоком крыльце Саратовского кордона и продолжаю осмотр. Казанцев мне не мешает – он стоит на крыльце...

Я тщательно изучаю брёвна кордонной стены – каждую щёлочку... Вот! Медвежья волосяная, зацепившаяся за заусеницу бревна. Я осматриваю покрытую рубероидом, высокую завалинку дома... И картина, постепенно, проясняется:

Осмелевший зверёныш решил заглянуть в ближайшее к лесу, окно человеческого дома! Стоя в полный рост, на узкой, высоченной завалинке и опираясь передними лапами на оконные стёкла, он, сгорая от любопытства, силился что-нибудь разглядеть внутри дома...

– Интересно, он что-нибудь увидел? – также, как медведь, я вплотную приближаю лицо к окну...

– Саня! – язвит на это, Казанцев, – Ну, ты сам – как этот медведь!

Не отвлекаясь на реплики, я внимательно разглядываю отпечатки грязных медвежьих лап на оконном стекле. Не удержавшись от соблазна, дотрагиваюсь пальцем до прилипших к стеклу, крошек чёрной грязи...

Ничего не разглядев во внутренней темноте кордона и только измазав грязными лапами оконные стёкла, медвежий подросток слез с завалинки и решил заглянуть в другое окно. Я тоже перехожу к этому окну...

– Смотри! – показываю я пальцем терпеливо стоящему на крыльце Казанцеву узкие и длинные прорывы рубероида, – Его задние лапы неожиданно сорвались с рубероида завалинки! Когтями разрезал, когда сорвался!

Я пробую пальцем поверхность завалинки: «Скользко!».

– Хм! – красноречиво хмыкает на это, Казанцев.

Сорвавшись с метровой завалинки, медвежонок упал вниз! Быстро вскочив и поняв, что ничего страшного не произошло, подросток, подозрительно поглядывая на дом, всё-таки удалился с лесной поляны кордона, под защиту леса...

Тятинский дом. Утро. Девять часов. Время очередного сеанса связи. Сегодня, эфир кипит от голосов:

– Виктор! Слышал? В Саратовский кордон медведь вломился!

– Да, ты что?!

– Точно, говорю! Туда, к себе, Серёга Олевохин поехал. На жеребце. Да, обратно, ко мне вернулся!

– Вот, оборзели! Вот так и ко мне, на Рудный, вломится!.. А, я – давно говорил, что отстреливать их нужно! Который, к кордону вышел – значит, опасный! Такого – валить надо!

– Так – скоро и людей жрать начнут!

– Мужики! Мне – что? – задаётся вопросом, Олевохин, – Теперь – с ружьём под подушкой, спать?! И так – за водой с карабином хожу!

– Андрей! Серёга! Виктор! – говорю я в микрофон, вклиниваясь в жаркие дебаты трёх кордонов, – Да, бросьте вы, нагнетать! Это – подросток! Пацан с рогаткой!

– Саня! Какой пацан?! – не верит мне Андрей Архангельский, – Он в окна чуть не залез! Все стёкла своими лапищами измазал! А там – полтора метра до земли!

– Андрюха! Я сам смотрел! Вчера, с Казанцевым, туда ходили! – возражаю я, – Там, следочки – десять сантиметров!

– Он, через окно, в кордон ломился! – не унимается Виктор Карпов, с Рудного, – А, там – высоко! И запах человека, его уже не отпугивает! Вот так – вломится ночью в кордон! И сожрёт! Я что, смотреть на него должен?

– Да, не вломился туда никто! – вспыхиваю я, – Он – не с земли до окон дотянулся! Он – мелкий! Он на этой высокой завалинке задними ногами стоял!

– Вы там были?!

– Ну!

– И что, там?!

– Ну... в два окна позаглядывал, посмотреть решил – как люди живут... Оконные стёкла поразукрасил, грязными лапами, – остыв, уже пыхчу я в эфир, – Он – подросток! Понимаешь? Любопытный он!.. С завалинки, скользкой, сорвался! Упал вниз... А, запах человека – так он, уже давно выветрился!

– Куда это он, выветрился? – горячится Архангельский, с Филатовки, – Там же – вы с Казанцевым живёте!

– Мы – на Тятинке! – вспыхиваю я, – Мы, с Саратовки – две недели уже, как ушли! Там, сейчас – глушь полная! Лопухами – в рост человека, вся поляна заросла! Вот, этот несмышлёныш и позаглядывал в окна. Молодой он, понимаешь? И глупый...

– Да? – наконец, озадачивается Архангельский, – А вы, сейчас, где работаете?

– На Тятинке! – недоумённо развожу я руками, стоя перед Тятинской рацией, – Мы же – «четвёртый», а не «третий»!

– Да? – задумывается Андрей.

– Точно! – тут же «рухает» он, – Блин! Ты же – «четвёртый», на связи!

– С завалинки, говоришь... Значит – точно, мелкий, – успокаивается и Виктор.

Через пару дней начинается август! Это самая хорошая пора на Кунашире. Всегда, в это время, длинной чередой, стоят ясные, солнечные и действительно, жаркие дни. Я знаю это. Я стараюсь максимально использовать это время. В окрестностях Тятино, я, в паре с Казанцевым, описываю растительность террас морского побережья...

Тятино. Первое августа. Раннее утро. Синее, совершенно безоблачное, небо! Слепящий диск солнца висит над головой. Какой, сегодня – жаркий, солнечный день! Я решаю, что перед

работой, нужно сбегать на речку, за рыбой. Изредка перебрасывая из руки в руку ружьё, я спешу по колее нашей, заброшенной дороги...

Ещё за пару десятков шагов я вижу, что впереди, прямо на колее лежит чёрная кучка медвежьего помёта.

– Так! Помёт! – радуюсь я «научному материалу».

Я осматриваюсь по сторонам: «Так! Никого нет! Теперь, внимание – помёту...».

– Вчерашний! – прикидываю я, приседая над кучкой с палками-копалками, – Проходом, со стороны Ночки!

Основу помёта составляют чёрные и белые волосины коровьей шерсти!

– Так! Осколки трубчатых костей... И, даже, лоскуток коровьей шерсти! Два на пять сантиметров. Корова!

Прочая масса помёта состоит из моточков зелёных верёвочек.

– Это – непереваренные проводящие пучки черешков белокопытника! – как ботаник, я понимаю это.

– Так! – поднимаюсь я от помёта и делаю вывод, – Медведь корову задавил!

На плотном морском песке дорожной колеи я вижу отпечатки широких, медвежьих лап. Я вынимаю рулетку...

– Восемнадцать сантиметров! Если точнее – семнадцать с половиной... Матёрый. Без сомнений, скотинник – это он.

Медведь становится скотинником тогда, когда он заматерееет и станет главным среди местных медведей.

– Да! – думаю я, – Порыбачил... Плохую новость, я принесу в Тятинский дом...

Но работу никто не отменял. Сегодня, я попробую описать растительность морского побережья. В Тятинском доме, мы с Казанцевым собираемся в дорогу. Час быстрого хода вдоль побережья, по колее заброшенной дороги, на восток...

Это – самое начало моего геоботанического профиля. Он начинается с морского берега.

– Так! Прилиторальное сообщество! – с тетрадь в руке, я брожу по берегу, – Незакрепленные пески песчаного пляжа!

Здесь – обилие суккулентов! Это – растения с сочными, мясистыми листьями. Используя их в качестве резервуаров живительной влаги, эти растения, таким образом приспособились к суровым условиям жизни в солёном, морском песке. Невзначай качнувшись, я опираюсь ладонью на поверхность морского песка – и тут же, отдёргиваю руку! Он – горячий!

– Песок – жжётся! – изумляюсь я.

Нагретый августовским солнцем, песок морского берега прямо-таки, пышет жаром!

– Хм! Чем, этот песок хуже песка в пустыне?! – тут же, искренне недоумеваю я, – Получается, что в солнечный день, песок Кунаширского морского берега, по температуре, не уступает песку пустыни! Поэтому, тут выживают одни суккуленты!

– Хм! – тоже, хмыкает Казанцев, тронув песок, – Нормальные растения, на этой сковороде, не выживут!

Я начинаю работу геоботаника.

Вот! Раскинула по песку свои плети, мертензия морская! У неё сочные, тёмно-синие листья...

– Красиво! – улыбаюсь я, – Толстые, почти как у кактуса, синие листья на сером песке! Дополняются гирляндами синих колокольцев.

Кругом – много морянки! Эта – образует на песке морского берега широкие, плоские подушки мелких, сочных листочков, бледного, ядовито-зелёного цвета...

– Серёж! – делюсь я своим интересом, с помощником, – Морянка бутерлаковидная!

– Бутер., чего там, видная?! – отзывается тот, – Ты решил мне язык сломать?!

– Смотри! – объясняю я, – Латинскими буквами, видовое название пишется «бутерлакоидэс». «Идэс» – на русский «видная». А если слово на русский язык не переводится – то, как оно звучит по-латыни – так и пишут.

– А чего «не переводится»? – разводит руками, Казанцев, – Бутерброд знаешь? «Батер» – масло, «брод» – хлеб. Масло с хлебом! Значит, твоя трава – «масло»... какая-то там «видная»! Скорее, даже – масляновидная.

– Ха! – удивлённо смотрю я, на напарника, – Ну, ты даёшь!

– Учись, студент! – важничает, тот.

Под ногами, по песку – жёлтыми, как у одуванчика цветками, цветёт тонкая плетёнка! Это латук ползучий...

– Ух, ты! А, это – вообще, достопримечательность! – приседаю я на корточки, перед колючим кустиком, на голом песке, – Солянка Комарова!

– Хм! – хмыкает Казанцев, – Верблюжья колючка – она и есть, верблюжья колючка!

– Ну! – улыбаясь, киваю я, – Очень похожа!

Это растение имеет, я бы сказал, классический пустынный облик. И сегодня, в такой знойный день, на горячем песке, мне это не кажется странным.

Ближе к стенке нормальной травы, жмётся крестовник лжеарниковый. У него – толстые, сочные стебли, на которых густо сидят блестящие на солнце, такие же мясистые, гляцевые, тёмно-зелёные листья...

Здесь же, по песку, разбросаны белые, шерстистые кустики полыни Стеллера.

– А! – улыбаюсь я ей, – И ты здесь, старая знакомая!

– Она вся белая и шерстистая! – смотрит Казанцев.

Эта полынь приспособилась жить в недостатке влаги, до предела уменьшив её испарение через листья. Листья, у неё, покрыты густой щёткой коротких, белых волосков.

– Эта полынь названа в честь Стеллера! – киваю я, на неё, – Знаешь, такого?

– Ясно дело! – изрекает Сергей, – Одна, только, Стеллерова корова, чего стоит! Вершинки этой полыни на эдельвейс очень похожи!

– Ага! – киваю я, на миг оторвавшись от писанины.

Всё. Песчаный пляж моря кончился. Начинается травяная дернина:

В травостое, на «столе» низкой морской террасы, господствует колосняковое сообщество. Оно образует границу между обычным разнотравьем морской террасы и голым песком берега. Его основу составляет колосняк мягкий. Это – мясистый, мощный злак высотой до восьмидесяти сантиметров, с плотными, гляцевыми листьями. Эти листья блестят на солнце.

– Космополит! Этим колосняком покрыто, по крайней мере, всё тихоокеанское побережье нашей страны! – говорю я Казанцеву, – Смотри – какую мощную дернину, он образует!

– Ну! – кивает напарник, щуря глаза от яркого солнца, – Укрепляет песчаные склоны морских берегов!

Под прикрытием зарослей колосняка, произрастают растения из обоих, соседних группировок. Это – и суккуленты открытого, морского песка и обычные, луговые растения. Такие, как репяшок, полынь горная, шлёмник, клевер, вика, чина...

За полосой колосняковой группировки разбросана мозаика полянок обычной, луговой растительности. Здесь растёт двадцать пять – тридцать видов трав.

Но, всё это разнотравье низкой морской террасы, перекрывается широкой лентой зарослей морского шиповника! Это – шиповник морщинистый. Заросли шиповника также являются характерной чертой всего дальневосточного побережья. Это – плотные, колючие заросли, около метра высотой. Морской шиповник имеет более плотные и мясистые листочки, чем лесной шиповник... Под прикрытием зарослей морского шиповника растут самые различные растения! Это – пёстрая смесь разнотравья, сдобренная многочисленными злаками – полевицами, мятликами, тимофеевкой, ежой...

У подножия высокой морской террасы, обычно проистекают грунтовые воды. Поэтому, здесь – все неровности рельефа утопают в высоких зарослях лопухов. Проще сказать – «высокотравье». Полутораметровые зонты белокопытника, на высоких, сочных черешках, образуют сплошной, зелёный полог, более двух метров высотой. Среди этого моря зелени, частыми полянками, стоит горец сахалинский. А ещё, здесь – и бодяк, и борщевик, и дудник, и какалия мощная... Все эти растения образуют мощный, двух-трёхметровый ярус.

– Ух, ты! – восхищаюсь я, – Вейник Лангсдорфа! Ну-ка... сто шестьдесят сантиметров! Выше глаз!

Второй ярус, высотой пятьдесят – семьдесят сантиметров, составляют полынь горная, полевица гигантская, репяшок, горчак, лигустикум, тимофеевка, ежа сборная...

Клевер, одуванчик и фиалки представляют самый нижний ярус растительности.

– Всё! Сделал! – прикидываю я, – Шагаем дальше!

Я ныряю под зелёную крышу лопухового леса...

Начинается склон высокой морской террасы. Здесь – совершенно другое сообщество! И я, настороженно поглядывая вокруг себя, быстро строчу названия растений, выстраивая их в колонку. Измеряю высоту каждого вида, прикидываю его обилие...

Верхние две трети склона террасы покрыты бамбуковым сообществом.

– Серёж! Смотри! – я коротко оглядываюсь на Казанцева, – По определителю Ворошилова, это – курильский бамбук Вейтча! У него – характерные прилистники!

– Видовой признак?

– Ага, – киваю я.

Моя рулетка показывает, что высота покрова курильского бамбука составляет шестьдесят пять сантиметров. Но, бамбук образует только второй ярус этого сообщества, хотя и самый мощный. А разреженный первый ярус, высотой сто – сто двадцать сантиметров, сложен вейником, лабазником и частыми стеблями василистника.

С работой, мы лезем по склону всё выше...

Вот и гребень террасы, перелом склона. Дальше – почти горизонтальная поверхность. В тридцати метрах от края склона стоит, высится тёмно-зелёная стена хвойника.

– Пихтарник! – бросаю я короткий взгляд вперёд и тут же озадачиваюсь, – Или ельник?

– Там, посмотрим! – отзывается, из-за спины, Казанцев, – По запасу древесины.

– Ну, да! – соглашаюсь я.

Хвойный лес создаёт ветровую тень и к нему, вплотную, жмётся новая лента лопуховых зарослей...

Я останавливаюсь и заполняю очередной бланк:

Основу первого яруса, высотой от полутора до двух метров, составляет лабазник. Чуть реже него, отмечаются белокопытник, бодяк, какалия. Второй ярус образуют полынь, полевица, борец, астра и папоротники...

Дернину покрывает ковёр мелкой, лесной осочки, высотой около тридцати сантиметров...

Наш рабочий день близится к вечеру. Мы, с Казанцевым, прекращаем работу и своим следом, спускаемся на низкую морскую террасу. Здесь вьётся поросшая травой, наша дорога. Час быстрой ходьбы по колеям и мы – у себя дома...

К нам – гости! К Тятинскому дому, на чёрном жеребце, подъезжает всадник. Это – Слава, пастух с Камышовки. Там, в десяти километрах по берегу, в устье речки под Медвежьим перевалом, стоит база совхозных пастухов. Они сторожат совхозное стадо, голов триста подтёлков...

С всадником – две огромные, серые собаки, так напоминающие волков. Мне бросаются в глаза их необычно мощные, гипертрофированные шеи и грудные клетки.

- Мужики, привет! – здороваются с нами молодой, статный мужчина, – Как живёте? Кирзовые сапоги, плётка, чёрный чуб...
- Нормально!
- Работаем... – в разнобой, здороваемся, мы.
- Казак! Прямо с картинки! – улыбается Дыхан, – Орёл, да и только!
- Ну и собаки у тебя, Слава! – удивляюсь я, – Я же помню, как ты с ними заезжал на Камышовку, по весне! Самые обычные были, дворовые собаки. Размером с овчарку...
- Ну! – кивает Дыхан, – А, теперь – на них смотреть страшно! Звери!.. Славик, что ты с ними сделал?!
- Ничего! – пожимает плечами, пастух, – С утра до вечера, впереди моего жеребца несутся. Работают! Вот, такими и стали.
- Ну, да! – соглашается с ним, Михаил, – Работа, каждого, под себя затачивает. У них – тоже всё, как у людей... А, у вас, какие новости?
- В ответ, Слава морщится, как от зубной боли: «Да... неважно».
- Что, так?
- Коров не хватает. Семь штук.
- Семь?! – удивляемся мы.
- Ничего, себе!
- Да, брось ты, сразу киснуть! – мы тут же бросаемся его успокаивать.
- Может, шляются где...
- Да, нет. Сейчас – все кусты обшарил! Нигде нет.
- Саня, – кивает на меня, Дыхан, – Утром – в устье Тятинки, медвежий помёт нашёл!
- Помёт скотинника.
- Да?! – настораживается пастух.
- Ну. С костями. И лоскутом коровьей шкуры. Со стороны Ночки пришёл.
- Ладно, я сейчас – в устье Тятинки более внимательно посмотрю.
- Выпив чая из нашего, фирменного фаянсового бокала, Слава поднимается из-за стола: «Поеду я! В сторону Рубежного. На обратном пути – ещё поищу». Гурьбой, мы выходим из дома, проводить гостя.
- Пастух привычно взлетает в седло чёрного, горячего жеребца.
- Свиись!
- Короткий, разбойничий посвист – и два нелюдимых зверя, мгновенно вскочили со своих лёжек и понеслись впереди всадника. Мы стоим у входной двери нашего дома и провожаем их взглядами...
- Каждому – своё! – философски изрекает Дыхан, вдогонку...
- Не проходит и часа, как пастух, снова появляется у нашего дома!
- Мужики! Одну нашёл! – сообщает он нам, не слезая с разгорячённого жеребца, – В устье Тятинки лежит, в ольховнике.
- Живая?
- Какое, там! – в отчаянии машет рукой пастух, – Одни мослы...
- Ладно! – обещает ему Дыхан, – Мы глянем!
- Пастух резко тянет узду, заламывая голову своему горячему жеребцу и пускает его в галоп, в обратный путь.
- Свиись! Свиийись!
- Два серых зверя, молча стелются, впереди всадника...

Тятинский дом. Утро. Второе августа. Мы, с Дыханом, собираемся в дорогу. Что нам, собираться? Ножи – у нас, всегда на поясе. Переоделись, обулись в болотные сапоги, ружья в руки – и готовы. Сегодня будет жаркий, августовский день...

Раскатав голенища болотников, мы переходим речку. Обжигающе холодная вода Тятиной туго обнимает ноги, неприятно холодит даже сквозь резину голенищ. Низкий, густой ольховник, затопленный трёхметровыми зарослями высокотравья и густой, в пояс, осокой, подступает прямо к речке. В разных направлениях, этот ольховник пробит мощными тропами. Это меня не удивляет. Обычно, за летние месяцы пребывания стада, коровы вообще подчистую сносят заросли лопухов, выбивая устьевой участок Тятиной, до гальки.

Сдёрнув ружьё с плеча, Михаил крадётся по широкой тропе, проложенной напрямую от речки.

– Хм! Почему, именно по ней?! – озадачиваюсь я.

Но, я привык не задавать лишних вопросов. Внимательному глазу, всё откроется само. Нужно, только, чуть подождать...

Я, осторожно, вхожу в лабиринт этой тропы. Лопухи, под моими ногами, все повалены в одном направлении – от речки в глубину зарослей. Такого, на тропах, не бывает.

– А-аа! – догадываюсь я, – Волок это! Не тропа. Здесь – медведь ташил по земле задавленную корову! Поэтому, лопухи положены в одном направлении...

Волок имеет много отвилков и эти проломы в лопухах – тоже, сильно утоптаны.

– Саня! – негромко зовёт меня, из-за угла лопухового лабиринта, Дыхан, – Иди сюда!

Он стоит на вытоптанном среди лопухов, пяточке. Шагов пять в длину и шага три в ширину, он находится у подножия высокой морской террасы. Трёхметровая, зелёная стена высокотравья, даже в такой жаркий день, создаёт здесь тень и прохладу. Осторожно переступая ногами, я внимательно осматриваюсь.

Моё внимание, сразу привлекает холмик стеблей высокотравья. Я делаю шаг ближе – кучка разворочена сверху так, словно из неё что-то достали. Рядом – точно такой же, второй холмик. Стоя у третьей кучки лопухов, чуть поодаль, Михаил трогает чёрным носком болотника большой, белый мосол с копытом на конце, торчащий из кучки вертикально вверх, словно крест над могилой.

– Да, он сожрал её полностью! – недовольно говорит он, – Тоже мне, деятели! Сначала, неделями спят в своём балке, а потом кричат: «Караул! Медведи коров поели!»...

– Хм! Я думал – на туше посидеть. Да, что толку, здесь сидеть?!

Мы садимся, спинами к крутому склону морской террасы, к плотной стенке лопухов. Чиркнув спичкой, Дыхан закуривает беломорину...

– Вон! Смотри, Саня! – пустив синий дымок вверх, он коротко тычет папиросой в сторону самого первого бугра лопухов, – Задавил корову он, конечно, у речки. Пятясь задом, приволок тушу, через ольховник – сюда, к подножью террасы. Здесь – укромное место.

Затянувшись, он продолжает: «Приволок, значит и завалил лопухами. Лопухи свалил, прямо вокруг туши – поэтому, образовалась эта полянка... Но, сначала – была только половинка нынешней полянки. Вечером, он пришёл, выдернул тушу из кучи и, оттащив на метр в сторону, жрал её. А, уходя, снова завалил останки. Но, уже другими лопухами – видишь, первая кучка лопухов, так и осталась нетронутой?»

– Ага! – киваю я, – Получается, что по числу холмиков, можно сказать, сколько раз он приходил кормиться?

– Хм! Почему бы и нет? – пожимает плечами Михаил и чуть подумав, одобрительно кивает, – Хорошая мысль!

Я внимательно осматриваюсь кругом: «Три кучки лопухов... Значит, здесь, он – три ночи ел!».

– Не обязательно ночи, здесь места глухие... Но, почему бы и нет? – соглашается Дыхан и подсказывает, – У последней кучки помёт! Это – уже, по твоей части.

– Угу! – я согласно киваю головой и делаю шаг к стенке лопухов, чтобы срубить из стебля какалии две палки-копалки...

– Миш! – через несколько минут, делюсь я новостью, – А, помёт – чисто лизихитоновый! Мяса, в нём – нет! Видно, ночью – медведь нажрался мяса и ушёл отсюда. Где-нибудь, к обеду, он проголодался, но сюда – поостерёгся выходить, по-светлому. И нажрался лизихитона в какой-нибудь болотине. К вечеру, он успел и его переварить. Поэтому, здесь – он погадил дневным лизихитоном.

– Наверно, так, – кивает Дыхан, – Значит – мясные помёты нужно искать на его ночной лёжке, в лесу... Я, вот о чём думаю – он сюда ещё может заглянуть!

– Сюда? – сомневаюсь я, – Зачем? Его, здесь, уже ничто не держит!

Дыхан прищуривается глазом на мосол, торчащий из третьей кучки лопухов: «Жрать здесь, конечно, уже нечего. А вот, полежать на куче, пососать эту конфетку и повспоминать свою удачную охоту – он, вполне, может!».

– Охоту повспоминать? – искренне недоумеваю я, – Что он, человек, что ли? У них ведь, в голове – одни рефлексy! Увидел добычу – наскочил, задавил и съел. Всё!

– Хм! Не скажи, Саня! – качает головой Дыхан, – Я читал статьи по поведению крупных хищников. Убедительно... У них, в голове – всё, очень даже, сложно!

– Да?

– Ну!.. Ты почитай! Очень занятно... Я скажу тебе так – не упрощай! Ничто человеческое, им не чуждо!

Мы шагаем обратно, к Тятинскому дому...

А день, ведь – только начинается! Ещё утро! И меня ждёт своя, ботаническая работа. Через десять минут, мы с Казанцевым выходим из Тятинского дома. Нас ждёт час спортивной ходьбы по колеям дороги на восток, вдоль морского побережья...

Дорога дальняя. Мы шагаем и шагаем... На заросшей колее чернеет кучка помёта.

– О! Помёт! – радуюсь я, – Материал – сам в руки идёт!

С палками-копалками, я приседаю перед помётом...

– Симплокарпус, сто процентов! – вскоре, развожу я, руками...

Через полчаса, мы с Казанцевым стоим в исходной точке. Это геоботанический профиль моей Магнолии, через вершину вулкана. Мы сворачиваем с заросшей дороги влево и поднимаемся по нашему следу, по склону высокой морской террасы наверх, в пихтарник.

Здесь стоит спелый, хвойный лес. Выбрав однородный участок массива, мы закладываем пробную площадь. Мне нужен однородный лес на всей площади, поэтому я делаю её вытянутой – сорок на шестьдесят метров...

Границы площади отмерены и обозначены затёсками. Теперь – нужно провести таксацию. Вперёд! Раскрыв мерную вилку, я снова сную от ствола к стволу. И снова по лесу несутся мои вопли: «Пихта, двадцать четыре! Ель, тридцать два! Ель, сорок!»...

Первый ярус древостоя составляют ель и пихта. Высотомером, я определяю высоту елей – девятнадцать с половиной метров. Средняя высота пихт – на метр меньше.

– Девятнадцать с половиной! – прикидываю я, – И это – самая первая к морю пробная площадь! Значит, это – максимальная высота хвойного леса у южных подножий вулкана! Помните, на Алехине, я замерял высоту елей – тридцать три метра! Здешний лес – почти в два раза ниже! Подумать только...

Кое-где проявляются фрагменты второго яруса, высотой около двенадцати метров. Это редкие деревья бархата, ивы козьей и тиса.

Я сижу на зелёной, моховой кочке перепревшего пня и калькулятором, рассчитываю запас древесины...

– Серёж! Восемьдесят четыре процента запаса древесины приходится на ель! Значит, мы сейчас обрабатываем не пихтарник, а ельник!.. Представь! Это – ельник! И называется он «ельник папоротниково – осочковый».

– Хм! – хмыкает напарник, – Я тоже думал, что это – пихтарник.

Подлесок очень слабо выражен. Он тяготеет к окнам вывала. Основу кустарников составляют редкие, трёхметровые кусты гортензии. Изредка встречаются молодые кустики бузины и смородины. Небольшой полянкой, стоит курильский бамбук. Вот – несколько взрослых деревьев клёна жёлтого и бересклета. Под лёгким ветерком колеблются розовые листья черёмухи...

А вот, травянистых растений, под пологом этого светлого ельника – тридцать четыре вида! Первый ярус, в пределах девяноста сантиметров, представлен сплошным ковром папоротников. Это – просто, живая коллекция папоротников! Сейчас, передо мной стоят почти все папоротники, которые я встречал на Кунашире! Больше всех, здесь – щитовника австрийского. Это – сплошной ковёр! Реже, высоченными султанами, встречается кочедыжник крылатый. Ещё реже – щитовник толстокорневищный и кочедыжник письменный... Я с восхищением оглядываюсь вокруг: «Красота!». Огромные султаны ажурных «страусиных перьев» папоротников слегка покачиваются, от невидимых колебаний воздуха...

Второй ярус травостоя, около шестидесяти сантиметров, образован разнотравьем. Здесь – масса брылкинии хвостатой! Это – такой знак. Остальные же травы – встречаются разреженно.

Зато, нижний ярус, не выше пятнадцати сантиметров, выражен очень хорошо! Это сплошной ковёр меленькой, таёжной осочки сахалинской. Не зря ведь, хвойник с ковром этой осоки называют не осоковым, а осочковым. Не отстают от неё, по обилию – майник камчатский, двулепестник альпийский, кислица обыкновенная. Все они – мелкие растеньица, характерные для хвойных лесов Кунашира. Чуть реже встречаются плаун пильчатый, малина ложнояпонская, щитовник буковый...

На площади много лиан. Актинидия коломикта представлена, как расплзшимися вширь по земле кустами до метра высотой, так и лианами, которые вьются вверх по стволам елей и пихт до пяти метров и выше. Немного реже актинидий встречается гортензия черешчатая. Зато, эта лиана – несравненно более мощная! Её плети, серыми удавами, поднимаются вертикально вдоль стволов деревьев, выше тринадцати метров! Порослью тёмно-зелёных веточек, то тут, то там, встречается ядовитый сумах.

– О! – восклицает Казанцев, – Ипритка! И здесь она!

– Ага! – деловито соглашаюсь я, – Сумах восточный! Представляешь? В старых определителях он имеет название «токсикодендрон»! И по латыни, и по-русски.

– Хм! – хмыкает тот, – Буквально переводится, как «ядовитое дерево»!.. Прикольнo!

– Вот я и говорю! – киваю я.

Почву вокруг, валёжник и первый от земли метр стволов растущих деревьев покрывает мощный ковёр зелёных мхов. Я приседаю на корточки и протыкаю своей рулеткой моховую подушку...

– Мох – восемь сантиметров! – сообщаю я напарнику, чтобы тот записал в ведомость пробной площади, – Поставь восемьдесят процентов покрытия площади!

– Ясно! – деловито кивает Сергей, уткнувшись в бумагу...

– Так! Растительность описана! – говорю я, – Теперь – нам осталось оценить состав и состояние подроста.

И мы шагаем закладывать площадки по учёту подроста...

– Серёж, знаешь, что здесь удивительно? – через двадцать минут, я отрываюсь от подсчётов, – На всей пробной площади – нет ни одного саженца ели! Ни одного! А вот, подрост пихты, причём, молодой подрост – около двадцати тысяч на гектар.

– Ага. Это важно?

– Ага! Это значит, что лет через восемьдесят, наш нынешний ельник будет замещён на пихтарник!

– Ясно, – вздыхает тот, – Твоя логика понятна... Что теперь?

– Теперь нужно выяснить строение почвы.

Мой почвенный шурфик стандартен, его ширина – штык моей лопатки, а длина – около полуметра...

Сначала – лесная подстилка. Я снимаю лопаткой зелёный ковёр мхов, с включениями опавшей хвои и листочков осоки и... наталкиваюсь на чёрный песок! Я, с удивлением, смотрю на него. Я ожидал увидеть бурю почву.

– Хм! Свежий вулканический пепел! – растерянно думаю я, – Здесь?!

Боковой конус недавнего извержения «Отважный» находится с десятков километров восточнее!

– Кто бы мог подумать! Оказывается, здесь – всё тоже было засыпано пеплом, с Отважного!

– Интересно! И какой же слой пепла? Здесь выпал? – озадачиваюсь я, уже новой мыслью...

Один за другим, я режу лопаткой, кирпичи чёрного, сырого песка...

Всё! Лезвию лопатки, я втыкаюсь в нормальную землю.

– Так! Это погребённый гумусовый горизонт! – понимаю я, – А он-то – насколько мощный?

Я врезаюсь в землю...

Всё! Почва заканчивается! Дальше – чёрный, крупный песок.

– Хм! – хмыкаю я, – Шлак! Это – уже другое извержение!.. И сколько же, его?

И я пытаюсь черпать своей лопаткой, вулканический шлак из шурфика... Не тут-то было! Крупные, чёрные дробины звонко бренчат, резво разбегаются с плоской лопатки во все стороны!

– Чёрт! – озадачиваюсь я, – Что же делать?

Я откладываю лопатку в сторону и принимаюсь горстями, вычерпывать шлак из шурфика...

Тут открывается ещё одна проблемка – сыпучий шлак совершенно не держит вертикальную линию стенок, и низ моего шурфика осыпается широкой воронкой!

Но, ничего! Я очень упорен! В конце – концов, я побеждаю...

Всё! Шлак кончился! Ниже него – опять, нормальная почва.

– Это – второй погребённый гумусовый горизонт! – радуюсь я.

Я разгибаюсь над шурфиком и снизу-вверх, смотрю на Казанцева: «По-твоему, что это такое?».

– Хм! – хмыкает он, – Обычная земля!

– Ну-у! – обдумываю я ответ, – Можно и так сказать... А, ты знаешь, что такое погребённый гумусовый горизонт?

– Ну-у...

– Вот, смотри... Обычный срез почвы как выглядит? Самый верхний слой – это плодородная почва. Она тёмного цвета. Корнеобитаемый слой... А теперь представь, что мы засыпаем землю слоем песка. И наша почва оказывается засыпанной, то есть погребённой.

– А-а! Теперь понятно.

– Вот это и есть погребённый гумусовый горизонт. Это термин такой, у вулканологов.

– Значит, до извержения, этот слой земли находился на поверхности!

– Ага, – киваю я, – Он был самым верхним... Сейчас, глянем, что под ним...

И я, опять, беру в руки лопатку Пластик за пластиком, я подрезаю плодородную почву погребённого горизонта лопаткой и выбрасываю из шурфика...

Всё! Ниже – песочек! Я копаю дальше... Останавливаюсь на двадцати сантиметрах песочка. Я – не почвовед, я геоботаник. Мне достаточно шестидесятисантиметрового шурфа, мне хватит...

– Теперь нужно измерить мощность всех горизонтов! – говорю я и тянусь за рулеткой.

Все замеры начинаются сверху. Я измеряю толщину слоя чёрного песка, что лежит сразу под лесной подстилкой.

– Шестнадцать сантиметров свежего вулканического пепла!

Сидя в шурфике ногами, я оглядываюсь по сторонам:

В этом лесу ничто не указывает на свежее извержение! Ничто!.. И, вот только сейчас, сидя посреди такого зелёного, такого сочного, пышущего здоровьем хвойного леса, над шурфиком со свежим вулканическим пеплом, я осознаю, что всё это время мы ходили по пеплу, лишь прикрытому тонким ковром зелёных мхов...

– Серёж! – я разгибаю спину, – Знаешь, что я знаю, теперь?

– Что?

– Что пятнадцать лет назад, над вот этим лесом, разыгралась метель вулканического извержения. Пепел сыпал с неба... Он покрыл почву под этими деревьями слоем в шестнадцать сантиметров! Интересно, что этого оказалось недостаточно для того, чтобы деревья погибли. Восстановление нормальной жизни леса произошло очень быстро.

– Почему ты думаешь, что быстро?

– Ну, вот смотри, – задумываюсь я, – Своей группой «Магнолия», мы были здесь через десять лет после извержения. И уже тогда – мы не заметили никаких следов извержения! Никаких! Поверхность шлака, уже тогда, полностью затянута ковром зелёных мхов и лесной подстилкой. Мы даже заподозрить не могли!

– Так! – я орудую рулеткой, – Мощность первого погребённого горизонта – восемь сантиметров.

– Записал! – кивает Казанцев.

– Так! Под ним – слой вулканического шлака... пятнадцать сантиметров. Мощность второго погребённого горизонта – тоже восемь сантиметров.

– Записал.

– Ниже него уходит толща мельчайшего песочка... Да-а! Периодическое засыпание вулканическим пеплом, для этой местности является нормой! – бурчу я себе под нос.

– Саш, что ты говоришь? – заглядывает мне через плечо, напарник.

– А? – оглядываюсь я, – Теперь мы знаем, что вулканическая метель разыгрывалась над этим участком острова – трижды! Трижды!.. Может и ещё несколько раз, но – я дальше не копал, не знаю...

– Ты – как поэт! – язвит Казанцев, – Так высокопарно изъясняешься!

– Ага! – киваю я, не отрываясь от своего занятия, – Смотри! Самый древний источник извержения находился далеко отсюда.

– Почему? – озадачивается Казанцев.

– Песочек очень мелкий! – объясняю я, – Это – не песок и не шлак, а именно песочек. Смотри – он мельчайший! Как он сюда попал?

– Ясно как! По воздуху...

– Вот! Шлак – он крупный, далеко по воздуху не полетит! Он сыпется на склоны вулкана тут же, недалеко от жерла. А эта мелочь – она выбрасывается облаками пепла высоко в небо и опадает далеко от места извержения... И древнее извержение – было мощным!

– Почему?

– Хм! Слой этого мельчайшего пепла – смотри, какой толстый, насыпало! Я, вот, откопал только двадцать сантиметров. А сколько, там, его ещё – неизвестно.

– Понятно. А что было после того, как землю засыпало?

– Процесс почвообразования пошёл заново, с нуля, – развожу я, руками, – И новой почвы, поверх выпавшего пепла, с годамиросло, смотри – восемь сантиметров! И тогда случилось новое извержение. Вулканический шлак выпал – смотри, какой крупный! Как зёрна

пшеницы! Его издалека, по воздуху, ветром – не пригонит! Значит – источник этого извержения был недалеко.

– Я знаю! – Казанцев тычет пальцем вверх, в сторону вершины нашего вулкана, – Это может быть только вершинный кратер Тяти!

– Почему?

– Ха! Да потому что других кратеров, до семьдесят третьего года, на Тяте – вообще не было!

– А что? Похоже, что так! – соглашаюсь я, – Ладно... И опять, с нуля начала нарастать над шлаком почва.

– И она выросла опять на восемь сантиметров.

– Да. И тогда – жажнуло последнее извержение! На этот раз – всё засыпало свежим пеплом. А мы знаем, что это – извержение Тяти через трещину в боку его конуса, через «Отважный».

– В каком году это было? – вдруг, озадачивается Сергей.

– Отважный? В тысяча девятьсот семьдесят третьем. А что?

– Интересно... А, через вершинный кратер? Тятя, в каком году извергался?

– В тысяча восемьсот двенадцатом. Год Наполеона!.. А что?!

– Ну... Смотри! Между последними извержениями – примерно сто шестьдесят лет. Слой погребённого горизонта – восемь сантиметров. Значит, восемь сантиметров почвы выросло за сто шестьдесят лет. Между вторым и третьим извержениями мы имеем тоже восемь сантиметров погребённого горизонта – то есть, сто шестьдесят лет. Если от даты второго извержения отнять сто шестьдесят лет – мы будем иметь примерную дату более древнего извержения! Сейчас... Это было, примерно... в одна тысяча шестьсот пятидесятом году!

– Да?! – я, снизу-вверх, изумлёно смотрю на Казанцева, – Ну, ты даёшь! Мне даже в голову не пришло, посчитать исторические даты по толщине слоёв!.. Одна тысяча шестьсот пятидесятый год! Середина семнадцатого века! Кошмар!.. Какой ты молодец, Казанцев!

– Да! – Казанцев картинно «выпячивает пузо», – Я такой!

– Ладно! Сдуйся! – смеюсь я, – Но... ты молодец!..

Солнце начинает клониться к западу. Свесив ноги, в раскатанных болотниках, в яму почвенного шурфика, я сижу прямо на мягком ковре зелёных мхов. И совсем другими глазами, смотрю на ядрёные, крепкие стволы пихт и елей вокруг себя, весёлую зелень хвои, листья гортензий, покачивающиеся веера папоротников...

Я осторожно кладу ладонь на такой сочный и зелёный мох лесной подстилки: «Здравствуй, лес. Как много, я о тебе знаю». Обступившие нас, султаны папоротников величаво кланяются, словно соглашаясь со мной...

Вечереет. Мы шагаем по колеям заросшей дороги, домой...

Перед самым поворотом с низкой морской террасы вверх, к Тятинскому дому, я вижу на колее кучку медвежьего помёта.

– О! Помёт! Не проходить же мимо!

Подходя к кучке, я отламываю две ветки, с ближайшего куста...

– Вчерашний...

– Шерсть! – я поднимаю на стоящего рядом Казанцева, глаза, – Одна коровья шерсть! Сто процентов объёма!

– Скотинник навалил! – морщится тот, – Опять вляпались!

– Ну! – киваю я.

К вечеру, к нашему дому на Тятино, подтягиваются Кислейко и Виктор Ольшевский.

– Саш! Привет! – я рад видеть районного охотоведа.

– О! Витя! Ну, всё! С тобой – мы непобедимы!

Мы обступаем Виктора. Обыкновенный кавалерийский карабин, в его руках приобретает такую скорострельность, что это вызвало бы шок у самих создателей этого оружия.

– Вить! Как твой пулемёт?

– Я буду у тебя вторым номером!

– Хорошо, хорошо! – добродушно смеётся с нами Виктор, вешая на гвоздь в стене свой карабин...

Кислейко – всегда душа компании! Он занимает почётное место за столом и начинает балагурить о последних новостях, из цивилизации...

Ближе к сумеркам, мы выходим на «исходные»...

Но, как назло, место для засады, в устье Тятиной – подобрать очень трудно! Зверь может подойти, практически, с любой стороны! А – вблизи места медвежьего пира, совершенно нет сколько-нибудь приемлемого местечка. Только в лопухах! А значит – накоротке, ожидая зверя с любой стороны.

– Плохо! – констатирует Дыхан, – Подхватит запах. Уйдёт! И не услышим даже.

Посоветовавшись, Дыхан и Кислейко решают стеречь скотинника на подходе, со стороны речки. Мы, втроём, устраиваемся на гальке, прямо у среза воды, на берегу речки. А Кислейко, в зелёном маскировочном костюме, лезет на чихлую иву, чуть выше по речке. Я вижу, как бедное деревце натужно изгибается, под его весом.

Густеют сумерки. Всё стихает вокруг...

Всё! Кроме непрерывного, всё заглушающего говора речного переката! И постоянного звона комаров, над нами! К комарам, мы привычны...

С наступлением полной темноты, чуть похолодало. И комары перестают нам докучать... Однако, теперь, нет спасения от мошки! Мельчайшие мушки яростно карабкаются под одежду! Им достаточно самой мизерной щёлочки, чтобы сделать жизнь человека невыносимой! Горят огнём лицо и шея, пылают запястья рук – а нужно тихо лежать в траве и вслушиваться в шорохи! Виктор вытаскивает флакон жидкости от комаров. В ней – наше спасение! Мы торопливо вымазываемся этой зловонной гадостью. Иначе – не выжить...

Я намазываюсь не сильно, минимально...

– Саня! Да, намажься ты ещё! – минут через пять, раздражённо шипит на меня Дыхан, – Лежать тихо надо! А ты – постоянно шелестишь руками! Я не слышу ничего!

В полной темноте, я, на ощупь трогаю рукой Виктора, тот молча протягивает мне флакон с «химией»...

Боже мой! Я не уверен, что в этой борьбе, доживу до утра! На циферблате моих часов – всего только двадцать три часа! У нас – очень плохая позиция. Мы лежим на мелкой травке. В метре справа – вода речки, сырая галька её берега. Отсюда – весь этот проклятый гнус!!! Кроме этого, мы лежим очень низко, как в яме! И видим только небо...

Я вижу, как Кислейко спускается со своей ивы и согнувшись, крадёт к нам. Мы с Виктором, молча лежим и смотрим на эту «смену позиции». Тихо пошептавшись, Дыхан и Кислейко о чем-то договариваются. Спокойно поднявшись на ноги, Михаил буднично забрасывает своё ружьё за плечо. Мы с Виктором по-прежнему, молча лежим – мало ли какие планы у головы нашего отряда?

– Ладно. Отбой! – в полный голос говорит Дыхан, стоя прямо над нами, – Он, сегодня, не придёт. Это – уж, точно!.. Пошли на кордон.

Я с трудом давлу в себе, готовый вырваться наружу, радостный вздох: «Есть бог на свете!». Но, ничем не выдав своей радости, непрерывно почёсываясь на ходу, я бодро спешу следом за друзьями...

Тятинский дом. Наутро, двумя парами – я с Дыханом и Кислейко с гарцующим на своем горячем жеребце пастухом Славой, мы выдвигаемся с Тятино на Саратовскую. Перейдя

Тягину, Кислейко забирается на высокую морскую террасу и начинает челноком прочёсывать границу хвойников, повсеместно подступающих к её гребню. Мы, остальной тройкой, не спеша шагаем по колеям дороги, по низкой морской террасе побережья.

– Кислый! – горланит Дыхан, показавшемуся очередной раз из зелёной стены лопухов, на гребне далёкой террасы, Кислейко, – Да, броось ты!

Но, маленькая голова маленького, на таком расстоянии Кислейко, снова ныряет в зелёный омут лопухов...

Километра через три, наконец и он скатывается к нам, по лопуховому склону террасы.

– Там – всё в лёжках! – запыхавшись, сообщает он, – Всё истоптано, всё в тропях!.. А самого медведя – так и не увидел!

– Саш! – возражаю я ему, – Ну, что значит «не видел»?! Он что, здесь, один?! Ты завалишь первого попавшегося медведя! Где гарантия, что именно он – скотинник?

Кислейко отмахивается от меня рукой, как от назойливой мухи: «А-а, Саня, молчи! Я знаю».

– Ну, да! – зло пыхчу я, отворачивая лицо в сторону, – Ты знаешь! Тебе – лишь бы в кого пулю всадить! Ох-хо-то-веды!

День, сегодня, выдался жаркий и солнечный. Склоны высокой морской террасы отступили от побережья вглубь острова, а потом – и вообще исчезли. Вокруг нас – равнинные места. Массивы хвойных лесов подступают прямо к побережью. Мы, всей гурьбой, шагаем по колеям дороги, дальше...

– Карр! Карр! – справа, со стороны близкого хвойника, закаркала ворона! – Карр!

– Карр! – ответила, оттуда же – вторая!

– Карр! – третья...

«Наострив уши», Кислейко с ходу заваливает по лопухам с дороги вправо, к лесу. В этот момент, он очень напоминает мне сеттера, прихватившего горячий запах дичи.

– Вот, чёрт! – в сердцах, чертыхаюсь я.

– Дурная голова ногам покоя не даёт! – тоже чертыхается, шагающий по своей колее, Дыхан.

Славик, круто завернув своего жеребца, направляет его следом за охотоведом, в бамбуки и лопухи...

Солнце хорошо припекает в спину. Вдвоём с Михаилом, мы шагаем по колеям дороги, в направлении Саратовской...

Проходит минут двадцать. Уже впереди начинает просматриваться простор бамбуковых пустошей устья Саратовской, как нас нагоняет нарастающий топот копыт! Оборачиваемся – по дороге на нас, во весь опор летит, гордо вскинув голову, чёрный Славин жеребец!

– Сто-оой!

– Тпру-ууу!

Не тут-то было! Как два зайчика, мы шарахаемся с колеи в стороны! Даже не шевельнув ухом на наши вопли, лихо раздвигая могучей, чёрной грудью воздух, Славкин жеребец, словно локомотив по рельсам, пронесется мимо нас. Ветерок обдаёт наши недоумённые лица. Мы вглядываемся назад – с далёкого-далёкого бамбукового бугра, нам машет руками маленькая фигурка человека.

– Тьфу! – в сердцах, сплёвывает Дыхан, – Чёрт бы вас всех побрал!

– Блин! – матерюсь я.

Плюнув ещё раз и ещё раз взглянув в сторону устья уже такой близкой, речки Саратовской, мы разворачиваемся и торопливо шагаем обратно. По жаре и зною...

Это – Слава!

– Кислый коров нашёл! – встречает он нас, горячкой, – Там – целое побоище!

В ответ, мы с Михаилом дружно лязгаем ружьями, досылая патроны.

- Вот же, сукин сын! – уже восторженно, матерится Дыхан.
- Изголился всё-таки! – вторю я ему, – Жучара!

Пастух ведёт нас в бамбуковые дебри... Мы переваливаем покрытую высоким и плотным бамбуком, древнюю штормовую дамбу и оказываемся перед обширной поляной лопухов. Поляна до краёв заполнена двухметровыми зарослями вейника и лабазника. Кое-где по ней темнеют корявые деревца ольховника.

По ближайшей к морю, окраине поляны течёт ручей. Мы «ухаем» в болотниках с вертикального обрывчика травяного берега, в ручей. Это – узкая, двухметровая траншея! Травяная стена её противоположного борта стоит перед моим лицом! Она на добрый метр выше меня! Хватаясь руками за пучки стеблей вейника, мы с Михаилом, с трудом выбираемся из неё.

– Видите, какой ручей? – оборачивается к нам на ходу, Слава, – Траншея, в полный рост! Стадо сюда зашло оттуда, со стороны леса! А, чтобы выйти своим следом, через лес – не додумались. Заполнили эту ловушку – и всё! Он их тут и кончал, по одной.

Сразу же за ручьём, мы выходим на первый пятак, в лопухах. Здесь всё вытоптано. Посредине – холмик из стеблей лопухов.

- Так! – окидывает Дыхан взглядом местинку, – Одна готова!

Значение холмика, мне объяснять не надо...

С разных сторон, на местинку выходят утопанные тропы.

– Да-а! – приценивается Дыхан, к зарослям, – Место глухое! Он тут живёт, как король. Не удивлюсь, если он и днём на туше, лежать будет. Саня, смотри в оба!

Один за другим, мы ныряем в лабиринт медвежьей тропы, что подходит к пятаку, со стороны пихтарника. Пастух бодро лезет следом.

– Славик! Ты-то, куда?! – цыкает на него, обернувшись, Дыхан, – Без ружья! Броситься может – в любой момент! Что делать будешь?! Сиди здесь! Жди нас!

– Нет уж, парни! – вдруг, решительно и серьёзно, заявляет пастух, – Сами говорите – может выскочить, откуда угодно! Что я делать буду, если он – на меня, одного, выскочит?!

Мы молчим.

– С логикой, у Славы – всё в порядке, – думаю я.

– Так, что – я с вами! – заключает пастух.

Под острыми углами, узкая тропа медведя виляет среди зарослей лопухов. Мы осторожно крадёмся от угла к углу.

Вот, впереди, моим глазам открывается резкое расширение! Это – новый пятак медвежьего пира, вытопанный среди высоченного моря вейника. На нём – несколько холмиков стеблей лабазника. Из одного из них выглядывает обглоданный коровий череп, с небольшими рогами.

– Вторая готова! – тихо констатирует Дыхан, сторожко стреляя по сторонам глазами.

– Славик! – оборачивается он к, не отстающему от нас ни на шаг, пастуху, – А, Кислый где?

– Здесь где-то, должен быть! – пожимает плечами Слава, – Сказал: «На поляне покручусь».

– Хм! Понятно! – хмыкает Дыхан, – Теперь – ищи ветра в поле!

Мы ныряем в лабиринт одной из медвежьих троп...

Буквально, через двадцать шагов, эта тропа выводит нас на очередное место медвежьего пира! Посередине миниатюрной местинки возвышается один холмик...

– Третья готова! – тихо резюмирует Михаил.

Мне – не до разговоров. Вслушиваясь в каждый шорох, мы крадёмся дальше...

Очередной пятак! Три холмика лопухов...

– Четвёртая, – без эмоций заключает Михаил, делая осторожный шаг на местинку...

Всё это – поле боя... Медвежьи тропы, ветвясь и петляя, собираются на этом поле. С трёх сторон, его обступает хвойный лес. И только с одной стороны, на просторы морского побережья, кажется – есть выход. Но это – только кажется! Здесь – путь к свободе отрезан непроходимой траншеей ручья.

– Да-а! – тянет Дыхан, осматриваясь вокруг, – Ловушка – идеальная!.. Давайте теперь, Кислому ждать. Его искать – всё-равно, что иголку в стогу сена.

Присев со Славой на корточки, они затягиваются папиросами. Я сижу с открытым ртом – до звона в ушах, я вслушиваюсь в шелест окружающих нас зарослей.

– Шшшшшшшшшшш... – едва слышно и нежно шелестят узкие листочки плотной стенки вейниковых зарослей.

– Здесь – не очень-то понаслаждаешься жизнью! – думаю я, – Ведь это, действительно, поле боя... А сейчас, здесь – опять всё тихо. Словно и не было ужаса всех этих смертей!

– Чвик! Чвик!

– Вон, как жизнерадостно верещит поползень! – я скашиваю на птичьи писки глаз.

– Ба-ахххх!!!

Напряжённая, звенящая тишина раскалывается взрывом недалёкого выстрела! Он, словно ветер, срывает нас в бешеный бег! Перед глазами – узкий тоннель медвежьей тропы! Резко виляющей из стороны в сторону...

Выскочив из моря лопухов под ельник, мы замираем, прислушиваясь. Заложив пальцы в рот, Слава пронзительно свистит...

– Ссссссс!!!

Тихо! Ни звука в ответ!

– Туда! – коротко командует Дыхан.

И мы срываемся в бешеную скачку по буреломному лесу! Белые сучья лежащих по земле сухостоин – торчат снизу, как пики!

– Насадиться можно! Насквозь! – кричит мне, внутренний голос.

– Заткнись! – командую я ему, – Тут человек, может, погибает!

Мы ломим по лесу, напролом...

Замираем!

– Ссссссс!!! – пронзительно свистит пастух.

– Киислыыый!!! – кричит Дыхан.

И вновь, на крики и свист, нет ответа!

– Туда! – командует нам Дыхан.

Не щадя себя, мы ломим по лесу, через буреломы, в другую сторону!..

Замираем.

– Ссссссс!!! – свистит Слава.

И опять тишина! Гробовая тишина в ответ...

Задыхаясь от быстрого бега, мы стоим посреди сырого ельника. Привкус крови, во рту! Сердце судорожно бьётся где-то в горле.

– Кровь в горле! Как на лыжных гонках, зимой! – приходит мне, такое неуместное сравнение, в голову.

– Одно... из двух! – глотая ртом воздух, давит каждое слово по-отдельности, Дыхан, – Или... он его сожрал, или... Кислый чисто смазал... и тот, просто ушёл!

– Киислыыый!!! – что есть сил, хрипло кричит Дыхан.

– Кислеееейкооо!!! – ору я.

Через полчаса, вволю наоравшись, мы выбираемся обратно, на колеи своей дороги. На поле побоища, ждать – больше нечего. Мы понуро шагаем по колеям, на Саратовский кордон. В мою голову лезут мысли, одна чернее другой.

Вот, перед глазами открывается лесная поляна кордона. Мы ступаем из-под лап огромной, развесистой ели на дневной свет. И... останавливаемся, поражённые! По, обычно безлюдной, лесной поляне Саратовского кордона, парами и тройками, прогуливаются весёлые, молодые парни и девицы! В непривычных нашему глазу разноцветных одеждах. Человек тридцать! Целая, цветная ярмарка!

– Понятно! – наконец, сообщаю я, – Туристы...

– Ба-а! – тянет глазастый Слава, – Знакомые, всё лица!

Я навожу зрение – в центре всеобщего внимания, в окружении целого гарема девушек, на высоком крыльце кордона восседает Кислейко, собственной персоной!

– Кислый! – расплывается в радостной улыбке, Дыхан, – А ты как, здесь?!

– А-а! Мишка! – Кислеевская физиономия растягивается улыбкой, от уха до уха, – Да, вот! Махнул не глядя!

Огляделся – вижу, что сюда, на кордон, ближе. Махнул напрямую, по лесу!

– Скотина! – зло думаю я, глядя на всё это, – Мы чуть ноги не переломали, по лесу галопируя! Заклинали самого бога, чтобы всё, с тобою, было хорошо! Уж и не надеялись... А ты – тут, с бабами токуешь!

Сквозь зубы поздоровавшись с народом, я стягиваю с плеч свою, мокрую от пота, футболку. Прислоняю своё разряженное ружьё рядом с Дыхановским, стволом к брёвнам кордонного сруба. Дыхан подсаживается к Кислейке, на ступеньки крыльца.

– А, стрелял-то чего? – с улыбкой, допытывается Дыхан у Кислейко.

– Да, что! – вальяжно позирует Кислейко, – Пестун! Как ухнет, в лопухах! В пяти шагах! А я – крадусь по тропе, весь на взводе. Ствол успел поднять, а палец с курка – нет! Как дал, пульей в небо!

– Пестун?! – серьёзно удивляется Михаил, – Что, там, пестун делает? Под носом у скотинника?!

– Да!.. Тот завалил коров на его участке! – объясняет охотовед, – Ну, вот!.. Пестун, когда уходит скотинник, ворует у него мясо! По всему лесу мослы растащил!

– И не боится же! – изумляется Дыхан.

Словам Кислейко я верю безоговорочно, он – специалист по медведю, каких не бывает. Феномен... Так что, приходит мой черёд удивляться.

– Пестун паразитирует на скотиннике! – по-научному правильно, формулирую я вывод в своей голове, и сам поражаюсь этому, – Вот это да-а! Такого – я ещё не слышал!

– Надо будет завтра же облазить весь этот участок! – уже просчитываю я свои, медвежьи, рабочие моменты, – Уникальный материал!

Я снова прислушиваюсь к разговору Дыхана и Кислейко.

– Ты сколько нашёл? – спрашивает Дыхан.

– Пять.

– Мы – четыре видели! – не соглашается с ним, Михаил.

– Пятая – в лесу, невдалеке! – поясняет Александр, – Череп, только! Из бугра лопухов торчит.

– Ладно, – принимает информацию, Дыхан, – Что делать будем, дальше?

– Да, он их уже сожрал! – горячится Кислейко, – Подчистую! Поздно искать кого-то! Он давно ушёл с этого участка!

– Да-а! Тут бы – на неделю раньше! – сожалеет Дыхан.

– Хотя бы, дня на четыре! – злится охотовед.

Саратовский кордон. Утро. Четвёртое августа. С лесной поляны кордона, я в одиночку ухожу в лес, направлением на наше вчерашнее место. Меня интересуют медвежьи помёты с мясом...

Сначала, с полкилометра, я пробираюсь по папоротниковому, спелому ельнику. Толстенные, коричневые стволы елей стоят вокруг. Ажурный ковёр папоротника-щитовника – по колено. Он закрывает всю землю, не видно ни кочек, ни ямок. Приходится шагать осторожно. Глаз то и дело схватывает наброды медведей, по папоротнику...

Дальше – еловый лес плавно переходит в гленник. Здесь – низменное, равнинное место. Кругом сырой, осоковый, чахлый хвойник. Вода хлюпает под сапогами. И море лизихитона, вокруг! Покопки, покопки... Кругом – массовые медвежьи покопки лизихитона! Я крадусь по тихо стоящему лесу, всматриваясь в каждую кочку, вслушиваясь в каждый шорох...

Оказывается, кости, в медвежьем желудке – совершенно не перевариваются! А ещё – оказывается, в мясных помётах, кусочки лизихитона окрашиваются в яркий синий цвет! Все медвежьи помёты, которые я отыскал за сегодняшний день, состоят из мелкой крошки коровьих костей и синих кусочков лизихитона!

– Хм! – хмыкаю я, – Помёт смотрится так, словно медведь нажрался кусочков синего пластика! Разноцветный помёт!

Я выбираюсь на побережье и шагаю по колее дороги на Саратовский кордон. Круг дневного маршрута замкнулся.

– В реальной медвежьей жизни, мясо животных – всегда редкость! И даже для медведя-скотинника, оно является лишь добавкой к нормальной, травяной пище! – размышляю я над результатами своего рабочего дня, уже сидя за столом на Саратовском кордоне, – И скотинник, поедая мясо копытных, всегда «добирает» это дело лизихитонам!..

Дни, летом – такие длинные! Сегодня, у меня – ещё и переход на Тятино, поближе к вулкану и моему, геоботаническому профилю. Я возвращаюсь к своей ботанической работе...

Тятинский дом. Утро. Опять к нам прискакал пастух Слава! Оказывается, медведь разогнал стадо коров в устье Тятиной! Я хочу знать все нюансы поведения медведя, механизм его охоты на коров и чем эта охота закончилась. Рассказ Славы – не в счёт. Мне нужно всё, своими пальчиками, потрогать...

И я переигрываю сегодняшний рабочий маршрут на сто восемьдесят градусов. Мы с Казанцевым уходим на речку Тятину.

Вот и устье. Выше первого переката находится длиннющая первая яма Тятиной. Здесь речка разделяется на два рукава, между которыми, вдоль всей ямы, вытянулся островок, шагов сто пятьдесят в длину и до тридцати в ширину. На нём растут одиночные ивовые баобабы, затопленные зарослями белокопытника.

Сегодня, островок предстаёт перед нами преображённым – до неузнаваемости! Лопуховые дебри стёрты с лица земли! Теперь, здесь – парк! Мелкая травка и толстенные, одиночные стволы редко стоящих ивовых баобабов.

– Вот, это, да-а! – мы изумлённо пялимся на это преображение.

– Парк, да и только!

Я перехожу рукав речки и начинаю осматривать остров. Казанцев шагает в паре метров за мной...

Внимательно глядя под ноги, я медленно брожу среди стволов ив. Кругом – выбитая до гальки почва, коровьи лепёшки, пятаки коровьих лёжек...

– Так. Стадо лежало здесь! – размышляю я.

– Хм! – удивляется Казанцев, – Они никогда не ночевали на этом острове!

– Ага! – киваю я, – Скажем так: «По неизвестной причине, стадо побоялось ночевать, как обычно, на правом берегу речки, близко к лесу и выбрало, под ночёвку, этот островок посреди речки».

– Нет! – тут же сжимаю я, губы, – Что я, хожу вокруг да около? Здесь – кроме нас и медведей, никого нет! Честно – будет сказать так: «Запуганное медведем, стадо побоялось ночевать».

вать близко к лесу и выбрало, под ночёвку, остров посреди речки». Полоса воды – хотя и призрачная защита, но всё же... Значит, дело было ночью, а скорее всего – на рассвете. Кто-то поднял стадо с лёжек.

– И этот «кто-то» подошёл со стороны устья! – продолжаю я, – Смотри, куда все лопухи лежат!

По направлению лежащих на земле, затоптанных – перетоптанных копытами лопухов я понимаю, что коровы, всей своей массой, бросились по островку прочь от побережья.

– Нет! – через минуту, прикидываю я, – Уточнение! Лопухи показывают, что коровки не сразу бросились через речку! Коровки ломились по островку! От нижнего конца этого длинного и узкого островка – к верхнему его концу! И через мелкий рукавчик речки, вправо – они бросились уже с верхнего окончания островка!..

– Так! – думаю я, – У нижнего конца островка – наш брод через речку! Сюда же подходит вездеходная дорога через речку. Это дорога для всех – для людей, для коров, и для медведей...

– Медведь пришёл не от моря! – понимаю я, – Он пришёл к речке, как обычно – по дороге! И тут – напал на стадо, в нижнем конце островка!

Я стою на верхнем окончании острова, внимательно осматриваюсь по сторонам...

– Так! Здесь всё ясно.

По скользким валунам, я перехожу мелкий водный рукав, на берег речки.

– Бедные коровки! – думаю я про себя, очередной раз, едва устояв на ногах, – Все копыта, наверно порвали, на этих камнях!

Держа ружьё наготове, я на цыпочках крадусь по широкому провалу в зарослях белокопытника. Казанцев мне не мешает. Ни шорохом, ни голосом. Когда надо – он умеет быть незаметным...

Я закостенел. Я вникаю в каждый шорох, в каждое движение листа... Особенно часто, я бросаю короткие взгляды влево – на двухметровую, зелёную стену белокопытника. Мой интерес понятен – если медведь задавил корову здесь, по ходу – он должен был утащить тушу в лопухи. А значит – эту стену зарослей должен прорезать волок...

Однако, волока нет! Это меня, сильно озадачивает...

Метров через тридцать после речки, я упираюсь в торец лопухового пролома! Это – скала, тупик. Передо мной, стеной стоит высокий борт речной долины. Я удивлённо качаю головой – под моими ногами мешанина древесных щепок от переломанного ольховника, речной почвы и острогранных камней скальника. Здесь – всё сбито, втоптано и переломано! Мясорубка...

Я осторожно шагаю по этому фаршу. Я понимаю, что главная давка – была именно здесь. Здесь стадо, проломив лопухи, вылетело к этой стене. Слева – лопуховые дебри речной поймы, справа – прижим! Здесь подпирает, крутым берегом, речка! Сзади бешено напирает стадо, а вперёд – эта отвесная, каменная стена...

– Бедные коровки! – снова думаю я, процеживая ушами настороженную тишину лесных дебрей.

Задрав лицо вверх, я с удивлениемзираю на то, что осталось от недавно покрытого деревцами ольхи, кустарником и травой, крутого склона. Теперь, здесь – серой сталью камня отливает почти вертикальная, гладкая скала!

Гладкая! В ужасе бросаясь на штурм стены, стадо спустило копытами вниз всю дернину и почву...

– Сколько здесь ободрано и сбито ног?! – думаю я, – Только в безумстве паники, можно надеяться преодолеть такую крутизну...

Буквально трогая следы копыт руками (мне не нужно наклоняться!), я лезу вверх... И по этим следам, я вижу, что взрывая копытами оседающую всё ниже дернину – по самому краю скалы, наверх вырвались две или три коровки!

Я изумлённо качаю головой: «Потрясающе!.. Что делает страх!».

Развернувшись, я спрыгиваю со скалы обратно и читаю мешанину коровьих копыт:

Наконец, стадо догадалось бросаться не прямо вверх, на скалу, а – вдоль склона, над обрывчиком речного прижима! Выломав ольховник в том месте, где под стенку склона поджимает речка, стадо вырвалось из ловушки – в сторону морского побережья! Здесь, дальше – трёхметровые, плотные заросли белокопытника проломлены узким, всего метров пять шириной, длинным-длинным коридором...

По-прежнему прислушиваясь к каждому шороху и сторожа каждое движение, я осторожно прохожу по этому коридору, в лопухах. Пролом заканчивается нашей дорогой! По ней мы приходим к речке, от дома. Здесь, вырвавшееся на свободу стадо, узкой лентой мчалось по нашей заросшей дороге, в сторону Ночки...

Мы с Казанцевым проходим обратно, к речке, на открытый простор галечного берега. Я сажусь на уже нагретый солнцем валун, ложу своё ружьё на колени и ещё раз собираюсь с мыслями: «Так! Первое – медведь поднял стадо с ночных лёжек. Второе – он пришёл сюда по дороге. Третье – волока с добычей нигде нет. «.

Ладно, со здешними медвежьими делами всё закончено! Теперь – нас ждут дела ботанические. По колеям дороги, мы приходим домой, на Тятино...

Я сижу за кухонным столом и торопливо пью, из своего бокала, чай. И – в лицах и красках, рассказываю Дыхану своё «утреннее расследование».

– Непонятно, только! – заканчиваю я свой рассказ, – Почему, посреди такой истерики, медведь не задавил ни одной коровы?! Ведь – волока нигде нет! Приперев стадо к скале, он обеспечил себе успех охоты!

– Может – он взял корову ещё раньше, прямо на лёжке? – думает Дыхан.

– Нет! – горячусь я, – На островке чисто! Волока нет и в ближайших окрестностях!

– Нигде нет волока... – задумывается Михаил, – Значит, корову он не взял... Всех перебаламутил... и не взял... Хм! Сань! Ты не думал, что это мог быть и не скотинник!

– Как?! – о таком раскладе я не думал.

– Ну... Медведей кругом – полно... самых разных... Представь себе такой вариант:

Ночью, по дороге, через Тятинку шагает взрослый медведь! Просто, проходной! На островке, он напарывается на лежащих на лёжках коров. Они – взорвались, стадо подхватило. Кругом – истерика и храпящий скот. Медведь завёлся! И – давай прыгать, следом... В горячке неумело поездил на задницах замыкающих стадо, коров!.. Почему бы и нет?! В шальную круговерть мечущегося скота он мог, вообще, побояться лезть! Характером ещё не вышел.

– Стадо вырвалось с прижима по лопухам и ушло! – подхватываю я, Дыхановскую мысль, – Медведь остыл и дальше пошёл?!

– Ну! – разводит тот, руками, – Типа того! Медведи – они, ведь все разные. Один – бесстрашный, другой – трусливый...

– Трусливый, молодой... Может быть! – соглашаюсь я, – Тогда – многие неясности можно объяснить...

Я забрасываю за спину свой ботанический рюкзачок, и мы с Казанцевым выходим из дома...

Сегодня мы, своей парой, шагаем по нашему профилю дальше, то есть, выше по склону вулкана...

Шагаем через пробную площадь номер один. Ельник папоротниково-осочковый... На зелёном ковре мха, я вижу кучку медвежьего помёта!

– Помёт! – радуюсь я, – Хм! Это хорошо! Перекури, Серёж, пока я его посмотрю.

– Вчерашний! Гребёнка среднего размера – соссюрея или бодяк!..

Мы не проходим и полсотни метров – как находим ещё одну кучку.

– Ещё помёт! Здорово! – радуюсь я, – Так... Давность четыре – пять дней. Сто процентов объёма – белокопытник.

– Ничего нового! – пожимает плечами, Казанцев.

Вскоре, море хвойных лесов пересекается поперёк склона вулкана полосой зарослей высокотравья. На этом уровне, вдоль подножья склона вулкана, происходит выклинивание грунтовых вод. Здесь обычны мари, покрытые чахлым ольховником. На участке наших работ – это полоса, шириной метров двести. Она заполнена лопухами – просто грандиозных размеров.

Мне нужно охарактеризовать это сообщество.

– Так! – говорю я, – Площадка, десять на десять!

Я раскрываю бланк описания и раздвигая зелёную стену лопуховых стеблей и листьев, принимаюсь за составление списка растущих здесь растений...

Первый ярус, высотой чуть выше двух метров, составляют сплошные заросли белокопытника. На вторых ролях, здесь выступают лабазник, купырь лесной, бодяк и крестовник конопелистный. Несколько реже представлены вейник, какалия, горец сахалинский и соссюрея Фори. Часты полянки крапивы плосколистной. Её жгучие побеги образуют отдельный ярус, высотой около метра.

– Чвак! Чвак! – под моими болотниками чвакает перенасыщенная влагой, дернина...

Вот, отдельной полянкой чистых зарослей, сухой бугор оккупировал вейник Лангсдорфа.

– Что за гигантизм?! – изумляюсь я, – Эта стена вейника – что тростниковые плавни в Астрахани! Я по телевизору видел!

Я достаю свою рулетку...

– Ого! Вейник! Сто восемьдесят сантиметров! – изумляюсь я, – Вот, это высота! Никогда, такого не видел! Серёж! Ты, такой вейник, видел?

– Таких, выше головы – нет! – качает головой, Казанцев.

Обработав лопуховую площадку, мы гребём дальше, к стене хвойного леса...

Из лопуховых дебрей, мы вываливаемся под сумрак крон разлапистых елей и пихт.

– Фу-у! Серёж, перекур! – говорю я Казанцеву, – Дух вон...

– Да! В лопухах не очень-то привалишься! – соглашается тот, – Мокро кругом!

У нас – заслуженный отдых...

Мой взгляд блуждает по зелёной стене только что пройденных нами, лопухов.

– Представляешь, Серёж? – от делать нечего, треплю я языком, – Когда, Магнолией, мы тянули этот профиль – мы, именно здесь, фотографировались всей группой, на фоне стены белокопытника. Высота стены лопухов, была – метра три, точно!.. Вон! Смотри! Белокопытник... Вид называется «белокопытник широкий».

– Ну! – перебивает меня, Казанцев, – Я это сто лет знаю!

– У него два подвида! – не обращая внимания на острый язык напарника, продолжаю я, – Подвид «японский» растёт южнее нас – в Японии. Когда к нам приезжали японские орнитологи – они поражались размерам нашего белокопытника. Я, у них спрашиваю: «А что? У вас, белокопытник – не такой высоты?». Они говорят: «Он, у нас – ниже колена! Тридцать пять сантиметров!».

– Ха-ха-ха! – смеётся Казанцев, своим тонким голосом, – Тридцать пять! У нас – два тридцать пять! Нам бы – их проблемы!

– Ну! – улыбаюсь я, вытирая мокрый от пота лоб мокрым рукавом своей футболки, – «Белокопытник широкий» подвид «гигантский» растёт у нас, на Сахалине и на Камчатке. Это, нам – на радость и для удовольствия!

– Издеваешься! Да?! – Казанцев косит на меня глазом.

Я привычный, меня не прошибёшь. Я не слушаю. Между делом, я настороженно осматриваюсь по сторонам. И недовольно пожимаю плечами: «Блин! Всё тот же хвойный лес, что и был ниже! Без видимых изменений!».

– А что, нам нужен другой лес? – интересуется Сергей.

– Конечно! – заявляю я, – Зачем нам закладывать пробную площадь – опять в папоротниково-осочковом ельнике?! Мы сделали уже три таких площади!

Действительно, по нашему профилю, начиная от побережья, мы заложили уже три полнокровные пробные площади, в хвойниках. И везде – это «ельник папоротниково-осочковый». И всюду, судя по состоянию подроста, ельник, в ближайшие сто лет, будет замещён пихтарником.

– Одинаковые?! Не скажи! – сопротивляется Казанцев, – Ты помнишь третью площадь? Я нигде не видел такого количества подроста!

– Ну, да! – вынужденно, соглашаюсь я, – Было, такое дело...

Действительно, на третьей площади – сплошной ковер хвойных саженцев! Питомник! Двести двадцать тысяч на гектар!!! Это немыслимо!..

– Сегодня, цель – такая! – ставлю я, задачу – Нужно подняться по склону вулкана до высоты, где лес будет существенно отличаться от уже описанного нами ельника и там – заложить новую пробную площадь!

Только мы трогаемся с места – как я вижу медвежью лёжку! На этот раз, медведь не просто лежал на лесной подстилке – он выкопал ямку в почве, у подножия двух елей.

– Хм! Ямку выкопал! – хмыкаю я, – Жарко ему, значит!

– Пошёл бы, тогда, в лопухи! – не понимает Казанцев, медведя, – В прохладной жиже полежал бы!

– Хм! Действительно! – соглашаюсь я.

Я достаю дневничок, ручку и рулетку.

– На, Серёж, записывай... Так! Диаметр лёжки – восемьдесят сантиметров, глубина в центре – пятнадцать сантиметров... Давай дневничок – я зарисую схему её расположения.

Мы шагаем по хвойному лесу, дальше...

Однако, сколько мы ни бредём вверх по ещё пологому склону вулкана, лес – всё тот же! Сплошной полог подроста пихты очень затрудняет движение. Густая стена молоденьких пихточек, ростом чуть выше пояса человека, полностью скрывает под собой валёжник, сучья, коряги и всевозможные бугры и ямки. Здесь – особо не расшатаешься...

И только у самой верхней границы леса, чистые массивы хвойников, наконец, освещаются берёзой, черёмухой, рябиной...

Наконец, мы останавливаемся среди пёстрого, смешанного леса. Здесь по склону пролегает полоса теплолюбивых, широколиственных пород деревьев – это клён, черёмуха, бархат, ясень... А сверху, из подгольцового пояса, сюда вклиниваются узкие языки криволесья из ольхи курчавой. Я удовлетворённо окидываю окрестности взглядом: «Ну, вот! Совсем другое дело! Классический смешанный лес!».

Выбрав однородный участок леса, мы разбиваем пробную площадь, сорок на семьдесят метров. Обозначив затёсками границы площади, мы приступаем к таксации древостоя...

– Мы вычислили формулу древостоя! – радостно разглагольствую, я, оторвавшись от ведомости площади, – Тридцать процентов запаса древесины приходится на ель, двадцать процентов – на пихту, двадцать процентов – на черёмуху айнскую и двадцать процентов – на берёзу Эрмана. Оставшиеся десять процентов делят между собой ольха волосистая, бархат и рябина.

– Только, лес – больно уж, низкий! – недовольно оглядывается Казанцев, вокруг.

– Конечно! – соглашаюсь я, заглядывая в ведомость, – Средняя высота древостоя – всего тринадцать метров! При среднем диаметре тридцать шесть сантиметров... Деревья, вблизи верхней границы леса, становятся короткими!

С одной стороны, нашу площадь подтопляет курильский бамбук. Я вытаскиваю из кармана рулетку и замеряю высоту бамбукового полога.

– Сто тридцать сантиметров! Хотя, я это – и без рулетки знаю. Я сам – ходячий метр!

– Это как? – интересуется Казанцев.

– Это, с прежних времён, осталось, – поясню я, – Для быстроты замера высот разных трав, мы – на себе метки ставили! Например, если высота бурьяна мне по глаза – то это сто пятьдесят пять сантиметров, если мне по грудь – это сто тридцать, если ровно в мой рост – это сто семьдесят...

Рядом, на буреломной опушке окна вывала, буйно разрослась малина сахалинская. Одинокими, двухметровыми кустами стоят гортензия, бузина, смородина. Куртиной саблевидно изогнутых стволиков, стоит клён жёлтый...

– О! Клён жёлтый! – улыбаюсь я, – Сверху спустился!

– Ну! – Казанцев тоже смотрит на клён, – Он же – горный!

На нашем участке разреженного смешанного леса, сходятся целых три разных растительных сообщества – бамбуковое, вейниковое и папоротниковое. И нам нужно выяснить видовой состав слагающих их трав. Первым делом, я шагаю, по плечи, в бамбук...

И уже через три минуты, отплёвываясь от паутины бамбуковых зарослей, вылезая обратно, к Казанцеву.

– фу-уу! Здесь ничего нет!

Под плотным покровом бамбука, никакое другое растение, выжить – не в состоянии.

– Да, это и так было ясно! – заявляет Казанцев, – Изначально!

– Всё-равно! – не соглашаюсь я, – Проверить нужно.

Теперь, моё внимание – вейниковая треть нашей площади. Это, конечно, не бамбук, но всё-же... С бланком описания в одной и авторучкой в другой руке, я прочёсываю, по диагоналям, поляну вейника. И предстаю перед своим помощником несколько озадаченным: «Серёж! Здесь – тоже, ничего нет! Как ни удивительно».

– А что? – дёргает плечом, Казанцев, – Они чем-то различаются? Кроме того, что один – деревянистый, а другой – трава. Что бамбук, что вейник – плотная дрянь, в которой ничего не растёт!

– Ну, в принципе, да! – соглашаюсь я.

Теперь, мы шагаем к папоротниковой стороне нашей площади...

– О! – вскоре радостно восклицаю я, – Вот где настоящее разнообразие!

Первый ярус травостоя, около двух метров высотой, здесь – сложен какалией мощной, бодяком, соссуреей Фори и лабазником. Все они – представители высокотравья. Их дополняет, частая на этой высоте, аралия сердцевидная.

Во втором ярусе, высотой девяносто – сто двадцать сантиметров, господствуют папоротники. Это – сплошной ковёр пышных султанов страусника! Не уступают ему в высоте веера кочедыжника крылатого. Здесь же – масса щитовника австрийского. Ковёр папоротников дополняет разнотравье – здесь и клопогон, и посконник, и астра Глена, и чемерица, крапива, полынь горная...

Общая картина сообщества дополняется плотным нижним ярусом из осочки сахалинской и массы растеньиц майника, двулепестника, меленькой фиалочки...

– Ой! – улыбаюсь я старой знакомой, – Привет, фиалка Селькирка!

– Хм! Названа в честь Селькирка? – схватывает самую суть, подошедший Казанцев.

– Ну! – отзываюсь я.

– Того самого? – уточняет Казанцев, – Александра Селькирка?

– Да! – киваю я, продолжая улыбаться фиалкам, – Ставшего прообразом Робинзона Крузо!

– Фиалка Селькирка... – жеманно закатывает глаза Сергей, пробуя на зуб название, – А что? В то время Кунашир был необитаемым островом... Очень романтично!

– Ха-ха-ха! – смеюсь я, – Казанцев! Твоя артистичная натура прорвалась наружу?! Тебе бы в театре выступить!

– Я это и сам знаю! – заявляет Казанцев.

Я возвращаюсь к работе:

Своеобразие этому смешанному лесу придают лианы! Актинидия коломикта, жгутами своих гибких стеблей, повсюду перевила заросли бамбука! Обвиваясь вокруг стволов деревьев, её тонкие плети тянутся в их кроны, на высоту до девяти метров! Цепляясь короткими воздушными корешками за кору, параллельно стволам деревьев, вверх уходят толстые, серые плети гортензии черешчатой. По колючему малиннику обычны тройчатые, тёмно-зелёные с красными прожилками, листья сумаха...

– Так, растительность описана! – деловито озираюсь я, по сторонам, – Теперь нужно глянуть, как обстоят дела с почвами.

И я врубаюсь своей лопаткой в коричневую, состоящую из перепревших листьев и стеблей трав, лесную подстилку... И сразу же, под ней открывается чёрный, вулканический пепел! Это – мелкий песочек. Как говорил начальник Магнолии Владимир Константинович Грабков – «тонкий песочек». Я углубляюсь в него лезвием своей лопатки...

Ага! Вот и погребённый гумусовый горизонт! Я замеряю рулеткой мощность слоя свежее вулканического пепла – одиннадцать сантиметров. Начинаю снимать лезвием лопатки маслянистый слой плодородной почвы...

Через двенадцать сантиметров земли, моя лопатка вонзается в крупнозернистый вулканический шлак! Спечённые частицы шлака звенят на лопатке...

– Может, ниже залегает ещё один погребённый горизонт? – прикидываю я и продолжаю углублять шурф...

Однако, вот уже семьдесят сантиметров шлака, а нового погребённого горизонта – так и нет. Сидя на краю шурфика, я распрямляю затёкшую спину: «Всё! Хорош! Мне хватит». Для моей работы достаточно и такой глубины вскрытия почв.

– Сорок пять сантиметров шлака! Интересно... Хотя... – пожимаю я плечом, – Мы, ведь, почти на середине склона вулкана! Здесь, с вершины – могло и два метра шлака, навалить...

К вечеру, к Тятинскому дому, подъезжает пастух. Если сказать, что у него кислое лицо, значит – не сказать ничего.

– Мужики, всё! Конец!

– Что – конец?

– Что случилось?

– Стада больше нет! Мужики, я не расплачусь с совхозом до конца жизни! Теперь – «моя тюрьма ходи».

– Славик! – не выдерживает нытья пастуха, Дыхан, – Не тяни резину! Выкладывай!

– Ну, что говорить? На Рубежном – медведь всё стадо на камни положил!

– Да?! Вот, это, да... – озадачиваемся мы.

– Всё – не всё... – не верит Дыхан, – Сколько задавил! Три? Пять?

– Что, семь? – не верю я, – Стадо, где сейчас?

– Ну... Единицы остались! Остальные – все на камнях лежат...

Через пару минут, пастух трясёт головой, словно прогоняя наваждение: «Ладно! Поеду я! В контору нужно. Транспорт требовать буду, да людей побольше – хотя бы мясо вывезти. Одним вездеходом не управиться, пускай к воякам, на Лагунку, обращаются»...

Вскочив на своего вороного жеребца, пастух, на крупной рыси, скрывается вдали... Озадаченные такой новостью, мы стоим и смотрим ему вслед. Закатное солнце освещает нас розовыми лучами. Только, нам – не до розового, тревога скребёт душу...

– Сегодня – уже поздно! Туда – три часа ходу, – рассуждает Дыхан, – Завтра надо сходить, глянуть.

– Угу, – соглашаюсь я, – Даже, если отбросить половину наговорённого Славиком... Надо сходить, своими глазами посмотреть...

Тягинский дом. Наступает яркое, августовское утро. Обильная роса, белыми бриллиантами, сверкает в траве.

– Какое утро росистое! – делимся мы, между собой, – И небо – безоблачное!

Бездонная синева над головами, поднимает наше настроение. Наскоро перекусив, мы, всей тройкой, отправляемся по колеям дороги вдоль побережья, на восток...

По низкой морской террасе, нам навстречу иногда попадаются двойки и тройки телят. Одни понуро стоят, другие бредут нам навстречу, на запад.

– Какие-то, они... не такие! – присматриваемся мы к коровкам.

– Ну. Бредут кое-как...

– Ага. Словно, пришибленные. Смотри, хромает один.

Мы сходим с колеи, уступаем дорогу. Телята, всегда такие пугливые и даже дикие, сегодня – особо нас не сторонятся...

Позади уже почти три, положенных часа хода. На этом участке побережья, низкая морская терраса съедена морем, и колеи заросшей дороги проходят практически над полосой прилива, по лопухам подножья высокой морской террасы.

– О! Волок! – Дыхан тычет пальцем влево, на близкий склон террасы.

Это – в шаге от нас! Мы с Михаилом стремительно лязгаем нашими ружьями и осторожно ступаем в трёхметровые заросли уже загрубевшей гречихи... В шаге дальше – у подножья террасы, лопухи вывалены миниатюрной, продолговатой полянкой. На ней, плотно друг к другу, располагаются пяточки коровьих лёжек.

– Понятно! – думаю я, – Здесь несколько телят лежали на ночёвке... А, вот и волок!

Осматривая каждый шаг полянки, я медленно продвигаюсь к нему.

– Так. Здесь пока всё ясно, – молча прикидываю я, – Медведь взял корову прямо на ночной лежке, не дав ей, даже возможности вскочить. И отсюда – тащил её наверх.

Мы лезем по волоку, по сыпучему вулканическому шлаку очень крутого склона террасы. Здесь – метров семь-десять...

– Как он, тут, корову тащил?! – вслух, поражаюсь я, – Так круто! Да здесь – её надо, как волк овцу – на своём горбу выносить! А не тащить! Здесь – человеку, без помощи рук, не выкарабкаться! А он – с коровой по земле!

– Да! – кивает Дыхан, осторожно высываясь над уровнем гребня террасы, – Дури в нём – до чёрта.

Осторожничаем мы, не зря – сразу же наверху, нам открывается вытоптаный в лопухах пятак медвежьего пира. Михаил трогает чёрным носком болотника широкую, треугольную кость.

– Лопатка.

Ярко-розовые прожилки свежего мяса, недостаточно чисто срезанного с кости медвежьими резцами, контрастно выделяются на белизне кости.

– Хм! – хмыкает Дыхан.

В трёх метрах далее, валяется совершенно целый, туго набитый травой, коровий желудок и небольшие лоскуты коровьей шкуры.

– Скажите мне теперь, что медведь не ест свежее мясо, а терпеливо ждёт, пока оно протухнет! – усмехаюсь я, пиная сапогом лопатку, вслед за Дыханом, – Такие жаркие дни, стоят! А мясо – совсем свеженькое, даже не завоняло!

Метрах в тридцати-пятидесяти перед нами и чуть выше – высоченные, покрытые щёткой низкого бамбука, склоны морского побережья, образуют амфитеатр, цирк. Внутри него стоит небольшая рошица затопленного лопухами ольховника. От нас, туда ведёт волок.

Михаил останавливает меня: «Саня! Будь готов! Я, сейчас, сунусь в этот ольховник. Если он, там – то непременно выскочит! Деться ему – некуда. Кроме как на эти голые, бамбуковые склоны. Ты, смотри! Не зевай».

Держа свою вертикалку наготове, Дыхан осторожно ныряет под лопухи. Замерев, я ловлю глазами каждое движение. Замер палец, на спусковом крючке...

Тянутся минута за минутой. Вокруг всё тихо...

Вот! Вздрогнула ветка, в самой середине рощицы! Михаил, из-под неё, коротко взмахивает мне рукой. Не заставляя долго ждать, я спешу к нему.

– Нет его, здесь! – спокойным голосом, встречает меня под ольховником, Дыхан, – А жаль! Такая ловушка. Не ушёл бы, гад.

– Вот, смотри – оставил! – Михаил пинает болотником круглые, трубчатые мослы, с копытами на концах, – Здесь, под ольховником, доел.

– Быстро как! – удивляюсь я, – В два приёма съел!

– Тьфу! – в сердцах, сплёвывает Дыхан, – И опять поздно! На день бы, раньше!

Обратно по волоку, мы спускаемся к берегу моря, на дорожку, где нас ждёт Казанцев. И шагаем, своей тройкой, дальше...

Метров через четыреста, мы выходим в миниатюрную бухточку. В дальней её части стояло ограждение. Песчаный пляж узкого берега был перегороден поперёк вкопанными в песок столбиками, с колючей проволокой между ними. Это для того, чтобы стадо не могло пройти дальше. Потому что, дальше – крутой травяной склон высоченного морского мыса обрывается к морю нагромождениями береговых скал. Мы стоим на обширной, горизонтальной площадке морского песка. Под ногами, сплошняком – пятаки коровьих лёжек и коровьи лепёшки. Масса лёжек!

– Здесь – стадо лежало на ночёвке, – говорит очевидное, Дыхан, – Перед загородкой.

Внимательно глядя под ноги, мы, не спеша, бродим по пляжу, от лёжки к лёжке...

Следы показывают мне, что медведь напал на корову, лежащую крайней к выходу. Стадо вскинулось и бросилось в противоположную сторону – на изгородь. Мы подходим к месту бывшей изгороди. От неё остались жалкие обрывки! Что может удержать храпящий от ужаса скот?! Здесь сорваны целые пролёты столбиков!

Мы шагаем дальше, по перемолотому множеством копыт морскому песку, за угол берега...

– Да-аа, – тянет Дыхан, – Сдаётся мне, что Славик не очень преувеличил!

Мы видим мешанину следов от коровьих копыт. Я представляю, как, в черноте ночи, стадо мчалось к каменным скалам. Мы – не дураки. Морально, мы уже готовы к лужам крови и горам трупов, и множеству искалеченных, но пока живых...

День уже клонится к вечеру. Мы, гуськом друг за другом, устало бредём обратно, по склону кровавого мыса, над обрывом морских скал.

– Серёга! Сколько вытащили, не считал? – разлепляет губы, Дыхан.

– Двенадцать, – тонким голосом, говорит Казанцев, он шагает вторым, – Странно мне, знаете, что?

Повисает пауза...

– Ну! – выдыхает Дыхан, – Не тяни!

– Странно, что мы, сотрудники заповедника, жилы рвём, спасая совхозный скот! Разве это наше дело? Где, все эти колхозники?!

– Пока, они приедут... – отзываюсь я.

– Кто ж их спасёт, если не мы?! – бурчит Дыхан.

Вот и ручей Рубежный. Мы долго отмываемся в этом ледяном ручье, от солёного пота, от кровавой слизи и грязи, от зелёного, коровьего навоза...

– Ну, что, Серега? – устало улыбается Михаил, – Что ты, чувствуешь?

– Я? – ершится Казанцев, – Что, ещё до кордона нужно дойти!

– Мы – все такие, – неохотно подаю я голос.

Молча, мы проходим размётанные столбики и колючую проволоку бывшей загородки...

Скоро, колеи вездеходного следа, с линии приборя поднимаются на невысокое плато. Клонящееся к вершинам хребта Докучаева далеко на западе, далёкое солнце, своими косыми, уже не греющими лучами, светит нам прямо в глаза. А нам – ещё шагать и шагать! Я поглубже надвигаю на глаза длинный козырёк своей кепки. Вокруг, по обе стороны нашей заросшей дороги, мирно стоит зелёное море низкого бамбука.

Сойдя с дороги вправо, Дыхан режет поперёк голые здесь, бамбуковые устья распадков, один за другим сбегаящих со склонов вулкана, к морю. Поджидая его, мы с Сергеем, не торопясь шагаем по вездеходным колеям...

– Я себе – спину, на солнце спалил! Огнём горит! – сетует Сергей, трогая свою камуфляжную куртку в районе лопатки, – Такой день, знойный был! Оказывается... А мы, как разделись перед коровами, по пояс – так и забыли!

– Угу, – односложно, отзываюсь я, в ответ, – Весь день, под солнцем.

Я знаю, что Казанцев – «белокожий». У него кожа – белая, как тесто. Такие люди, генетически, не расположены к загару и солнцу – их враг. Зато я, за сегодня, загорел! Хотя, как можно загореть? Когда весь перемазан коровьим навозом. И почти лежишь под коровой, что есть сил упираясь, плечом в её задницу?! Какой загар?! Когда сам – чуть богу душу не отдаёшь?!

– Эгеееей! – кричит Дыхан, выскочив на колею вездеходного следа далеко позади нас, – Нашёёёл! Нашёёёл!

Переглянувшись, мы с Сергеем спешим обратно, по колеям...

Михаил ведёт нас по низкому бамбуку, в устье ближайшего бамбукового, пологого распадка.

– Саня, смотри! – говорит он.

Моим глазам предстаёт, такая знакомая картина:

Вновь, по низкому бамбуковому разнотравью, плотным кругом разбросаны пяточки коровьих лёжек. И опять, с самого края, со стороны распадка, видна миниатюрная поляночка содранных когтями лопухов, с холмиком стеблей посередине.

– Вот, ссука! – зло цежу я, сквозь зубы, – Прямо, стандарт какой-то! Опять подошёл к стаду на ночёвке и задавил крайнюю корову! Прямо на лёжке!

– Это, всё – понятно! – отмахивается Дыхан, – Ты – дальше смотри!

Я шагаю к холмику лопухов... Холмик разворошен сверху.

– Сюда, давайте! – зовёт Дыхан.

Плотный ковёр бамбука – по колено. Через десяток шагов по днищу распадка вверх, мне открывается второй пяточок содранных медведем лопухов.

– Так! – осматриваюсь я, на новом месте, – Если ночью взял, то, оттащив чуть в сторону, сразу же кормился. А на день, от воронья, завалил тушу лопухами. Это был первый холмик... Вечером пришёл, выдернул тушу из первого холмика лопухов и оттащив её сюда, на новое место, опять нажрался. Уходя на днёвку, завалил остатки лопухами. Это – этот, второй холмик.

– Всё это – правильно! – нетерпеливо тормозит меня Дыхан, – А теперь – сюрприз!

– Какой?

– Там! – показывает Дыхан рукой, ещё выше по днищу, – Третий бугор!

– Где?! – загораюсь я.

– Пошли! – кивает он мне.

Дальше – по днищу распадка, начинаются лопухи белокопытника, пока невысокие, по пояс. Дыхан осторожно раздвигает лопухи и пропускает нас с Сергеем на ещё одно место медвежьего пира. И сразу приказывает: «Ни с места! Только стойте и смотрите! А то – запах, свой, оставите!». Я осматриваюсь:

Мы стоим недалеко от третьего холмика... Холмик сложен из стеблей лабазника. Он – тоже разворочен сверху! Но! Метрах в десяти от этого пяточка, прямо в низком бамбуке, лежит передняя часть коровьей туши! Я удивлённо поднимаю брови: «Да-а?! Почему она не завалена лопухами?».

– Ну, мало ли почему? – отбивается от моей логики, Дыхан, – Его – даже мы могли подшуметь! Утром! Когда проходили по дороге мимо, в сторону Рубежного! И он – просто ушёл, не успев завалить. Не это, Саня, главное! Ты подумай! Мы – всё время опаздывали! Всегда приходили к уже обсосанным мослам! А сейчас – мы имеем целую половину туши!!! Свежую! Понимаешь?! Сегодня, на ночь, он обязательно придёт сюда! Надо остаться на туше!

Я молчу. Я думал, что мой сегодняшний, такой тяжёлый день – уже завершился. И морально – я имею при себе физические силы только на то, чтобы просто дойти до дома. Такой, новый расклад сил, моей голове надо переварить...

– Завтра – будет поздно! – горячится Дыхан, на моё молчание, – Опять, будут одни мослы!

Свежайшее мясо коровьей туши розовеет передо мной. Тёмно-красные ступки запёкшейся крови на рёбрах с внутренней стороны грудной клетки, неестественно заломленная вверх рогатая коровья голова...

– Давай! – соглашаюсь я.

Я согласен. Я – очень даже, согласен! После сегодняшней крови и трупов, после стольких глаз полуживых, обречённых на смерть коров, их стонов о помощи, после моря мук и боли, я горячо считаю, что каждому – должно воздастся по заслугам...

– Конечно, давай! – решительно заявляю я.

Всё! Решение принято... Ступая след в след, мы выходим обратно, на колеи нашей «дороги». Оказывается, она пролегает совсем рядом!

– Сергей! – разворачивается на колее, Дыхан к Казанцеву, – У тебя – всё-равно, ружья нет! И ты нам, в засаде, не поможешь. Зато, чем больше людей – тем больше запаха и звуков. Ты – человек не лесной! Начнёшь кашлять, вошкаться, шелестеть бамбуком! Давай, мы тебя отправим на кордон? Ещё по-светлому дойдёшь! Сваришь нам, лучше, пожарть чего... А мы, с Саней, здесь посидим.

– Хорошо, – кивает Казанцев.

Казанцев соглашается без воплей. Хотя мы знаем, что уходить одному, безоружному, в сумерки, в наше лопуховое безлюдье – это тоже круто. Ему, шагать – практически, все три часа! И для плохих встреч с медведями – тут вариантов много... Но, Казанцев – тоже, не лыком шит, доберётся. И в одиночку, и без оружия. Не первый день по лесам...

– Только, ты смотри! – напутствуем мы его.

– Смотри! Если, медведь...

– Да, что я?! – взвивается в ответ, Казанцев, – Мальчик, что ли?! Вы – кому, всё это говорите?!

– Ладно – ладно... – сбавляет обороты, Дыхан и просит, – Ты, только, свою камуфляжку Сане оставь! – Нам – незаметными, нужно быть.

Казанцев начинает торопливо расстёгивать пуговицы на своей куртке...

Солнце уже окончательно клонится к далёкому западу. Откровенно вечереет. У нас совершенно нет времени! Мы торопливо расстаёмся. Сергей, отдав мне свою камуфляжную куртку, уходит по дороге, в сторону далёкого-далёкого, Тятинского дома.

Окинув взглядом окрестности, Михаил тычет пальцем в большой куст ольховника, густо зеленеющий на середине более высокого, противоположного, бамбукового склона нашего распадка, прямо над коровьей тушей. Но! Туда – нам нужно пробраться, не оставляя следов на путях возможного подхода медведя! И мы, рысью бежим по колее вездеходного следа, обратно, на восток...

Проскочив устье распадка, мы прыгаем вправо и уже с нужной стороны распадка, продираемся по бамбуковому склону, к обширному кусту ольховника, месту нашей засады.

– Шушш! Шушш! Шушш! Шушш! – при каждом движении, бамбук предательски громко, шелестит на всю округу!

Всё. Добрались. Мы стоим на середине склона нашего распадка. Слева – море, справа – суша.

– Всё! – приглушённо говорит мне Дыхан, зыряка по сторонам, – Здесь!

Мы садимся в бамбук, я – на корпус выше Михаила, по склону. Над нами нависает большая куртина ольховника.

– Хорошо! – хмыкает на это, Дыхан, – Сзади, мы – прикрыты! Если, даже, он придёт сзади – то, обходя куст, всё-равно окажется в секторе стрельбы!

Ветра нет совершенно. Бамбук полностью скрывает нас. С головой. Вытянув шею, я выглядываю из него, наполовину лица... Осторожно отгибая каждую веточку бамбука по отдельности, я открываю себе обзор перед лицом. Оружие проверено и дозаряжено ещё внизу, на дороге. Осторожно выставив вперёд ствол, я устраиваю ружьё на коленях и расслабляюсь – ждать, может быть, придётся не один час...

– Саня! – едва шевеля губами, шепчет мне Михаил, – Ты – смотри за распадком! Он, скорее всего, по его днищу придёт, справа, из леса. А я – со стороны моря, буду!

И всё затихает. Вокруг разливается полная тишина. В природе наступает предвечернее успокоение. Жёлторозовые лучи заходящего солнца бьют прямо в глаза и меня очень выручает длинный козырёк моей кепки. Мы оба – в камуфляже и поэтому, если сидеть без движения, то нас вряд ли кто сможет заметить.

Потянулись минуты ожидания...

Изучив каждый кустик в порученном мне секторе, я постепенно осваиваю прочие окрестности:

Мы сидим на середине бамбукового склона распадка. Прямо под нами, метрах в двадцати, на днище распадка, лежит короб коровьей туши. Я рассматриваю розовые рёбра внутренних стенок грудной клетки...

Противоположный, низкий, метров пять высотой, склон распадка, также покрыт плотным ковром низкого бамбука. Прямо за распадком, практически до горизонта, широкой полосой, на запад простирается длинное плато. Совершенно безлесное, оно также покрыто жёлто-зелёным ковром бамбука. Я знаю, что он, там – по пояс. Издалека, под этим плато, по узкой полоске низкой морской террасы, вдоль побережья к нам тянутся колеи заросшей вездеходной дороги, по которой ушёл Казанцев...

– Цык!.. Цык!.. Цык!

С нависающего над нами ольховника, раздаётся тревожное цыканье овсянки! Настойчиво и упорно, эта птичка извещает всех о нашем присутствии. Её тревожный голосок звонко звякает в разлитой вокруг нас, абсолютной тишине!

– Цык!.. Цык!.. Цык!

От этого звука, мне делается нехорошо...

Шевельнув одной рукой, Михаил выдергивает из-под бамбука горсть земли и не поворачивая головы, коротким движением швыряет её в птичку.

– Шшшшш! – шуршит по кожистым листьям бамбука, земляная крошка.

– Цык! Цык! Цык! Цык! – ещё пуще разразившись тревожным цыканьем, овсянка скачет в бамбуке!

– Кышь! – словно кот на мышь, зло шипит на неё, Дыхан, – Кышь!!

И снова мечет в птичку горсть земли.

– Шшшшш! – шуршит по бамбуку земляная крошка.

Птичка бойко юркает в бамбук! Всё затихает...

Тянется, долго тянется время ожидания...

– Саня! Медведь! – вдруг, раздаётся в тишине, резкий, свистящий шёпот Дыхана.

От этих слов, меня бросает в дрожь. словно, в фильме про войну, над цепью наших окопов крикнули: «Танки!».

Я ничего не вижу! Никаких изменений в окружающем мире!

– Вон! Из леса выходит! Видишь? – уже другим тоном, тихо спрашивает Дыхан.

Зыркнув по голому бамбуку безбрежного плато, что простирается за нашим распадком, я всё-равно ничего не замечаю.

– Нет!

– Вон! Прямо! Метров семьсот!

– Семьсот?! – изумляюсь я, про себя и всматриваюсь далеко-далеко в даль, – Я думал, что он уже близко!

– Нет! Так далеко я не вижу!

– Смотри далеко! А там, в самом конце – вправо... На границе леса, точку, видишь?

Плато, на всём своём протяжении справа, граничит с тёмной массой хвойного леса. Но эта граница – не резкая, это – не стена! Между чёрным морем хвойника и бледно-зелёной, бамбуковой поверхностью плато разбросано множество чёрных точек. Я понимаю, что это – стоят одиночные, небольшие, разлапистые ёлочки, наполовину своей высоты затопленные бамбуком.

Пока движения нет, сколько я ни всматриваюсь – я ничего заметить не могу.

– Двинулся! Теперь видишь? – уже нетерпеливо, спрашивает меня, Дыхан.

И я – вижу! Вижу движение! Далеко-далеко, на самом горизонте бамбукового плато, одна из чёрных ёлочек в середине этой полосы размытой границы между хвойником и бамбуковым плато – неуловимо качнулась из стороны в сторону.

– Вижу! – сообщаю я и удивляюсь, уже про себя, – Хм! Ну, у тебя – и зрение!

Нервная дрожь проходит. Я, с удивлением, прислушиваюсь к себе...

Чёрная «елочка», на горизонте, начинает едва уловимо раскачиваться из стороны в сторону.

– Сюда, к туше идёт! – тихо констатирует Дыхан, – По чистому полю! Как у себя дома!

– Почему бы и нет? – думаю я, в ответ, – Он и есть – у себя дома.

Подобравшись, мы ждём, не сводя глаз с качающейся из стороны в сторону, далёкой «елочки»...

Какое-то движение, в стороне, схватывает мой глаз! Скосив глаз влево, я вижу, как тоже на горизонте, из-за поворота низкой морской террасы, по колеям нашей дороги показываются два зелёных человечка! Мелкие! Как два, вертикально поставленных зёрнышка риса.

– Это, ещё, что такое?! – испуганно округляю я, на них, глаза.

Зелёная «двойка» вприпрыжку «рвёт» по вездеходным колеям, в нашу сторону. С искренним удивлением, я взираю на этих людей...

Носком болотника, я трогаю плечо сидящего ниже, Дыхана. Тот раздражённо дёргает правой бровью, но потом скашивает на меня, свой правый глаз. Я, едва заметно, киваю влево, на дорогу и едва разлепляю губы: «Миш! Ту-рис-ты!». Бросив взгляд на дорогу, Дыхан обречённо обмякает, словно из него выпустили воздух: «Всё! Блин! Сейчас подхватит!.. Носит же, этих недоносков, по свету!!!». У меня внутри, тоже, всё опускается.

– Вот, это – облом, так облом! – опустошённо думаю я.

Но, делать нечего! Мы сидим и ждём развязки...

Туристы понизу, медведь поверху... Все движутся в нашу сторону параллельно, не догадываясь друг о друге! Между ними – метров пятьдесят! Благо, что медведь шагает по плато, поверху, а туристы полубегут по колеям дороги под ним, понизу...

Минута течёт за минутой. Медведь, всё также, размеренно и ходко шагает по плато, люди – всё также, вприпрыжку «чешут» по колее, у самой литорали моря... И вся эта процессия, постепенно приближается к нам...

Я всматриваюсь в фигурки туристов.

– Нет! – думаю я, – Далеко. Ещё очень далеко.

– Да, это Кислый!!! – изумляется Дыхан.

Не вставая из бамбука, он поднимает над головой свою камуфляжную руку и делает ею короткое, резкое движение. Невероятно!!! Этого оказывается достаточно! Первый «турист» встал на колее, как вкопанный и устоял на наш склон! Спешащий следом, второй «турист», с разгону налетает на спину первого! И тоже таращится на наш склон.

– Как, они, могут нас видеть?! – молча поражаюсь я, вглядываясь в далёкие-далёкие фигурки.

Со страшным выражением лица, Дыхан отчаянно жестикулирует руками! Мне, из всего этого – ясно, что «туристы» должны упасть на карачки и обогнув круговым путём наш распадок по дороге, зайти к нам сзади. Уже в следующее мгновение, коротко зыркнув влево, в сторону нависающего над ними плато и выхватывая ружьё, первый «турист» пугливо приседает к самой земле! Мгновение спустя, на полусогнутых ногах, он уже торопливо «чешет» вперёд, по колее. Следом за ним, в той же позе, семенит второй...

– Им нужно обогнать медведя! – молча прикидываю я, – Успеют?

Через несколько минут, зелёная пара проскальзывает по дороге мимо нас, в наш тыл!..

– Хм! – я смотрю на них, – Это, точно Кислейко! А второй?.. Это Мишка Ульянов!

– А медведь? – я скашиваю глаза вправо, на плато.

И лицо моё – вытягивается. Медведь – вот он! Он уже совсем близко!!! Сильно раскачивая из стороны в сторону своё мощное, крепко сбитое тело, он спокойным шагом, но очень ходко, идёт по бамбуковому плато, прямо на нас. Я – совсем не новичок, в нашем лесу! И меня поражает та лёгкость, с которой медведь шагает по плато!

– Там же – бамбук по пояс! И крепкими плетями актинидии переплетён так, что – не продраться! – нехорошо поражаюсь я, – А он шагает – как по мелкой травке на газоне!

Минута, вторая, третья... Вдруг, практически, под Дыханом, из бамбука выскакивает голова Кислейко!

– О! – вздрагиваю я, от такой неожиданности, – Как чёрт из табакерки!

– Т-сссс! – в бешенстве, словно ядовитая змея, шипит на эту голову, Дыхан.

Остекленев, он не сводит глаз с уже близкого медведя. Голова Кислейко, также быстро, исчезает обратно, в бамбук! Совершенно беззвучно!!!

– Фу! Успели! – камень падает у меня с души.

А медведь – вот он! Он уже здесь! Он уже пришёл! Он стоит! Он стоит прямо напротив нас, на противоположном краю распадка.

Зверь тяжело поворачивает свою массивную бурую башку вправо, в сторону побережья. В раздумье, он длинно тянет носом воздух... Через минуту, медвежья башка тяжело и медленно поворачивается влево, в сторону верховий распадка...

– Фушш! – медведь мощно, шумно выдохнул воздух, прочищая нос!

Я вижу не только отдельные волосины его шерсти! Я вижу выражение его маленьких глаз! С оттопыренной, нижней губы течёт, ниткой тянется вниз, вязкая слюна...

Медведь тяжело поворачивает свою морду прямо перед собой и неотрывно смотрит на нас... Мне кажется, что он видит меня насквозь! И я отвожу свой взгляд, миллиметр за миллиметром увожу, прячу своё лицо за бамбуковый лист...

Я затаиваю дыхание, не смея поднять глаз.

– Скот-тина! – злюсь я, – Смотрит – как рентгеном сверлит!.. Когда это кончится?!

– Тук! Тук! Тук!.. – я слышу каждый удар своего сердца...

Наконец, осмотрев сверху «поле боя», медведь делает шаг вперёд и... неожиданно поджав под себя задние ноги, в одно мгновение съезжает на заднице, по бамбуковому склону распадка, на его днище! В одно мгновение!

– Шшшшшуххх!

– Вот, это, да!!! – я изумлённо вытаращиваю глаза, на это действие.

В следующее мгновение, на днище, медведь коротко качнул своё квадратное туловище вперёд, поднимаясь с попы – и он уже стоит у туши! Шагу, даже, не ступив!

– Как-раз, там – мы оставили свой запах! – в страхе, застываю я.

Хватанув человеческого запах, медведь стекленеет. Весь напрягшись и чуть вскинув вперёд и вверх голову, он медленно тянет носом воздух!

– Сейчас будет развязка! – понимаю я, – Или мы начнём стрелять или он бросится прочь!

Осторожно, чтобы не шумнуть бамбуком, я плавно поднимаю ствол своего ружья. Поводив мушкой по туше медведя взад – вперед (такая огромная мишень!), я жду, как и было условлено, первого выстрела...

– Ба-аах!!!

Раскалывает выстрел, такую напряжённую тишину! Слово подрубленный, медведь падает. И тут «в бой вступает вся наша артиллерия!»! Грохот выстрелов сливается в сплошной обвал. Демонстрируя удивительную живучесть, зверь пытается подняться, но град пуль не позволяет ему сделать это. Я бью вдоль, по туше: шея, лопатки, рёбра... быстро нажимая на курок.

– Баххх! Баххх! Баххх! Баххх!

Пули ложатся ровной линией, вдоль бока.

– Стойте! Хватит! Хорош!

Я едва слышу, в грохоте выстрелов, крики Дыхана и с сожалением, убираю палец со спускового крючка – у меня ещё один патрон остался!

– Хватит! – кричит Дыхан, – Он уже давно готов!

– Ур-ра!!!

– Ура!!!

Радостные, мы вскакиваем со своих мест.

– Привет!

– Здорово!

Мы жмём друг другу руки – наконец, есть время поздороваться! Ульянов вытирает рукавом энцефалитки своё потное, красное лицо: «Вот это гонки! Десять километров бега – и сразу, «на огневые». Биатлон! Скажи кому – не поверят!».

– Успели! Нет, мы успели!

– А, мы смотрим – туристы! – делюсь я, эмоциями.

– Я думал – всё! Крантец! – смеётся своим хриплым голосом, Дыхан, – А ближе подошли, я смотрю – Кислый!

Кислейко – спортсмен, ему без разницы эти пробежки, а Михаил Ульянов – всё стоит, согнувшись. Он тяжело дышит, переломившись в поясе и уперев руки в бока, всё никак не может отдышаться...

– Какие туристы! – улыбается своей улыбкой, Кислейко Дыхану, – Бежали всю дорогу от Ночки! Я думал – не успеем! Бежим, бежим... а вас – всё нет!

– Но, как успели – то! – радуемся, мы, – Так – только в кино бывает!

– Ещё бы минутой позже – и всё! Общий облом!

– Саня! – Дыхан поворачивается ко мне, – Как твоя техника?

– Отлично! – восторгаюсь я, показывая свою пятизарядку, – Система работает, как надо!

– Кто первым-то стрелял? – интересуется Дыхан, обращаясь ко всем.

Мы, все, недоумённо переглядываемся.

– А-аа! – после паузы, театрально отмахивается Кислейко, ручкой, счастливо улыбаясь от уха до уха, – Это был я!

– Здорово! – обступаем мы его.

– Классный выстрел!

– Молодец!

Теперь, наше внимание – медведю.

– Ух! Здоррровый какой! – приценивается к продолжающему лежать под нами, на днище распадка, медведю, Дыхан, – Кто сколько раз стрелял?

– Я – два раза, – говорит Кислейко.

– Я – только два, успел, – подтверждает Ульянов.

– Я – один раз, – сообщает сам Дыхан.

– Я... четыре, – сокрушаюсь я, – Пятый, вот... не успел...

– Ну, мы даём! – огорчается Дыхан, – Девять пуль в одного зверя!.. Ладно. Пошли, посмотрим.

Мы осторожно спускаемся по бамбуковому склону распадка вниз, напрямую к медведю...

Подшли. Медведь лежит на правом боку, не дышит. Но, его тело собрано в тугой комок. Вчетвером, обступив медведя со всех сторон, мы медленно склоняемся над ним...

– Хух-ххх! – неожиданно, медведь делает сильный, хриплый выдох!

Как горох, мы сыпимся в разные стороны. И через секунду, нервно подтруниваем над собой.

– Блин!

– Скот-тина!

– Напугал-то как!

– Надо же, как живуч! – удивляется Дыхан и просит Ульянова, – Миш! У тебя – карабин, патронов не жалко. Пристрели его!

Молча приставив ствол карабина к туше со стороны спины, Ульянов стреляет по позвоночнику.

– Та-аххх!!! – резко бьёт карабинный выстрел.

Туша медведя расплывается большой, бесформенной медузой, рядом с окровавленной половиной коровьей туши...

Зная моё отношение к «братьям нашим меньшим», Ульянов, с добродушной улыбкой, интересуется у меня: «Саня! Ты ж – Гринпис! Стрелять – не жалко было?».

– Нет, Миш! – я гляжу на медвежью тушу у наших ног и отрицательно качаю головой, – Этого – не жалко!

– Что так? – удивлённо смотрит на меня, Ульянов.

В ответ, я зло поджимаю губы: «Ты знаешь, сколько на Рубежном трупов и крови? А, сколько там осталось стоять и лежать раненых и умирающих? Которые терпеливо ждут твоей помощи, а ты понимаешь, что не можешь их вытащить! Не можешь! Ты слышал, как мычат просящие о помощи? Как терпят боль и ждут?».

– Да ладно, Саня! – Ульянов изумлённо смотрит на меня, – Это я – так...

И всё же, спрашивает: «Что? Там... всё – так плохо?».

– Хм! – хмыкаю я, – С этого гада – с живого, шкуру сдирать надо! Мед-лен-но... А мы его – просто застрелили! Жалко, лёгкая смерть.

Ульянов отходит от меня и тут же пристаёт к Дыхану: «Миш! Хоть, ты скажи... Что там?».

– Картина – не для слабонервных, – отрезает Дыхан, – Сколько смогли – мы спасли. Всех остальных – не вытащить... Завтра утром, как туда пойдёте, ты карабин не забудь с собой взять!

– Да?... – не понимает Ульянов, – Зачем?

– Их, ведь – добивать нужно! – взрывается Дыхан, – Кто, это, будет делать?!

– Ну, ладно...

– Завтра, когда вернёшься с Рубежного... – уже спокойно дёргает плечом, Дыхан, – Ты захочешь пойти в лес и застрелить ещё, штук пять... медведей.

Ульянов молча смотрит на Дыхана, потом на меня.

– Ты, Миш, не вороши душу, – говорит ему Дыхан и кивает на медведя, – Пошли, лучше, к туше.

Мы все оборачиваемся к медведю.

– Да-а! Большой зверюга! – оценивает Дыхан скотинника, вблизи.

– Матёрый! – соглашается с ним Кислейко, – Ему лет десять будет, если не больше.

– Саня! Ну, как тебе, медведь? – спрашивает меня, Дыхан.

– Хороший! – киваю я, прицениваясь к туше, – Матёрый. Взрослый... Такой меня побил, в восемьдесят шестом.

– Что?! – Дыхан смотрит на меня с удивлением и сомнением, – Такой?!

Я ещё раз прицениваюсь к зверю и утвердительно киваю головой: «Да! Такой, вот! Большой медведь».

– Да? – снова изумляется, Дыхан, – Вот, блин! А я, почему-то считал, что ты на молоденького нарвался...

Пока не стемнело, Дыхан и Кислейко вынимают ножи и начинают свежевать тушу медведя.

– Ночи, сейчас – тёплые! – деловито переговариваются они, между собой, – Оставим так – протухнет! До утра.

Чувствуется, что они давно притёрлись друг к другу. Я и Михаил Ульянов пытаемся помогать им, но скоро понимаем, что в этом нет необходимости. Дыхан и Кислейко – мастера этого дела...

Мы шагаем домой. Долгая дорога на кордон, по полной темноте... Её величество, ночь! Вытянувшись в цепочку, мы шагаем вперёд, часто – только угадывая колею ногами. Возникающие из мрака кроны деревьев, чёрными горами, медленно проплывают мимо...

Так, среди ночи, мы поднимаемся на плато бывшего посёлка Тятино. Кругом – темнота и ночь. Наш приземистый, чёрный Тятинский дом продолговатым стогом сена вырисовывается в черноте ночи. Света, в окне, нет. Значит, Казанцев уже отбился.

– Погодите! Стойте! – тормозит нас Ульянов, – Давайте, Казанцева напугаем! Пускай потрясётся!

– Хм! – с сомнением, пожимаю я плечами, – Думаете, потрясётся?

– А, вдруг?! – загораются идеей, все остальные.

– Да! Саня! – тормозится, уже было шагнувший в сторону дома, Ульянов, – Там, у вас, ружья никакого не завалялось?

– Ружья? – не понимаю я.

– А то ведь, как даст, с дури! – разъясняет свою мысль, Ульянов, – Мало не покажется!

– Нет, Мишка! – успокаивает его Дыхан, – Ружья – все при нас!

– Ну, тогда стойте здесь! – распоряжается Ульянов, – Чтоб не спугнуть!

Михаил, пригибаясь, бежит по тропинке, к темнеющему в ночи, Тятинскому дому. Мы стоим, ждём...

Вот, покатило в дровянике, что с восточного торца дома, пустое ведро! Его громыханье, под тяжёлыми «медвежьими лапами», даже моему лесному уху, кажется очень убедительным. Глухо и поначалу негромко, загудел, заворчал «зверь», царапая дальний угол дома...

В доме – по-прежнему, тихо...

«Медведь» взревел в полную силу!..

– Скриииип! – очень буднично открывается дверь тамбура.

– Вы долго ещё будете банками греметь, да медведей изображать?! – звенит в темноте ночи, тонкий голос Казанцева, – Только, спать не даёте!

– Ну, вот! – в ответ басит в ночи обиженный голос Ульянова, – Чучело! Вышел, блин! Всю малину обгадил!

– Что?! Я – чучело?! – взвизгивает к небу фальцет Казанцева, – Сам ты чучело!!!

– Ха-ха-ха!

– Ха-ха-ха!

– Ха-ха-ха!

Я, Кислейко и Дыхан – слушая эту перепалку, мы ржём в полный голос в тишине ночи, как три жеребца. Уже не таясь, мы шагаем в темноте, по тропинке в лопухах, к нашему дому.

– Сергей! Ну, ты что? – выговаривает Казанцеву Кислейко, – Не мог в доме, завизжать?! Хотя бы, для приличия! Люди, ведь, старались!

– Как в дверную щёлку запричитал бы! – смеюсь, подходя, я, – Вот смеху было бы!

– Кто ж тебя, следующий раз, пугать пойдёт? – хрипло смеётся Дыхан.

Гурьбой, мы вваливаемся к себе домой, горлая каждый о своём...

– А что ты нам, пожрать сварил?

– Что-нибудь сварил? Посветите, чем, в кастрюлю!

– Ух, ты! Каша! С тушёнкой! Вкус-но!!!

– А, есть как хочется!

– Ну! Целый день не жравши!..

Тятинский дом. Двадцатое августа! Я вновь предпринимаю попытку описать растительность подгольцового пояса вулкана Тятя. Теперь, я уйду на вулкан с Сергеем Казанцевым. Стоит обычный, пасмурный день.

Сколько всего пережито, вместе! Мы бодро шагаем на восток, под рюкзаками, каждый по своей колее. Сегодня, нам предстоит стандартный проход с грузом вдоль побережья, до Рубежного и потом – вверх, по сухому днищу засыпанного вулканическим пеплом распадка, через пепловую равнину Отважного. Моё место палатки, на склоне вулкана чуть выше Отважного, давно ждёт нас...

Хотя, сегодня мы идём осторожно.

– Может, там всё медвежье население собралось! – думаю я, – Столько мяса тухнет! Запах, наверняка на пол-острова разошёлся!

Вот, перед нами бухточка ручья Рубежный. Осторожно, озираясь на близкую стену лопухов, мы проходим мимо раздувшегося трупа бычка, лежащего среди валунов на линии приборя.

– Фу! – двумя пальцами затыкает нос, Казанцев, – Вонючка какая!

Я улыбаюсь на это, внимательно осматривая песок морского пляжа вокруг трупа... Вонь, действительно, стоит страшная, а следов медведей, которые доедали бы эту пададь – нет!

– Смотри-ка, ни одного подхода! – удивляюсь я, – Ни одного следочка, вообще! Словно, вымерло всё! Столько медведей живёт вокруг – и ни один не подходит!.. Ладно, посмотрим, что делается дальше.

Устье ручья Рубежный. Мы тяжело опускаем свои рюкзаки на круглые валуны морского берега. Привал. Он – последний, на побережье. Здесь можно последний раз попить воды из ручья. Выше – воды не будет, до самого места нашего лагеря. А это – очень много! Кроме того, совершенно не известно, как обстоит дело с водой там, наверху. Дни стоят – жаркие. Там, её – может вообще не быть...

Теперь, нам – в лопухи, в распадок. Устье нашего распадка заполнено хаосом зелёных зонтов белокопытника! Трёхметровый лес! Джунгли.

– Для медведей, лучшего места для днёвки – не придумать. Хоть бы, не столкнуться!

Перед тем, как шагнуть в распадок, я громко ору на всю округу, стоя в его лопуховом устье.

– Эгей!!! Это мы здесь!

– Эгей!!! – грозно ору я.

В ответ – тишина...

Под тяжеленными рюкзаками, мы входим под зелёную крышу зарослей белокопытника. Как два носорога, мы тяжело ломимся по днищу распадка. Путь у нас – только этот...

Метров через двести – вздёргивание на скалу старого лавового потока. Дальше – только сухое днище сухого распадка, по самые глаза затопленное бамбуком. Прошедшими этим летом по тропе, на вулкан и с вулкана, туристическими группами – бамбук многократно расчёсан. И это сильно облегчает нам путь.

Через пару часов, мы выбираемся из сухого распадка на пепловую равнину Отважного. По мере нашего поднятия по высоте, туман, вокруг нас, редет, и наконец, нашим глазам открывается бездонная голубизна неба. Пологий склон вулкана, здесь – засыпан мощным слоем вулканического шлака...

Чёрный песок сильно нагрет солнечными лучами. Это чёрное пространство, своими параметрами, ничуть не уступает обычной пустыне. Горячий песок – под резиной наших сапог! Он горячит мне ноги сквозь резину подошв и толстые портянки. Горячий воздух, как от разогретой сковороды! При каждом шаге, он обдаёт лицо, восходящими потоками, снизу...

Затяжной подъём по шлаку нескончаем. Шаг за шагом, согнувшись под тяжестью рюкзаков, мы бредём, всё выше и выше. Сначала – по окраине чёрной, шлаковой пустыни. Вокруг нас высятся сухие, выбеленные дождями и солнцем, стволы мёртвого леса.

– Здесь, толщина шлака составляет метр – полтора! – прицениваюсь я, к стволам.

Через несколько сотен метров выше – мы шагаем мимо, уже наполовину своей высоты, засыпанных стволов мёртвых деревьев.

– Значит, слой шлака, здесь – составляет метров восемь – десять, – прикидываю я.

И вот, наконец, вокруг нас, из шлака торчат лишь верхушки деревьев. Бывших деревьев...

– Хррум! Хррум!

Сыпучий, сухой шлак сдвигается под сапогом, при каждом шаге! Это очень затрудняет движение. Постоянно тянущий, обычный на этой голой, поднятой над уровнем леса, равнине, ветер сносит в сторону горячую пыль из-под наших сапог.

– Хм! Идём и пылим в сторону! – усмехаюсь я, – Два шлейфа пыли!

Очередной раз ощутив волну горячего озноба, неудержимо разливающуюся по телу, я вместе с рюкзаком, в изнеможении опускаюсь на шлак. Высвобождаюсь из его лямок. Разбросав по горячему шлаку руки и ноги, мы валяемся, бездыханными трупами...

Мы отдыхаем. Вернее, приходим в себя. Раскалённая пустыня пышет жаром! И мне приходится – первую минуту, как ящерица, ёрзать по шлаку, словно по горячей сковородке, пока она чуть не остынет и не перестанет жечь мне спину, сквозь насквозь мокрую от пота, футболку.

Сергей непрестанно ноет! И плечи ему жжёт, и спину ему жжёт, и руки ему жжёт... Всё ему жжёт и везде, у него, горит! Отлежавшись на горячем шлаке очередной раз, я спокойно впрягаюсь в лямки своего рюкзака и, перевернувшись на руки, с усилием поднимаюсь в вертикальное положение.

– Вперёд! Труба зовёт...

За всё время работы в паре с Казанцевым у меня выработалось такое сильное противоядие на его визги, что я – просто, на них не реагирую. Для меня – это нормальное поведение Казанцева. Весь парадокс заключается в том, что он – прекрасный напарник! Опытный в лес-

ной жизни, порядочный в людских отношениях и добросовестный в работе. Вот и сегодня, его причитания для меня – как дуновение горячего ветра, как крик кедровки справа по курсу...

В пятом часу дня, мы, наконец, сваливаем с чёрной пустыни Отважного в свой барранкос. Первым делом – шаг к ручейку. Во рту – давно всё спеклось. Намертво!

– Как люди живут в пустынях?! – зло думаю я, – Я – не знаю...

По выложенному каменными плитами ложу, едва сочтётся струйка водички!

– Вода есть! Сергей! – коротко оборачиваюсь я, – Фу! Гора с плеч...

Я не трачу времени на снятие рюкзака – вместе с ним, я с трудом приседаю на корточки вертикально и рухаю на руки на камни, к воде! Скорее к воде...

– Фуууу!

Напившись, я с трудом поднимаю себя, вместе с рюкзаком, в вертикальное положение. Теперь – по днищу барранкоса, вверх...

Вот и наша площадка под палатку. Она ждёт нас.

– Всё! Пришли.

Я прислоняю ружьё стволом к камню, сажусь с рюкзаком на землю и вылезая из его лямок. С трудом, непослушными, пережатыми лямками рюкзака руками, я стягиваю свою, мокрую до нитки футболку и кое-как расправляю её на ближайшем кусте ольховника: «Пускай сушится! Пока, ещё, солнце светит...». Сергей, расстегнув пуговицы своей лёгкой, клетчатой рубашки, осторожно освобождается от неё. И тут, моё лицо вытягивается – вся спина моего напарника покрыта большими пузырями водянки!

– Серёжка! Да, как же ты шёл?! – испуганно лепечу я, – На тебе живого места нет!

Стараясь не очень пугаться, я подхожу к нему ближе.

– А я что, не знаю?! – совершенно не меняя тона своего сегодняшнего нытья, продолжает причитать тот, – Я – не только шёл, но и рюкзак ташил!

– Боже мой!.. Что ты молчал?! – набрасываюсь я на него, – Сказать не мог?!

– А я что, не говорил?! – взвизгивается Казанцев, – Да, я всю дорогу – только об этом и говорю!

– Сссс! – Сергей морщится, прикоснувшись пальцем к своему плечу...

Вчера, после обеда – и к нам, на Тятино, пробилось солнышко. И мы работали, на речке, без рубашек... Вот он, результат нашего загорания!

– Что, теперь, делать? – агрессивно интересуюсь я, – Бросить всё здесь? А – самим, налегке, вниз валить?

Я всерьёз испугался, что угроблю человека: «К грёбаной матери, эту работу!».

– Что ты? – Сергей кивает вверх, на бездонную синеву неба над нами, – Смотри, какая погода! У нас – раз в году, такая бывает. Отлежусь. За ночь спадёт.

– Ни-че-го себе! – изумляюсь я, – Спадёт!

Но, минутой позже, спокойствие Казанцева передаётся и мне.

– Давай, решим так! – подвожу я итог, – Ночь покажет. Ты сам смотри, своё самочувствие. Ты – лекарь, тебе, в этом деле, виднее. Если что – утром уйдём вниз.

– Ладно, – кивает головой, Казанцев.

Внизу – день ещё в самом разгаре. А у нас – на склон уже легла прохладная тень. Потому что с запада, на полнеба, над нами нависает громада вулкана. Здесь, в пять часов дня, солнце уже заходит за вулкан. И всё! Вечер!

Я оглядываюсь по сторонам – у меня полно работы! Мне нужно позаботиться о дровах для костра, поставить палатку, натянуть антенны рации. И ещё одно, очень важное – сделать запас воды. Наш ручеек может пересохнуть не сегодня, так завтра.

Первым делом, по важности – вода. В канаве бывшего ручья, напротив нашей полки, мы отыскиваем, среди валунов, углубление и вставляем в него, коробом, пласт полиэтиленовой плёнки. Потом – расходимся с котелками и кружками, в разные стороны, по днищу распадка.

Сергей – вверх по ручью, а я – вниз. Здесь ещё стоят, постоянно подпитываемые свежей водой, лужи. Мы бережно носим, котелками, эту чистую воду в наш рукотворный, полиэтиленовый прудик...

– Отлично! – радуюсь я, – Теперь, у нас есть запас воды! Хоты бы, на неделю...

Но, столько времени – мы и не планируем, здесь, провести! От силы – четыре дня... Теперь – палатка. Мы наращиваем толщину слежавшейся, старой подстилки новыми ветками ольховника и толстыми и сочными, черешками белокопытника. На эту «подушку» ставим палатку.

Ну, кажется всё! Дрова ещё есть – «старые» остались. Быстро наступают сумерки. Мы скорее зажигаем костёр, мы торопимся, до полной темноты, сварить себе кашу...

Всё! Отбой...

Двадцать первое августа. Утро! Мы просыпаемся от духоты. Солнце немилосердно палит, своими лучами, борта нашей палатки! Я расстегиваю вход и высовываю наружу одуревшую голову. Навстречу врывается свежий воздух! И искрещается солнцем, росистое утро!

Тишина!.. Я стою возле палатки, полной грудью вдыхая настоящий на запахах цветов и хвои кедрового стланика, такой ароматный воздух! И всё не могу надышаться...

Внизу, под нами, чуть ниже Отважного, сплошной стеной стоит белое море тумана. Оно едва заметно колеблется, дышит. Я, с изумлением, гляжу на часы – ещё нет и семи! Там, внизу – ещё только раннее утро. А у нас, на прогретом склоне, уже вовсю кипит жаркий день!

– Кррак!.. Кррак!

С гребня на гребень барранкоса, суетливо перелетают кедровки. Повсюду по склону вулкана слышится их грубое, скрипучее «кряканье». Невдалеке, в листве ольховника, копошатся, пищат какие-то мелкие птички. О! А вот, наконец и бурундуки заметили наше появление в своих владениях!

– Цык!.. Цык! – с гребня напротив, доносится их тревожное цыканье.

– Да-а! – раздаётся за моей спиной, задумчивый голос Казанцева, – А мы уже и забыли, как выглядит безоблачное небо!

– Да! – соглашаюсь я, – Оно синее!.. Там, внизу, наверняка и сейчас, морось шпарит! Вон, как там беспросветно...

Развернувшись, мы задираем головы вверх, на склон вулкана. Перед моими глазами – залитый солнцем склон вулкана! Склон, ради которого я столько выдержал, лёжа вот здесь, ровно месяц назад. А сегодня – вот он! Стоит чистый и совершенно доступный.

– Боже мой! – я поедаю склон глазами, – Без всякого боя!

Я готов немедленно броситься туда, вверх. Но заставляю себя не суетиться – питание-то у нас двухразовое, утром нужно поесть. На склоне, за весь день, нам не перепадёт ни крошки. Так что – сначала костёр. Торопливо, помогая друг другу, мы варим кашу и чай. Попутно – одеваемся в рабочую одежду...

Я поднимаю свой ботанический рюкзачок.

– Всё! Вперёд!

Быстрый взгляд на часы – ещё нет и восьми! До сеанса связи ещё уйма времени и её ждать мы, конечно, не собираемся. Да простят нас наши отцы-командиры! Мы решительно шагаем вверх по шлаковому днищу барранкоса...

Впереди, выше нас на шлаке, я вижу бледно-зелёную кучку медвежьего помёта.

– Помёт! – радуюсь я, – Это хорошо!

Я вынимаю из кармана дневничок и с палками-копалками в руках, приседаю над кучкой на корточках...

– Запиши, Серёж! Сплошной борщевик! И гомогенат травы – процентов пятнадцать!

Вот, по склонам барранкоса заметно изменение в растительности! Значит – это наша первая остановка! Ориентируясь по кромке конуса Отважный, я прикидываю нашу примерную высоту: «Около восьмисот метров над уровнем моря! Здесь мы заложим вторую горизонтальную серию, из пяти пробных площадей».

Я оставляю свой рюкзачок на россыпи и налегке продираюсь по горизонтали – на гребень барранкоса. Здесь – чистые заросли кедрового стланика. Его стволы – длиной более двух метров. Сначала, они лежат вниз по склону, а потом саблевидно изгибаются вверх. Прямая высота этих зарослей составляет сто восемьдесят – сто девяносто сантиметров. Под ними ничего не растёт – только чистая лесная подстилка из опавшей хвои стланика.

Я возвращаюсь...

На барранкосе, шлаковая россыпь закрыта ольховником. Здесь, высота стволиков ольхи курчавой не превышает четырёх метров.

– Два роста человека! – щурится Казанцев, на деревца.

– Чуть больше! – улыбаюсь я.

Здесь – очень плотен полутораметровый подлесок из кустов вейгелы и спиреи. Обычны кусты рябины бузинолистной.

Травостой, как правило, образует один ярус, сорок – шестьдесят сантиметров высотой. Из папоротников – ковёр высоченных, ажурных султанов кочедыжника крылатого. Обычно разнотравье. Это бодяк, волжанка, золотарник и злаки. Но обильно встречаются и среднегорные растения, такие, как триллиум Смолла, горец Вейриха, какалия ушастая...

Все группировки растений являются ленточными. Они протянулись сверху-вниз, по склону вулкана...

За лентой ольховника, ближе к середине барранкоса, наблюдается лента ивняка из горной ивы Рени. Этот ивняк не превышает в высоту полутора метров. Пространство между кустами заполнено травостоем:

Первый ярус, около полутора метров, образуют бодяк, борщевик и василистник сахалинский. Второй ярус, около пятидесяти сантиметров высотой, представлен вейником Лангсдорфа, золотарником, какалией. Третий ярус образует высокогорная осока жёлтоконечная. Самый нижний ярус представлен напочвенным ковром из мелких фиалочек Селькирка.

Точно такое же сообщество растений прослеживается по другую сторону от середины барранкоса. Я раскрываю гербарную папку и закладываю в неё новые растения – те, которых ещё нет в гербарии...

– Отлично! Серёж, вторую серию – сделали! – радуюсь я, поднимаясь на ноги и отряхивая с колен крошки вулканического шлака.

Мы выбираемся на середину днища нашего барранкоса и снова, шаг за шагом, поднимаемся вверх по россыпи...

Мы не проходим и пятидесяти шагов, как я, опять, вижу кучку медвежьего помёта!

– Помёт! Материал сам идёт в руки! – радуюсь я, – Прямо на россыпи!

Я приседаю над кучкой...

– Серёж, записывай... Так! Бледно-зелёного цвета. Не промыт дождями – значит свежий. Борщевик. Гомогенат травы – пятнадцать процентов объёма.

У нас – очередная остановка.

– Третью серию – нужно заложить здесь! – прикидываю я, – Примерно, девятьсот метров над уровнем моря. Тут выйдет семь площадей, по горизонтали. Только – сначала, давай помёт посмотрим!

Я передаю Казанцеву дневничок и начинаю диктовать: «Так! Свежий! Давность – один день. Состав – кусочки скорлупы кедровых орешков, непереваренные кусочки ядрышек кедровых орешков. Примерно, поровну. И зелень травяного гомогената – десять процентов объёма».

По гребням и справа и слева, по-прежнему наблюдаются чистые заросли кедрового стланика, два-два с половиной метра высотой. Ближе к середине барранкоса, лентой проходит ольховник.

– Что, нового, в подлеске? – прикидываю я, – Здесь, под ольховником, быстро убывает вейгела! Теперь – это просто ольховник, с ярусом трав по почве.

Травянистые растения слагают всего один ярус, высотой около пятнадцати сантиметров! Основу его составляют звездчатка Фенцля, подмаренник камчатский и золотарник.

– Смотри-ка! – прищуриваюсь я, – На этой высоте произошла смена травостоя, характерного для пояса лесов, на растения подгольцового пояса!

Ближе к середине барранкоса, по границе россыпи, справа и слева, по-прежнему стоит ленточный ивняк из горной ивы Рени. Основу травостоя создают горец Вейриха и бодяк, дополняемые волжанкой, борщевиком и совершенно чахлыми экземплярами белокопытника. Почву покрывает ковёр фиалки Селькирка.

По середине барранкоса прослеживается узкий язык, заканчивающейся здесь, шлаковой россыпи, спускающейся с самой вершины вулкана. Это – самый низ россыпи. Она наполовину закрыта мозаикой растительности. Из кустарников – это отдельные кусты кедрового стланика, не более метра высотой. А, вот, травяно-кустарничковый ярус здесь представлен уже типично высокогорными видами.

– Ах! – тихо восторгаюсь я, – Пентастемон кустарниковый! Здравствуй, дорогой!

Я осторожно притрагиваюсь к густо опушённым листьям растеньица, разглядываю его крупные, такие же опушённые длинными волосками, колокольцы.

– Серёж! Представляешь?! Пентастемон! Мой, Симуширский знакомец! У него было романтическое название! «Пентастемон»! А сейчас, его зовут по-новому – «пенстемон».

– Упрощённо! – кивает Казанцев.

– Мне, за цветок обидно! – возражаю я, – Наверно поэтому, я, по-прежнему пишу «пентастемон»... А вот – ещё высокогорник! Филлодоце голубая! Первый раз, я её увидел под вершиной вулкана пик Прево, на Симушире! Ха! Я был изумлён! Помню, я сижу перед нею и думаю: «Это – гибрид! Пихтовая веточка, с цветками голубики на конце! Пихто-голубика! Чего, только, не бывает на свете!».

– Ха-ха-ха! – смеётся Казанцев, – Точно! Именно – веточка пихты! С цветками голубики на конце! Надо же! Вот, чудо!

Шаг за шагом, мы шагаем выше...

– Ух, ты! – опять восторгаюсь я, – Высокогорная лапчатка! «Лапчатка Мийябе» называется! А это – дицентра!!! Дицентра бродяжная! Вообще, легенда!

– О! И колокольчик волосистоплодный тут! – я трогаю большой, синий колоколец, торчком стоящий на миниатюрном растеньице, – Все они растут – только на самых вершинах вулканов! Представляешь?! Эти – самые, самые высокогорные!

Я осторожно приподнимаю, двумя пальцами, длинный, поникший стебелёк цветоноса, с несколькими, розовыми цветками на конце: «Знаешь, как дицентру называют? Горная королева!».

– Горная королева... – пробует название на язык, Казанцев и соглашается, – Красиво... Её цветки на лиру похожи! Музыкальный инструмент.

– Ну! – соглашаюсь я.

– А, что они, тут делают? – озадачивается Казанцев.

– Хм! – хмыкаю я, – Сползли! Вернее, скатились.

– По россыпи? – Сергей задирает лицо вверх, – Оттуда?

– Ну! – киваю я, – На этот счёт есть целые научные статьи! Россыпь... она же не стоит на месте! Она движется... Из года в год, камешки её верхнего слоя скатываются чуть ниже.

Семена растущих на самой вершине, высокогорных растений, тоже скатываются вниз. Россыпь – это открытая дорога, эскалатор сверху-вниз.

Мы лезем, по россыпи, выше...

– Опять помёт! – говорит Казанцев, – Вон! На шлаке! Не проходить же мимо!

– Конечно!

Я вынимаю дневничок и отдаю его Сергею.

– Пиши!.. Так! Давность один – два дня. Состоит из скорлупы кедровых орешков.

– Но, шишки – ещё зелёные! – возмущается Казанцев, – Не вызрели! Я смотрел!

– Ну. Но медведи их – уже едят! – развожу я руками.

На уровне около тысячи метров абсолютной высоты, мы закладываем четвёртую серию площадей. По гребням здесь, по-прежнему проходят чистые заросли кедрового стланика, до двух с половиной метров высотой, под которыми нет ни одного травянистого растения. Только чистая подстилка из хвои.

Между гребнем и шлаковой россыпью, по её границам наблюдается ленточный ольховник. Высота его – не превышает двух с половиной метров. Здесь, очень слабо выражен травостой, практически не изменивший своего видового состава за последнюю сотню метров абсолютной высоты.

Но, шлаковая россыпь на днище барранкоса, стремительно освобождается от растительности! Кустики кедрового стланика покрывают уже не более пяти процентов её площади. Значительно возросло обилие дицентры – это растение произрастает именно на высокогорных россыпях. Это – её дом. Также, как и для пентастемона. К границам россыпи, под защиту каменных стенок лавы жмутся синие пятна колокольчика, зелёная щётка мягких веточек филлодоце, пятна осоки жёлтоконечной и горца Вейриха...

– Серёж, смотри! Очередной высокогорник! – показываю я напарнику, – Это – арктерика низкая! Кустарничек из семейства вересковых.

– Брусника! – приценивается тот, – Только мелкая.

– Она и есть – ближайшая сестра брусники! – соглашаюсь я, – Только, ты приглядишься – у арктерики, в мутовках, по три брусничных листочка! И ягод, у неё, нет – сухие коробочки.

– Саш! Помёт! Вон, колбаска! Выше тебя по россыпи!

– Ясно! – киваю я, отрываясь от «ботаники», – Держи дневничок... Пиши! Давность два – три дня. Скорлупа орешков кедрового стланика, сто процентов.

Тысяча двести метров! По склону вулкана повсеместно убывает растительность. Голая шлаковая россыпь расширяется в стороны и прижимает ольховник к скальным стенкам застывших лавовых потоков, образующих гребни нашего барранкоса. На гребнях отмечаются чистые, скальные кедровостланиковые группировки. Но и здесь – уже до половины пространства свободно от растительности. Практически – это голые скалки. Высота кустиков кедрового стланика не превышает полуметра!

– Саня! Смотри! – удивляется Казанцев, – Лепёшки кедрового стланика – ниже колен!

– Ага! – киваю я.

Под защитой этих кустиков кедрового стланика разрастается пышный ковёр филлодоце и очередного, высокогорного кустарничка из семейства вересковых.

– Серёж! – окликаю я Казанцева, – Смотри! Это – луазелеурия лежащая!

– Луа... что? Язык завернётся! Ещё раз скажи! И помедленнее.

– Луа-зеле-урия! Смотри! Она – как арктерика, но листочки гораздо мельче! Тоже – сестра брусники, из вересковых!

– Да здесь, всё – из вересковых! – пожимает плечами Казанцев.

– Точно! У географа Корсунской, изучавшей Курильские острова в пятидесятых годах, термин даже, такой – «верещатники»! То есть – ковёр из кустарничков семейства вересковых!.. Да! Я забыл сказать тебе, что филлодоце – тоже из семейства вересковых!

– Да?! А ещё что – есть, здесь, из вересковых? – нервно разводит руки в стороны, Казанцев, – Или, наконец, они закончились?

– Есть! – радостно улыбаюсь я, – Вот! Эта плетёнка! Называется «Кассиопея плауновидная». Видишь? Плаун напоминает... О! А вот – ещё! Это – гольтерия Микеля! Цветёт!

– Ёшкин кот! – в сердцах, Казанцев хлопает себя по коленке, – Куда ни плюнь – всюду вересковые!

– Всё! Всё, Серёж! – успокаиваю я его, улыбаясь, – Больше нет!

Тысяча триста метров! Последняя остановка! Шлаковая россыпь занимает всё пространство барранкоса. Узкая ленточка ольховника жмётся к боку, к самой скальной стенке! Под этими кустиками, уже едва уживаются те высокогорные растения, которые так привольно разрослись по россыпи, на километровой высоте...

Вот и верх вулканического конуса Тяти! Мы стоим на горизонтальной поверхности атрио. Перед моими глазами – вершинная кальдера вулкана!

– Всё! Вышли!!!

Я, улыбаясь, окидываю взглядом плавные, сглаженные формы «лунного» пейзажа.

– Здравствуй, милое место! Давно я здесь не был. Здравствуй...

Перед нами – горная тундра, гольцовый пояс растительности. На Кунашире, этот пояс представлен только здесь, на вершине вулкана Тятя. Тысяча четыреста метров над уровнем моря. Я неторопливо брожу по безмолвной равнине атрио, с тетрадью и ручкой в руках. Описываю скудную растительность вокруг:

От кромки атрио идёт очень плавное понижение к центру.

– Так! – прикидываю я, – Покрытие растительностью, здесь – около двадцати пяти процентов площади. Основу составляют редкие, одиночные кустики осоки жёлтоконечной, от пяти до пятнадцати сантиметров высотой. Осоку дополняет лапчатка Мийябе. Разрозненно видны отдельные растеньица колокольчика, пентастемона, луа-зелеурии и филлодоце.

Мы шагаем по шлаковой равнине, вовнутрь атрио:

Основная часть поверхности атрио покрыта кустарничковой горной тундрой. Покрытие растительностью, здесь, достигает пятидесяти процентов площади. Основу составляет луазелеурия лежачая. Кустики луазелеурии, тонкими блинами, распростёрлись по поверхности шлака. Кое-где, на лёгком ветерке, колеблются десятисантиметровые былины осоки жёлтоконечной. Единично встречаются растения лапчатки и пентастемона.

Далее – на довольно обширной площади атрио преобладает осока жёлтоконечная, отдельными кустиками равномерно распределённая по ровной, каменистой поверхности. Она покрывает около тридцати процентов площади. Здесь обычен пентастемон и чуть реже видны луазелеурия и дицентра...

Всё! Наша работа на вершине вулкана закончена! С запада, нам в глаза бьют красные, горизонтальные лучи заходящего солнца. Мы с Казанцевым фотографируемся на фоне юного вершинного конуса вулкана и спокойно, не торопясь бредём по равнине атрио обратно, в сторону своего барранкоса. Подходим к краю соммы – внизу всё, до горизонта, затоплено сплошным полотном белого тумана! Не видно ни нашего острова, ни окружающего его Тихого океана. Только верхняя половина вулканического конуса Тяти торчит из безбрежного, ярко-белого моря тумана.

– Мы – как на острове! – замечает Казанцев.

– Ну! – киваю я, – В белом океане.

– Ага!

Мы подходим к нашей скале, от которой нужно спускаться вниз. Мы смотрим вниз, себе под ноги – наш склон уже давно в тени! Мы стоим на гребне вершинной кальдеры Тяти и всматриваемся в даль. Торопиться нам, некуда – в двадцати минутах неторопливого спуска нас ждёт прокалённая за день палатка, сухие дрова и целый мешок чистой воды.

– Завтра поработаем вблизи палатки, по склонам! – прикидываю я, – И, нужно будет выйти на связь! В общем, завтра – спокойный день.

Я прячу бесценную тетрадь с описаниями растительности вулкана поглубже, в ботанический рюкзачок. И мы с Сергеем шагаем по россыпи, вниз...

Двадцать второе августа. Опять жаркое, до дурноты, пробуждение! На часах – семь часов утра. Яркое, жгучее солнце! Нам, сегодня, можно было бы и поспать подольше – до сеанса нашей утренней связи ещё целых два часа времени! Расстегнув полностью вход в палатку, мы забрасываем его половинки на скаты палаточной крыши...

Но от этого, в палатке, прохладней не становится!

– Как, тут, можно спать?! – раздражённо думаю я, через пятнадцать минут борьбы с жарой, – Придётся вставать, окончательно...

Ожидая время связи, мы неторопливо разжигаем костёр...

Почти невидимые, бездымные язычки нашего рабочего костерка старательно лижут стенки двух плоских, солдатских котелков.

– Хм! – хмыкает Казанцев.

– Что?

– Дрова так высохли, что вообще не дымят!

– Ну, – соглашаюсь я, – Дыма нет... Солнце высушило...

В ожидании, мы сидим на краю нашей полки, перед палаткой...

Как далеко, отсюда, видно! Внизу, под нами, по-прежнему, стоит белоснежное море тумана. Ещё только утро, а жара стоит – просто, невозможная! Отработав вчера, весь день без футболки, я основательно побронзовел от загара. Сегодня – тоже не может быть речи, чтобы надеть футболку! Иногда появляющийся, еле заметный ветерок, хоть немного освежает этот ад. Мы сидим, поглядываем вниз, на облака и рассуждаем.

– Как, всё-же, странно устроен человек! – говорю я, – Если холодно – плохо! А если жарко – то, тоже плохо.

– Ага! – хмуро соглашается Казанцев, – Когда, неделями, нет солнца – плохо, но если солнце палит с раннего утра до вечера – тоже плохо...

Половина девятого утра. Подходит время сеанса связи. Я беру из палатки рацию и вяло бреду по тропинке, под горячими лучами солнца, вниз... А потом – по ступенькам, на гребень барранкоса – там натянуты антенны.

– Четвёртый на связи.

– Саня, привет. Пятый на связи.

Это Филатовский кордон, Андрей Архангельский. Слышимость – идеальная!словно мы стоим рядом и разговариваем.

– Привет, Андрей! – улыбаюсь я.

– Как у вас дела? Вчера на связи не были... Всё в порядке?

– Да! Нормально. Мы работали. Вчера, весь склон вулкана отработали! С раннего утра. Поэтому не стали дожидаться времени связи. У нас всё отлично. А, что нового у вас? Как погода?

– Всё по-старому. Новостей, особых, нет. Всё – как обычно. И погода – как везде... Все дни туман стоит, плотный, с утра и до вечера. Сейчас, вон – как всегда, морось за окном.

– Ой! А мы – уже больше не можем! – без всякой задней мысли, восклицаю я.

Я с трудом перевожу дух, на этой жаре и осторожно трогаю своё, раскалённое под солнечными лучами, вишнёво-красное, как у индейца, плечо: «Уже с шести часов это грёбаное солнце палит так, что сил больше нет! Спрятаться бы от него куда, но здесь – ольховник, понимаешь, низкий! Под ним тени – почти нет!».

– А-аа, – без эмоций тянет Архангельский, – Ага.

И я, вдруг, понимаю, что мои слова звучат совершенно неубедительно для тех, кто живёт под непрекращающейся изо дня в день, моросью.

– Ладно, четвёртый, – кисло прощается со мной Архангельский, – Конец связи.

Эти слова Андрея, для меня звучат, как: «Хватит нам лапшу на уши вешать!».

Тяжело дыша, я шаг за шагом, поднимаюсь по днищу барранкоса...

Наконец, я показываюсь над краем нашей полки. Перед палаткой меня встречает Казанцев: «Ну, как связь? Какие новости?».

– У них – морось... – короткими отрывками говорю я, между глубокими вдохами, – Так и не прекращалась... Я Архангельскому говорю... что мы уже замучились... от этой жары!

– Ну! – хмуро подтверждает Сергей, – Не то слово!.. А он?

– Не поверил. Решил, что я ему по ушам втираю!.. Со связи ушёл.

– Да?! – кипятится Казанцев, – Значит, по ушам ездим?! Розыгрыш! Ну, я ему всё скажу, когда выйдем! Я ему...

Я не слушаю фальцетные вопли Казанцева про солнце, про жару, про дурманные подъёмы в шесть часов утра... Я хмуро разворачиваюсь и делаю шаг к кострищу – нужно ставить кашу «на стол» – день, сегодня, очень уж рабочий начинается. Виной всему моё упавшее настроение – неприятно ощущать себя трепачом в глазах людей.

Сегодня – далеко не пойдём. Пояс кедрового стланика, нами отработан полностью. Теперь, мой ботанический интерес – растительность на уровне Верхней Границы Леса. Это граница, на которой массивы лесов сменяются поясом зарослей кедрового стланика и ольховника. На склонах вулкана Тятя, эта граница пролегает, примерно на уровне шестисот пятидесяти метров над уровнем моря.

На правом склоне нашего барранкоса, чуть ниже палатки, мы ставим с Сергеем пробную площадь. Это – «ольховник вейниковый»... Средняя высота яруса древостоя не превышает двух метров. В подлеске встречаются кусты спиреи и рябины... Основу травостоя составляет густой покров вейника, по которому рассыпана мозаика разнотравья.

Мы шагаем по горизонтали, поперёк барранкоса... поднимаемся к самому гребню. Здесь, по закрытой растительностью скале, из дернины выглядывают малиновые цветы-бабочки! Это – рододендрон камчатский!

– Ах, ты! Старый знакомый! – улыбаюсь я цветкам, – Почему-то, мы не встретили тебя наверху, вчера! Ты же – высокогорный!.. Вот странность!

– Шиповник!

В метре в сторону, я вижу кустики лесного шиповника! Подумать только! Этот, самый обыкновенный в лесах Сахалина, шиповник, на Кунашире – является настоящей ботанической редкостью! Внизу, в нормальных лесах, я его ни разу не встречал.

По гребню, как и должно быть, сплошной стеной стоят заросли кедрового стланика. Но вот, только здесь, в самом низу кедровостланикового пояса, всё пространство под ним заполнено вейником.

– Серёга! – восторженно кричу я, – У нас – новая растительная группировка! Ураааа! Кедровостланиковейниковая!

Я радуюсь. В моей классификации растительности Кунашира – добавляется ещё одна ассоциация!..

Здесь, кедровый стланик образует монолитные заросли, высотой до двух метров. Я смотрю на уходящий далеко вверх, склон вулкана. Это – безбрежное, зелёное море вершинок с мягкими, длинными хвоинками.

– Вот он, пояс кедрового стланика!

По этим зарослям, одиночными, крупными деревьями, выше нас ещё метров на сто, по гребню проходит берёза Эрмана.

– Здесь, эти берёзы – такие корявые! – думаю я, – Каждая ветка согнута! Это всё – суровые условия жизни.

Ярус травостоя, высотой до шестидесяти сантиметров, образует ковёр вейника. Ковёр! В покрове этого злака, кое-где просматриваются золотарник, волжанка...

Изнывая от зноя, я стою на кольцами изогнутом стволе кедрового стланика, как Геракл на кольцах удава и шурясь от, до боли яркой, белизны бумажного листка бланка, описываю растительность. От яркого солнца – сегодня не спасает и длинный козырёк моей кепки! Я с завистью поглядываю на забившегося в тень, Сергея. Он, неподвижным трупом, лежит на земле, на стволах кедрового стланика, в пяти метрах выше меня по гребню. Я, сейчас, вроде и физической работы никакой не делаю – а у меня бешено колотит, в груди, сердце. То и дело, перед глазами расплывается круг разноцветной радуги...

– Всё, Серёж! – я разлепляю губы, – Давай свалимся к палатке. Я, так – дуба врежу. Отбой работе.

Облепленный мокрой рубашкой, Казанцев начинает шевелиться, подавать признаки жизни.

– Я думал, что это мучение никогда не кончится! – ворчит он.

Хватаясь за стволы ольховника руками, мы начинаем скатываться по крутому, заросшему ольховником, склону, на днище барранкоса, к своей палатке.

Вот и наша палатка. Она стоит, горячая от солнца. Зато, здесь – у нас есть вода! Много воды! Я бросаю к палатке свой ботанический рюкзачок и бреду к нашему пруду, с солдатским котелком в руке...

Солнце, пробивая крышу палатки, всё-таки немного задерживается её плотным полотном. Пока я возвращаюсь от пруда – в эту тень уже залез Казанцев. Делать нечего! Я протаптываю для себя в траве, под кустом ивы Рени, на бугорке рядом с палаткой, узкую щель и забиваюсь в неё. Мелкие, кругленькие листочки горной ивы, едва покачиваясь на незаметном ветерке, создают призрачную мозаику тени и солнца. Я лежу под этой мозаикой, словно суслик в пустыне под верблюжьей колючкой и стараюсь вообще не шевелиться – от движения становится только жарче!

– Да-а! – размышляю я, глядя сквозь листву, в небо, – Такого, я что-то не припомню! Ещё нет и двенадцати часов, а мы – бросили работу! В такой хороший день! Кто бы мне сказал тогда, лежащему в палатке под июльскими туманами, что в августе – помехой в работе, мне будет зной! Ни за что бы не поверил!

Идёт час за часом. Жара постепенно спадает...

К пяти часам дня мы, наконец, выползаем из своих убежищ.

– До вечера, нам надо сходить к Отважному! – говорю я, – Нужно посмотреть процесс зарастания пепловых площадей!

Это вопрос, без которого мне не обойтись, при описании растительности вулкана. Казанцев лёгок на подъём. Мы, по очереди прикладываемся к котелку с водой и шагаем вниз, по днищу барранкоса...

Спустившись к чёрной громаде конуса «Отважный», мы разворачиваемся в обратную сторону. Проходим обратно, вверх по склону вулкана, до чистых, нетронутых последним извержением, зарослей кедрового стланика. И, наконец, разворачиваемся, лицом вниз по склону. У меня в руке – чистый бланк описания.

– Ну, начинаем...

Хаос! Здесь нет закономерностей! Здесь нет логики в распределении растительности! По большому счёту, это – все растительные сообщества, сваленные в кучу! Все кустарники и травы! Густой подрост берёзы и ольхи образует верхний, трёхметровый ярус. Здесь же – заросли полутораметровых кустов бузины, бирючины, спиреи, шиповника, вишни, рябины бузинолистной...

– Боже мой! – хватаюсь я за голову, – Как здесь всё понамешано! Всё в одной куче!
Не уступает кустарникам и травостой:

Плотная стенка вейника дополняется обилием побегов бодяка, полыни и... всего остального! Мы осторожно продираемся сквозь это нагромождение кустарников и трав. По пути, я встречаю всё новые и новые растения! Здесь – кусты и вейгелы, и бересклета, и клёна, и актинидии...

– Серёга! – развожу я руки в стороны, – Это – просто, какая-то великая смесь, всех со всеми!

– Если подумать, – пожимает тот плечами, – Так, оно и должно быть! Представь – засыпало, пеплом, эту площадь! И она стоит – как вспаханный огород! И осенью – нанесло сюда, ветром, всевозможных семян и плодов, со всей округи!

– Ну! – согласен, я, – Из года в год... Пятнадцать лет! Вот, всё это и выросло.

Ниже – пологий склон. Здесь пошли полынно-вейниковые полянки, с единичными кустами ольховника. Это – ковёр полыни горной и вейника, до ста двадцати сантиметров высотой. И всё это, сполна покрывает адская смесь всевозможных кустарников и трав!

Вот, уже пошли открытые шлаковые поляны. Я осматриваюсь по сторонам:

«Вейниково-горцовая группировка!». Её основу составляют вейник и горец Вейриха.

– Как среднегорное растение, приспособленное к условиям россыпей, горец отлично себя чувствует и в условиях шлаковой пустыни Отважного! – понимаю я, – На данном рубеже, растительностью покрыто до семидесяти процентов площади.

Ещё ближе к Отважному, на площадях, покрытых растительностью лишь на двадцать процентов, наблюдаются лишь куртины горца. И, только изредка, видны пучки местинки вейника...

Стоя на границе растительности, я смотрю на открытые от тумана, чёрные, шлаковые просторы Отважного и думаю: «Всё! Можно считать, что программа нашего пребывания здесь, выполнена. Завтра надо уходить вниз, в Нижний мир!». Как, всё же, резко потолок постоянно стоящего тумана делит наш остров на два, таких разных мира! Нижний мир, с его невозможными туманами и моросями. И Верхний мир, с его невозможным солнцем. Граница этих двух миров – то поднимается выше, то опускается вниз, а то и вообще прорывается. Тогда, через синие окна, Нижний мир озаряется потоком солнечных лучей. Но такое, на нашем острове, бывает не часто!

Глянув сверху, на крышу тумана под нами, мы разворачиваемся и начинаем подниматься к своей палатке...

Пора уже и есть варить. Вот-вот, на наш склон надвинутся сумерки! Быстро загораются сухие как порох, прокалённые за день солнечными лучами, поленья...

И опять – раннее утро! И опять, мы просыпаемся в дурмане насквозь прожаренной солнцем палатки! Я торопливо распахиваю вход и высовываю голову наружу.

– Такая рань!.. Казанцев, ты не спишь?

– Нет! – бурчит Сергей, из своего спальника, – Как можно спать в этой духовке?! Печёт и печёт!

Сегодня – двадцать третьего августа. До сеанса связи ещё далеко. Мы молча выползаем наружу и стоим, постепенно приходя в себя...

Разводим наш небольшой, рабочий костёр и вешаем над огнём два плоских, солдатских котелка с водой. Попутно – сворачиваем лагерь. Всё – молча. Эта бытовая суэта, у нас – отработана до мелочей! Нам, разговаривать – не нужно...

– Крак! Крак!

Также молча, мы едим, бросая мимолётные взгляды на зелёное море вершинок кедрового стланика на гребнях барранкоса, на чёрный конус Отважного под нашими ногами, на громко перекликающихся вокруг кедровок...

– Крак! Крак!

Под рюкзаками, мы спускаемся по нашему барранкосу, до антенн. Оставляем рюкзаки на днище и налегке, выбираемся по ступенькам, на гребень. Осматриваемся по сторонам.

– Ничего не изменилось в этом мире! – кривится Казанцев, прищурившись на ослепительно-белое море тумана, которое едва заметно дышит, колеблется под нами.

– Хм! – улыбаясь, хмыкаю я, прикручивая провода антенн к рации, – На философию потянуло?!

– Как бы не так! – огрызается Казанцев, – Мне не хочется, с нашего солнечного Сочи, нырять в это мокрое болото!..

– О! Саша, всё! – тут же напоминает Казанцев, глянув на руку, – Время!

Спохватившись, я разворачиваюсь к рации и торопливо нажимаю тангеиту: «Четвертый на связи!».

– Саня, привет, – раздаётся спокойный и без эмоций, голос Архангельского, – Это пятый. Как у вас дела?

– Всё отлично, Андрей! Вот! Мы уже собраны, – сообщаю я, – Сейчас пойдём вниз, на выход.

– Ну, тогда я приеду, к Рубежному. Помогу рюкзаки везти.

– Андрей, спасибо! – недоумённо и радостно выпаливаю я, – Мы с Казанцевым будем очень счастливы!

Архангельский всегда немногословен. Мы с Сергеем, действительно, очень рады этой помощи. По-моему, наши рюкзаки не стали за эти дни легче. Мы сматываем медные провода антенн нашей рации и спешим на днище барранкоса...

Мы взваливаем рюкзаки себе на плечи и тяжело ступая по скрипучему шлаку, выходим на шлаковую равнину Отважного.

– Вниз! – радуется Казанцев, – Вниз идти легче!

– Вниз! – радуюсь я, – Теперь всё время – вниз...

По Отважному проходит граница двух миров. С каждым шагом вниз, стремительно меркнет голубизна неба, над головой. И вот, уже нас обволакивает сырая вата плотного тумана. Сразу же, морось оседает капельками на волосах и одежде...

– Прохладно, блин, в Нижнем мире! – балагурим мы, бодро шагая вниз, под уклон.

– Ага! Не жарко! Привыкли – что солнце печёт!

– К хорошему быстро привыкаешь...

– И мокро, здесь!.. Серёж! Может, назад повернём? Вверху высушимся – за пять минут!

– Нет, уж! – отрезает Казанцев, – На Тятинке, в доме высушимся.

Вниз, под уклон, по ровному шлаку шагать – одно удовольствие... Вот, только, не видно ничего! Вокруг нас стоит плотное, белое молоко тумана. Но нам этого и не надо – и так, чуть ли не наизусть, мы знаем свой путь...

Мы тормозимся среди мёртвого леса, на нижней границе голых шлаковых полей. Мне нужно ещё и с этой стороны ознакомиться с зарастанием. Начинаем с чистых полей вулканического шлака:

Вот, первая растительность! Покрытие – не более десяти процентов. В числе первых растений здесь, внизу, оказывается белокопытник!

– Вот, новость! Он же тяготеет к увлажнённым местам! – недоумеваю я, – Как, это понимать? Конечно, у него семена – как у одуванчика, с парашютиками!.. Ветром забрасывает?

– А что? – пожимает плечом, Казанцев, – Тоже, вариант!

Я оглядываюсь по сторонам – кругом стоят сухие стволы хвойных деревьев. Но, я на то и ботаник, чтобы сразу видеть – это стволы взрослых пихт.

– Здесь стоял пихтарник! – заявляю я, как гид на экскурсии, – С небольшой примесью берёзы.

– Стоял, – отзывается Казанцев, – Теперь это – мёртвый лес...

На голой поверхности шлака, то тут, то там, видны единичные травинки и чахлые кустики. Но, больше всего, здесь – белокопытника! Здесь, на сухом месте, он не превышает и полметра в высоту. А вокруг, как и вчера, вверху – пёстрая смесь самых разных видов! Здесь – подрост и берёзы, и ольхи, и ивы, и кедрового стланика...

– Саня! – зовёт меня Казанцев, – Смотри! Маленькая ёлочка!

Я оглядываюсь – у его ног, из голого, чистого вулканического шлака выглядывает десятисантиметровый саженец.

– Точно, ёлка! – улыбаюсь я, подходя, – Видишь? Хвоинки острые!

– Что я? Ёлку не знаю?! – ершится Казанцев.

– Псс! – На его реакцию, я только прыскаю, коротким смешком.

Кругом, по шлаку встречаются миниатюрные кустики вейгелы, спиреи, бузины...

– А, вот! Росток гортензии!

И уже начинается обычный, описанный нами выше Отважного, хаос трав...

По мере удаления от Отважного, площади шлака всё больше покрываются травой, которая растёт очагами...

И, наконец – резкая граница сплошных зарослей курильского бамбука! Это – плотные и совершенно чистые от других растений, заросли бамбука, высотой около метра.

– Всё! – выдыхает Казанцев, – Бамбук!

– Ну! – соглашаюсь я, – Дальше делать нечего!

Бамбук покрывает все обширные пространства шлаковой пустыни, ниже Отважного! Здесь, до хвойного леса, что стоит ниже – многие сотни метров...

– Вот и всё! – я прячу рабочую тетрадь в свой рюкзак, – Теперь – нам нужно поторопиться! Мы потеряли, из-за работы, добрых пару часов!

– Ну!.. Андрей, наверное, уже уехал обратно!

Мы торопливо сваливаемся с плато пепловой пустыни в сухой распадок Рубежного...

Чем ниже уходим мы от крыши тумана – тем меньше морось. Но, трава, всё-равно – вся в воде! Бамбук, по днищу распадка, скрывает человека с головой. Это значит, что вся вода – наша...

Мокрые до нитки, мы вываливаемся из распадка Рубежного, на берег океана. И... с удивлением и благодарностью, смотрим на далёкую фигурку спокойно пасущегося на морском берегу коня, под седлом!

– А, вон и человек! – тычет пальцем вперёд Казанцев.

– Где?

– В море купается!

Но, до него – нам ещё шагать и шагать! И мы, всё ещё боясь не успеть в последний момент, торопливо спешим по тропинке.

Мы подходим ближе. Мокрый Архангельский вылезает из моря на берег.

– Фу-у! – радостно выдыхаю я.

– Успели!

– Уже и не надеялись!

– А, что такого? – улыбается нам, мокрый Андрей, – Вода – такая тёплая!

Нагреваемый сверху солнцем, туман сильно парит. Так тяжело дышится! Этим влажным и тёплым воздухом.

– Фууу! Настоящая парилка!

– Нам бы, жабры...

– Вы как? Купаться не будете? – интересуется Архангельский.

Мы с Казанцевым, молча, переглядываемся. Приглашение покупаться, нами воспринимается, как неуместная шутка.

– Ты, это, сейчас... нам сказал? – внимательно смотрит на Архангельского, Казанцев.

– Ну! – недоумённо улыбается тот.

В ответ, Казанцев молча поднимает в горизонталь свою левую руку. С кончиков его, опущенных вниз пальцев, быстрыми капельками, шустро капает на травку вода: «Мы выкупаны – больше, чем ты! Весь распадок плыли, брассом! Не хуже, чем по речке».

– Нет, Андрей! Не будем, – я отрицательно качаю головой, – Не хочется!

– Ладно, – изрекает немногословный Архангельский, и мы шагаем к лошади.

Навесив на коня свои рюкзаки, мы шлёпаем налегке, по колеям бывшей дороги домой, на Тятино...

Двадцать шестого августа мы выходим на Филатовку, чтобы выбраться в посёлок...

Я в конторе заповедника. В последних числах августа в заповедник, на практику, приехали две студентки. Я горю желанием продолжить работу по вопросу зарастания шлаковых площадей Отважного. Но! Мне не с кем выйти в лес! Эта, извечная, моя проблема напарников... А тут – целых две «боевых единицы»! Наталью оформляют на меня, помощником. Ирина придаётся в помощь Григорьеву. Евгений, сейчас, базируется на Тятино, поэтому, у всех нас троих – одна, общая дорога в лес. У нас есть всего день, на сборы. Послезавтра выезд...

Первое сентября. На бортовом ЗИЛ-157 заповедника, мы доезжаем до Филатовского кордона. Дальше – только вездеходная дорога, дальше машина не пройдёт, даже такая.

Наутро, Андрей Архангельский выучит наши рюкзаки на лошадей. Я очень этому рад, ведь рюкзаки у нас – как обычно, совершенно неподъёмные. Целым караваном, мы выходим в дорогу. Наш путь – через Медвежий перевал, на Тятино...

Дневной переход – и к вечеру мы подходим к нашему, Тятинскому дому. За чаем, после обмена лесными и поселковыми новостями, Григорьев неожиданно выдвигает мне контрпредложение: «Саня, забирай ты их, обеих, на Отважный! У меня – всё-равно, эти дни работы не будет. Пусть, они на Отважном побывают, на вулкан посмотрят». Я ничего не имею против – моя палатка спокойно вместит троих. К вечеру, мы с девушками, пересматриваем свои рюкзаки, «привязывая» их содержимое к трудному подъёму и ночёвкам.

Тятинский дом. Третье сентября. Туманным утром, согнувшись под тяжестью рюкзаков, наша тройка начинает свой путь от Тятинского дома, на восток...

Устье Рубежного. Позади обычный, трёхчасовой отрезок побережья. Здесь – главный перекур, перед дорогой вверх...

Я понуро сажу, в насквозь мокрой от пота футболке, на гладком, отполированном океанским прибоем, большом валуне.

– Да-а! Что тут говорить? – вздыхаю я, – Тяжёлая, это, работа...

Мы влезает в рюкзаки и заворачиваем в устье затопленного почти трёхметровыми зарослями белокопытника, распадка.

Вот, уже начались полянки открытого вулканического шлака. С каждой сотней метров вверх по распадку, они увеличиваются и, наконец, перед нами – свободный от растительности, чёрный, полузасыпанный вулканическим шлаком, распадок.

– Всё! – говорю я девушкам, – Нам, здесь нужно – из распадка, выбраться наверх.

– Шухх, шухх, шухх... – шаг за шагом, мы гребём по сыпучей россыпи, из распадка...

Выбрались. Я бессильно сажусь, на одеревеневших ногах, на шлак. Вылезаю из лямок своего рюкзака. Перекур...

Придя в себя, мы осматриваем окрестности... Отсюда, конечно, было бы далеко видно! Если бы не белое, сырое месиво тумана, вокруг нас. Мы находимся уже под самой крышей низкой облачности. Она давит нам прямо на головы. Это тревожит девушек. Они не говорят, но я вижу, как они беспокойно поглядывают на это «небо».

– Ничего страшного! – успокаиваю я своих помощниц.

Я знаю, что через час хода вверх, мы пробьём эту границу, границу в Верхний мир. А там – наверняка, голубое небо и жгучее, яркое солнце. Но, впереди – нас ждёт затяжной, такой долгий и такой трудный подъём по чёрной, шлаковой пустыне.

– Интересно, сколько раз я буду, дохлым, валяться вот на этом шлаке? – думаю я, поглаживая ладонью чёрные частицы шлака, рядом с собой, – Надо будет, сейчас, посчитать.

Я влезаю в лямки своего рюкзака. Перевернувшись вместе с рюкзаком лицом к шлаку, я с трудом поднимаюсь в вертикальное положение.

– Ну, что? Готовы? Тогда, вперёд...

Мы шагаем вперёд. В этом молоке, не собьёмся – я ходил здесь и вверх и вниз, и по компасу и без компаса...

– Крах, крах, крах... – скрипит шлак под ногами.

Белое молоко тумана, над головой, становится угрожающе сизым. Это вызывает ещё более тревожные мысли в головах моих спутниц. Их мысли написаны на их лицах.

– Мы входим в грозное облако?! – полуспрашивает меня Наталья, озираясь по сторонам.

– Конечно! – коротко бросает ей, Ирина.

Я улыбаюсь в ответ на их беспокойные взгляды: «Не бойтесь... Это – небо Верхнего мира».

– Что? – не понимает Наталья.

– Какое небо?! – не понимает Ирина.

– Это – не туча! – односложно объясняю я, из-под своего рюкзака, – Это – синее небо... просвечивает сквозь туман. Сизый цвет – значит, над нами осталась только тонкая прослойка тумана. Скоро увидим синее небо.

– Крах, крах, крах...

С каждым шагом вверх по шлаковому склону, вокруг нас становится всё светлее...

Вот! Над нашими головами пошли разрывы в тумане! Теперь, каждый из нас видит собственными глазами, что над туманом – действительно распахнуто совершенно безоблачное, бездонное, синее небо.

– Ах! – расплываются в улыбке, губы Натальи.

– Дааа, – тянет, довольная Ирина.

– Крах, крах, крах...

Я валяюсь на шлаке. Мелко покалывают кончики пальцев передавленных лячками рюкзака, рук. Мой рюкзак стоит рядом.

– Пятый раз... – невесело соображаю я, – Это – пятый.

Девушки подходят и спокойно садятся невдалеке, откинувшись на свои рюкзаки.

– Даже не снимая лямок! – зло кошусь я на них, – Мне бы, такой «тяжёлый» рюкзак!

Вокруг нас – обычная для меня картина: над нашими головами – бескрайнее синее небо, на уровне наших ног едва колеблется белоснежное море тумана. До горизонта!

– Равнина белых облаков! – говорит Наталья, – Как из окна самолёта!

– Ну! – киваю я, – Точно. Как из самолёта.

– Красиво! – певуче тянет Ирина.

Вокруг нас – лунный пейзаж чёрной пустыни Отважного. Справа высится его чёрный, шлаковый конус.

– Саша! А там что? – интересуется Ирина, – Показывая в даль рукой.

Там, перед нами, из белого моря облачности, чёрными островами, торчат конуса вулканов. Ирина – более спортивная, чем Наталья. Она уже вскочила и достаёт из рюкзака свой фотоаппарат.

– Это – Итуруп, – односложно отзываюсь я, со шлага.

У меня, сейчас – не то состояние, чтобы пускаться в пространные объяснения. С экскурсиями ко мне – потом, не сейчас...

Всё! Долго валяться нельзя! Чем дольше – тем только труднее будет встать. Сев на шлак, к рюкзаку спиной, я впрягаюсь в его лямки. Теперь – переворот на руки! Теперь – встать!

– Всё? Готовы? – интересуюсь я и команду, – Тогда – вперёд!

– Крах, крах, крах...

Шаг за шагом, всё выше и выше...

Всё! Почти пришли! Мы – почти дома. Осталось скатиться по осыпи шлага на днище барранкоса и по нашей тропинке, подняться немного вверх. Метрах в ста над нами – место нашего лагеря.

Зная, как труден подъём на вулкан, я каждый раз морально настраиваюсь на это. Но, всякий раз, мне не верится, что – вот, уже всё!

– Всё! – сообщаю я, – Пришли!

И опускаюсь, с рюкзаком, на землю. Вылезаю из его лямок... Непослушными, передавленными лялками рюкзака руками, я стягиваю свой, насквозь мокрый свитерок и с трудом опускаюсь на полено, у кострища. Ноги – совсем не держат.

– Ну, вот и всё! – выдыхаю я, – Сегодня, я «сдох» восемь раз...

– Восемь раз! – через минуту, рассуждаю я, – И это – только по шлаковой пустыне Отважного! А ведь, обычный проход, всё – как всегда. Ни больше, ни меньше. Даже, сегодня было легче – сейчас у меня на ногах, вместо тяжёлых болотников, лёгкие, резиновые сапожки.

Снова, обыденные заботы по разворачиванию лагеря. Задумываться, мне ни о чём не надо – всё отработано до мелочей: вода, дрова, палатка. Мы распаковываем свои рюкзаки...

– Давайте, за дровами ходим! – говорю я.

Девушки поднимаются со своих мест. Все вместе, тройкой, выбираемся на гребень нашего барранкоса.

– Саша! – зовут меня девушки, – Давай, опят на суп наберём!

– Какие, ещё, опята?! – изумляюсь я, – У нас, на Кунашире, грибов нет! Никогда, никто не собирает!

– Обыкновенные опята! – недоумевают студентки, – Вон! Растут!

– Где?! – я шагаю к напарницам, – Ну-ка... Точно, опята!

Это что-то новенькое, в моей лесной жизни! Оказывается, на стоящих по границе шлаковой пустыни, полусгнивших стволах берёз, растут самые обыкновенные опята! Да, помногу! Целыми семьями! Кто бы мог подумать! Здесь и воды-то нет! Видимо, сказывается вечная сырость постоянно морозящего, на этой высоте, тумана. Быстро и незаметно подкрадывается вечер...

Утро. Палатка. Я расстёгиваю молнию входа – нас встречает высокое, затянутое плотной, белой дымкой, небо Верхнего мира. В природе разлита тишина и покой.

– Ну, что ж! Это, даже, хорошо! – я стою перед палаткой и смотрю на небо, – Это лучше, чем палящее солнце. Значит, сегодня, у нас будет вполне рабочий день...

Я разжигаю костёр... После завтрака, мы, всей тройкой, спускаемся к границе шлаковой пустыни. Это – совсем рядом, два шага ступить. Вытащив тетрадь, я начинаю описывать растительность, наступающую на пустыню сверху, со стороны пояса кедрового стланика:

Повсюду белеют мёртвые стволы когда-то бывшего здесь, на Верхней Границе Леса, березняка. Пятнадцать лет назад... Теперь – здесь плотный, молодой ольховник, сверх всякой меры заросший кустарниками и травой.

Дальше, вглубь шлаковой пустыни, наблюдается торцовая группировка. Основу травостоя составляют горец Вейриха и вейник. Встречаются и растения высокогорных россыпей – дицентра, пентастемон... Здесь, в поясе леса, они нашли своё второе пристанище.

– Смотри-ка! – улыбаюсь я им, – Даже сюда семена забросило! Прижились!

Дальше, вниз – только открытое пространство шлака.

– Теперь! – решаю я, – Нужно осмотреть границы шлаковой пустыни с севера.

Мы шагаем по шлаку влево, вдоль границы пепловой пустыни Отважного, переваливая поперёк, через полузасыпанные распадки. Повсюду, эту границу составляют высоченные, плотные, полутораметровые заросли курильского бамбука! Чтобы замерить высоту бамбука – мне, даже рулетка не нужна. Я знаю – сто пятьдесят пять сантиметров – это мне по глаза... По сухостоя – мне видно, что раньше здесь стоял смешанный, пихтово-берёзовый лес.

Чуть дальше от границы – наблюдаются полянки чистого шлака. Здесь развиваются сложные, хаотично построенные группировки растительности:

Ярус высоких кустарников образуют вейгела, клён, рябина, шиповник, ива, спирея... Под стать этому ярусу – смесь всевозможных трав! Здесь горец и полынь, вейник и белокопытник, анафалис и крестовник...

Выполнив работу, мы поворачиваем обратно, к нашей палатке. Этот путь значительно труднее – ведь, с работой, мы довольно далеко спустились вниз по склону вулкана. Но, времени – ещё только тринадцать часов и торопиться нам, особо некуда.

– Поближе к лагерю, надо будет срубить несколько жердей из сухостоя, для костра! – прикидываю я, – А, то – мучаемся со всяким гнильём! А здесь, по границе, стоит столько ядрёного сухостоя!

– Да! Ещё бы грибов пособирать! – напоминают мне студентки, – Раз уж, они есть.

– Крах, крах, крах... – скрипит шлак под сапогами.

Мы размеренно бредём по кромке распадка, оставляя его справа...

– Шух! Шух! Шух! Шух!

Едва слышный шорох шлака возвращает меня к действительности! Я вскидываю голову – чуть впереди нас, по противоположному склону нашего распадка, на его днище, бодрой рысцей сбегает молодой медведь!

– Медведь! – шикаю я на девушек, – Тихо, стойте!

Замерев, мы стоим на шлаке, словно три памятника.

– Вот, это, да-а! – соображаю я, – Вокруг, на многие сотни метров – голый шлак! Лунный пейзаж! А тут – медведь!

Мы стоим и ждём. Тянутся минута за минутой...

Осторожно подвинувшись к самой кромке склона распадка, я заглядываю в него сверху – медведь-подросток стоит на днище распадка! Развернувшись в нашу сторону, он стоит, низко опустив голову и задумчиво разглядывает свои передние лапы...

– Прислушивается! – понимаю я, – Слушает – где раздадутся наши скрипучие шаги по шлаку! Это он, скрылся от людей в распадке! Потому, что на этой голой равнине, больше спрятаться – негде!

Моё незаряженное ружьё так и остаётся висеть у меня на плече.

– Лязгать затвором? – думаю я, – С потрохами выдам всех нас! Зачем пугать зверёныша? Интереснее посмотреть, что он – делать дальше, будет!

Оглянувшись на девушек, я прикладываю палец к губам и мы продолжаем стоять...

Наконец, у медвежьего подростка кончается терпение, и он осторожно выглядывает из распадка, тихо поднявшись по склону на нашу сторону. Мы – не шевелимся, стоим, как три

статуи в голом поле. Медведь смотрит и молчит. Он, с любопытством, разглядывает нас. Мы стоим недвижно, словно высечены из камня! Минута тянется за минутой...

Вконец изучив наш «мемориальный комплекс» шагов с тридцати, медвежий подросток пускается вскачь, описывая вокруг нас ровную дугу со стороны вулкана.

– Шик-шик-шик-шик! Шик-шик-шик-шик! Шик-шик-шик-шик!

Под его лапами громко шелестит вулканический шлак, в такт его иноходи...

Стоп! Остановившись на полном скаку, он стоит на шлаке и снова, с любопытством рассматривает нашу композицию из трёх фигур. Мы – молча, смотрим на него, во все глаза. По моему, наше любопытство взаимно...

Не спеша поворочав, из стороны в сторону своей узкой мордой, по бокам которой торчат, такие длинные уши, поджарый и голенастый, молодой медведь, короткими перебежками бежит по своим делам дальше, пересекая шлаковую пустыню.

– Шик-шик-шик-шик! Шик-шик-шик-шик! Шик-шик-шик-шик!

Рывком проскочив метров пятьдесят, он резко останавливается. Замерев, он стоит и прислушивается к окружающим звукам. Кругом стоит абсолютная тишина...

И медведь, снова срывается в быстрый бег...

– фу-у! – я «оживаю из камня», после того, как медвежий подросток вообще скрывается из вида, – Надо же! Напрямую, через всю пустыню побежал!

Я оборачиваюсь к девушкам: «Вот и на медведика посмотрели!».

– Да! – с улыбкой, кивает Наталья.

– Дааа... – довольным голосом, тянет нараспев Ирина.

Уже на подходе к палатке, я пытаюсь срубить жерди.

– Дзиньь!!! Дзиньь!!! – они звенят от ударов моего топора.

Это дрова, о которых можно только мечтать! Я закидываю своё ружьё за спину. Под каждой подмышкой зажимаю по две жерди. Волоком, как трелёвочный трактор, я упорно тащу их по шлаку, к нашему лагерю...

Под вечер мы, всей тройкой, вновь выбираемся на гребень нашего барранкоса. На этот раз – в поход за грибами и ягодами. Сейчас осень – и кусты рябины бузинолистной стоят среди прочего кустарника, все красные от огромных гроздей спелых ягод! Быстро набив животы, мы начинаем привередничать – уже не спеша, продираемся от куста к кусту, выбирая кусты рябины, на которых ягоды покрупнее и послаще...

Теперь, наш рацион будет более разнообразен – уже не просто, как всегда, каша с тушёной, а ещё и с большой добавкой грибов! И от вошедшего в норму, чая – мы отказываемся тоже. Теперь – мы варим густой компот из ягод рябины!

Лесная жизнь приучила меня очень бережно относиться к дровам. И даже, имея такой большой запас сухих и звонких поленьев, я ношусь с ними, как с куклами! Я укрываю их на ночь от росы и возможной мороси, а утром – раскладываю их в определенном порядке, подставляя лучам солнца...

Всё. Работа сделана. Теперь – культурная программа. Как говорят: «сделал дело – гуляй смело». Вот мы и погуляем, вполне даже, смело – я покажу, девушкам, вулкан!

Уже десятое сентября. Палатка. Раннее утро. У нас, просыпающихся на середине восточного склона вулкана, оно – всегда раннее. Я стою перед нашей палаткой. Небо закрыто высокой дымкой сплошной облачности. Это значит, что сегодня будет тёплый и пасмурный день. Мы берём с собой – только солдатскую фляжку воды и фотоаппараты и начинаем свою экскурсию вверх.

Остановка. Примерно семьсот метров над уровнем моря. Это – мы ещё только начали подниматься от своей палатки. Мы останавливаемся, чтобы перевести дух. Стоим и смотрим по сторонам:

Уже всю созрели шишки кедрового стланика! И вся жизнь, на склонах вулкана, сейчас, кипит вокруг этого «хлеба».

– Цык! Цык! – то здесь, то там слышатся короткие, звонкие пересвисты, беспокоящихся нашим появлением, бурундуков.

– Крак!.. Крак!.. Крак!.. Крак! – громко перекрикиваются, деловито снующие взад – вперёд, кедровки.

На россыпи вулканического шлака, перед моим сапогом, лежит кедровая шишка.

– Хм! – усмехаюсь я, – Мыши шишку погрызли! Тоже орешки едят!

– Почему мыши? – улыбается, идущая следом за мной шаг в шаг, Ирина.

– У бурундуков – рот пошире и резцы покрупнее! – разъясняю я ей, – Они срезают крошечные чешуи шишки до центрального столбика, разбирают шишки на отдельные орешки. А мыши – они мелкие, они обгрызают лишь попки торчащих из шишки орешков, и вытаскивают ядрышки не вытаскивая орешков из шишки. Вот и получается такая вот, шишка – с обрезанными попками орешков.

– Ясно! – улыбается Ирина.

Шлаковая россыпь барранкоса, в разных направлениях расчерчена цепочками медвежьих следов.

– Надо думать, что медведи забираются сюда – тоже не ради забавы! – хмыкаю я.

На шлаке, по медвежьему следу, лежит желтоватая колбаска медвежьего экскремента.

– О! Помёт! – радуюсь я, – Это здорово!

Такая важная информация! Я отламываю две сухие, тонкие веточки в нижней части толстой ветви кедрового стланика и приседаю на корточки, перед помётом. Ещё даже не приступая к анализу помёта, я могу сказать одно – этот медведь питается орешками кедрового стланика...

Колбаска медвежьего экскремента полностью состоит из раздробленной зубами медведя, скорлупы орешков. Я разбираю, палочками, помёт: «Интересно, что в нём совершенно нет чешуек самой шишки! Только кусочки ореховой скорлупы...». Не заметить фрагменты чешуек – просто, невозможно. Ведь, они – довольно толстые и, к тому же, грубые, одревесневшие. И перевариться, в желудке медведя – они не могли!

– Вот, очередная новость! – прикидываю я, – До сих пор я думал, что медведи жрут шишки кедрового стланика целиком! Как комбайн! Но, нет! Оказывается, медведь ест только орешки! То есть – он шелушит шишки!!! Вот, так, новость!

Мы шагаем всё выше...

– Медведи шелушат шишки! – всё обмозговываю я, эту новость, – Скажи кому – не поверят!

– О! Опять помёт! – я вынимаю дневничок из кармана и одновременно, оглядываюсь по сторонам, чтобы сориентироваться, – Так! Высота – примерно тысяча сто метров над уровнем моря.

Часам к двум дня, не торопясь, щёлкая на ходу кедровые орешки, мы выбираемся на гребень вершинной кальдеры Тяги. Перед нами – бледно зеленеет шлаковая равнина атрио, слегка прикрытая округлыми пятнами горных растений. Я окидываю взглядом сглаженные просторы лунного ландшафта: «Здравствуй, вулкан! Который уже раз, здравствуй». Кругом стоит тишина и покой. Едва колеблются грубые и короткие, желтоватые листья одиночных кустиков осоки. Они придают жизненную желтизну этой горной, шлаковой равнине.

– Теперь – понятно! – улыбаюсь я, – Почему эту осоку называли жёлтоконечной!

– Она и на осоку-то, мало похожа! – говорит Наталья, – Осока – она должна быть зелёной и мягкой!

– Ага! А эта – такая грубая и шипастая! – говорит Ирина, – Хорошо, что мы в сапогах – кажется, наступишь – и уколешься!

– Эта осока – горная! – отзываюсь я, – У неё, жизнь тяжёлая.

Осторожно, буквально на цыпочках, я крадусь вниз. Оказывается, весь внутренний склон северной половины кратера – это корка загипсованной сольфатарами породы!

– Шшшшшш! Ссссс! Бубубубубу..! – под горячей коркой всё шипит и клокочет!

Мы крадёмся по сольфатарному полю вниз...

Моё сознание занимает одна мысль: «Хоть бы не провалиться!». Воздух насыщен парами и запахами разогретой почвы. На запёкшейся белыми потёками корке, мелко трескающейся под моими сапогами, обычны жёлтые потёки чистой серы. Резкий, серный запах бьёт в нос! Однако, это не сероводород. Тот газ тысячу раз знаком мне, по кальдере вулкана Головнина...

Наконец, под нашими ногами – тихое и спокойное днище северной половины кратера. Озираясь по сторонам и прислушиваясь, часто пробуя надёжность почвы под ногами, мы проходим на её середину.

А вокруг нас – совершенно нереальная картина! Посередине днища стоит массив бордовых и красных, вертикальных скал. Метров пять – семь высотой. Как статуи! Обмытые дождями и обветренные... Наше внимание привлекает их фантастическая окраска – от белой и дымчато-голубой до алой, бордовой и чёрной. Такое впечатление, словно мы в мастерской художника, где всё вокруг заляпано беспорядочными, огромными мазками краски. Мазки, мазки, мазки...

К скалам примыкает обширная лужа. Тоже нереальная! Её поверхность и сглаженные берега – густо-розового цвета! Осторожно пробуя перед собой почву ногой, я подхожу к её берегу. Присев на корточки, я дотрагиваюсь до этой розовой, неподвижной глади.

– Вода – не горячая! – обернувшись, говорю я девушкам, – Значит, эта лужица – это просто чаша на днище кратера, в которой собирается, стекающая по его внутренним склонам, дождевая вода!

Я внимательно осматриваю внутренние склоны кратера: «Так оно и есть! Вон!». То тут, то там, по склонам кратера видны следы от сбегających вниз при дожде, маленьких ручейков.

Противоположная от нас стена настоящего кратера вулкана – это отвесная скала. У её подножия, всё в белых клубах пара, «работает» поле сольфатар. Все вместе, они создают звук, похожий на клокотание беснующейся реки!

– Уууууу-шшшшшш-уууууууу! – низким тоном, ревет «река».

Я опять ловлю себя на том, что, ориентируясь на этот звук, мои глаза автоматически ищут кипящий, пенный поток – но стена южной половины кратера совершенно безводна! Мёртво и неподвижно, там лежат груды валунов, то и дело скрывающиеся в облаках горячего пара.

Так уж устроен человек! Чтобы поближе познакомиться с предметом – до него хочется дотронуться рукой. Вот и мы – знакомимся... Между моими пальцами сыпится тёплая, влажная, красно-бурая почва. Эту малиновую «субстанцию» и почвой-то не назовёшь! У меня такое впечатление, словно мы находимся на другой планете и в моей руке – чужой, нереальный грунт. В этом грандиозном котле из красного, сыпучего материала состоит всё – и эти скалы посреди днища, и внутренние склоны кратера, и берега этой розовой лужицы... Всё! Из нормального, земного материала, здесь – только мы, трое!

Мы долго бродим по днищу северной половины кратера, стараясь привыкнуть, осознать, прочувствовать...

У меня впечатление одно – ненормальность! Нереальный мир, созданный из ненормальной материи. Эта ненормальность давит на сознание...

Всё! Пора и честь знать! Мы здесь – чужие... Снова, сжавшись в комок, я, шаг за шагом крадусь вверх, по горячей корке внутреннего склона северной половины кратера.

– Шшшшшшшш! Ссссс! Бубубубубу!..

На каждом шаге, я прислушиваюсь к клокотанию, шипению и низкому гулу подо мной: «Хоть бы не провалиться! Хоть бы...».

Но, вот и кромка кратера!

– Выбрались! – облегчённо вздыхаю я, не подавая виду, – Ух! Камень с плеч!

Я обвожу глазами, окрестности... Оказывается, гребень кратера вулкана имеет понижение к западу, а вот, к северной стороне – высота гребня всё повышается. И в его самой высокой точке высится шпиль вертикальной скалы, острым клыком уходящей в небо.

– А что, если нам залезть на самую высокую точку Тяги?! – озадачиваюсь я, – Если двигаться по гребню кратера дальше, влево – то можно выбраться под ту, вертикальную скалку!

– Давайте сходим влево, по гребню! – команду я, и мы крадёмся по скалистому гребню кратера, к заветной скалке...

Добрались! Наша тройка стоит у подножия каменного клыка. Вблизи, скалка оказывается настоящей скалой! Этот клык уходит в небо метров на двадцать!..

Сегодня совершенно безветренно. Мы стоим у подножия скалы-клыка и озираемся вокруг.

– Какая высота! – говорит Наталья.

– Это не высота, – говорит Ирина, – Это высотища!

– Да! – соглашаюсь я, осматриваясь кругом, – Выше уже некуда! Вокруг нас – только небо! Во все стороны! И... круто как! Земля – только под самыми ногами.

Какая грандиозная панорама открывается отсюда! Круговая! Во все стороны... Туман вообще ушёл и с высоты тысяча восемьсот метров, нам хорошо виден не только наш Кунашир, но и соседние Курильские острова Шикотан и Итуруп. Словно кто, у нас под ногами, карту расстелил...

– Саша! Это вулкан Менделеева?

– Да! – киваю я, глядя на знакомый каждому кунаширцу, силуэт спящей красавицы, – Примерно, семьдесят километров, по прямой... А перед ним – белые крыши домиков на мысу, что выдаётся в океан! Видите? Это Южно-Курильск. До него – шестьдесят километров.

– Я южную оконечность Кунашира вижу!

– Ага, – соглашаюсь я, – Низкий такой, длинный мыс. На весло похож. Это и есть полуостров Весловский. Километров сто – сто десять.

– А это что? С другой стороны! Острая вершина правильной формы? Торчит на северной оконечности нашего острова!

– Это вулкан Руруй. Он чуть ниже нас, тысяча пятьсот метров над уровнем моря.

– Понятно...

– А те? Тоже вулканы? – указывают девушки, на массивные, бесформенные горбы вулканов, стоящих ещё дальше и восточнее Руруя.

– Ну, да! – киваю я, – Только, это уже – Итуруп! Чужая земля! Я, их вулканы, не знаю.

– А, вон! На восток, в океане напротив нас – какая-то низкая и плоская земля...

– Это – Шикотан. Он, примерно, в шестидесяти километрах от нас, в океане... А прямо под нами, видите? Гряды сопок, выдаются в сторону Итурупа? Это полуостров Ловцова! А эти озёра, что лежат на перешейке между ним и Тятей – это Круглое и Длинное.

Мы затихаем, созерцая грандиозную картину, в полмира величины. Перепад высот с тысячи восемьсот метров и до нуля – это как с самолёта...

– Саша! – минут через десять, задумчиво интересуется Наталья, – Ты, на других вулканах, был?

– Ага, – киваю я, взглядом не отрываясь от далей.

– Ну... и как тебе, вулкан Тяга? – интересуется Ирина.

– Хм! – хмыкаю я, – Когда-то, меня Грабков – так спросил...

– Кто это?

– Мой начальник по Магнолии. В институте была такая научная группа по изучению Курильских островов. Мы, экспедицией Магнолии, до Кунашира, работали на средних Курилах.

– О! Это где?

– Остров Симушир... Там вулкан... Пик Прево! Считается самым красивым вулканом на Земле!.. Представляешь? Идеально правильный конус вулкана – как картинка, вонзается в самое небо! Примерно до половины высоты он покрыт кедровым стлаником. Выше – один шлак, с полосами застывшей лавы...

– Действительно, самый красивый..! – я вздыхаю, – Так вот, следующий сезон Магнолия работала здесь. Мы тянули геоботанический профиль как-раз через вершину вулкана Тятя... Мы уже спустились с вулкана, стоим в Южно-Курильске и смотрим на север – на конус Тяти. Грабков спрашивает: «Саша! Ну и как тебе, Тятя?».

– Ну? – ёрзает нетерпеливая Ирина, – А ты?

– Хм! – улыбаюсь я, – Я скривил губу и говорю ему: «Владимир Константинович! После Пика Прево... здешние вулканы – какие-то... несерьёзные они, детские! Широкие горы, до самого верха заросшие лесом! Какие-то они... домашние, что-ли!».

– Домашние?! – изумляется Ирина, – Суровости им не хватает, что-ли?

– Вот! – киваю я, – В точку!

– Значит, не показался? – улыбается Наталья.

– Ну! – соглашаюсь я, – Не показался... Сначала.

– Сначала! – ухватила Ирина, – А сейчас?

– Сейчас... Впечатлил! Чем больше его узнаю – тем больше восхищаюсь...

С нашей точки можно смотреть в любую сторону! С запада, нас заливают ярким, красным светом, закатное солнце. А круто вниз, под нашими ногами – далёкое-далёкое побережье Кунашира! Оно уже утонуло в синей, густой тени. Там уже вечер! Но, нам торопиться некуда – наша палатка ждёт нас в получасе спуска. Поэтому, мы просто сидим на тёплой, красно-бурой «земле», на гребне вершинного кратера Тяти и занятые каждый своими мыслями, созерцаем поистине бесконечную картину планеты Земля. Мы – как на игле! Вокруг нас – только небо! Даже под ногами...

Я до краёв наполнен восхищением от раскрытых далей и всё впитываю в себя гладь океана, белую, едва различимую линию прибоя, горные цепи хребтов, конуса вулканов, завораживающую игру красок бордового заката...

Я отрешаюсь от всего земного. Потрясающее чувство единения с Вселенной захватывает меня. Я – человек с планеты Земля...

Уже отпыхал в небесах, красный закат. Закат – не над головой! Закат – напротив нас... Синие сумерки подкрадываются к нам по склону, снизу. Притихшие, мои помощницы – также безмолвно, сидят рядом. Так же, как и я, они поедают глазами величественную картину...

Но, увы! Нужно идти!

– Ну, что? – задумчиво говорю я им, – Пойдём? Потихоньку...

Нехотя, с сожалением, мы поднимаемся на ноги. И медленно, всё также молча, мы шагаем круто вниз, по шуршащей вниз при каждом шаге шлаковой россыпи вершинного конуса Тяти, бросая прощальные взгляды по сторонам...

После уединения с Космосом, совершенно другими глазами смотришь на земные цветы, на зелень листвы, на пламя костра. Совсем другими глазами...

Осень! Кругом – уже поздняя осень! Сегодня девятнадцатое ноября. Вдвоём с Олегом Чудаевым, мы заходим на полевые, на Тятино. По горячему слуху о том, что наш, Тятинский дом разграбил медведь. Медведь! Филатовцы говорят, что это было где-то между пятым и десятым ноября. В Тятинском доме давным-давно не было людей.

– Подумать только! – всё не может успокоиться Олег, – В наш! Тятинский дом! Залез медведь!

– Посмотрим... – пожимаю я, плечами, – Чего, только, не бывает... на свете!

Наученный летним случаем с Саратовским кордоном, я не тороплюсь с выводами...

Вот и крытая рубероидом, чёрная крыша «дома моего». Двое, согнувшихся под тяжестью рюкзаков, людей – мы подходим к Тятинскому дому:

Дверь тамбура – как и положено, закрыта. Вместо второго окна в стене чернеет провал. Стёкла первого, фасадного окна, измазаны грязью.

– Сейчас разберёмся! – говорю я.

Я прислоняю своё ружьё к входной двери, с трудом опускаю станковый рюкзак на землю и тоже прислоняю его к стене дома. Опустив свой, такой же неподъёмный рюкзак на траву перед дверью, Олег стоит рядом, с карабином в руках. Я приступаю к неторопливому изучению поверхности земли и травы у стен дома, и самих стен, и окон... Мы уже пришли домой. Времени, у нас – много...

Так, оно и есть! Перед нами – точная копия случая с Саратовским кордоном! Точно также, молодой медведь встал на задние лапы перед большим фасадным окном дома. Только – у нас нет завалинки. Опираясь передними лапами на стеклянные ячейки окна, подросток пытался разглядеть – что же там, внутри. Измазав грязными лапами оконные стёкла и попутно сбив термометр, зверь перешёл к другому окну. Уже имея опыт обращения с первым окном, он бойко встал перед этим окном на задние лапы и уверенно опёрся на стёкла окна, передними...

– Хм! – улыбаюсь я, – Откуда ему было знать, что это окно – вообще не имеет стёкол?!

– Да, оно даже рамы, не имеет! – пожав плечами, улыбается Чудаев.

Уже целый год, оконный проём этого окна затянут всего лишь тонкой, полиэтиленовой плёнкой! Не успев ничего сообразить, медвежий тинэйджер плашмя упал вовнутрь дома – на стол, стоящий у окна! Как ошпаренный, он выскочил обратно...

– Ха-ха-ха! – смеюсь я, – Вот же, он перепугался!.. Олег! Я представляю его очумелые глаза!

– Ха-ха-ха! – смеётся Чудаев.

От падения молодого медвежьего тела, со стола по полу нежилой половины дома разлетелись пустые пластиковые бутылки, валом стоящие на этом столе.

– Конечно, беспорядок! – развожу я, руками, – Это – правда! Ничего не попишешь...

– Ну, – кивает Олег, – Нужно убраться будет, в нашей кладовке!

– Но, сначала – нужно немного отдохнуть, с дороги, – говорю я, – Чаю попить.

Всё-таки, столько километров пройти под неподъёмными рюкзаками! Это круто. Даже для таких тренированных людей, как мы. Через час мы устало сидим, с Олегом, за нашим кухонным столом, потягиваем горячий чай из наших белых, фаянсовых бокалов и с усмешкой поглядываем на красочные отпечатки грязных медвежьих лап на стёклах окна, перед лицом...

Тятинский дом. Наутро налетела непогода! По крыше нашего дома шуршит холодный, осенний дождь. Промозгло и сыро кругом...

Я смотрю, как собираемая с крыши струя воды, по чёрному пластиковому лотку падает в давно переполненную бочку, которая стоит на углу тамбура.

Фасадное окно нашего дома выходит на равнину океана. В такие вот, лихие дни мне нравится смотреть в окно – на почти скрываемую под косой пеленой дождя, покрытую белыми барашками по гребням волн, серую ширь океана. Напротив дома, прямо посередине «сектора обзора», на гребне высокой морской террасы, стоит одинокая пихта с обглаженной ветрами кроной. Скользя по линии горизонта, мой взгляд всякий раз останавливается на её, вразнойой раскачивающихся, компактных ветвях. Тугими порывами, налетает ветер! Он волнами пригибает к земле бурый ковёр стеблей высохшей полыни, громко свистит, завывает в оттяжках нашей радиомачты...

Тятинский дом. Наутро, дождь перебило на снежную крупу. Склоны хребта Докучаева, на западе, разом побелели. Мы выглядываем за угол дома, в сторону Тяти – вулкан стоит открытый, без туч. И... совершенно белый!

– Свиуу-свиись! – присвистывает Чудаев, – Ух, ты! До основания белый!

На востоке, конус Отважного, обычно резко выделяющийся своей чернотой, сейчас – тоже стоит белый!

– Ага! – тоже удивляюсь я, – Ну, что ж... День – вполне рабочий! Давай, сегодня – посмотрим окрестности.

И мы уходим «за угол» – в ольховники Банного ручья. Здесь и так всегда переувлажнённая почва. После нынешнего ненастья она вообще «плывёт» под болотниками!

– Ч-вяк! Ч-вяк! – это шагаю, тяжёлый, я.

– Чвяк, чвяк! – это шагает, более лёгкий, Олег.

Так, громко чавкая грязью, мы бредём по чёрному и совершенно голому, мокрому ольховнику...

– Ци-финь! Ци-финь! Ци-финь!

Скрашивая серую картину поздней осени, то тут, то там, в кронах деревьев звонко цикают, перепархивают синички.

– Эти!.. Всегда весёлые! – улыбается синичкам, Олег.

Очень часто встречаются кормёжки медведей! Покопки лизихитона – настолько массовые, что, своим обилием, напоминают мне весну. Есть лунки совсем свежие, давностью не более суток. А есть – и более давние. Наклонившись, я поднимаю брошенный медведем около очередной лунки тугой, заострённый рулончик тёмно-зелёных листьев лизихитона: «Смотри-ка! Как весной! Просто, копия! Я всё больше убеждаюсь, что осень – это весна наоборот!».

– Ага! – улыбается Олег, – Сейчас вторая половина ноября, а лес вокруг – как в начале апреля!..

А вот – медведь выгрыз сердцевину в основании трубы дудника медвежьего. Присев на корточки над поваленным стволом дудника, я осматриваю подробности медвежьей работы:

Вот! Следы когтей на стволе, в метре от основания – это медведь, передней лапой, повалил трубу дудника на землю. Ствол-то вон, какой мощный! Сантиметров пятнадцать в поперечнике, будет. Его не так-то просто выкорчевать.

– Смотри, как сердцевину аккуратнo выгрыз! – показываю я, Олегу.

Я трогаю пальцем внутреннюю стенку ствола дудника. Обычно заполненный губчатой, напоминающей пенопласт, растительной тканью, он, сейчас «являет собой» половинку словно разрезанной вдоль, гладкой, тонкостенной трубы...

По широкому кругу влево, мы выворачиваем к долине Тятиной. По смотровой тропе над речкой нам попадаются две разовых покопки почвы! Им – не более недели...

В пойме речки отыскиваем два свежих медвежьих помёта.

– Что первый, что второй – оба лизихитоновые! – прикидываю я, – Это говорит о том, что в Тятинке, если кета и есть – то её так мало, что медведи не в состоянии её взять! Поэтому, они полностью перешли на траву. А из травы, сейчас – что осталось? Только лизихитон! Сейчас, медведь может питаться только одним лизихитоном!

Мы разворачиваемся и по другой стороне речной поймы шагаем вниз по речке...

Какая голая, сейчас, неуютная пойма речки! Кругом – лишь редкие, серые колонны стволов ивовых баобабов и такие же серые ветви их крон, высоко над головой. И голая, обнажённая от лопухов, почва под сапогами...

Спускаясь вдоль берега, в приустьевом участке речки, мы подстреливаем серебристую кетину! Самка, икра в плёнках! Это, сейчас – у нас, такая рыбалка. Тут свои секреты:

Место «охоты» нужно выбрать так, чтобы угол полёта пули к поверхности воды был близок к прямому. Но, даже при этом! Пуля никогда не попадёт в самую рыбину! Даже – если она

находится от поверхности воды сантиметров в двадцать. Просто, «объект» оказывается оглушённым и переворачивается вверх брюхом на минуту – вторую. Здесь, главная задача – за эту минутку успеть выхватить рыбину из воды! Иначе – добыча приходит в себя и «бывает такова»...

Тятинский дом. Двадцать второе ноября. Утро. Сегодня, мы сделаем круг по Ночке. Автоматически, мыслями находясь уже в пути, мы натягиваем свои свитера, влезаем в ватные фуфайки. На головах – шерстяные лыжные шапочки. На ноги – толстые портянки и неизменные болотники.

Ремень с тесаком и секцией патронташа – на пояс. Дневничок, ручка, рулетка – по карманам фуфайки. Бинобль, в кожаном футляре – на шею. Ружьё в руку. Вот и всё! Можно на выход...

Эта процедура, повторяясь ежедневно, отточена до мелочей и психологически – является для меня тем самым ритуалом, по окончании которого я уже собран, внимателен, решителен и моё внутреннее «я» готово к ещё одному дню военных действий.

– Вперёд! Труба зовёт!

От дома, через ольховники Банного ручья, мы выкручиваем на многолетнюю медвежью тропу. Она соединяет речку Тятина с речкой Ночкой. Сегодня мы сворачиваем направо. Тропа ведёт нас через хвойный лес, напрямую на Ночку. Друг за другом, мы шагаем осторожно и тихо, часто замираем на месте, прислушиваясь и озираясь по сторонам...

Проходим полянки миниатюрных, весенних озерцов. Тропа вьётся дальше, среди спелого, папоротникового ельника...

Вот, под ногами, прямо на тропе – разовая поковка почвы! Здесь медведь, уходя от речки на днёвку, копанул лапой землю. За один раз, он её много не ест – граммов около ста пятидесяти. Я приседаю на корточки...

– Очень свежая! – поднимаю я, лицо на Олега, – Сегодняшняя. Сейчас, запишу...

Склон начинает слегка понижаться и медвежья тропа, наконец, выпрыгивает из-под густого пихтарника в голый, заболоченный ольховник. Мы знаем, что метров через триста впереди, по днищу своего распадка, течёт Ночка.

Под кроной граничной пихты, перед ольховником, мы останавливаемся и раскатываем голенища своих болотников. Шаг по тропе – и мы по колено погружаемся в болотную жижу...

– Блин! – тихо матерюсь я, – Глубоко!

– Вот же, медведи! – возмущается Чудаев, – Тропа называется! Как, они, тут ходят?!

– Это – медведи! – улыбаюсь я, – Они, свои дороги не обустроивают...

– Чвак! Чвак!

– Чвак – чвак!

Чвакая сапогами, мы пробираемся по ольховнику к речке. Вулканический шлак последнего извержения делает эту речку чёрной.

– Привет, чёрная речка Ночка! – стреляя глазами по сторонам, мысленно здороваюсь я с речкой, – Что ты нам, сегодня, подкинешь?

Мы разворачиваемся вниз по речушке...

Осторожно, мы движемся правым берегом, по набитым рыболовным тропам медведей...

Чтобы охватить работой сразу оба берега речки – Олег переходит на другую её сторону. Теперь, он движется по левому берегу, а я – по правому...

– Да-а! – рассуждаю я, сторожко прошупывая пространство ольховника, взглядом, – Пустая речка! Рыбы – нет вообще! За всё время – одна, облезлая кетина! Едва живая, сплывилась вниз по течению. И всё!

– Чвик!.. Чвик! – звонко чвикая, вниз головой, по стволу ольхи спускается поползень.

Я коротко зыркаю на звук.

Под моими ногами, на тропе – очередная медвежья поковка почвы. Вытащив из кармана ватной фуфайки полевой дневничок, я записываю...

– Свись!

Я бросаю взгляд через речку – Олег коротко взмахивает рукой. По скользкой, крупной гальке, я перехожу речку к Олегу.

– Саня! Помёт! – вполголоса сообщает Олег.

Он знает, что именно помёты дают мне главную информацию по питанию медведей. Я срубаю тесаком ближайший стебель какалии и двумя взмахами вырубая из него две заострённые палки, длиной сантиметров в сорок каждая.

– Так! Посмотрим, что ты ел...

Присев на корточках, я осторожно ворошу помёт: «Давность – два дня! Семьдесят пять процентов объёма гомогенат рыбы. Остальные двадцать пять процентов – кусочки губчатой сердцевины дудника. Часто попадаются плоские позвоночные диски кеты... Хм! Позвонки имеют желтоватую окраску, словно прошлогодние!».

– А-а! – догадываюсь я, – Это – он уже разложившуюся, ржавую кетину съел!

Воткнув палки-копалки в кучку помёта, я записываю в дневничок информацию...

– Отлично! Сегодня удачный день, – думаю я, присев у очередного помёта.

Под страховкой Олега, я могу позволить себе «уходить в работу с головой». Это всё, о чём я могу мечтать. Помёты следуют один за другим... Записав в дневничок состав шестнадцатого помёта, мы отыскиваем медвежью лёжку. Зверь её устроил за валёжиной. Причем так, что она маскирует его с трёх сторон.

– Хм! Молодец, медведик! – прицениваюсь я, – Умно сделанная лёжка!

В этом деле – я уже кое-что смыслю...

Пройдя половину пути к устью Ночки, мы присаживаемся на толстый ствол упавшей ели – перекурить.

– Сколько помётов, уже? – односложно интересуется Чудаев.

– Двадцать шесть... – отзываюсь я, – Интересно, Олег, получается! Помёты почти все – рыбные, а рыбы в речке – не видно!

– Точно! – кивает головой Чудаев, – Сколько, уже, прошли! А одна, в самом начале, встретила – и всё!

– Хм! – хмыкаю я, на это.

Я думал, что только я увидел ту, облезлую кетину...

– Ладно. Посмотрим, что дальше будет.

Мы поднимаемся, работать дальше...

– Саня! Помёт!

– Ага! – я перехожу речку на сторону Чудаева, – Ух, ты! Совсем свежий! Утренний.

Выверенными до автоматизма взмахами тесака, я вырубая палки-копалки...

– Этот – полностью состоит из фрагментов лизихитона.

Распрямившись, я записываю данные в свой дневничок...

За какой-нибудь километр от устья, от нас, в мелкой речушке, пуганулась разбрызгивая воду, кетина!

– О! Саня! – вздёргивается Олег, – Рыба!

– Кета! – радуюсь я, – Ура!

Этот факт нам важен не только с научной, но и с гастрономической стороны. По этой части – мы составляем нашим, заповедниковским медведям небольшую конкуренцию. Мы изымаем одну рыбину в два дня. Мне, это – немножко нехорошо. Но, мы ведь, тоже должны что-то есть?!

– Олег! – задумываюсь я, – Получается, что медведики в сумерках спускаются по тропам вдоль речки, к устью, к рыбе. А, наевшись, по этим же тропам уходят обратно. А попутно – на тропах, оставляют рыбные помёты.

– Значит, нам не нужно искать их помёты по лесу! – соображает Чудаев, – Нужно шагать по медвежьей тропе, вдоль речки!

– Нет! – протестую я, – В этом случае мы будем иметь только рыбные помёты! А нам нужна объективность.

Впереди раскрывается ширь моря и устье Ночки.

– Всё! – говорю я, – Теперь – до дома. За сегодняшний день, у нас – тридцать восемь помётов.

– Тридцать восемь, – кивает Олег, – Это хорошо.

Тятинский дом. Двадцать четвёртое ноября. Утро. Я открываю глаза. В доме слишком светло! Я бросаю быстрый взгляд в окно: «Ух ты! Всё бело! Первый снег!». Первая пороша! Мы выходим из дома. Снежка насыпало – пять сантиметров.

– Бело как всё! – улыбается снегу, Чудаев.

– Отлично! – радуюсь я, – Следы – все наши!

Сегодня, нам нужно скорее в лес. Сегодня – попробуем тропить. Мы торопливо растапливаем нашу печку...

И вот, в своём рабочем снаряжении, мы торопливо шагаем к полям за ольховниками Банного ручья. Мы торопимся! Потому, что знаем, что стоит солнышку выглянуть из облаков, как снежок стремительно стает...

Вот! Свежий след медведя! Я приседаю на корточки, над отпечатками когтистых лап.

– Сколько? – интересуется Чудаев.

– Одиннадцать сантиметров.

Молодой зверь бродил по ольховнику. Кормился... Как подробно рассказывает мне о нём, белая книга пороши! Знаете, как ощущает себя слепой человек, который вдруг прозрел? Именно так чувствую себя я, сейчас...

Шаг за шагом, я шагаю по следам медведя. Вот, почти незаметная ямочка в снегу!

– Это – он ткнулся носом в снег! – понимаю я, – Что-то сквозь него нюхал...

Вот поковка лизихитона. Медведь прошёл вперёд ещё пять шагов и снова, на белом снегу чернеет комок вывернутой почвы – очередная поковка...

Шаг за шагом, шагая по когтистым следам, мы распутываем медвежью кормёжку. Глядя на следы, я ярко представляю себе бродившего здесь совсем недавно, молодого медведя. Вот – он спокойно шлёпает по ольховнику. А вот – стоит и когтями передней лапы выкапывает лизихитон...

После двадцать первой поковки, следы медведя сворачивают из мокрого ольховника, под хвойник. Это безграничный массив бамбукового пихтарника.

– Значит, дальше – всё! – прикидываю я, – Ни кормёжки, ни помётов... Ну, что ж! Нас интересует питание. Поищем другого.

– Ага! – соглашается Чудаев, – Всего шесть помётов! Маловато. Нужно другого искать.

Но, снег – так быстро сходит! Небо совсем не слышит мои мольбы...

Тятинский дом. Через день, мы снова закладываем малый круг – по пространствам сырых, мокрых ольховников Банного ручья. И вновь, перед нашими глазами предстают массовые поковки лизихитона...

На этот раз, мы закручиваем круг своего маршрута влево, в сторону Тятиной. По медвежьей тропе под чистым пихтарником, мы выкручиваем к пойме речки, в километре от её

устья. Шныряя по густой сети тропинок, набитых медведями за осень, то здесь – то там, мы отыскиваем их помёты...

Но, сегодня, нам удаётся найти всего шесть.

– Ладно, – бурчу я, – День на день не приходится. И на том спасибо.

– Бывало и хуже, – соглашается со мной, Чудаев...

Тятинский дом. И снова утро. И снова «труба зовёт». Сегодня – мы шагаем по пойме Тятиной, прямо от её устья. Мы отыскиваем медвежьи тропы. Мы знаем, что медвежьи помёты чаще всего встречаются на медвежьих рыболовных тропах.

– Интересно! – отмечаю я, шагая по ивняку поймы, – Тятинские помёты – они состоят, практически, из одного лизихитона!

– Это понятно! – отзывается Олег, – Откуда рыбным, взяться? Здесь, кеты – нет.

– Ну! – соглашаюсь я, – Разве что, перед самым устьем, одиночная может попасться...

По известной нам, поперечной медвежьей тропе, через массивы хвойников, мы переходим на Ночку...

Здесь – помётов гораздо больше!

– Смотри-ка! – удивляюсь я, – Здесь, всё – в помётах! Значит, медведи сюда перешли с Тятинки и Саратовки?

– Наверно! – соглашается Чудаев, – Иначе, это – никак не объяснить...

Мы шагаем вниз по речушке... То и дело встречаются медвежьи помёты. У меня – кипит работа! Я постоянно записываю в дневничок, хоть его и в карман не прячь!..

Снова, в свежем помёте – жёлтые, крупные зубы кеты!

– Жёлтые! – прицениваюсь я, к помёту, – Дохляк! Вот, тебе, вывод: «Медведи, при нехватке живой рыбы, подбирают дохляк».

На Ночке, как и раньше, основу помётов составляет гомогенат рыбы. Это – немного странно. Рыбы в Ночке-то – практически нет! Мы с Олегом об этом знаем лучше всех.

В очередном помёте я нахожу небольшие, чёрные ягодки.

– Олег! – восторгаюсь я, – Смотри!

– Хм! Ягоды! – удивляется подошедший Чудаев, – Что это за ягоды?

– Не зря я – ботаник! – хвастаюсь я, – Это – ягоды бархата! Бархат сахалинский!

– И даже – целыми кистями! – приценивается Олег.

– А-а... Это – сейчас, при ночных заморозках, ягоды бархата опадают с веток целыми кистями! И медведи подбирают их под деревьями, прямо с земли.

За сегодняшний, рабочий день мы имеем двадцать три помёта. Это, конечно, не отлично, но это – хорошо...

Тятинский дом. Сегодня – первое декабря! Первый день календарной зимы! Нам с Олегом это мало о чём говорит. День, как день! Один из многих, в длинном ряду...

Весь день шёл снег! Завтра будем тропить! Но Олег, уже сегодня, в охотку сбегал к устью Тятиной, посмотреть погоду и природу, и рыбу...

Он возвращается ко мне в дом радостный и довольный: ему посчастливилось наблюдать за двумя медвежатами-подростками! Они играли друг с другом, бегали по широченной пойме, как одуревшие. Потом, гонялись за чайками, сидящими на галечных косах речки... В общем, два пацана с рогатками.

Я торопливо собираюсь и мы вприпрыжку спешим к Тятиной. Уже вдвоём, мы шагаем по пойме, зайдя от устья речки – но, увы! Дважды, такое – не повторяется! Мне очень завидно...

Зато, я вижу, что по снежку поймы натоптано множество медвежьих следов! Это – настоящая сетка следов! Потому, что идущий к речке зверь, шагает поперёк поймы. И поймав рыбину, он также поперёк поймы, уходит с ней обратно, к борту речной долины. Съев кетину,

он опять выходит к речке. Кроме того, в процессе рыбалки, медведи постоянно переходят с одного места на другое, напрямую, срезая извилины речки... И сейчас, речная пойма предстаёт перед моими глазами, вся истоптанная медведями.

Мы принимаемся тропить медвежьи следы. Но – не любые! А те, которые ведут от речки. Ведь, именно на этих следах есть рыбные лёжки и помёты. Результат наших троплений – шесть рыбных лёжек! Это лёжка, на которой медведь съедает рыбину. Сейчас, когда рыбы мало, звери оставляют на своих рыбных лёжках только жаберные крышки кетин.

А ещё – мы отыскали два помёта. Свежайшие! Это – куда более важная информация о питании медведей, чем следы и лёжки. Следы в пойме, между прочим – все принадлежат крупным медведям! Мы шагаем по поперечным тропкам...

– Смотри-ка! – прикидываю я, – Все восемь покопок почвы – находятся на тропах! У подножия склона речной долины...

Всё. Конец работе. Мы шагаем к себе домой, на Тятино.

– Саня, вот смотри! – раздумывает над увиденным за день, Олег, – Получается, что медведь, уходя от речки на днёвку, уже наевшись рыбы, останавливается перед подъёмом из поймы и прямо на тропе ковыряет почву.

– Хм! Причем, заметь! – прикидываю я, в свою очередь, – Он – не ковыряет! Он не разбрасывает почву и не просто копает ямку! Он – аккуратно съедает горсть земли. Только горсть! И берёт её – ни где попало! То есть, это – не любая земля! Он ест какую-то особенную землю!

Вот и наш дом...

Да! На Кунашире, в это время года, снег не держится. Ночью пришла оттепель. На градуснике, за нашим большим окном – плюс четыре. Кругом всё мокро, безветренно и пасмурно...

Через день, мы вновь проверяем пойму Тятиной... Увы! Без снега, медвежьих следов не видно. Помёты можно найти – лишь случайно, как грибок, рыская по площади.

– Мы можем помёт – только увидеть! Ну, почему мы не собаки! – возмущаюсь я, – Нет снега – и всё!

– Ха! – искрит глазами, Чудаев.

Но, всё-равно! Те помёты, что мы нашли – все рыбные! Значит – медведи всё ещё изощряются откуда-то добывать, в этой речке, рыбу. Для нас – это удивительно...

А вот и сама она! На пожухлой траве, перед чёрным носком моего болотника, лежит передняя половина кетины!

– Видно, мы спугнули медведя прямо сейчас! – прикидываю я, – Но, разве увидишь? Без снега, мы – как без глаз. Почему мы – не собаки?!

Решаем, сегодня, заглянуть ещё выше по речке. Прислушиваясь и озираясь по сторонам, мы осторожно шагаем по нашей смотровой тропе, над Тятиной...

Вот! Передо мной, на тропе – помёт! Очень свежий. Весь состоит из чёрных ягодок.

– Смотри-ка! – удивляюсь я, – Плоды бархата занимают почти весь объём! Что, в нём, вкусного?!

– Ну! – соглашается Чудаев, – Много! Можно сказать «медведь бархата нажрался»...

По бурному перекаату, мы переходим на другую сторону речки.

– Ладно! – я осматриваюсь кругом, – На сегодня хватит. Теперь – вниз...

Тятинский дом. Шестого декабря легла очередная пороша. Опять – всё бело кругом! Снегом прикрыло серые ольховники. А, под пихтами – снега нет! Здесь, по-прежнему – чистая лесная подстилка из хвои.

Стоит абсолютная ти-ши-на! В лесу всё затаилось и замерло. Медвежьих следов нет совсем.

– Вот, после ночи, если снег не растает – настанет пора тропления! – прикидываю я, – Подождём наступления завтрашнего дня. А пока – займёмся благоустройством нашего дома...
– Ну! – соглашается Чудаев, – А то выдувает в щели всё тепло!

Тятинский дом. Утро. Седьмое декабря. Я стою снаружи дома, перед дверью в тамбур. Я принимаю к природе и погоде...

Всё время – и ночью и вот сейчас, утром, термометр за нашим окном показывает минус пять градусов. Снег лежит – уже сутки! Толщиной семь-восемь сантиметров. Кажется, мы дождались своего часа!

Мы наскоро едим и торопливо вываливаемся из дома. Нас встречает лёгкий морозец. Я бросаю быстрый взгляд по сторонам – кругом наступает безветренный, солнечный день...

По низкой морской террасе, мы подходим к устью Тятиной. И заворачиваем вверх по речной пойме, придерживаясь левого берега речки.

По пойме, за ночь, по снегу сильно натоптали медведи! Мне бросается в глаза, что буквально каждый медвежий след протроплен лисицами.

– Хм! – хмыкаю я, – Интересная форма паразитизма! Следуя по следу медведя, лисица в конце-концов, выходит на его рыбную лёжку. Здесь, она имеет «гарантированное питание» в виде плавников, жаберных крышек, нижней челюсти и других остатков рыбыны.

– Ха! – слышу я удивлённый голос Чудаева и подворачиваю к нему.

Перед Олегом, по присыпанной снежком медвежьей тропе – утренние отпечатки когтистых лап прошедшего от речки медведя, по которым уже прошла лисица. И тут-же – крупные куриные следы!

– Орлан! – тычет пальцем Олег, – Уже который раз вижу!

– Удивительно! – я приседаю над следами, – Орланы делают то же, что и лисицы! Они, сейчас – на голодном пайке! Вот, также как лисицы – паразитируют на остатках от медвежьей добычи! Интереснее...

Зверь шагает из речной поймы. Мы шагаем по его следу... Медведь выходит на тропу. По тропе, следом, мы подходим к подножию надпойменной террасы. Здесь он, как обычно, «заправился» почвой – я трогаю носком своего болотника свежую попку, сделанную медведем прямо на тропе. Судя по следам – этот, средний по размерам медведь, направляется из поймы речки на днёвку. Это, нам – вполне подходит.

Следы показывают, что по этой, присыпанной снежком тропе, наш медведь, утром – уже спускался в пойму, на кормёжку. А сейчас – он возвращается обратно, по своему же следу. Осторожно шагаем по следу и мы...

По тропе, мы вылезаем по склону, из речной долины. Дальше – чётко печатающиеся по снежку отпечатки когтистых медвежьих лап ведут нас под кроны пихтарника...

В лесу стоит такая тишина! Пороша приглушила все звуки...

Виляя между стволами пихт, медвежий след всё время подворачивает вправо.

– Так – ты нас, прямо к нашему дому выведешь! – прикидываю я, присев над медвежьими следами, на корточки.

Метров через сто, выйдя на край пихтарника, мы натываемся на круглый, тёмный пятак, под кроной пихты. Совершенно неожиданно!

– Фу ты, блин! – от неожиданности, чертыхаюсь я, – Лёжка!

Я прислоняю ствол своего ружья к стволу пихты на расстоянии мгновенной доступности, внимаю из кармана фуфайки дневничок и ручку и принимаюсь рисовать схемку расположения лёжки.

Положив свой табельный карабин на колени, Олег опускается на корточки перед лёжкой. Взяв с лёжки пучок хвоинок с лесной подстилки, он с интересом перебирает их пальцами...

Глянув за меня, дальше, он смешливо хмыкает носом и кивает мне в ту сторону: «Хм! Смотри! По-моему – это наш сосед!». Обернувшись, я тоже гляжу на открыто стоящий перед нами на белом пустыре, в какой-нибудь сотне метров, наш чёрный Тятинский дом. Отсюда, с медвежьей лёжки, он виден – как на ладони.

– Ну, да! Живём под неусыпным оком! – улыбаюсь я.

Сев прямо на лёжку и также, как медведь, прислонившись спиной к стволу пихты, Олег прищуривается на наш дом: «Я думаю... сегодня – он нас, просто видел! Посмотрел, что мы, по-боевому вывалились из дома, зевнул, да и пошлёпал себе, в глубь лесов, от греха подальше».

– Ага! – улыбаюсь я, – Ладно! Чёрт с ним... Слезай! Лёжку мерить надо.

Чудаев неохотно сползает со свободной от снега, сухой хвои медвежьей лёжки.

– Что? – с улыбкой интересуюсь я, наблюдая за его неохотой, – С нагретой лёжки слезать не хочется?

– Да, ладно! – конфузится Олег, – Не больно-то она и нагретая!

– Да? – сомневаюсь я, – То-то, подняться не можешь!

Под густой кроной пихты, снега нет – совершенно. Вот здесь, прижавшись спиной к стволу дерева, на лесной подстилке из хвои и улёгся наш сосед. Я разматываю рулетку над тёмным кругляшом лёжки.

– Шестьдесят сантиметров! В поперечнике...

Мы шагаем дальше, по медвежьим следам...

Выйдя из-под кроны пихты и сделав с десяток шагов по запорошенному снежком пустырю бывшего посёлка, медведь снова лёг. Он вольготно лежал прямо на снегу!

– Во, даёт! – хмыкает на это, Чудаев, – Раскинулся – прямо у нас на виду!

– Ага! – соглашаюсь я, – А чего, ему бояться? Он же видел, что мы из дома вывалились! И ушли... Здесь он досмотрел свой прерванный сон.

– О! Помёт! – тычет пальцем, Чудаев.

В шаге от протаявшей лёжки, темнеет кучка медвежьего помёта.

– Рыбный! – киваю я.

Это – уже, моя работа. Я тяну из ножен свой тесак – мне нужны две палки-копалки...

– Олег, смотри! – я разгибаюсь над помётом, – Почка смородины сахалинской!

– Да?! – сомневается Чудаев.

– Олег! – возмущаюсь я, – Я – ботаник!

– Знаю! – Чудаев поднимает руки вверх, – Вопросов нет!

Видимо, пребывая в раздумье, медведь скусил почку с веточки смородины. На Сахалине, эту смородину, мы – моховкой звали, за её волосистые ягоды.

По краю пустыря бывшего посёлка, постепенно заворачивая влево, зверь направил свои стопы в сырые ольховники Банного ручья. Как раз, недалеко от лесного озера.

– А, ведь, точно! Как мы и думали, он направился в Большой лес! – просчитываю я, распутывая очередную петлю медвежьего следа.

Тёмная стена пихт высится прямо впереди, за голыми просторами ольховников...

Вот и ольховник. Его чёрную грязь и лужи прикрыло праздничное, белое покрывало снега. Здесь, наш медведь сразу же начинает кормиться лизихитоном. Лёгкий ледок и корка схватившегося под морозцем мокрого снега на лужицах, ему не помеха – на белом снегу чернеют частые дырки его покопок. Мы петляем по лужицам вслед за зверем, восстанавливая в своём воображении всё, что здесь происходило совсем недавно...

Медведь покормился на пятаке ольховника, метров в тридцать в поперечнике. При этом, он сделал тридцать шесть покопок лизихитона... И напрямик направился в сторону подножий вулкана, в массивы хвойников. Мы доходим, по следу, до стены пихтарника.

Под пихтарником – сплошной подлесок из бамбука! Лёгкий снег, весь зависший на листьях бамбука, теперь – сыпется прямо в голенища наших, раскатынных болотников! И нам

приходится руками прижимать верх голенищ к бёдрам – чтобы они не топорщились при шага-нии...

Так мы и шагаем по бамбуку! Друг за другом, каждый взявшись руками за голенища своих сапог! След медведя чётко прослеживается перед нами – на белом фоне снежных бамбуковых зарослей темнеет узкая дорожка протрясённого от снега, бамбука.

Пройдя около полутора километров в глубину хвойника, мы натываемся на лёжку! Это – уже третья, этого медведя. Я стою и улыбаюсь, глядя на лёжку. Снежок так ясно показывает мне, что здесь – медведь отдохнул, в сидячем положении! Втиснувшись между двумя толстыми, вертикальными стволами растущих рядом, пихт.

– Смотри! – показываю я, Олегу, – Он, тут – не лежал, а сидел! Между этими стволами. Опирался спиной на этот ствол!.. Надо лёжку замерить.

– Хм! – хмыкает тот, – Какая же это лёжка? Если он не лежал?.. Это – сиделка!

– Хм! – коротко прыскаю я, – Ну, ты – и придумал!

– Интересно! – думаю я через минуту, меряя лёжку рулеткой, – Вот, он шёл по бамбуку среди пихтарника. Шёл, шёл... Устал. Прислонился, на каких-нибудь полчаса, к стволу пихты... Потом, открыл глаза, глубоко вздохнул, стряхнул дремоту, встал и пошёл дальше... Никуда не спеша! Как у себя дома...

Я распрямляюсь и окидываю окружающий нас бамбуковый пихтарник взглядом: «Чему, я удивляюсь? Он и есть – у себя дома»...

Через полкилометра тропления, мы натываемся на очередную лёжку. Именно – натываемся! Даже за пять метров до неё, я не подозреваю, что впереди – лёжка! Вот так! Полнейшая неожиданность... Эта лёжка – четвёртая. Медведь лежал на ней, с трёх сторон закрывшись частоколом стволов елей. И здесь, тоже – о подстилке налёжку, он не заботился, лежал прямо на хвойной лесной подстилке.

Лёжка – свежайшая! В чистейшем, лесном воздухе, я без труда улавливаю терпкий, горьковатый запах медведя. Буквально в шаге от лёжки – помёт. Он – совершенно свежий! И это, меня, уже настораживает. Теперь, обмеряя лёжку, мы с Олегом стараемся говорить громче – нам совершенно ни к чему столкнуться с нашим соседом. Нет! За себя, нам бояться не приходится. Мы с Олегом часто зубоскалим, что наша пара, своим вооружением похожа на маленький крейсер. У нас, одних патронов, в стволах – десять штук! Да и сегодня, мы работаем с молодым медведем трёх-четырёх лет. В силу своей молодости, он слаб характером, чтобы представлять для нас угрозу. Просто, нам не хочется сильно пугать зверя. Зачем? Это – всё-равно, что испугать спящего человека. Нехорошо это.

– Олеж, свистни пару раз! – прошу я Дудаева, – Наступим на него, сдуру! Он, потом, полдня будет нервно вздрагивать.

Дудаева не нужно долго упрашивать.

– Свиись! Свись! Свись! Свиийиись! – уже через мгновение, по лесу летит его резкий, разбойничий свист.

Олег свистит классно, мне на зависть...

Пройдя по следу медведя, через бамбук, ещё метров пятьдесят, мы натываемся на его пятую лёжку! Ох, не зря мы свистели! Эта лёжка – последняя. Следы показывают, что дальше, услышавший нас медведь, пустился бежать. Значит, здесь конец нашего тропления. Бегать по лесу за поднятым зверем, для нас – смысла не имеет.

Положив свой карабин на колени, Олег садится на валёжину, ко мне лицом. Я прислоняю свою пятизарядку к ближайшему стволу пихты, в «мгновенной досягаемости» и приседаю на корточки на лёжке, чтобы обмерить рулеткой её ширину и длину, зарисовать схему её расположения. В лесу, мы всегда садимся лицом к лицу, чтобы видеть, что делается за спиной друг друга...

Эту лёжку медведь сделал под куртиной густого елового подроста, высотой всего около метра. Снега, под этими ёлочками, нет – и он опять лёг просто на хвойную лесную подстилку. Видимо, утепления ему не требуется...

– Ну, вот и всё! – поднимаюсь я на ноги и предлагаю, – В нашем распоряжении ещё полдня. Давай на Ночку заглянем?

– Давай! – соглашается, лёгкий на подъём, Олег.

По припорошенному снегом бамбуку, под сплошным хвойником, мы выгребаем обратно, напрямую к лесному озерцу. Здесь пролегает торная медвежья тропа между Тятиной и Ночкой. Она огибает это озерцо по берегу, поэтому к нему мы и выкручиваем...

Всё! Тропа под сапогами! Мы разворачиваемся налево. Шагаем быстро, но, при этом, сторожко зыркаем по сторонам. Присыпанные белым снегом лапы пихт, присыпанный белым снегом бамбук, словно выбеленные известью, белые просторы ольховников Банного ручья...

Вот и Ночка. Сразу же, на берегу речушки – мы натываемся на горячий след пестуна! То петляя у самой речки, то удаляясь от неё по площадям сырых ольховников, зверёныш держит общее направление к устью Ночки. Его небольшие, когтистые следы чётко печатаются на влажном снежке. Мы неторопливо шагаем следом. Нам не нужно его догонять, мы – не охотники.

– Предел нашего мечтания... – разглагольствую я, шагая по следу, – Его лёжка! А, где лёжка...

– Там и помёты! – снимает с моего языка, Чудаев.

Мы отмахиваем, по следу, косогор за косогором.

– Похоже, он и не собирается ложиться! – приглушённо говорит мне Олег.

– Ну! – киваю я, – Опять в ольховник полез.

В очередной раз свернув в сторону от речки, молодой медведь шагает в сырой ольховник. Мы – следом...

Здесь – медведь кормился лизихитомом. От покопки к покопке, я шагаю по следу и считаю... Всё. Кормёжка закончена.

– Сколько? – интересуется Олег.

– Здесь – восемь покопок лизихитона.

– Это – уже хорошо, – заключает он, – Раз покормился – значит, скоро ляжет.

– Ну, – соглашаюсь я, – В пределах километра-двух.

Однако, через полчаса, след выводит нас на высокий горб голой сопки, возвышающейся справа, над распадком речной поймы Ночки. Мы шагаем по самому гребню сопки, медвежьим следом...

– Вон, он! – неожиданно тычет пальцем вниз и чуть назад, в подножие противоположного склона речного распадка, Олег.

– Блин! – в сердцах, ругаюсь я.

Мы стоим среди чахлах берёзок, на самом горбе лысой сопки и смотрим, как наш «подопечный», во все лопатки удирает в обратную сторону – вверх по речке! Мы скатываемся вниз, на днище распадка Ночки и начинаем смотреть снежные следы...

Оказывается, медведь, заподозрив неладное позади себя, специально вывел нас на гребень! Чудаев приседает над следами медведя в том месте, где тот стоял, развернувшись в нашу сторону и приценивается глазом через распадок, на место, где мы только что стояли.

– Саня! Здесь он стоял и смотрел на гребень – как мы тащимся по его следу! – возмущается Чудаев.

– Блин! – матерюсь я, – Он надул нас!

– Столько тропили! – расстроен Олег, – Вот же, гад!

– И – ни одного помёта! – взываю я, – Чтоб ты сдох!

Но, ничего не поделаешь. Изредка оборачиваясь, чтобы послать громкое проклятие на голову медвежьего подростка, типа: «Ишь! Умные все стали!», мы бредём вниз по Ночке – к побережью, на дорогу, домой...

Тягинский дом. Девятое декабря. Снег сохраняется изо дня в день, толщиной два-три сантиметра. Ветер гонит по небу облака, перемежаемые широкими, синими «окнами». День, сегодня, ветреный...

В чёрных, ватных фуфайках, лыжных шапочках и своих неизменных болотниках, мы шагаем по пойме Тятиной...

Медвежьих следов – нет вообще! Ни одного. А, вот, рыба – есть! На икромётах, то тут, то там – стоят кети-ны. Это – поздняя кета. Однако, выше полкилометра от устья речки, она не проходит. Выше – только пустая толща воды.

Вновь, как два дня назад, по медвежьей тропе мимо озера, своей парой, мы проходим на Ночку.

Вот и распадок этой речушки. Здесь – стало заметно больше снега! Это плохо. Но зато – в лесу, под защитой крон елей и пихт, совсем не ощущается ветра. Это хорошо. Мы шагаем по снежному лесу, с верховьев, вниз по речке...

Проходим поворот за поворотом... Всё чисто! Медвежьих следов нет.

– Видно и отсюда уже ушли! В берлоги залегать, – соображаю я, – Под хребёт, да на подножья вулкана!

Но, вдруг! Мы натыкаемся на, буквально горячий, след!

– Молодой! С человека, – я, присев над следами, замеряю ширину передней лапы, – Одиннадцать с половиной.

Не сходя с места, мы смотрим, по следам, в обратную сторону – всегда, сначала нас интересует, откуда он пришёл. Медведь спрыгнул к речушке из пихтарника, по двухметровому обрывчику, в пяти метрах выше нас по течению, на её противоположной стороне. По снегу – мы видим, как его след сразу входит в голый, двухметровый перекатик речки... И вот, медведь уже вышел обратно, на свой берег! По снегу, вокруг отпечатков когтистых медвежьих лап, тянутся мокрые дорожки сбегающей с них воды. Вот уж, медведь! Я до сих пор удивляюсь тому, что медведь не отряхивается от воды передёргивая шкурой, как собака. Даже, если вода очень холодная, как сегодня. Всегда – вода просто стекает с него, сама по себе...

– Брррр! В такое время, в воду лезть! – думаю я, пока мы переходим перекатик к медвежьим следам.

Но я, вдруг цепенею, уставившись себе под ноги! На белом-белом снегу, между отпечатками когтистых медвежьих лап... алеет икринка. В растерянности, я стою в водичке перекатика так и не сделав последний шаг на берег и смотрю на икринку.

– Не может быть!!! – сверлит голову мне, идиотская мысль.

Не веря глазам, я оглядываюсь на пустую, давно уже пустую от рыбы речушку, мелкий валунный перекатик.

– Он поймал рыбу! – наконец очухивается, стоящий рядом, Чудаев, – На этом перекаিকে?!

Мне требуется некоторое время для того, чтобы столь сильное недоумение, наконец, переросло в любопытство. Мы выбираемся вслед за медведем на обрывчик из речки и начинаем осторожно шагать по его следу...

Через десяток шагов после оврага Ночки, след вводит нас напрямиком в обширный бурелом, простирающийся по склону над речушкой.

– Оказывается, здесь бурелом! – удивляюсь я.

– Да, ещё какой! – отзывается Чудаев.

Мы лезем следом за медведем... Скользкие, присыпанные снежком, стволы пихт и елей в беспорядке нагромождены друг на друга. Пройдя по одному стволу, медведь перепрыгивает на другой! Непонятно, как он не упал – но я вижу, что снежные отпечатки медвежьих лап уходят на самый конец зависшего над завалом, длинющего хлыста!

– Ну, да! – прикидываем мы, – Вот, только на сучьях – мы ещё не висели!

Наши резиновые болотники скользят по снежным стволам. Но, словно эквилибристы держа руками равновесие, мы шаг за шагом немного проходим по хлысту, следом...

Но медведь прошагал по зависшему над всеми другими стволу, над доброй третью бурелома! Мы же с Олегом – благоразумно спрыгиваем и штурмуем эту баррикаду стволов, по земле...

Борьба с завалом занимает у нас гораздо больше времени, но, наконец и мы выбираемся на его противоположный край. Берём на снегу медвежий след и шагаем по нему дальше...

Неожиданно, в каких-нибудь трёх шагах, в укромной нише под молоденькой ёлочкой, нашим глазам открывается лёжка, во всей своей красе!

– О!

– Рыбная лёжка!

Сторожко озираясь по сторонам, мы шагаем к ней. На снегу, перед нами, лежит половина свежайшей кетины! Алой кровью пропитан пятак снега. Присев на корточки, я трогаю кетину пальцем.

– Мягкая! Бросил! – на мгновение обернувшись через плечо, шепчу я Олегу, – Нас услышал!

– Ну! – шепчет тот в ответ, – Он совсем близко!

Мы распрямляемся над лёжкой в полный рост и замираем. Стоим, стараясь что-то увидеть, и слушаем тишину леса...

– Ху-уххх!

Вдруг, громко ухнув, метрах в тридцати слева, бурим комом стремительно покатился прочь медведь!

– Вон! Вон он! – в горячке полыхает Чудаев.

– Медведь! – адреналин, непроизвольно вырывается и у меня.

Но мы быстро остываем – мы не охотники.

– Хитрый! – через минуту смеёмся мы, вслед медведю, – Тихо отошёл в сторону и оттуда наблюдает: «Кто же это лезет через завал, по моему следу?».

– Ага!.. Молодец!

Ладно. Цели своей – мы достигли. Факт поимки рыбы – вот он! Под нашими ногами лежит. Дальше тропить поднятого медведя – смысла нет.

– Давай, теперь, его в пяту протропим! – решаю я, – Нужно посмотреть, что он делал до того, как к речке выпал.

Нам нужно возвращаться к речушке, на начало следа. Мы опять лезем через бурелом, по едва прикрытым снежком стволам елей и пихт...

К полудню, мы завершаем своё тропление, в пяту. В конечной точке – где встретили след утром, на речке, мы садимся на толстый ствол упавшей ели и я, листая исписанные листки своего дневничка, куда события последних часов записывались сзади-наперёд – в том порядке, как мы тропили, пытаюсь придать им нормальный ход...

– Ну? И что у нас получилось? – уже несколько раз подгоняет меня нетерпеливый Олег.

– Слушай! – наконец соглашаюсь я, зарывшись в свой дневничок, – Значит, всё было так:

Молодой медведик, не спеша, бродит по поляне сырого ольховника, метрах в ста от Ночки. Он уже покормился рыбой и сейчас...

– Почему ты говоришь, что он «уже нажрался рыбы»?

– перебивает меня Чудаев, – Мы, этого не видели!

– Потому, что на его ночной лёжке, которую мы нашли перед этим – рыбные помёты! Они – полностью рыбные!

– Ну, ладно, – соглашается Чудаев, – Дальше.

– Он уже поел рыбы и теперь, под вечер, словно бы бесцельно блуждая по лесу, присматривает удобное место для ночёвки.

– Почему ты думаешь, что «под вечер»?

– Он ищет место для ночёвки!.. Вот! Видишь? – я листаю дневничок, – Чуть дальше – мы нашли его ночную лёжку!

– А-а. Ну, ладно.

– По пути от речки нужно подкормиться травой – и медведь, по ходу движения, выкапывает две луковицы лилии Глена. А в низинке ольховника, закрытой со всех сторон хвойным лесом, он оставляет после себя с десяток, чернеющих на снегу покопок лизихитона. Накрутив по этому пятаку во время кормёжки и оказавшись в его левом углу, медведик ныряет под защиту пихтарника. Прицениваясь, где бы лечь, он петляет вправо между стволами пихт по гребешку бугра, что возвышается над кормёжечной поляной ольховника и наконец, облюбовывает себе место в основании ствола растущей пихты. На лёжке – медведик лежит, спиной прижимаясь к широкому стволу пихты. Таким образом, от неожиданного нападения крупного медведя со стороны спины, он защищён деревом.

– А почему от нападения медведя?

– А кто здесь, есть ещё? Кроме нас с тобой и медведей! Мелкие медведи его не страшат, ему опасны только крупные... Так вот, сзади он прикрыт деревом, а спереди – он лежит на пригорке прямо над полянкой своей кормёжки.

– Понятно! – подхватывает логику моих рассуждений Олег, – И любой, кто преследует его по следу, будет бегать прямо под ним, раскручивая его кормовые наброды. Он сторожит свой след!

– Да! Нашему, лежащему на лёжке медведю, стоит только приподнять с лап голову – и он видит перед собой всю полянку ольховника! И пока шагающий по его следу преследователь будет снова туда – сюда, наш медведик имеет возможность тысячу раз незаметно сняться со своей лёжки.

– А ты заметил? – загорается Чудаев, – Лёжка сделана – чуть за гребнем бугра! Лежащий на ней медведь, да ещё прикрытый лапами пихты сверху, никак не может быть замечен со стороны кормёжки!

– Ну! – киваю я, глядя в дневничок, – Логично. Он же – лежит наверху, а преследователь бегаёт по следам – внизу, прямо под ним!

– Ладно. Дальше! – требует нетерпеливый Олег.

– Дальше – наступило утро! Поднявшись с лёжки, наш медведь бодро сбегает со своего бугра, к месту своей вчерашней кормёжки. Проломив когтями передней лапы лёд на луже, он пьёт воду из маленькой лунки... Напившись, медведь, игривой рысью мчится по лесу, под уклон, в сторону речки. Выскочив на берег, он, без особых раздумий входит в воду... Протралив неказистый перекатик всего около десяти метров вниз по течению, он, под корягой, ловит своими когтистыми передними лапами, кетину! Погрузив голову под воду, медведь берёт добычу зубами и выходит с нею на берег. Не отряхиваясь, он лезет на крутой обрывчик берега. Вода ручейками стекает по его ногам, частой капелью капает с живота...

Желая поскорее найти укромное местечко, где можно спокойно поесть, медведик с рыбиной в зубах мчится галопом вверх по пологому склону сопки, покрытому пихтарником, подальше в лес. Покрыв около семидесяти метров захламливаемого пихтарника, медведь, чтобы обезопасить себя от возможного преследователя, применяет хитрость:

Поперёк его пути лежит двадцатиметровая ель, сломанная у комля ветром. Её ствол замер горизонтально, в метре над землей, поддерживаемый снизу частоколом упёршихся в

землю, сучьев. Прямоком подбежав к середине ствола, наш медведь протискивается между сучьями под стволом ели и пройдя всего пару метров, ложится под густой ёлочкой. Зажав передними лапами кетину, он начинает торопливо рвать её зубами...

В случае, если крупный медведь вычислит, что наш медведик побежал от речки с рыбой и бросится отнимать добычу – то, подскочив к зависшей ели, он не сможет протиснуться между её частыми сучьями. Перепрыгнуть ствол поверху – нечего даже и думать! По всей длине ствола, на добрые три метра вертикально вверх, уходят мощные сучья. Преследователю остаётся одно – оббежать препятствие. Но, что вправо, что влево – ему придётся промчаться десять метров туда и столько же обратно. Эта двадцатиметровая фора гарантирует нашему медведику возможность исчезнуть с рыбной лёжки до того, как к ней подскочит его опасный собрат.

Но, это – так, отвлёкся я...

Быстро съев кетину, наш медведь, уже шагом, направляется по хвойному лесу, к речке. Просто к речке! Совершенно не выбирая пути. Съехав по крутому, глинистому обрывчику берега на лежащую в речушке корягу, подросток тут же, под ней изощряется взять когтями вторую кетину! С добычей в зубах, он выбирается по обрывчику обратно наверх и также галопом, мчится по лесу. Прямоком к понравившейся ему, его прошлой рыбной лёжке. От нетерпения, на бегу, он несколько раз капает на снег помётом...

Вторую рыбину медведь съедает, расположившись в двух метрах от своей первой рыбной лёжки. От второй кетины он оставляет на белом снегу алое пятно рыбьей крови, перья хвостового плавника и жаберные крышки.

Поднявшись с рыбной лёжки, медведь снова шагает вниз по пологому лесистому склону сопки, к речке. И опять – не выбирая дороги, просто в направлении речки. Место прошлой удачной рыбалки его совершенно не привлекает. Зверь, просто по кратчайшему расстоянию, режет массив пихтарника, к речке!

Вот он вываливается к речушке. Не выбирая дороги, сразу же входит в воду... И опять добывает кетину! С этой, уже третьей рыбиной в зубах, медведь уже спокойно шагает по лесу от речки. На белый снег, алыми горошинами, капают одиночные икринки...

Метрах в шестидесяти от речки, он находит укромное местечко и съедает третью рыбину. Возле этой рыбной лёжки – медведь оставляет свой свежий помёт. Помёт – полностью рыбный.

Медвежий след от третьей рыбной лёжки прямоком приводит нас к речке, к месту, где мы утром наткнулись на его след.

– Вот! Получается, что мы испортили ему обедню! Медведь ел свою четвёртую, за это утро, кетину! – вычисляю я конкретности, – Эх! Было бы интересно узнать, на какой по счёту рыбине он бы остановился?!

– Даааа, – тянет Чудаев, – Целый рассказ! Тебе бы, Саня, писателем быть! Рассказы о лесной жизни писать, о медведях писать...

– Ага! – смеюсь я, – Прикальываешься... Я, вот, материал набираю о питании наших, куниширских медведей. Здесь всё – неизвестное! Никто этого не знает! Вот, напишу статью – всем расскажу!

– Саня! – приседает рядом Чудаев, – Мы тропили такие свежие следы! Но – они все уже протроплены лисицами!

– Ну, – соглашаюсь я, – Протроплены... Когда же они успевают? Неужели они бегут прямо следом за медведем?!

– Нет! – отрицательно качает головой, Олег, – Я одну лисицу видел, минут десять назад! На медвежьем следе! Нас увидела и понеслась прочь, как бешеная...

– Ага! – прикидываю я, – Значит, по медвежьему следу... тропит следы. Ясно.

Тятинский дом. Декабрьским вечером, я строю планы на завтра: «Судя по всему, все взрослые медведи с Тятинки и Ночки уже ушли на берлоги. После седьмого числа мы не встре-

чаем ни одного крупного следа! В устьях, где всё ещё есть штучная, поздняя кета, держатся по одному-паре подростков. И всё! Надо бы перебазироваться на Саратовку. Может быть, там удастся потропить взрослых...».

Назавтра утром, мы уходим из нашего Тятинского дома, на Саратовский кордон. Благополучно «убиваем» на этот переход весь короткий, зимний день.

Саратовский кордон. Утро, одиннадцатого декабря, встречает нас лёгким морозцем. Минусовые температуры стали нормой, за последнюю неделю. Это отлично – выпавший снежок уже и не думает таять! Для нас открылись потрясающие возможности тропления! Своей парой, мы торопливо вываливаемся на высокое крыльцо Саратовского кордона.

Сразу за границей лесной поляны кордона, в семидесяти шагах от нашего домика, по языку пихтарника мимо нас, на рассвете прошёл медведь!

– О! След! – удивлённо замечает Чудаев, – Свежий!

– Средний, взрослый медведь! – прикидываю я, – Из речной поймы.

– Хм! – весело хмыкает Олег, – И ходить, далеко – не пришлось!

Мы начинаем тропить. Внимательно изучая каждый когтистый отпечаток на снегу, я шагаю рядом с медвежьими следами...

Неожиданно, медвежий след раздваивается! Чуть меньшие по размеру следы сходят с первого следа!

– Хм! Это медведица с медвежонком! – приседаю я над следом.

– Смотри! – расплывается в улыбке Чудаев, – Его заинтересовал этот пруттик!

Я внимательно смотрю на пруттик.

– Смородина... Почему он так точно ступает след в след?! – недоумеваю я, – Я осмотрел не один десяток отпечатков! И даже не заподозрил, что медведей – два!

– Цик! Цик! Ци-фи! Ци-фи!

Вокруг разлита звенящая тишина зимнего леса, изредка нарушаемая цыканьем синичек. Безветренно...

Приглядываясь к медвежьим следам и стараясь не пропустить ни одну мелочь, мы осторожно шагаем по лесу, среди мощных стволов пихт и елей. Это участок спелого ельника. Летом здесь был сплошной ковёр папоротников, а сейчас – всё голо. Тонкий слой снега равномерно покрывает лесную подстилку...

– Саня! Помёт! – коротко сообщает мне Чудаев.

– Так! Первый помёт! – радуюсь я, подходя, – Судя по «калибру колбаски», его произвёл медвежонок... Даже не подморожен! Значит, оставлен – от силы, пару часов назад.

– Сейчас посмотрим, – я отламываю две сухие веточки ели...

– Та-аак. Кусочки лизихитона – пятнадцать процентов, остальное – гомогенат травы.

Я вытаскиваю из кармана своей ватной фуфайки полевой дневничок и аккуратно записываю данные. Мы шагаем, по следу, дальше...

Когтистые медвежьих следы, так чётко рисуемые по снежной пороше, выводят нас на пологое возвышение. Здесь – буреломный участок пихтарника, затопленный густым подростом. Кругом – выворотни и нагромождения толстых, сухостойных стволов елей.

– Дааа! – хмурюсь я, – Не видно – ничего! Бурелом! В таком месте, лёжку можно ожидать – где угодно!

Медведица – это, тебе, не медведь. Мы, мамаш с лёжек – ещё не сгоняли. И как они ведут себя, при этом – не знаем.

– В таком буреломе, из-под ног выскочит! – озираюсь я по сторонам, – Шкуру в пять секунд снимет!

И я предупреждаю, стеной сомкнувшийся вокруг нас, хвойный подрост: «Эгей! Медведик! Это мы здесь!».

– Это мы здесь стоиим! – уже горланю я.

– Ты нам даром не нужееен! – кричит Чудаев, – Дай нам лёёёжку посмотреееть!

Однако, в лесу по-прежнему всё тихо. Подождав минут пять, мы медленно движемся вперёд, через бурелом и густой подрост...

Метров через тридцать, медвежий след выводит нас на край хвойника. Впереди – открытые просторы чахлого, сырого ольховника. В трёх шагах вправо, у основания толстого ствола мощной, граничной пихты – лёжка. Здесь только что, на днёвке, лежали медведи!

– Совсем горячая! Блин! Как чувствовал! Только что сошли!

Озираясь по сторонам, я убираю руку с подстилки. Олег не приседает. С высоты своего роста он сторожко процеживает лес глазами...

Со стороны хвойника, зверей закрывал толстый ствол пихты. А перед ними – хорошо просматриваемое пространство голого ольховника.

– Смотри, какая подстилка! – удивляюсь я, трогая солому подстилки.

Такое, я вижу впервые. На этой лёжке – мощная подстилка, толщиной до десяти сантиметров, отчего лёжка напоминает соломенное гнездо. Материалом для подстилки служит высохшая к зиме солома вейника, которую медведица, передними лапами, словно граблями, пятясь задом, сгребала с ближайших пяти метров ольховника. На белом снегу, так чётко печатается каждый её шаг... Ширина «гнезда» – около полутора метров.

Здесь же, в шаге от лёжки, на снегу чернеют помёты. Целых пять штук!

– Пять помётов! – радуюсь я, – Вот, теперь – мы точно скажем, чем питается эта медвежья семья!

Но... меня поджидает неожиданность. Два помёта – крепкие, промёрзшие насквозь!

– Их давность – не менее двух суток! – я думаю, уставившись на помёты, – Как, это понимать?

– Это, может значить вот что! – через минуту, говорю я Олегу, – Два помёта – старые. Значит, лёжка – тоже старая. Старая... Значит, они здесь уже ночевали! Ночевали двое-трое суток назад. А, сегодня – они опять пришли, на свою лёжку...

– Саня! – кивает Олег на дорожки, по которым медведица сгребала сухую солому к лёжке, – Грабалки свежие!

– Хм! – хмыкаю я, – Значит, она подстилку – обновила сегодня утром... Интересно... То есть, медведи могут использовать свои лёжки многократно? Понятно, что большинство лёжек – разовые! Переспал, да и пошёл прочь... Но, если лёжка очень удобная – то, что? Медведь может прийти на неё спать и ещё раз?!

– Ну! – кивает Чудаев, – Получается, что так!

– Ладно, я буду помёты ковырять! – говорю я Чудаеву, – А ты, Олег, смотри внимательно! Я приседаю над помётами...

– Так! – рассказываю я, стоящему рядом, с карабином в руках, Чудаеву, – Свежий помёт... Большой! Значит – медведицы. Давность – полсутки. Лизихитон пятнадцать процентов, остальные восемьдесят пять – гомогенат, вроде как чёрной почвы. Запах рыбы почти не ощущается. Второй помёт, тоже медведицы... Тоже свежий, давность – полсутки. Лизихитон – пятнадцать процентов. Остальное – гомогенат почвы с рыбой! И запах рыбный – есть!

– Хм! – косится Чудаев, – Откуда рыба? Подбирают где, что ли?

– Ну, – соглашаюсь я, – Наверно.

– Замёрзший помёт с собой возьмём, – я достаю полиэтиленовый пакетик, – Сейчас – никак не посмотреть, он крепкий!

– Теперь – помёты маленькие, пестуна... Все – чёрный гомогенат почвы! Кусочки лизихитона – меньше одного процента.

– Рыба – только у медведицы? – уточняет Чудаев.

– Ну! – согласен, я, – У медвежонка рыбы нет!

Всё. Работа сделана. Стоя у лёжки, мы осматриваемся вокруг.

– Саня, прикинь! – приценивается Чудаев, – Отсюда, до нашего кордона – метров пять-сот!

– Точно! – киваю я, – Они, оказывается, далеко и не уходят!

Заранее оповещённая нашими воплями, медведица повела медвежонка с лёжки – по границе хвойного массива, вправо.

– С лёжки – шагом шли! Это хорошо, – оборачиваюсь я к Олегу, – Хоть, не сильно зверей пугаем. Это хорошо.

Мы шагаем через буреломный лес, к кордону, по своему следу. Нам, тропить поднятых с лёжки медведей – нет смысла...

– Смотри! Следы!

Наши медведи сделали широкий круг вправо и... вышли на свой входной след. Уже протропленный нами, след!

– Прямо, стандарт поведения! – на мгновение оборачиваюсь я, к Олегу, – Потрясенный на лёжке медведь, первым делом, выходит на свой след и определяет – случайно на него напоролись люди или пришли по следу! Если пришли по следу – он, по запаху, выясняет – кто идёт по его следу!

– Ну! – кивает напарник, – Она узнала, что это – мы. Наш запах всем известен.

Всё-также, гуськом друг за другом, медведи шагают по своим и нашим следам, в пяту. В сторону Саратовского кордона! Мы шагаем следом...

Улыбаясь, но сторожко стреляя глазами по сторонам, я тычу пальцем в отпечатки медвежьих носов в снегу: «Смотри! Наши болотники нюхают! Вставляют свои носы почти в каждый наш след!». Наконец, медведи сворачивают с отпечатков своих лап и наших болотников вправо и спокойным шагом направляются в глубину хвойного леса.

– Ладно, – подвожу я итог, – Дело сделано. Теперь-интересно, что они утром в пойме Саратовки делали? Помёты-то, у медведицы – рыбные! А рыбы, в речке, давным-давно нет.

– Да! – соглашается Чудаев, – Всем известно, что Саратовка – не кетовая речка. Откуда, у них – рыба? Может, они с другой речки пришли?

– Нет! – возражаю я, – Далек. Они опорожнились бы раньше.

Спокойно, не таясь, мы шагаем по медвежьему следу в пяту, в сторону речной поймы. Остерегаться, теперь – нам некого. По самой кромке лесной поляны Саратовского кордона, красочно печатающийся по снегу когтистый медвежий след ведёт нас, через язык пихтарника, в пойму...

Вот и голый сейчас, серый ивняк пойменной равнины. Мы шагаем рядом со следами... И вдруг! Перед нами, на белом снегу – алые, кровавые пятна рыбных лёжек!

– Это – что такое?! – изумляется Чудаев, – Ты только посмотри!

– Вот это да-аа! – ахаю я, – Где они рыбу берут?! Живую!

Мы торопливо шагаем, по медвежьим следам...

Метров через пятьдесят, мы выходим на утоптанную площадку. Перед нами – пруд! Обширная яма с водой, из которой, в сторону Саратовской, вытекает небольшой ручеёк. Вертикальные, как у ванны, земляные берега этого прудика утрамбованы следами медведей и лисиц. При нашем появлении, более десятка кетин взбаламучивают в пруду воду!

– Ух, ты! – присвистывает Чудаев.

– Вот это да-ааа! – у меня отваливается челюсть.

– Ха! Вот тебе и рыба!

Мы оглядываемся: вокруг нас стоит-замерла голая, покрытая редким ивняком, белая равнина Саратовской поймы. А здесь – пруд с рыбой! Посреди зимней, заснеженной поймы...

– Откуда, здесь – этот родник?! – озадачиваюсь я.

– Ну! – стоит растерянный, Чудаев, – Мы всё думаем, что уж Саратовскую – мы знаем и вдоль и поперёк! Это наш дом! Мы же – здесь живём! А тут...

– Вот тебе и раз! – развожу я, руками.

– Прямо под нашим носом! – Олег озадаченно пожимает плечами, – Настоящее Саратовское чудо...

Саратовский кордон. Утро. За оконцем избушки – солнце слепит глаза! Чистейшей белизной снега...

Через час, наша пара – уже в просторной пойме Саратовской. Мы пересекаем её поперёк, раскатываем голенища своих болотников и переходим на другую сторону речки. С каждым шагом, перед нами всё выше встаёт тёмная стена гленника противоположной стороны поймы...

Вот! Впереди, по снегу, виден слоновий след медведя!

– Крупный! – поджидает меня у следа, Чудаев, он всегда на шаг впереди.

– Ну, – киваю я, – С Вилки спустился.

След выходит из леса, со стороны первого притока речки и поворачивает вверх по заснеженным полям Саратовской поймы. Я приседаю над снежными отпечатками медвежьих лап и достаю рулетку.

– Свежий!.. Пятнадцать сантиметров!

– Ага, – удовлетворённо кивает Чудаев, – Я же говорю – хорроший зверюга.

Мы становимся на след. Мы начинаем тропить этого медведя, распутывая зигзаги его снежных набродов.

– Вот же, гад! Чего он не идёт по прямой?! – бурчит Олег.

– Ну! – не менее его, кипячусь я, – Хотя... Его, ведь, нос ведёт! Чего нюхнул, что подхватил – туда и повернул!

Напрямую, через широкую снежную поляну, «по зрячему» я срезаю очередной зигзаг медвежьего следа. По нетронутой целине, я подхожу к снежному следу. И... недоумённо торможу, перед когтистыми отпечатками.

– Что? – чуть не налетает на меня сзади, Олег.

– Смотри! И след – наш и давность та же, а... идёт, он – с другой стороны!

– Да? – изумляется Чудаев и тут же убеждается, – Точно... Так, это не наш след?

– Ну! – озадачиваюсь я, – Он же идёт с другой стороны!

– Может, ещё один?

– Медведь?! Нет! Такого – не может быть! – я категорично качаю головой, – Два взрослых медведя, одинаковых размеров, рядом – быть не могут! Не могут! Не уживаются они, рядом. Это аксиома. На этом правиле построена методика учётов численности медведей!

– Это, как?

– Ну... Методика учёта численности медведей основана на измерении размеров следов медведей. Шагаешь вдоль речки и меряешь ширину следа передней лапы всех медведей... Идея состоит в том, что если ты измерил след в четырнадцать сантиметров, а через двести метров – ты опять меряешь след в четырнадцать сантиметров – это значит, что это один и тот же медведь! Правило учётов гласит: «Медведей одинаковых размеров, близко – быть не может».

Мы шагаем дальше, уже по этому следу...

Метров через семьдесят, глазастый Чудаев тычет пальцем в сторону: Саня! След! И точно! Я вижу, как далеко в стороне, снежную целину тревожит цепочка медвежьего следа! Другого медвежьего следа... Постепенно, под острым углом, он примыкает к «нашему» следу! И следы медведей... сливаются в один! Дальше – один медведь шагает по следам другого. Шагает так чисто, что и не заподозришь, что это не один медведь, а два.

– Как это понять? – недоумеваю я, – Один медведь преследует другого! Но, почему тогда, он не бежит, не мчится по следу? А шагает, ставя лапы точно в отпечатки первого!

Общий, двойной след медведей тянется по снежным просторам поймы, вверх по речке. Мы шагаем рядом...

Вот, идущий вторым медведь, свернул со следа первого, в сторону близкой, в этом месте, речки...

– Саня! – растерянно оглядывается на меня, Олег, – Тут... рыбная лёжка!

– Рыба?! – не верю я, торопливо догоняя Чудаева.

Я, без обиняков, сую своё лицо вперёд – перед чёрными болотниками Олега алеет метровый пятак кровавого снега!

– Где, он её нашёл?! – искренне поражаюсь я.

– Ну! – отзывается Олег, – В Саратовке – давно нет никакой рыбы! Уж мы-то знаем! Какой уже день без рыбных котлет сидим, на одной перловке.

Желая удостовериться в очевидном, я приседаю на корточки и трогаю пальцем алый снег... Алый снежок резко пахнет рыбой! Какие сомнения?!

– Конечно, рыба! – нервно взрываюсь я, – Кровь – рыбная!

И снова мы шагаем по снегу. Перед глазами – медвежий след, разрушающий такую ровную, такую чистую идиллию снежной целины...

По следам на снегу, я чувствую, что медведи идут очень близко друг к другу, буквально головой к хвосту, один за другим.

– Ставит лапы строго след в след! Тебе это ничего не напоминает? – спрашиваю я, Олега.

– Хм! – хмыкает в ответ, Чудаев, – Так медвежонок шёл за медведицей! Около кордона... Но, то – был медвежонок! А здесь – пятнадцать сантиметров! Это – два взрослых, крупных медведя!

– А ты представь, что медвежонок вырос! – не соглашаюсь я, – Понятно, что это – не та семейка, что сейчас около Саратовского кордона живёт. Но, я подозреваю, что первый – это медведица. Она, конечно, матёрая! Но, у неё лапка – женская, миниатюрная, больше пятнадцати не вырастет. А второй – её великовозрастный медвежонок. Если ему лет около семи и он самец – то лапа, у него, выросла до пятнадцати. И по размерам и по лапам, они сравнялись. А почему-то, живут – вместе!

– А, такое бывает?

– Нет! – я категорично качаю головой, – Я в это не верю!.. Как они могли объединиться через столько лет?!. Нет! Это не реально.

– А если это – выросшие медвежата?

– Нет! – качаю я, головой, – Пять-семь лет вместе?! Тоже не реально.

Мы останавливаемся! Перед нашими глазами – утрамбованный медвежьими лапами... и боками, снег. Ровная площадка, поперечником метров в двадцать. Наш медвежий след входит в неё. Снег, на площадке, утрамбован плотно...

Я оглядываюсь вокруг – кругом беззвучно стоит белая равнина голой, речной поймы...

Боясь затоптать что-нибудь важное, мы с Олегом молча стоим на краю площадки.

– Ни-фи-га себе! – Наконец, приглушённо говорю я.

У меня всё опускается внутри.

– Дрались?! Неужели, один догнал другого и здесь, кончил?! – опустошённо думаю я, про себя.

– Вот, это да-аа! – тянет Чудаев, – Что это?!

– Не знаю...

Я продолжаю рыскать глазами по площадке: «Они, здесь, дрались?».

– Чёрт его знает! – не сходя с места отзывается Чудаев, после минутного осмотра поляны.

Осторожно ступая, я прохожу на середину «поля боя».

– Хм! Красная кровь, на белом снегу – была бы хорошо видна. Даже, капельки крови! А её, здесь – нет. И клочки шерсти – тоже остались бы, после драки...

– Саня! Они могут рвать друг друга так, чтобы не осталось ни крови, ни шерсти? – уточняет Чудаев.

– Вряд ли, – пожимаю я плечами, – Думаю, что нет.

– Тогда – что это?!

– Они, здесь... играли.

– Иг-ра-ли?! – искренне изумляется Чудаев, – Два крупных медведя! Ты говоришь «играли»!

– Если это – выросшие медвежата! – опять подвожу я разговор, к своей версии.

– Ну... как тебе сказать... – Олег откровенно не верит в мои предположения.

Мы стоим на выходном следе. С «поляны боя» медведи ушли спокойно, след в след. Шагаем и мы, по медвежьему следу, дальше...

– Саня! Помёт! – зовёт меня Олег, он, как всегда – чуть впереди меня.

Я очень этому рад. Помёт – это конкретная, цифровая информация по питанию. Чисто автоматически, я вытаскиваю свой тесак из ножен и попутно вырубая две палки-копалки. Приседаю над помётом...

– Смотри-ка! – через минуту, удивляюсь я, – Помёт – рыбный! Лизихитона совсем немного! Процентом пятнадцать, массы.

– Здесь – ещё один! – уже зовёт меня, Чудаев.

Пока я занимался первым помётом, он немного выдвинулся вперёд. Я втыкаю палки-копалки в помёт и вырубая две новые, им на замену...

– А, этот – чисто лизихитоновый! На все сто процентов!

– Почему они – разные? – озадачивается Олег, – Разных медведей?

– Думаю, что да. И ты вспомни медведицу и медвежонка – у них разные предпочтения в еде.

– Скорее сказать – вкусы у них разные, – поправляет Чудаев.

– Ну... можно и так сказать, – соглашаюсь я.

Медведи свернули с курса! В укромном закутке речной поймы, они кормились. Я насчитываю, здесь, двадцать три поковки лизихитона, на двоих.

– Саня, а лизихитон они – оба едят! – делится мыслью Олег.

– Ну! – коротко соглашаюсь я, – Вкусы вкусами, а когда рыбы мало – нужно догоняться травой. А, из травы, сейчас – только лизихитон.

– Саня, смотри! – зовёт меня, опять вырвавшийся вперёд по следу, Олег, – Он дудник в щепки разгрыз!

Шагая по медвежьим следам, я подхожу к нему. Здесь – один из медведей под корень обломал стоящую посреди белой равнины поймы, как огородный столб, сухую трубу дудника медвежьего и лёжа на снегу, грыз её...

– Хм! Как весной! – хмыкаю я, – Мы это уже проходили! Я же говорю: «Осень – это весна наоборот!».

Снежные следы медведей всё дальше уводят нас в верховья Саратовской. словно очередная пара медведей, мы тоже выстраиваемся друг за другом. Мы тоже шагаем след в след, ставя ноги в круглые отпечатки от медвежьих лап. Самостоятельно «бить дорогу» по снежной целине – слишком трудно. Снега здесь, в верховьях, много – по колено.

Но, медведь – есть медведь! Звери шагают коротко, но расстояние между правыми и левыми лапами у них – очень широкое. И нам приходится сильно раскачиваться из стороны в сторону, зависая то на правой, то на левой ноге. Правая нога, левая нога, правая...

– Да, чтоб они! – постоянно ругается Чудаев, – Полдня идём, раскорячившись, как крабы!

– Нет, Олег, – я устало улыбаюсь, одними глазами, в ответ, – Эти медведи – коротколапые и широкие, как крокодилы.

– Хватает ещё сил балагурить? – бурчит Чудаев, – Фуууу... Устал я...

– Я тоже, – говорю я, – Но, это лучше... чем ломить по целине.

– Знаю...

Мы всё шагаем и шагаем, шагаем и шагаем, по краю ольховников речной поймы. Вокруг нас постепенно разворачиваются верховья речки. Справа открываются мари, с чахлым ольховником по окраинам.

– фу-у! Надо посидеть где-нибудь, – предлагаю я, – А то – дух вон.

Оглядываясь по сторонам, я вытираю мокрый лоб рукавом своей фуфайки. Маленький перекур – и снова вперёд...

Стопоримся! Перед нами – ещё одна снежная площадка, утоптанная медвежьими лапами!

– Смотри, Сань! – Чудаев стоит посередине площадки, – Копия первой!

– Ну, – односложно соглашаюсь я, – Ни крови, ни клочков шерсти... Игралась...

– Похоже...

Мы шагаем, по следам, дальше...

Медведи круто сворачивают из речной долины вправо, под полог сырого ельника. Здесь, снега – почти нет, лишь прикрыта почва. Медведи принимаются копать лизихитон. Я принимаюсь считать их покопки...

– Тридцать восемь штук, – скоро, сообщаю я.

– На двоих? – уточняет Олег.

– Ага, – утвердительно киваю я.

Я записываю в свой дневничок покопки. И мы шагаем дальше...

– Саня, опять кормёжка!

Перед нами – опять, чёрные лунки покопок лизихитона. Шагая по медвежьим следам, мы считаем покопки...

– Здесь – сорок две! – сообщаю я напарнику, для информации.

– Ага...

– Блин! – я устало останавливаюсь на снежном следе, – По-моему, они и не собираются ложиться! Прут вверх по речке, как заведённые. Ни-чер-та им не надо!

Чуть отдохнув, просто стоя на медвежьем следе, мы снова трогаемся вперёд...

Медведи, под прямым углом вправо, сворачивают из голой, белой поймы речки, в массив хвойника.

– Да-ааа? – удивляюсь я этому, – Это – уже кое-что!

– Ага! – соглашается Олег, – Похоже, на днёвку намылились!

По хвойному лесу, мы осторожно крадёмся по следу...

Вскоре, впереди, среди сумрака буреломного пихтарника, замаячил просвет маленькой полянки. Медвежий след напрямую выходит на неё. На полянке стоит сырой ольховник. Нам, издали видны чернеющие на снегу покопки лизихитона. Мы осторожно тормозимся перед полянкой, не показываясь из густого и высокого подроста.

– Эта укромная полянка – обычная медвежья ловушка! – тихо шепчу я, обернувшись к Олегу, – Они лежат, сейчас, где-то с той стороны полянки, на границе хвойника, под пихтами и смотрят сюда.

– Угу! – кивает головой Олег, – Сторожат свой след!

Не сходя с места, мы медленно опускаемся на корточки и тщательно всматриваемся в каждую кочку на противоположной стороне полянки. Смотрим, смотрим... Ни один шорох не нарушит тишины зимнего леса...

Вдруг, Олег коротко дёргает мой рукав. Не шелохнувшись, я скашиваю в его сторону глаз – Чудаев едва шевелит губами: «Около ствола!». Я с трудом разбираю его неслышный, как шелест ветерка, шёпот. Я чуть поворачиваю лицо в нужную сторону – прямо напротив нас, через опушку, вдоль ствола граничной пихты, очень медленно, буквально по сантиметру, растёт вверх тёмная голова медведя! Поднявшись на задние лапы в свой полный рост, зверь закрывается от полянки стволом дерева...

Вот, он осторожно выглядывает из-за ствола... Буквально одним глазом! Кругом стоит абсолютная тишина. Мы стоим, скрытые подростом, совершенно тихо... Но зверь уже что-то заподозрил! Его покатые плечи и голова медленно, очень медленно, опускаются вдоль ствола пихты вниз и тонут в густом подросте...

Мы, по-прежнему стоим, не шелохнувшись...

Через несколько минут, мы видим, как далеко справа, по-зимнему округлый, взрослый медведь настороженно выходит из сумрака захламлённого пихтарника и осторожно шагает по узкой ленточке ольховника, обходя нас широким кругом, вправо. Каждую лапку он ставит на снег так осторожно и невесомо, словно под ним – тонкий лёд и он каждое мгновение рискует провалиться...

– Вот и всё! – молча просчитываю я, в голове, – В ближайшие пять минут он выйдет на свой входной след и узнает, что их тропят!

– Блин! Вот же, осторожный! – шепчу я Чудаеву, – Пошёл нас вычислять! Теперь – дело времени...

– Но, мы себя ничем не выдали! – откровенно обижается тот.

– Слух у них! – едва разлепляю я губы, – Значит, ещё раньше – нас услышал! На подходе...

– Вот же, невезуха! – расстраивается Олег.

– Ну, почему ж «невезуха»?! – уже тихим голосом, радуюсь я, – Мы – полдня их тропили! Столько нового, узнали! Пойдём, лёжку посмотрим!

– Хрум! Хрум! Хрум! Хрум! – уже не таясь, мы спокойно выходим на полянку ольховника.

На ней – переплетение кормовых набродов двух медведей. Здесь – всё «как нас учили»: тот же уход по полянке влево в процессе кормления, и скрытый проход по дуге обратно, за стволами пихт.

– Саня! Лёжка!

– Ага! – киваю я, в ответ.

Такой прекрасный обзор с лёжки! Вся полянка медвежьей кормёжки...

– Саня! – говорит Олег, – Посмотри, как классно видно! Всё – как на ладони!

Повернув к нему голову, я вижу, что он присел на медвежьей лёжке и с уровня глаз лежащего на лёжке медведя, созерцает опушку ольховника.

– Вот тебе и правило «Каждый медведь, на лёжке, сторожит свой след». Ты посмотри, какая лёжка интересная! Медведь сделал подстилку!

Медведь сгрёб мох и дёрн, себе на подстилку. По снегу тянутся три дорожки. Это он, пятясь задом, когтями передних лап, как граблями, сгрёбал с разных сторон к месту лёжки, охачки содранного мха. Я достаю из кармана своей фуфайки рулетку.

– Ты только глянь, Олеж! Толщина подстилки – семь сантиметров!

Я замеряю ширину и длину лёжки. Нужно, ещё зарисовать схему расположения лёжки. Словом, я ухожу в работу...

– Хух-xxx!

Вдруг! Громко ухнув, метрах в тридцати, с противоположной стороны нашей полянки, на махах пошёл прочь, захрустел по густому подросту, медведь!

– Блин! – вздрагиваю я.

- Медведь! – вскакивает Чудаев.
- Их же – два было! – запоздало осознаю я.
- Фу, блин... напугал... Точно, их же два было!
- Мы и забыли уже!

Мы стоим, постепенно отходя от стресса.

– Получается, что у медведей, даже подростки – спят отдельно! Они вместе бредут по лесу, вместе играют... Но, свои лёжки – они делают порознь! Вот и этот медведь услышал нас – лёжа в стороне, на своей лёжке.

- Да – и то! – говорит Чудаев, – Он выдал себя, уже отойдя вон туда, в сторону!

Мы выходим на полянку кормёжки и находим след второго медведя. Оказывается, кормясь на полянке, этот медведь напился воды, раздавив лёд на лужице когтями передней лапы. Дальше, после обычной петли метров в двадцать по густому подросту, он устроился на лёжку под крышей густого подростка, на самой границе полянки. Снега, под густыми, частыми ёлочками – нет совсем, и этот медведь вообще не стал заботиться о подстилке. С его лёжки тоже отлично виден его входной след и место, где он пил воду...

Под вечер, уставшие, но довольные, мы приходим на Саратовский кордон. Здесь нас ждёт печка, здесь тепло, здесь еда, здесь отдых...

Саратовский кордон. На следующее утро, мы напрямую переходим Саратовскую пойму на её противоположную от кордона, сторону. Снег в, так непривычно пустой и голой пойме, уже достигает колен! А, под кронами пихтарника – пока только около десяти сантиметров. Так что, передвигаться по открытым местам – нам, уже, трудно. Олег чуть впереди, я следом – мы обрезаем просторы поймы вдоль границы хвойников...

Натыкаемся на свежий, слегка присыпанный снежком, медвежий след.

- Саня! След.

- Угу, – киваю я головой, подходя к Олегу, – Крупный! Большой медведь.

Я вытаскиваю из кармана фуфайки свою рулетку и пытаюсь измерить ширину лапы медведя. Но, увы! Медведь глубоко проваливается в рыхлый снег, и кромка каждого его следа обрушивается внутрь сразу после того, как зверь вытаскивает свою ногу из этого снежного стакана.

– Примерно, четырнадцать! Или пятнадцать... Как можно замерить след в таких условиях?! – злюсь я, пряча рулетку в карман фуфайки, – Ладно. Давай, тропить так.

Выйдя из пихтарника, медведь напрямую подходит к дереву с медвежьими метками, которое стоит на границе хвойника. Я внимательно смотрю на снежные следы медведя. Они показывают мне, что он стоял на задних лапах, прижимаясь спиной к корявому стволу ели.

– Но, ведь, считается, что медведи, после окончания гона, перестают метить стволы деревьев! – озадачиваюсь я, – Гон заканчивается, максимум, в июле. А сейчас – уже середина декабря!

Я внимательно разглядываю следы медведя на снегу и ствол ели, с застрявшими между коричневыми бляшками еловой коры длинными, волнистыми волосинами...

– Да-а! Странно... Случай нестандартного поведения! Сейчас – я вижу то, чего быть не должно... Ладно. Поживём – увидим.

Этот медведь пришёл на Саратовскую с юго-запада, из обширных пространств её между-речья с соседней речкой Камышовой. Там – все низовья речек заполнены сырыми ельниками из ели Глена. Протропив след в пята километра два, мы отыскиваем его лёжку. Медведь лежал прямо на заледеневшем моховом ковре ельника, отойдя от поймы речки всего около восьмидесяти метров.

– Так! Размеры лѐжки – семьдесят на восемьдесят!.. Но лежал, он здесь – недолго! – прикидываю я, стоя над лѐжкой с рулеткой в руках, – По крайней мере, это – не ночная его лѐжка.

– Почему? – озадачивается Олег.

– Помѐтов нет! – я озираюсь по сторонам, – Ни одного! Значит – короткая.

– А-а! Ну, да, – соглашается Чудаев.

– Давай, теперь, попробуем потропить вперѐд, по следу.

– Ну, пошли! – бодро разворачивается от лѐжки, всегда страхующий меня, Чудаев...

Очень долго, медведь петляет по равнине голой поймы, вверх по речке... и заворачивает влево, в узкую ленту ольховника, сопровождающую ручей, рассекающий массивы хвойников. Упорно, словно кем-то подгоняемый, медведь идёт вперѐд, не кормясь и не отдыхая...

– Прѐт и прѐт! – коротко оборачивается ко мне, Чудаев, – Не кормится, не отдыхает!

– Ну, – соглашаюсь я, – Скорее всего, уходит на берлогу. Направление – на Саратовский борт держит!.. За всё время – ни одного помѐта! И всего две покопки лизихитона!

Если учесть, что дернистые берега этого заболоченного ручейка им, буквально нашпигованы...

– Саня! Помѐт!

– Помѐт? Ура! – радуюсь я, подходя к напарнику, – Ещё даже не подмѐрзший!

Срубив своим тесаком две палки-копалки, я приседаю над помѐтом. Чудаев, как и положено, стоит рядом с карабином, присматриваясь и прислушиваясь к лесной тишине...

– Практически весь – из кусочков лизихитона! – я поднимаю лицо вверх, – Вот, лишь несколько позвонков кеты...

– Ладно! – я прячу дневничок в карман, – Вперѐд! Труба зовѐт...

Снова, перед глазами – снежные медвежьи следы, следы, следы... Интересно шагать следом за зверем. Белая книга снега показывает каждое его движение, каждый шаг...

– Саня! – оборачивается ко мне Чудаев, – Он всё время подворачивает вправо! Почти незаметно, но если так дело дальше пойдѐт – он нас снова на Саратовку выведет!

– А нам – всё-равно! – отзываюсь я, – Лишь бы материал давал.

Так и есть! Сделав огромный круг по окрестным, равнинным лесам, медведь выводит нас обратно! Друг за другом, мы вываливаемся из густого ельника в ольховник какого-то ручья.

– Саня! – прикидывает Олег, – Это – Вилка! Другого, по размерам, ручья – здесь нет.

– Ага! – я тоже прицениваюсь к ручью, – И течѐт – в Саратовку... Это Вилка.

Дальше – зверь разворачивается и шагает прямо по гальке ручья. Он ведѐт нас вверх по Вилке.

– Олег! – осеняет меня мысль, – Он же рыбу ищет! Посмотри – он нос в ручей, то туда, то сюда суѐт.

– Ясно, – коротко кивает тот, шагая на два шага впереди меня.

Но, кеты здесь – уже давно нет! По ручью, под нашими сапогами – попадают только пустые горбы галечных, нерестовых бугров...

Снежный медвежий след выводит нас на берег ручья – здесь медведь обнюхивал пропитанный рыбной кровью снег, на месте пиршества орланов.

– Смотри! – удивляюсь я, – Орланы – кету нашли! Причѐм, живую!

– Ну, – соглашается Олег, зыря по сторонам, – Мы считаем, что рыбы нет, а медведи и орланы – всё-равно, её находят!

Так и не найдя рыбы, медведь всё дальше уходит по ручью, вверх. Между делом, в одном месте он подкрепляется лизихитоном. Но – всего пять покопок!

– Почему он лизихитон не ест? – удивляюсь я.

– Что? – не понимает Чудаев.

– Не понимаю я! – возмущаюсь я, – Он упорно ищет рыбу! Он просто тралит весь ручей! Он – голодный!.. Ну, так нажрись лизихитона! Все берега в нём! Так, нет же!

– Может, он не хочет лизихитон? Может, ему рыбу подавай! – иронизирует в ответ Чудаев, – Может, он – гурман!..

Вскоре, мне начинает казаться, что этот марафон не кончится никогда. Потеряв всякий смысл в троплении, мы, наконец решаем отвалить в обратную сторону. Тяжело переставляя ноги, по колено утопая в снегу, мы бредём вдоль ручья, назад...

На границе ельника, мы выходим к одиноко стоящему медвежьему дереву-маркеру. Это – разлапистая ель.

– Саня! След! – коротко оборачивается на меня, Чудаев, за десяток шагов до дерева.

Возле дерева, я вижу полузанесённый снегом, след медведя!

– Ага! – киваю я, подходя к дереву, – Давность – около двух суток.

Точно так же, как и наш сегодняшний «спортсмен-марафонец», этот медведь оставил на стволе дерева свою запаховую метку! Глубокие вмятины в снегу от его задних лап ясно показывают нам, что зверь тёрся о ствол спиной, стоя возле него в полный рост.

– Это – уже, очень интересно! – рассуждаю я, – Два медведя – это не один. Что-то, европейская теория не стыкуется с нашей практикой!

– Какой? – интересуется Чудаев.

– Ну... Специалисты в европейской части нашей страны пишут, что медведи перестают метить деревья сразу после гона. А гон у них – июнь! Ну, максимум, июль-месяц.

– А сейчас – декабрь! – кивает Олег.

– А медведи – всё метят! – развожу я руками, – Метят, уходя на берлоги! В середине декабря!..

Вот и поляна Саратовского кордона...

Окрестности речки Саратовская нами прочёсаны. Нужно перебазироваться. Немного отдохнув на кордоне, мы быстро собираемся в дорогу...

Мы шагаем вдоль побережья, на Тятино. Близится вечер. Но – всё кругом светло, от снежной белизны! Ветерок гонит по небу белые, слегка подсвечиваемые заходящим солнцем, облака.

Мы выходим из-за последнего перед Тятиной мыса, на «финишную прямую». Перед нами, вдоль подножья по-зимнему голой, высокой морской террасы, крутит в воздухе пируэты какая-то птица. Размерами с чайку, со светлым, почти белым брюхом и низом крыльев и серая, в крапинку, сверху.

– Саня, смотри!

– Ух, ты! Сова! Это болотная сова!

Мы стоим и смотрим... Сова мышкует. Мягко, как опахалами, взмахивая своими крыльями, птица, словно воздушный змей, шьёт в воздухе витиеватую вязь всевозможных виражей. Без резких углов, с кошачьей грацией, она – то взмывает вверх, то быстро уходит вниз, к самой земле...

Но вот, резко оборвав свой кошачий полёт, сова сваливается на крыло, словно поставленный на ребро почтовый конверт! И стремительно врзается в землю.

– Бац!

Через секунду взмыв в воздух, птица, снова мягко взмахивая опахалами своих крыльев, переваливает через гребень высокой морской террасы и уходит к хвойному лесу. Мы отрываемся от своих биноклей.

– Ну, вот! Можно поздравить её с удачной охотой.

– Ага. Мышь взяла!.. Ты видел, как она вниз упала? Она не сложила крылья, как сокол, а встала перпендикулярно земле и по воздуху, соскользнула к земле! Это у неё получилось быстрее, чем если бы она складывала крылья. Нет, ты видел?

– Ну, конечно видел, Олег! – улыбаюсь я, – Я, в бинокль, всегда всё вижу.

Крепчущий к вечеру морозец и приближающиеся сумерки, не позволяют нам долго расслабляться и мы торопливо шагаем вперёд, к речке.

Вот и устье Тятиной, перед нами. Мы бредём по снежному берегу речки чуть левее, к нашему перекату. То тут, то там, у нас под ногами алеют кровавые пятки орланьих трапез!

– Интере-есно! – тяну я на это, раздумчиво.

Сейчас, когда снега стало больше, я, у каждого кровавого пятна, вижу поволоку, которая тянется к пятну от уреза воды. А рядом с волоком – «куриные» следы орлана!

– Орланы вытаскивают рыбин из речки на берег волоком! Следы видишь?.. А я – до сих пор думал, что орлан взлетает с речки на берег, держа кетину в когтях! Оказывается, что нет!

Тятинский дом. Пятнадцатое декабря. Рано утром, своей парой, мы выходим в устье Тятиной. Быть может, удастся на медвежат-подростков посмотреть? Вчера, мы видели их следы в приустьевом участке речной поймы...

Но, нет! Всё-равно, мы пришли поздно! Около нашего брода, под косогором высокого и крутого борта речной долины, подходящего прямо к берегу речки с нашей стороны, натоптано множество свежих когтистых следов. А медведей – уже нигде нет! Значит, они здесь рыбачили ещё раньше, на рассвете.

Вот! Снежный след одного из подростков. Он ведёт от берега речки по крутому, заснеженному косогору, прямиком на верх высокой морской террасы. Я подхожу к следу...

У моих ног, на снегу, алеет икринка! Это – мы уже проходили.

– Олег! Он рыбу поймал! – оглядываюсь я на Чудаева.

– Да? – подходит тот, – Точно!

Я лезу по косогору вверх, медвежьим следом... Вот, вторая икринка! Через десяток шагов – третья... Мне понятно – один из медвежат поймал кетину и теперь, с рыбиной в зубах, ищет укромное местечко, чтобы её съесть.

Всё. Я вылезаю наверх. Здесь – широкое плато, занятое голым, заснеженным ольховником. Я шагаю, по следу...

Метрах в тридцати впереди, между стволиков голых деревьев, просматривается утоптанная площадка! словно натолкнувшись на невидимое препятствие, я замираю – впереди снег, перемазанный красной кровью, содран на середину площадки! Здесь возвышается высокий и длинный, могильный холмик. Слишком большой для рыбы, снежный холмик...

У меня всё холодеет внутри. Мне ли не знать, что это значит?!

– Щёлк. Клац!

Крутнувшись кругом, я лязгаю затвором своей пятизарядки, досылая патрон в патронник.

– Видно, подросток в этом чахломе ольховнике, где не на что залезть, был застигнут матерым медведем! – просчитываю я, не двигаясь с места и напряжённо ожидая малейшее движение вокруг.

Но, всё тихо. Тёмной медвежьей туши, среди белого, снежного ольховника, я нигде не вижу.

– Так. Значит, остатки не сторожит! – понимаю я, – Наверно, отошёл на днёвку, в хвойники.

Пригнувшись и весь напрягшись, я крадусь вперёд, к полянке, к холмику...

Осторожно выступаю на площадку. Вот и холмик! Он у моих ног. Вокруг – белый снег перемешан с алой кровью. Холмик наполовину состоит из стеблей, давно уже опавшего под снег, высокотравья. Бело-красная, полутораметровая в длину, могила из заляпанного кровью снега и полуперепревших лопухов...

Сжимая ружьё напряжёнными руками и зыря по сторонам, я опускаюсь на колени, голенищем своего раскатанного болотника на кровавый снег и коротко нюхаю кровавый бугор. В чистейшем лесном воздухе, даже человеку – не составляет особого труда уловить запах свежей рыбы.

– Рыба?! – озадачиваюсь я.

Медвежьей крови, здесь, нет – терпкий медвежий дух моему носу хорошо знаком.

– Интересно... – уже почти догадываюсь я.

Чёрным носком болотника, я решительно пинаю, разбрасываю в стороны снежный холмик – никаких останков медвежонка здесь нет! Зато – есть плавники кетины.

– Вот, блин! – облегчённо матерюсь я.

Снизу, на уровень плато, от речки выныривает голова Чудаева: «Я там, за углом посмотрел... А что тут, у тебя?»

Чудаев подходит ко мне.

– Кровищи-то сколько! – удивляется он.

– Ага! – киваю я, на холмик, – Я подумал, что здесь – труп медвежонка! Оказывается, он сюда остатки кетины закопал!.. А что? Медведей, ведь – двое! Поймав рыбину, один из них, не желая делиться с братом, убежал наверх и здесь, благополучно её съел.

– Ха! Братик!

– Ну... Но, от рыбины остались никчемные перья плавников! Не желая делиться даже этими крошками, медвежонок завалил их!

– Да-ааа! – Чудаев, в свою очередь, пинает носком чёрного болотника кроваво-белый снежный горб, – «По всем правилам воинского искусства»... Как я погляжу, у медведей в крови заваливание добычи! Для того, чтобы спрятать её от посторонних глаз. Оказывается, они с детства так делают.

– Ну, – соглашаюсь я, – Не понимаю, почему в научных кругах до сих пор пишут, что медведь заваливает добычу для того, чтобы дождаться, когда она протухнет? Все всерьёз считают, что медвежий желудок не переваривает сырое мясо и зверь подсознательно ждёт, когда оно разложится.

– Ага! – ухмыляется Чудаев, – А этот медвежонок – нечаянно захарчил свежую рыбину! А потом, всё-же решил подождать, пока кетинные плавники протухнут? Зимой и в этой куче снега!

– Точно! Это, он – не подумав, – усмехаюсь я, – Ладно. Я, сейчас, замерю этот холмик... Так! Ширина пятьдесят сантиметров, длина... сто пятьдесят! Высота... тридцать сантиметров...

Я записываю в свой полевой дневничок, информацию...

– Ладно. Пошли тропить дальше.

Мы берём след нашего подростка. Как ни в чём ни бывало, он спускается по косогору в пойму, к своему брату... Опять и опять мы раскручиваем петли медвежьих следов...

Ещё дважды, медвежата ловили кетин! И каждый раз, тот из них, кому на этот раз сопутствовала удача, с рыбиной в зубах удирал, во все лопатки, прочь. А съев рыбину, как ни в чём ни бывало, вновь возвращался к своему брату.

– Саня! – зовёт меня спереди, Чудаев.

Я догоняю его, по снежному медвежьему следу.

– Что тут, у тебя?

– Смотри! – кивает тот, на следы перед собой.

По следам на снегу я вижу, что наш подопечный вдруг, на махах бросился вперёд и выскокчил на рыбную лёжку!

– Лёжка, как лёжка, – недоумеваю я, – Пятак рыбной крови...

– Ты, следы смотри! На волок посмотри! – улыбается мне Чудаев.

– Ха! – изумляюсь я, – Лисица?! Рыбину, сюда, притащила лисица! Волоком, по снегу!
– Ага! – смеётся Олег, – Лисица ела свою кетину! А, медвежонок увидел это и прибежал!
– Ух, ты! – улыбаюсь я, – Точно!
– Ха-ха-ха! – смеётся Чудаев, – Медведь у лисицы кетину отжал! Расскажи кому – не

поверят!

– Вот это да-а! – стою я, удивлённый, – Точно! У лисицы отнял! Такого я ещё не видел!..
Обычно – всё наоборот, лисицы воруют у медведей... А, откуда кетина у лисицы?!

– Да, мало ли? – машет рукой Чудаев, – Саня, наш интерес – медведи. Не хватало ещё лисиц тропить!

– Ладно, – улыбаюсь я, – Лисиц – не будем... Пошли дальше.

Наконец, впереди нас по следу, на снегу чернеет кучка медвежьего помёта.

– Так! – прикидываю я, подходя к помёту, – Сейчас узнаем, что они едят и чем живут.

Я приседаю на корточки... Помёт – полностью рыбный! На все сто процентов. В нём нет ни одного кусочка лизихитона! Я раскрываю на колене свой дневничок и записываю состав помёта...

Пройдя не более ста метров, наши бурые братья резко сворачивают из речной поймы, на высокий склон борта речной долины. Мы лезем следом...

На краю по-зимнему голого ольховника, по следам, мы легко отыскиваем их лёжки. Две из них – свежие. И, судя по слабому протаиванию снега под медведями, короткие. Это – лёжки-днёвки...

А вот, две другие лёжки – обледеневшие, протаявшие до почвы. Они – длинные. Это ночные лёжки. Записав размеры лёжек, я зарисовываю в дневничке их расположение. И рассуждаю, присев на корточки: «Как на днёвки, так и на ночёвки, эти медведи ложатся выбирая открытые места, с хорошим обзором. Причём, располагаются они не ближе пятидесяти метров друг от друга – то есть, в пределах слышимости».

– И визуальности! – улыбается Чудаев.

Ночная лёжка одного из подростков устлана веточками бамбука! Твёрдые и гибкие как проволока, стебли бамбука – как солону травы, когтями не сгребёшь. Медведь скусывал эту «проволоку с листьями» – зубами. Рядом с лёжкой.

– А что? Молодец! – хвалю я медвежонок, присев на корточки над его лёжкой, с рулеткой в руках, – Хм! Шесть сантиметров, подстилка! Столько работы... Позаботился о себе. Молодец!

Рядом с обоими ночными лёжками чернеют помёты. Четыре штуки, на двоих. И все – рыбные...

Вниз по речной пойме, морозный ветер непрерывно гонит колючую позёмку. Над головой стоит постоянный, монотонный, костяной перестук. Я поднимаю, на звук, лицо – это стучат друг о друга, при порывах ветра, обледеневшие веточки в кронах...

Наконец, не выдержав такой «злой», как выразился Чудаев, погоды, мы резко закручиваем круг нашего маршрута в сторону нашего дома. Подгоняемые в спины позёмкой, ёжась в узенькие воротники своих ватных фуфаяк, мы молча бредём, друг за другом, домой...

Вечереет. Тягинский дом. Трещит дровами, наша спасительница печка... Отогревшись в тепле нашего дома, мы начинаем делиться своими соображениями:

– Ну и родственнички! – возмущается Чудаев, – Дружба дружбой, а жратва – врозь! Одно слово – медведи!

– Да, уж! – отзываюсь я, закрывая крышку кастрюли, – Я думал, что они не только едой делятся между собой по-братски, но и спят – тоже вместе, прижимаясь друг к другу! Вон, какая холодина, на улице!

– Ага! – скептически хмыкает в ответ, Чудаев, – Не ближе пятидесяти метров! Вот что, у них, называется «вместе».

– Дааа... Оказывается, в дикой природе никто, ни с кем и ни чем – не делится.

– Ну, – соглашается Чудаев, – В природе, каждый – сам за себя...

Колочий, зимний ветер выдувает последнее тепло из нашего жилища! Мы с Олегом всё светлое время суток авралим, производя капитальный ремонт своего дома. Пилим, подрубаем, стучим молотками, затыкаем дыры...

Тягинский дом. Сегодня восемнадцатое декабря. Утро. Зима уже полностью вступила в свои права. Мы выходим в обычный маршрут, по устью и пойме Тятиной.

Устье речки... Увы! Здесь уже всё пусто. Признаков присутствия медведей – даже не чувствуется. Похоже, что и устьевые братья-подростки тоже ушли на берлоги.

Мы выбираемся из долины Тятиной направо и по занесённой снегом многолетней медвежьей тропе, выгрбаем на Ночку.

– Здравствуй, речка Ночка! – улыбаюсь я, стоя на берегу этой речушки.

– Саня! Смотри, след! – оборачивается ко мне, Олег.

– Медведь! Вчера прошёл, – я внимательно осматриваю снежный след.

Полузанесённый снегом, след взрослого медведя! Зверь шагал с верховий Ночки, вниз по речному распадку.

– Ну-ка! Давай, по нему!

Мы шагаем рядом с медвежьим следом...

– Саня, он медвежью рыбачью тропу – знает, как облупленную! – оборачивается ко мне Чудаев, после первой сотни метров по следу.

– Почему?

– Хм! Он – повороты речки напрямую срезает, по массивам хвойников! Но – не просто напрямую режет! Он их срезает – строго по рыбачьей тропе! Но сейчас – её не видно, понимаешь? Она, вообще занесена снегом! Её нет!.. Это я её знаю! И ты её знаешь... А он шагает по снегу – строго по тропе! Ни на шаг не ошибётся...

– Ну, – соглашаюсь я, – Хм! Значит, он всю осень ходил по ней.

Вокруг нас – зимний пейзаж! Зимний, засыпанный снегом, лес! Часто по колено в снегу, мы бредём по медвежьему следу, среди стволов этого, зимнего леса.

Вот! По тропе, зверь заломил веточки с одной стороны молоденькой, метра три высотой, ёлочки.

– Смотри! – коротко киваю я, Чудаеву, – Чесался.

Я тщательно осматриваю хвойные лапки ёлочки, провожу по ним пальцами... На местах сломов веточек застряли маленькие пучки грубоволнистых, медвежьих волосин.

– Это – уже третий случай зимнего мечения стволов деревьев!

Но, пройдя по следу ещё метров тридцать, я останавливаюсь – впереди, прямо у тропы, между стволов пихт сверкает белизной свежееголённой древесины, ствол молодой ели.

– Вот это да-ааа! – открывается, у меня, рот.

– Что утворил! – открывает рот Чудаев.

– Да, уж! – крикаю я, опомнившись, – Утворил – так утворил! По полной программе!

Осторожно, чтобы ничего не затоптать, я прохожу под крону ели и прикасаюсь пальцами к свисающими вниз по истерзанному медвежьими когтями стволу узкие лоскуты коры...

Валяясь на спине под деревом, медведь, широким кольцом выкатал снег в приствольном круге. Присев на корточки, я внимательно осматриваю вытертое до почвы днище этого кольца.

– Блин! Все корни от снега оголил! – говорит из-за моего плеча, Чудаев, – Саня, смотри! Ствол покрыт льдом! А все другие стволы, что вокруг стоят – сухие, как обычно.

Меня тоже очень интересует этот лёд, на стволе дерева с медвежьими метками. И так и эдак, я осматриваю ледяной ствол.

– Это он, в снегу под стволом вывалился, а потом, перебитой снегом шкурой, тёрся о ствол, чтобы свой запах оставить. Снег-то в шкуре – тает, и пока он тёрся, ствол и покрылся коркой льда.

– Хм! – сомневается Чудаев, – Слой льда – сантиметр толщиной! Сколько же он его тёр?!

– Нуу... – озадачиваюсь я, – Наверно, долго! Чтобы такой слой нарастить...

– Это место, у корней под деревом, где медведь катался, называют каталищем, – показываю я Чудаеву, – А эти рваные раны на стволе – это медведь когтями кору срывает, стоя у ствола на задних лапах. Их называют задирами. А, вот это – закус! Его медведь сделал на стволе клыками. А место, где он тёрся спиной о ствол, чтобы оставить свой запах, называют почёсом.

– Да, я же это знаю! – смеётся Олег.

– Но, каталище – ты же не знал? – упряплюсь я, – Не знал!

Я вынимаю из кармана своей ватной фуфайки рулетку и принимаюсь снимать замеры...

Я прячу свой дневничок и задумываюсь: «Хм! Интересно»...

– Что? – скашивает на меня глаза, Чудаев.

– Мысль в голову пришла! – отзываюсь я, – Пажетнов пишет, что перед тем, как кататься по каталищу, медведь туда мочится! Я подумал, что сантиметровый слой льда на стволе – просто перебитой снегом шкурой, вряд ли сделаешь. Наверняка, он и здесь – сначала помочился под дерево, а потом вывалился в этом мокром снегу. И уже тёрся о ствол, мокрой от мочи, шкурой.

– Хм! Это другое дело! – соглашается Олег, – Просто так, только снежной шкурой, такой слой льда – ну никак не нагонишь!

– Ну, – киваю я, – Ладно. Пошли дальше.

Медвежий след ведёт нас дальше, по совершенно занесённой снегом, тропе. Я оглядываюсь, последний раз, на дерево и восхищённо качаю головой: «Ну, ты и постарался же! Медведь!».

Мы шагаем дальше, вниз по Ночке.

Вот! След нашего медведя пересекает более свежий медвежий след! Это – след подростка. После минутного раздумья, мы переходим на этот след. Он, ведь, свежее...

– Саня! – оборачивается на мгновение, Чудаев, – Помёт!

Помёт – это классно. Я срубая тесаком палки-копалки и шаг за шагом, приближаюсь к Олегу...

– Помёт – рыбный! – через минуту, разгибаюсь я над помётом.

– Угу, – кивает Чудаев, – Где он, до сих пор, рыбу достаёт?!

– Снега – почти по колено! – доходит и до моего мозга, реальное несоответствие вещей, – А он – рыбу ловит!

– Главное – он её где-то находит! В этом ручье!

Я уже устал поражаться невероятным способностям медведей ловить рыбу. Они в этом деле – не мастера, они – фокусники...

Впереди, среди частогокола стволов бамбукового пихтарника, выделяются две толстые пихты. Они растут рядом, в паре. По снежному следу медведя, мы подходим к пихтам. Наш подросток протиснулся в щель между ними!

– Никак! – пробует протиснуться, вслед за медведем, Олег, – Легче обойти!

– Тормозящая врага, бегущего по следу, ловушка! Лечь хочет! – прикидываю я, – Значит, скоро лёжка!

Мы обходим вокруг широкие стволы пихт...

Протиснувшись в узкую щель между стволами, подросток прошёлся по пригорку, покрытому буреломным пихтарником и вновь протиснувшись между сучьями горизонтально завис-

шей пихты, словно сквозь вертикальные прутья железной ограды, устроил себе лёжку по другую сторону этого частокола сучьев.

– Вон! Лёжка! – смотрит на неё, сквозь сучья, Олег.

– Ага! – киваю я, тоже глядя на лёжку, – Придётся обходить всю эту пихту... Куда короче, вправо или влево?

– Без разницы! – хмыкает Чудаев, – Ровно посередине. Давай, лучше, сюда!

– Давай!

И мы шагаем в обход, десять метров туда и десять метров обратно...

С ближайшей опушки, медведь сгрёб охапку соломы вейника и устроился на ней, прижавшись спиной к основанию ствола огромной ели...

– Так! – диктую я напарнику, – Ширина лёжки шестьдесят. Подержи конец рулетки?

Я разгибаюсь над лёжкой с рулеткой в руках и мы шагаем по следам когтистой «бороны»... Начинаем с конца борозд: «Так, держи над началом борозды». Напарник держит конец рулетки, а я шагаю в направлении лёжки. Длина рулетки кончилась – она у меня трёхметровая.

– Так! Три метра! – я черчу на снегу борозду носком болотника, – Переходи ко мне!

Рулетка опять кончается.

– Так! Шесть метров!

Чудаев переходит на новую борозду в снегу.

– И ещё два! Всего восемь!

– Запиши! – прошу я, – Солому он стаскивал, на подстилку – с восьми метров.

Возле лёжки есть один помёт... Спустя минуту, я записываю в дневничок его состав.

– Помёт рыбный! – говорю я Олегу, для информации.

– Ага! – кивает Чудаев.

Мы шагаем по следу дальше...

– Ну, медведик! – улыбаюсь я, шагая рядом с медвежьими следами.

Чему я улыбаюсь? Передо мной – медвежьи следы. Следы на снегу во всех красках показывают мне, как сегодня утром медведь, поднявшись с ночной лёжки, пустился игривыми прыжками с пригорка пихтарника, в ольховник!

– Саня! Это ещё что за галоп?! – оглядывается на меня, Чудаев.

– Это – наш медведь проснулся! – улыбаюсь я, – И устроил себе утреннюю пробежку!

– Ну, даёт! – улыбается напарник, шагая на шаг впереди...

– Ага, – киваю я головой, – Наверно, это – разминка! Мышцы размять, после ночи.

Здесь, в ольховнике, вчера под вечер, по пути на лёжку медведь подкормился лизихитином. Пройдя по одному из трёх кормовых набродов, мы считаем покопки...

– Двадцать четыре покопки! – одобрительно киваю я медведю, – Молодец! Совсем неплохо!

Но, это было вчера вечером. Это был ужин. А утренний снежный медвежий след ведёт нас через ольховник, прямым к Ночке...

Мы шагаем по медвежьему следу, который идёт уже от речушки. И наталкиваемся на лисицу! Мы замираем! Но идущая по медвежьему следу нам навстречу, рыжая пройдоха срывается с места и стремительной иноходью скрывается с глаз.

– Смотри!

– Лисица!

– А лисица – не дура! – смеётся Чудаев, – Тропила медведя от речки, как и мы!

– Тропила! – киваю я, – Только, интересы у нас – разные.

Мы шагаем, по медвежьему следу, дальше...

– Саня! Лёжка! – настороженно предупреждает Олег.

Мы осторожно приближаемся... Лёжка – рыбная. Рыжая бестия уже побывала здесь и, кроме кровавого пятна, нам ничего не достаётся!

– Вот, стерва! – злюсь я, – Как теперь узнать, оставляет медведь после себя что-нибудь или всё съедает?! Чтоб тебя разорвало!

Однако, лисичку, от моих проклятий, не разрывает! Красноречивым подтверждением этому служит вторая рыбная лёжка нашего подопечного, которая предстаёт перед моими сапогами минут через пятнадцать – такой же пустой, как и первая.

– Вот же, сука! – зло матерюсь я, озираясь вокруг, – Попадись только!

Но лисички уже нигде нет, только её следы.

– Саня! – окликает меня Чудаев, – Тут она, от нас удирая, один плавник бросила!

Унимая злость, я подхожу к Чудаеву, который носком болотника трогает перья хвостового плавника кеты. Я достаю из кармана фуфайки дневничок – на безрыбье и рак – рыба...

Дальше – мы шагаем напрямую, через заснеженный хвойник. Кругом стоят стволы елей и пихт. Обычная картина зимнего хвойного леса...

Мой натренированный глаз задерживается на одном местечке. Сделав к нему пару шагов, я сдвигаю снег своим сапогом – и моим глазам открывается «лёжечная» подстилка из соломы!

– Олег, подожди минуту! – торможу я Чудаева, – Тут – ещё лёжка!

– Да? – скорый на ногу Чудаев, не заставляет себя долго ждать, – Точно! Ночная лёжка!

– Почему?

– С подстилкой! Значит – ночная!

– Хм! Точно, – хмыкаю я, – У нас, глаз уже настолько набит, что мы и под снегом лёжки находим!

– Так! Ночная лёжка, – я внимательно оглядываюсь вокруг.

Эта лёжка расположена на границе бамбукового пихтарника и голой полянки. Медведь сделал её в основании ствола толстой ели, улёгшись со стороны леса.

– Смотри! Вот здесь, даже сквозь снег заметно, как пятясь задом, медведь сгребал с полянки солому вейника, на подстилку!

Сейчас, когда снега стало больше, да и морозец усиливается день ото дня, уже все ночные лёжки медведей имеют подстилку.

Мы шагаем дальше, вдоль Ночки на выход, к устью... Ночка – вся пуста! Рыбы нет нигде. Лишь перед самым устьем речушки, мы отыскиваем одну кетину! Долго гоняем рыбину по этим мизерным перекатикам, пока, после нескольких неудачных выстрелов, нам всё же удаётся её добыть. Вернее сказать, пристрелить. Мокрые от брызг, мы выходим на снежный берег. Эта кетина – единственная на всю Ночку! Это давит мне на совесть. Мы всегда старались не портить жизнь заповедным жителям. Увы, теперь выбирать не приходится. Мы уже больше недели сидим на пустой перловой каше...

Вот и морская ширь, перед глазами. Устье Ночки! Теперь, нам остаётся пройти пару километров вдоль побережья, до нашего Тятинского дома. И мы монотонно бредём по снежным колеям, тащим рыбину, хвостом по снежной целине...

– Олег! До чего ты докатился! – от скуки, ехидничаю я, – В речке шевельнулась одна-единственная кетина – и ту ты забомбил! Можно сказать, вырвал изо рта заповедного медведика!

– Отлично! – взрывается Чудаев, – Я сейчас нажарю себе рыбы, а ты – будешь есть свою пустую перловку!

– Ну, уж нет! – я категоричен, как никогда, – Не на того напал!

Эту проклятую, пустую перловку – точно, в горло не протолкнёшь. И, ведь действительно, кроме неё у нас ничего уже не осталось, из продуктов...

Тятинский дом. Буран. Мы штормуем уже два дня. Сильные порывы северо-западного ветра сильно сотрясают наш, совсем не маленький дом. Впервые, при метели, термометр за оконным стеклом показывает минус девять градусов.

На море шторм. Я смотрю в наше большое, фасадное окно, на океан – сквозь белую пелену сыплющегося с неба снега, там, на стальном фоне моря, повсюду белеют барашки волн. Я прислушиваюсь к завываниям ветра: «Всё! Теперь, уж точно, всё. Полевой сезон окончен. По такой погоде – и оставшиеся медведи, теперь залягут».

Но неожиданно, во второй половине циклона, всё поменялось! За нашим большим окном – оттепель! Снег перебило на дождь! Полдня, по склонам снежных сопков хлещет дождь!..

Тятинский дом. Сегодня – двадцать первое декабря. Утром, своей парой, мы выходим в лес, на работу. Снег, в пойме Тятиной, лежит слоем до сорока сантиметров. Под пихтарником его – всего около десяти. Шагать тяжело. Пробуксовывая по снегу, мы продвигаемся к началу смотровой тропы, что над Тятиной. И под первыми же пихтами, выходим на медвежий след!

– Саш! – удивляется Чудаев, – След медведя!

– Ух, ты! – радуюсь я, – Свежий!

– Двенадцать сантиметров! – сообщаю я Чудаеву, – Это наш знакомый подросток. Давай, попробуем потропить его в пята? До ночной лёжки. Где лёжки...

– Знаю! – перебивает меня Чудаев, – Где лёжки – там и помёты. Пошли!

Медведь вышел из пихтарников междуречья Тятиной и Ночки и направился к Тятиной. Мы шагаем по его следу, в обратную сторону...

– Саня, помёт! – раздаётся спокойный голос Чудаева.

– Хорошо, – я удовлетворённо киваю головой.

– На, поддержи?! – я передаю мешающее мне, сейчас, ружьё Чудаеву и с палками-копалками в руках, приседаю над помётом...

– Так! Гомогенат рыбы двадцать процентов массы. Остальное – крупные, тёмно-зелёные листья осоки. Фрагментами по шесть – восемь сантиметров.

– Но, всё-равно! – замечает Чудаев, – Мало, конечно, двадцать процентов! Но рыбу, он – ест! До сих пор!

– Да, – соглашаюсь я, – Рыбу он ест.

Мы выходим на полянку опавшего в зиму, высокотравья. Здесь, по снегу полянки, словно кто граблями поработал!

– Ну, даёт! – качаю я головой, разглядывая медвежьи следы.

Здесь медведь, своими когтистыми передними лапами, процеживал сквозь снег зелёные листья осоки! Эти зелёные листья, словно расчёсанные гребёнкой длинные, женские волосы, расправлены длинными прядями по поверхности белого снега. Всё это – вперемежку с отпечатками медвежьих лап.

– Так! – размышляю я, – Жрать, тебе – уже нечего. Раз ты, на осоку перешёл.

Мы шагаем, по медвежьему следу, дальше...

Вдоль гребня надпойменной террасы Тятиной натропил заяц. Нам с ним, пока, по пути. Я шагаю по узкой просеке нашей тропы рядом с заячьими следами и кошу на них глазом... Вот, заяц подсел к кусту актинидии. Вокруг, по снегу, насорено коротенькими огрызками её веточек.

– Хм! – удивляюсь я, прогребая по колено в снегу в раскатанных болотниках, мимо, – Надо же! На Кунашире, всё – не как везде! Здесь и зайцы – грызут актинидию, а не ивовые ветки!..

Вот, наконец и ночная лёжка медведя! Наш медведь лежал в гуще массива спелого хвойника, прижавшись спиной к стволу огромной ели, закрытый с другой стороны миниатюрным холмиком. Промерив длину и ширину лёжки, я замеряю рулеткой и высоту этого холмика:

«Сто двадцать сантиметров, высотой! Здесь, под густой и мощной кроной ели, медведь и переждал этот, последний буран!».

– Ну! – соглашается Чудаев, – Сюда, в середину этого леса и ветер, наверняка, не пробивал.

Под обширной кроной ели – снега почти нет. И медведь, о подстилке на лёжку, не заботился. Он улёгся просто на осоковую дернину. Рядом, на границе лёжки – лежат две кучки его помёта.

– Блин! – удивлённо раскрываю я глаза, на помёты – Серые! Они – рыбные!

– Откуда он рыбу берёт?! – озадачивается Чудаев, – До сих пор...

Мы шагаем по следам медведя, ведущим от ночной лёжки...

Сегодня рано утром, как стихло ненастье, наш медведь, залежавшийся на старой лёжке, отошёл метров восемьдесят в сторону и здесь, под густым подростом, досмотрел прерванный сон. Эта лёжка не имеет ни подстилки, ни помётов. Просто медведь лёг на снежок, полежал, приходя в себя ото сна, поднялся и пошёл дальше...

Шагов через тридцать, Чудаев ошарашивает меня: «Саня! Метка!». Я выглядываю из-за его спины – и тоже вижу, впереди, помеченный нашим медведем ствол дерева! Это – молодой бархат. С интересом присматриваясь в медвежьей работе, я думаю: «Маркировка перед самым залеганием в берлогу! Вот, бред! Это – какая-то дикость! В сравнении с тем, что пишут о поведении медведей наши европейские специалисты!».

Но, что бы это ни было, медведь постарался на славу! Вокруг ствола бархата снег вытерт до корней, широким кольцом – это каталище. Здесь медведь валялся. На высоте шестьдесят (это медведь стоял у ствола на всех четырёх лапах) сантиметров сделаны мощные закусы. Следы от медвежьих клыков ярко выделяются оранжево-жёлтым лубом, на фоне серой коры бархата...

– И опять – ствол льдом покрыл! – приглушённо говорит, из-за моей спины, Чудаев.

Весь ствол, до высоты ста восьмидесяти сантиметров, покрыт сантиметровой коркой льда!

– Опять о ствол тёрся перебитой снегом шкурой! Как на Ночке.

– Ну! И в моче наверняка выкатался!

– Да-да! – соглашаюсь я.

– Олег, поддержи ружьё? – прошу я, вынимая ружьё из кармана фуфайки.

– Так! – пишу я в дневничок, – Диаметр ствола бархата восемнадцать сантиметров, высота пятна почёсов составляет...

– Да-ааа! – тяну я, орудуя ружьём, – Ты, медведь, просто молодец!

Покончив с деревом, медведь решил размять мышцы. Снежные следы показывают нам, как он, во весь дух, помчался под уклон, по пихтарнику!

– Вот даёт, а! – я восхищённо качаю головой, шагая по снегу, рядом с отпечатками его длинных прыжков.

На пути медведя – баррикада из нескольких, горизонтально лежащих пихтовых стволов! Не сбавляя скорости, медведь берёт её длинным прыжком!

– Рыбкой! Не задел даже! Вот, это да-ааа! – изумляется подошедший к баррикаде Чудаев, – Что он скачет по лесу, как горный козёл?!

– Молодец! – хвалю я, медведя, – Тут высота – по грудь! А он – рыбкой! Длинным прыжком!

Всё! Наконец, медвежья пробежка закончена! Затормозив, медведь уже шагом подходит к валёжине. В недоумении, я осматриваю большое дупло, расковырянное в её борту.

– Что он в нём искал?! – не понимаю я медведя, – Какие, сейчас, насекомые?! Что его заинтересовало, в этой валёжине? Не понимаю! Хоть убей – не понимаю...

Мы шагаем по медвежьему следу, дальше...

Медведь вильнул вправо. Мы с Чудаевым обрезаем пихтарник напрямую, по гребню борта речной долины Тятиной... Вот, он, след нашего медведя! Я изумлённо смотрю на чёрные отпечатки грязных медвежьих лап на белом-белом снегу.

– Земля?!

И мгновение спустя, меня озаряет догадка: «Олег! Он берлогу делал!».

– Точно! – соглашается тот.

Взяв оружие наизготовку, мы осторожно крадёмся по хвойнику обратно, тропя нашего медведя в пятую...

Вот, впереди просматривается огромный выворотень. Грязный след медведя тянет прямым отсюда, через миниатюрную опушку. Озираясь по сторонам, мы подступаем ближе...

Под комель выворотня устроен подкоп! Чёрная, мягкая почва широким полукругом разбросана вокруг. По следам на снегу видно, что медведя здесь, сейчас – нет. Вычислив это, мы уже спокойно подходим к выворотню.

– Точно! Берлогу рыл! Смотри, сколько земли выкинул!

– Ну. Бросил. Не закончил.

– Ага. Вот, только, почему?

Моё «почему» так и остаётся без ответа. Видимо, натолкнувшись на слишком влажную, сырую почву, медведь оставил начатое. Да и сам выворотень, на проверку, оказался очень уж трухлявым. Дальше, медведь – снова прыжками, понёсся среди пихтовых стволов вниз, под гору...

На краю крутого, лесистого обрыва в речную долину Тятиной медведь коротко суётся вправо – влево.

– Он ищет – где бы спуститься к речке! – догадываюсь я.

Мы с Олегом просто знаем, что здесь везде – очень крутой и высокий склон борта речной долины. Сунувшись в одном – другом месте, медведь, наконец, спускается по очень крутому, почти отвесному, лесистому склону. Мы, почти катимся, следом...

Внизу, в пойме, он уже шагом идёт в сторону речки. Никуда не сворачивая, ни подворачивая. Напрямую!..

Речка! В этом месте бурлит глубокий и длинный перекат. Это – пустая быстрина, с бурунами и разнокалиберными валунами...

Кета, на Тятиной, уже давно встречается только в самом устье, да и то – единично. Медвежий след напрямую пересекает ровную полоску галечного берега. Мы подходим по следу, к речке...

Я вижу, что медведь, как шагал прямым к воде – так и вошёл в быстрину переката. Никуда не глянув даже!

– Хм! Во, дурак! – саркастически хмыкаю я, – Нашёл же, где рыбу ловить!

– Ну! – соглашается со мной Чудаев, – Тут, до устья – добрых два километра!

Остановившись у среза воды у последнего отпечатка когтистых лап, мы переговариваемся между собой.

– Да, мало ли дураков на свете?! Что их, среди медведей, нет? – смеётся Чудаев, – Может, он купаться прибежал.

Уж кто-кто, а мы действительно знаем, где на Тятиной можно поймать рыбу, а где её искать – просто глупо.

– Ладно! Давай тропить дальше, – решаю я, – Так! Здесь он вошёл в воду... А где выходной след? Или он – просто через речку ушёл, на ту сторону?

– Вон! – тычет пальцем влево, Чудаев, – Ниже!

Мы разворачиваемся и проходим по снежному берегу метров десять...

Вот, они, когтистые следы вышедшего из переката обратно на снег, медведя. Я стою над ними. В белом-белом, снежном отпечатке когтистой задней лапы медведя... яркой звёздочкой алеет икринка!

– Икра!!! – у меня, от изумления, отваливается челюсть.

– Икра!!! – изумлённо вторит мне, Чудаев.

Мы просто стоим и тупо смотрим себе под ноги, на вмятины от когтистых медвежьих лап, в белом снегу...

– Он рыбу поймал! – «рухает» Чудаев.

– На этом перекаате!!! – «рухаю» я.

Как, всё это, переварить нашим мозгам?!

Надо что-то делать, дальше.

– Ладно, – после паузы, говорю я, – Пошли, посмотрим.

Следы на снегу показывают нам, что медведь, от берега, нетерпеливо бросился к подножию склона. Тут – шагов двадцать. Это покрытый старым хвойником, склон. Он торопливо лезет вверх по земляному склону, ища укромное местечко. Мы лезем по его следу, тоже.

– Так и есть! Саня! – зовёт меня, вырвавшийся на пару шагов вперёд, Олег, – Рыбная лёжка!

За стволом огромной ели, растущей на крутом склоне метрах в пятнадцати над столом поймы – кровавое пятно рыбной лёжки!

– Ху! Ху! Ху!..

Запалённо дыша, я прислоняюсь плечом к коричневой, чешуйчатой колонне елового ствола. У моих ног, на алом от рыбной крови снегу, валяются грудные плавники, кишки и желудок кетины...

Съев рыбину, наш медведь снова спускается к перекаату речки. Мы шагаем по его следам...

Совершенно без разбору, медведь входит в воду. Но мы с Чудаевым – уже не смеёмся над ним, как над дураком, который лезет в воду за рыбой там, где её быть не может по определению...

– Так! – серьёзно оглядываюсь я, по сторонам, – Где его выходной след?

– Вон! Ниже! – показывает рукой ниже по речке, глазастый Чудаев.

Мы спешим к месту выхода медведя из воды...

Снежные следы показывают нам, что медведь опять спешит от речки, на крутой склон речного борта! Уже не посмеиваясь, мы бодро лезем по следу...

– Саня! Рыбная лёжка! – блестит глазами, Олег, из-за ствола толстой ели, – Здесь уже лисица натропила!

– Вторая! – констатирую я, – Где он, гад, рыбу берёт?!

На этой лёжке, незадолго до нас, уже успела побывать лисичка! Но и после неё, на алом пятаке рыбной лёжки, остались лежать желудок и кишки кетины.

– Хм! – хмыкаю я, – Лисичка – не очень-то голодная! Плавники, наверняка, съела, а кишки – не жрёт!

– Хм! – усмехается Чудаев, – Выбирает!

Наш медведь уходит от речки прочь. Нам, тропить его дальше, особого смысла нет...

Всё. Работа закончена. Расстроенные, мы бредём своей парой по снегу, берегом Тятиной. Мы шагаем на выход, в сторону устья...

– Нет, ты представляешь?! – всё горячится, размахивает руками Чудаев, – Нам – жрать нечего! Мы рыщем по речке – не можем рыбу из ружья подстрелить! Потому, что её, просто, нигде нет! Вот уже последнюю неделю – мы не видим ни одной кетины! А он – без разбору, тупо входит в воду! В любом месте! В самый пустой и никчемный перекаат! Где рыбы не может быть ни-ког-да!..

– Ну, – киваю я.

– Взял, скотина, две кетины за пять секунд! Просто, шутя!!! Как в магазин сходил! И пошёл, по своим делам, дальше!

– Ну! – хмуро соглашаюсь я, – Я всегда думал, что мы с тобой – дети природы, Тарзаны и Маугли! Что мы – самые классные рыбаки в этой части острова... Оказывается, Тарзаны и Маугли – это они.

– А, мы кто? – недоумённо разводит руки в стороны, Чудаев.

– Мы? – вздыхаю я, – Так... Две голые лягушки, у них под ногами...

